SLAVICA IUVENUM

KOLEKTIVNÍ MONOGRAFIE

EDS
SIMONA MIZEROVÁ
LUKÁŠ PLESNÍK

XXVI

Ostravská univerzita
Filozofická fakulta

Universitas Ostraviensis
Facultas Philosophica

SLAVICA IUVENUM XXVI

Kolektivní monografie

Ostrava
2025

Redakční rada:
PhDr. Simona Mizerová, Ph.D.
Mgr. Lukáš Plesník, Ph.D.

Recenzovali:
dr hab. prof. UŚ Dariusz Tkaczewski, *Uniwersytet Śląski w Katowicach*
doc. PhDr. Jan Vorel, Ph.D., *Ostravská univerzita*

© Simona Mizerová, Lukáš Plesník (eds.), 2025
© Ostravská univerzita, Filozofická fakulta, 2025
Cover © Helena Franz, 2025

Publikace je přístupná v režimu open access pod licencí CC BY-NC-ND
Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

DOI doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI

ISBN 978-80-7599-497-4 (print)
ISBN 978-80-7599-498-1 (online; pdf)

OBSAH

ÚVODNÍ SLOVO 7

LINGVISTIKA / JĘZYKOZNAWSTWO / ЛИНГВИСТИКА

Vojtěch ADAM

POJMENOVÁNÍ OSOB V RUSKÉ A ČESKÉ PRÁVNÍ TERMINOLOGII 11

Дарья АНИСИМОВА

СЕМАНТИКА СИНЕГО ЦВЕТА В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН..... 21

Tereza BOJANOVSKÁ

PSYCHOLOGICKÉ ASPEKTY UŽITÍ DEIKTICKÝCH VÝRAZŮ V ČEŠTINĚ, RUŠTINĚ A UKRAJINŠTINĚ 27

Сельби ГУРБАНОВА

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В ОРНИТОНИМАХ И МНЕМОНИКАХ 35

Kateřina HRAZDILOVÁ

АНАЛИЗ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ» 43

Robert KAJSTURA

PRASŁOWIAŃSKIE NAZWY NARZĘDZI W ZESTAWIENIU Z ICH POLSKIMI I CZESKIMI POCHODNYMI 55

Daniel KATSCHER

СЕМЬ РАЗ ‘И’ РАВНО ... [I]? О БУКВЕ ‘И’ И ВСЕХ ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЯХ В «ВВЕДЕНЇИ ВЪ ГИСТОРЇЮ ЕВРОПЕИСКУЮ» 65

Natália KOVÁČOVÁ

OD MOTORA K METAFORE: POUŽÍVANIE METAFOR ŠPORTOVÝMI KOMENTÁTORMI F1 77

Filip KUBEČEK

„NAPIŠTE NÁM NĚCO VE SVÉM NÁŘEČÍ“: K JEDNÉ Z FOREM SBĚRU DIALEKTOLOGICKÉHO MATERIÁLU POMOCÍ OBČANSKÉ VĚDY 89

Daniel ŁABUZ

ИГРА ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ С ЧЁРНЫМ ЮМОРОМ 99

Яна МИЛОСЕРДОВА

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЗЕМЛИ В МИРОВОСПРИЯТИИ СЛАВЯН 111

Анастасия ШЕЛЕСТОВА

ЖЕНСКАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЛУНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ 117

Paulina STAWARZ

NOWE NAZWY ZAWODÓW W JĘZYKU POLSKIM I SŁOWACKIM – PORÓWNANIE WEDŁUG TEORII MOTYWACJI LEKSYKALNEJ 127

Monika STENCHLÁKOVÁ

TEOLINGVISTIKA, VYMEDZENIE TERMÍNU A JEJ TRADÍCIA V POĽSKOM, RUSKOM A SLOVENSKOM JAZYKOVEDNOM PROSTREDÍ 143

Alexandr SUCHÁNEK

ČESKÝ JAZYK NA NÁHROBNÍCH KAMENECH NA KRYMU A V ČECHOHRADĚ 155

Radek ŠUTA

REGIONÁLNÍ VARIANTY ČEŠTINY Z POHLEDU STUDENTA-CIZINCE 161

Pavol VOZÁR

SYSTÉM DOPLNKOVÝCH ATRIBÚTOV FAREBNÝCH POMENOVANÍ V RUŠTINE: KATEGORIZÁCIA, PERCEPCIA A DISKURZÍVNE VYUŽITIE..... 169

LITERÁRNÍ VĚDA / LITERATUROZNAWSTWO / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андрей АНДРОСЕНКО

КАТЕГОРИЯ АБСУРДА КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ПЬЕСЕ ВАЦЛАВА ГАВЕЛА «ПРАЗДНИК В САДУ»..... 185

Анастасия АРЕФЬЕВА

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП И ЕГО РОЛЬ В РОМАНЕ «НОЧЬ» ВИКТОРА МАРТИНОВИЧА..... 195

Наталья БРАУВЕРС

ОНТОПОЭТИКА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЁВА 203

Юрий БУТРИМ

Z-ПОЭЗИЯ: КРИК ДУШИ, ИЛИ ТОНКИЙ РАСЧЁТ..... 213

София ФЕДОРЕНКО

МНОГОГРАННЫЙ РОМАН И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»..... 231

Никита РОМИКОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВА ВОСТАНИЯ МАШИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ЧАПЕКА И А. ТОЛСТОГО..... 243

Dominik VANČO

K LITERÁRNYM PODOBÁM GORAZDOVSKEJ TRADÍCIE V SÚČASNEJ SLOVENSKEJ PRÓZE 251

Maria ŻUKOWSKA

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В МЕМУАРАХ А. МОТОРОВА «ЮНЫЕ ГОДЫ МЕДБРАТА ПАРОВОЗОВА» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДОКТОРА ПАРОВОЗОВА». ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И СРАВНЕНИЕ С РОССИЙСКИМИ УЧЕБНИКАМИ ИСТОРИИ 259

TRANSLATOLOGIE / TRANSLATOLOGIA / ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Евгения ДЕМИНА

РОМАН «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР» АРТУРА КОНАН ДОЙЛЯ В ПЕРЕВОДЕ Н.А. ВОЛЖИНОЙ: АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРИГИНАЛА 273

Kornelia WARAKOMSKA

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРИ ЗАКАДРОВОМ ПЕРЕВОДЕ СЕРИАЛА *EUPHORIA* (НА РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ) 285

Krzysztof WELCEL

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ РЕАЛИЙ В ДЕТСКОЙ КНИГЕ (НА ОСНОВАНИИ «МАЛЫША НИКОЛАЯ») 295

JMENNÝ REJSTŘÍK (ZÁPIS LATINKOU) 305

JMENNÝ REJSTŘÍK (ZÁPIS CYRILICÍ) 313

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.01

ÚVODNÍ SLOVO

Kolektivní monografie Slavica iuvenum XXVI je další publikací ze série kolektivních monografií, které každoročně pod hlavičkou katedry slavistiky Filozofické fakulty Ostravské univerzity prezentují vědecké příspěvky mladých slavistek a slavistů. Také tato publikace je členěna do tří tematických bloků, tvoří ji kapitoly lingvistického, literárněvědného a translatologického zaměření.

Předložená publikace je sestavena z 28 odborných kapitol, jimž předchází Úvodní slovo editorů Simony Mizerové a Lukáše Plesníka. Autory jednotlivých vědeckých příspěvků jsou mladí slavisté z Česka, Slovenska, Polska, Ruska, Ukrajiny a Rakouska, kteří ve svých příspěvcích prezentují celou řadu zajímavých témat.

První tematický blok (s. 11–182) představuje témata z oblasti současné slovanské jazykovědné komparatistiky, je tvořen 17 kapitolami. Tyto kapitoly popisují různá lingvistická témata jak v synchronním, tak i diachronním pohledu, autoři si všímají problematiky onomastiky a sémantiky, právní terminologie, frazeologie, svoji pozornost věnují také vybraným konceptům jazykového obrazu světa a otázkám teolingvistiky (Vojtěch Adam, Дарья Анисимова, Tereza Bojanovská, Сельби Гурбанова, Kateřina Hrazdilová, Robert Kajstura, Daniel Katscher, Natália Kováčová, Filip Kubeček, Daniel Łabuz, Яна Милосердова, Анастасия Шелестова, Paulina Stawarz, Monika Stenchláková, Alexandr Suchánek, Radek Šuta, Pavol Vozár).

Druhý tematický blok (s. 185–269) popisuje vybrané otázky z oblasti literární vědy slovanských jazyků. Tento blok tvoří 8 kapitol, jejichž autoři vycházejí z velmi pestré textové skladby, tj. zkoumají literárněvědnou problematiku na příkladech textů prózy, poezie i dramatu. V kapitolách je představena problematika absurdního dramatu v díle Václava Havla nebo současný fenomén v podobě postapokalyptických románů, avšak pozornost některých autorů se upíná bezprostředně ke konkrétním literárním autorům a jejich dílům, jakými jsou např. K. Čapek, I. Gončarov nebo A. Tolstoj (Андрей Андросенко, Анастасия Арефьева, Наталья Брауверс, Юрий Бутрим, София Федоренко, Никита Ромиков, Dominik Vančo, Maria Żukowska).

Třetí tematický blok (s. 273–304) představuje vybraná témata z oblasti současné translatologie, je tvořen 3 kapitolami. První kapitola analyzuje interpretaci originálu románu A. C. Doyla *Ztracený svět* do ruštiny a češtiny, druhá kapitola je věnována problematice voiceover překladu, resp. dabingovému překladu, a to na příkladě televizního seriálu *Euphoria* z produkce HBO. Třetí kapitola popisuje otázku překladu reálií na

příkladu povídkové knihy *Le Petit Nicolas et ses voisins* do ruštiny a polštiny (Евгения Демина, Kornelia Warakomska, Krzysztof Welcel).

Kolektivní monografie Slavica iuvenum XXVI navazuje svým obsahem a tematickým zaměřením na již 25 předcházejících publikací série. Díky mladým slavistům a jejich zájmu o slovanské jazyky a literatury přináší řadu nových poznatků v oblasti současných slovanských filologií.

Editoři

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

LINGVISTIKA

/ JĘZYKOZNAWSTWO

/ ЛИНГВИСТИКА

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.02

Vojtěch ADAM

POJMENOVÁNÍ OSOB V RUSKÉ A ČESKÉ PRÁVNÍ TERMINOLOGII

Naming of Persons in Russian and Czech Legal Terminology

***Keywords**: legal terminology, persons, Russian, Czech, naming*

***Contact**: Masarykova univerzita; 475122@mail.muni.cz*

Právní terminologie je na jednu stranu velmi různorodá, neboť právo musí upravovat nejrůznější oblasti lidského života a činnosti, současně se jedná o monotónní soubor obdobných termínů (svojí formou). Tato oblast jazyka nebyla v českém prostředí příliš mnoho zkoumána (v ruském o něco více). Právě to je také impulsem k tomu, abychom se na tuto oblast detailněji zaměřili.

Z různých významových skupin termínů v právní terminologii jsou termíny označující osoby největší skupinou termínů ve zkoumaném jazykovém materiálu. Tato skutečnost je nepochybně dána tím, že většina právních vztahů má minimálně dvě, často i více osob, jež v něm vystupují. Z tohoto důvodu se pak pochopitelně objevuje násobně více pojmenování označujících právě osoby, než kolik termínů lze nalézt u jiných tematických skupin termínů. Právě touto skutečností je dána specifičnost těchto pojmenování, neboť se zde ve větší míře než v rámci jiných tematických skupin lze taktéž pozorovat syntagmatické vztahy mezi danými termíny.

Předmětem analýzy, o jejíchž výsledcích se bude psát v této kapitole, byly termíny excerpované z českého i ruského občanského zákoníku a dalších zákonů z oblasti občanského práva (celkově bylo analyzováno okolo 2000 termínů). Pojmenování osob tvoří 16 % všech termínů z analyzovaného materiálu. Pro srovnání, druhou nejpočetnější skupinou jsou pak pojmenování smluv (6,5 %) a další skupiny v nepatrně nižším zastoupení.

Provedená analýza uvedeného materiálu vychází z onomaziologickém přístupu ke zkoumání jazyka, neboť onomaziologii lze chápat jako teorii pojmenování. Jedná se o přístup založený na principu „od obsahu k formě" (označující – označované). Tímto přístupem lze například zjistit, jakými lexikálními prostředky lze vyjádřit určité předměty, emoce a tak dále (Filipec, Čermák 1985: 88–89). V našem případě se tedy snažíme

popsat, jaké typy určitých termínů (zde tedy typy dle jejich významu) se v rámci právní terminologie vyskytují a jaké prostředky jsou typické pro tvoření těchto termínů. Dané poznatky lze pak zobecnit a charakterizovat právní terminologii jako celek, vytvořit lepší představy o celém terminologickém systému pro danou oblast, přičemž daná zjištění lze využít k doplnění dosavadních znalostí o fungování jazyka v určité sféře jeho využití, přínosné mohou být kromě jazykovědců také pro překladatele a další osoby, které se s termíny z dané oblasti často setkávají.

Pojmenování osob

Pojmenování osob je velmi obecný pojem. Mezi termíny, které označují osoby, lze jednoznačně odlišit termíny označující výhradně právnické osoby (jako například *жилищный кооператив, внебуджетный фонд, акционерное общество* atd.) a termíny, které označují nějakou stranu právního závazku (např. *кредитор, должник, акционер, komanditista, společník, pojištěný* atd.). Všeobecné dělení na právnické a fyzické osoby zde není zcela přesné ani vhodné, neboť podstatná část termínů může označovat oba dané typy osob (například jako *dlužník* může v právním vztahu vystupovat fyzická osoba i právnická osoba, stejně tak *akcionářem* v akciové společnosti může být jiná právnická osoba). Pojmenování osob lze rozdělit na několik skupin (dle jejich významu), v jejichž rámci lze pozorovat určité charakteristické pojmenovací prostředky, kterými se mezi sebou vzájemně odlišují.

Významově nadřazená pojmenování

V právní terminologii se setkáváme s názvy osob obecného charakteru, které mohou být významově nadřazené pojmenováním s konkrétnějším významem. Nelze zde mluvit o hyperonymech, neboť tento paradigmatický vztah je založený na seskupovaní slov označujících rodové a druhové pojmy do hypero-hyponymických skupin.[1] Jak však vyplývá z níže uvedených příkladů, dané termíny nemají bližší významový vztah k jiným termínům, mohou v principu označovat kohokoli. Taková víceslovná opisná pojmenování označují nějakou osobu, pro níž je důležitá nějaká vlastnost či jejíž jednání je spojeno s právně důležitými okolnostmi. Jedná se například o takové termíny jako *гражданин не способный понимать значение своих действий*; *опекун доверительно управляющий имуществов подопечного*; *сторона действовавшая под влиянием существенного заблуждения*; *участник гражданских правоотношений*; *лицо, действующее с обычной осмотрительностью*; *лицо*, *находящееся под опекой* a další.

[1] Dostupné z: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2361631 (2025-04-11).

Stejně tak v češtině nacházíme pojmenování podobného charakteru, např. *strana, která byla uvedena v omyl*; *osoba jednající s běžnou mírou obezřetnosti*; *osoba přizvaná zhotovitelem ke zhotovení díla*; *osoba*, *která není schopna rozumět svému jednání*; *osoba, nad níž bylo ustanoveno poručenství* apod.

Jedná se o opisné terminologické nominace, které často připomínají polovětné konstrukce. Michal Tomášek je definuje jako jazykové šablony, které jsou charakteristické pro právní styl vyjadřování (Tomášek 1998: 43). Velká část termínů obsahujících více než dvě slova lze zařadit do této tematické skupiny termínů. Tato pojmenování mnohdy označují osobu, kterou nelze přiřadit ke konkrétnímu smluvnímu či jinému právnímu vztahu. Například *сторона действовавшая под влиянеем существенного заблуждения*, v českém právu *strana*, *která byla uvedena v omyl* – tedy osoba, která již vystupuje v nějakém právním vztahu pod jiným a konkrétním označením jako např. *kupující*, *objednatel, nájemce* atd., ale může být současně danou *osobou*, *která byla uvedena v omyl*. Podobně *лицо находящееся под опекой – osoba*, *nad níž bylo ustanoveno poručenství* může opět označovat více různých osob, které mohou být pojmenovány konkrétním názvem dle situace (*dítě*, *sirotek* apod.).

Typické je pro tyto termíny opakování týchž výrazů, především *сторона*, *лицо*, *гражданин* ve spojení s přídavnými jmény slovesnými nahrazujícími vedlejší věty (*осуществляещее*, *находящийся*, *определяющий*, *действовавший*, *действующий*, *объявивший* atd.). V češtině jim většinou odpovídají výrazy *strana* a *osoba*, které bývají spojeny buď s přídavnými jmény slovesnými (*osoba přizvaná...*, *osoba jednající...*, *správce pověřený...*, *osoba rozhodující...*, *osoba podnikající...*, *osoba poskytující...*, *osoba zbavená...* atd.), nebo s vedlejšími větami vztažnými (*osoba*, *která má...*, *držitel*, *který nabyl...*, *strana*, *která byla...* atd.).

Právě tyto opakující se uvedené formulace, na jejichž bázi jsou dané nominace tvořeny, přispívají tvrzení, že lze tento typ terminologických nominací označit za tak zvanou jazykovou šablonu v Tomáškově pojetí. Současně je nutné zařadit je do analýzy, neboť tyto opisné větné konstrukce splňují celou řadu kritérií kladených na termíny: jsou jednoznačným pojmenováním pojmu v daném oboru, jsou ustálené a jsou konvencemi oboru definovatelné (Čechová 1997: 157). Pro právní terminologii jsou navíc tyto typy terminologických konstrukcí charakteristické.

Taktéž se zde potvrzuje tendence češtiny reflektovat dané ruské výrazy a konstrukce primárně pomocí vedlejších vět, nicméně v právním jazyce není tato tendence natolik zřetelná, jako v útvarech současné spisovné češtiny, viz uvedené příklady s přídavnými jmény slovesnými, které českému právnímu jazyku nejsou natolik cizí. V češtině se v právní terminologii takové termíny vyskytují častěji (opisné konstrukce), někdy

je nacházíme v situacích, kdy v ruštině existuje jednoslovný termín, pro nějž čeština z nějakého důvodu obdobný termín nemá (například *субподрядчик – osoba přizvaná zhotovitelem ke zhotovení díla*; *заинтересованное лицо – osoba, která má na něčem zájem*; *кормилец – osoba poskytující výživné* a další). Zde se ve srovnání s ruštinou projevuje slabší tendence k nižšímu využívání slov či afixů cizího původu (právě zde tento typ opisných nominací často nacházíme), což se potvrzuje i v ostatních terminologických skupinách nominací v oblasti právní terminologie. Právě to vede k vyššímu počtu výskytů daného typu pojmenování.

Pojmenování osob ze závazkového práva

Nejrozsáhlejší skupinou termínů jsou termíny spojené primárně se závazkovým právem. Pojmenování osob lze tvořit běžně celou řadou způsobů a celou řadou slovotvorných sufixů. Ze široké škály různých sufixů běžně užívaných k tvorbě pojmenování jsou v ruské právní terminologii nejproduktivnější sufixy *-тель*, *-ик*, *-чик*, *-щик*, *-ник* (prakticky většina termínů) méně často ostatní sufixy, které se připojují ke kořeni motivujícího verba či substantiva, které je pojmenováním celého právního závazku: *фрахтование – фрахтователь* / *фрахтовщик*, *перевозка – перевозить – перевозчик*, *нанимать – наниматель*, *поручение – поручить – поручитель*, *подряд – подрядчик* atd. Podobný pojmenovací model je uplatňován i v češtině, kde nejproduktivnějšími jsou sufixy *-tel, -ce, -ík, -ník* (*zasílatelství – zasílat – zasílatel, skladování – skladovat – skladovatel*, *postoupení – postoupit – postupník* atd.). Ve všech případech se jedná o takzvaná jména činitelská nebo konatelská, jak je vymezuje Miloš Dokulil (Dokulil 1967: 14–15), což je logické, neboť jak uvádíme výše, jsou daná pojmenování odvozena od příznačných verb, případně od substantiv pojmenovávajících celý právní koncept (nezřídka však může být složité určit zcela přesně, co bylo daným motivujícím slovem).

V ruštině jsou produktivní také kompozita, například *грузоотправитель*, *чекодатель*, *залогодержатель*, *поклажедатель*, *займодавец* atd. V češtině obecně není kompozitní tvoření natolik produktivní, v ruštině je naopak velmi produktivní, a to nejen mezi termíny ze závazkového práva. V češtině mohou těmto termínům často odpovídat víceslovné termíny (*výstavce šeku*, *majitel šeku*, *zástavní věřitel* atd.). Ruština však složeniny používá velmi efektivně ještě v jiných situacích, které budou dále zmíně.

V případě termínů ze závazkového práva je velmi produktivní přejímání výrazů cizí provenience (*фактор*, *экспедитор*, *аваль*, *абалист*, *эксроу-агент*, *фрахтовщик*, *фрахтователь*, *гарант*, *принципиал*, *контрагент*, *абонент*, *депонент*, *бенефициар* apod.), u jiných termínů označujících osoby lexikální přejímání nepozorujeme

v tak velké míře jako zde. V češtině k přejímání dochází mnohem méně často, čeština má tendenci tvořit nová pojmenování z domácích základů.

Názvy osob spojené s právnickými osobami

Část termínů označuje osoby, které mají určitý vztah k právnické osobě. Daná pojmenování často určují jejich roli v dané organizaci. Nejčastěji tvoří tyto termíny dvojslovné nominace obsahující výrazy *участник*, *член* atd. ve spojení s přívlastkem neshodným, jako *участник юридического лица*, *член коллегиального органа*, *председатель корпорации*, *участник полного товарищества*, *участник акционерного общества*, *руководитель учреждения* a podobně, méně často jsou užívány další typy nominací, například ve spojení s adjektivem (*генеральный директор*, *доверительный управляющий*) nebo víceslovná předložková spojení (*полный товарищ в товариществе на вере*, *вкладчик в товариществе на вере*). V češtině je situace velmi podobná (*generální ředitel*, *předseda družstva*, *předseda představenstva*, *společník veřejné obchodní společnosti* atd.), žádné znatelné rozdíly v rámci dané skupiny mezi češtinou a ruštinou nesledujeme.

Tvoření pojmenování opačných stran závazku

Převážná část termínů označuje osobu, která vystupuje v právním vztahu v určitém postavení vůči jiné osobě. Tato osoba stojí na opačné straně daného závazku. Nejčastěji se jedná o termíny ze závazkového práva, ale i z jiných právních odvětví. V podstatě lze tyto případy označit za antonyma, neboť svým sémantickým příznakem stojí vůči sobě v opozici (Шмелёв 1997: 202–203). Nelze zcela jasně klasifikovat jako antonyma všechny potencionální termíny označující osoby v právní terminologii, nicméně v celé řadě termínů (např. *prodávající – kupující)* lze o antonymii zcela jistě hovořit.

V ruštině nacházíme celkem čtyři způsoby, kterými se rozlišují pojmenování opačné strany závazku, v češtině jsou to pak způsoby dva.

Prvním způsobem, který je uplatňován v obou jazycích, je využití různých kořenů k vyjádření opačného významu každé z obou osob. Například *кредитор* x *должник*, *истец* x *ответчик*, *поверенный* x *представляемый*, *депонент* x *бенефициар*, *продавец* x *покупатель*, *плательщик ренты* x *получатель ренты*, *подрядчик* x *заказчик* atd., podobně jako v češtině např. *odběratel* x *dodavatel*, *prodávající* x *kupující*, *zhotovitel* x *objednatel*, *odesílatel* x *příjemce* atd.

Druhým způsobem je tvoření pomocí derivace, kdy je ke kořeni motivujícího názvu právního konceptu připojen jiný sufix, případně prefix alespoň u názvu jedné ze

stran daného vztahu. Tento způsob pojmenování pozorujeme v obou jazycích, v ruštině např. *фрахтовщик* x *фрахтователь*, *страховщик* x *страхователь*, *лицензиант* x *лицензиар* x *застрахованное лицо*, *цедент* x *цессионар*, podobně v češtině *pojistitel* x *pojistník* x *pojištěný*, *skladovatel* x *ukladatel*, *půjčitel* x *vypůjčitel*, *postupitel* x *postupník*. Celkově by se dalo říci, že čeština tento způsob používá častěji a je tedy preferován. O nižší preferenci ruštiny tvořit nové názvy dokládá i Stanislav Žaža (Žaža 1999: 13), je to také dáno tím, že ruština velmi aktivně využívá další typy tvoření antonymických termínů, které se v češtině neobjevují.

Zatímco čeština se při tvorbě právních termínů označujících osoby stojící na opačné straně právního závazku omezuje pouze na předchozí dva způsoby, ruština využívá k pojmenování opačných stran závazku také kompozice, s čímž se v české právní terminologii nesetkáváme. Někdy je v případě dvojice ruských termínů kompozice využita v obou nominacích, někdy alespoň v jedné z nich. Pro srovnání uvádíme níže několik ruských kompozit a jaký způsob v daných případech volí čeština.

завещатель x *отказополучатель*	*zůstavitel* x *odkazovník*
наследодатель x *наследник*	*zůstavitel* x *dědic*
поклажедатель x *хранитель*	*ukladatel* x *skladovatel*
чекодатель x *чекодержатель*	*výstavce (šeku)* x *majitel (šeku)*
займодавец x *заемщик*	*zapůjčitel* x *vydlužitel*
ссудодатель x *ссудополучатель*	*půjčitel* x *vypůjčitel*
залогодатель x *залогодержатель*	*zástavce* x *zástavní věřitel*
арендодатель x *арендатор*	*pronajímatel / propachtovatel* x *nájemce / pachtýř*
наймодатель x *наниматель*	*pronajímatel* x *nájemce*

Jak je vidět v uvedených příkladech, čeština zde namísto kompozice využívá derivační způsob či jiný výraz, případně víceslovné pojmenování. Většina uvedených ruských kompozit tak vychází z podobného principu, kdy prvním komponentem je základ pojmenování určitého předmětu nebo právního konceptu (*залог*, *ссудо*, *груз*, *чек*, *неследствие*, *клад*, *патент*, *займ* apod.), k němuž je připojován název osoby dle charakteristického příznaku děje (*держать – держатель*, *получать – получатель*, *дать – датель*, *отправить – отправитель*). Tento způsob tvoření tzv. konverzívních lexémů je v právní terminologii praktický právě proto, že v právním vztahu vystupují často osoby, které stojí na opačné straně závazku, kdy někdo něco *dává*, druhý něco *dostává* nebo *něčím disponuje* atd. Ačkoli je kompozice produktivní v obou jazycích, ruština ji využívá ve srovnání s češtinou více (Žaža 1999: 23) a v právní terminologii pozorujeme tuto

tendenci v ještě větší míře, a to díky efektivnímu užívání daného způsobu pro tvoření termínů v ruštině.

V některých případech jsou tak ruské termíny více konkrétní, sémanticky průzračnější a snáze pochopitelné i pro ty, kdo se právem nezabývají, čehož je dosaženo právě kompozity obsahujícími výše uvedené výrazy typu *датель*, *держатель*, *получатель* atd., neboť v případě českých dvojic konverzívních pojmenování typu *postupitel* a *postupník*, *pojistitel* a *pojistník*, *zapůjčitel* a *vydlužitel* apod. nemusí být vždy bez seznámení se s právní problematikou přesný význam daného výrazu zřejmý.

V ruštině se objevuje ještě jeden způsob tvorby termínů označujících opačné strany. Jedná se o přístavkové spřežky, které jsou pro ruštinu typické především v oblasti terminologie (Žaža 1999: 24), ačkoli v analyzovaném materiále se nejedná o nijak zvláště rozsáhlý počet termínů. Jsou to termíny jako *банк-эмитент* x *банк-получатель*, *клиент-грузоотправитель* x *клиент-грузополучатель*. Tímto způsobem lze velmi jednoduše odlišit stranu závazku, v češtině však taková pojmenování v právní terminologii nenalézáme.

Pojmenování osob, které jsou blíže spojeny s jednou stranou závazku

V některých právních vztazích se mohou na jedné ze stran právního závazku objevovat další osoby, které do daného právního vztahu vstupují. Může se jednat například o osobu stojící vedle dlužníka (osoby něčím zavázané), nebo kdy jedna ze stran deleguje svá práva a povinnosti na další osobu. V ruštině je v tomto případě produktivní prefixálně derivační způsob slovotvorby. Pro osoby vstupující do právního vztahu vedle jedné z osob používá ruština prefix *со-*, např. *созалогодатель*, *созалогодержатель*, *сопоручитель*, *сонаниматель*. Čeština v obdobných situacích využívá kompozici s adverbiálním komponentem *spolu* v prepozici, například *spoluvěřitel*, *spoludlužník*, *spoluručitel*, *spolunájemce*. Dále se v právních vztazích objevuje situace, kdy je nějaká osoba v subsidiárním postavení vůči původní osobě. Ruština pro pojmenování těchto osob aktivně používá přejatý prefix *суб-*. Jedná se o termíny jako *субабонент*, *субподрядчик*, *субкомиссионер*, *субагент* apod. Čeština podobný způsob nominace téměř neuplatňuje, v analyzovaném materiálu jsme nalezli jen jeden případ, a sice termín *podnájemce*. Potvrzuje se zde opět tendence češtiny k rezervovanějšímu využívání internacionálních slovotvorných prvků. V češtině často takové termíny neexistují, neboť chybí jejich právní úprava. V některých případech jsou v češtině využívány polovětné konstrukce, např. *Osoba přizvaná zhotovitelem ke zhotovení díla* a podobně, jejichž pomocí se české právo vyhýbá využitím cizojazyčného pojmenovacího prvku.

Pojmenování právnických osob

Pro kompletnost a doplnění zde uvedeme také základní poznatky k termínům označující právnické osoby. Nebylo cílem se detailně zabývat významy a typy právnických osob. V případě této skupiny termínu je problematická již samotná rozdílná právní úprava, proto jsme se soustředili na základní charakteristické rysy. Většina těchto termínů je velmi jednotvárná bez větších rozdílů, co se formy týče. Většina termínů je utvořena pomocí výrazů jako *лицо*, *организация* (obecné a blíže nespecifikované osoby), *общество*, *товарищество*, *кооператив* (běžné typy často komerčních osob) *учреждение*, *предприятие a образование* pro organizační jednotky v rámci právnických osob či veřejné instituce a dále pak řada různorodých výrazů, kdy se jedná o jednotlivé případy. Absolutní většina termínů je dvouslovná, většinou se jedná o přívlastky shodné (*клиринговая организация*, *акционерное общество*, *селскохозяйственный кооператив* atd.), přičemž daná pojmenování většinou referují k právnímu typu, účelu činnosti osoby a tak dále. Druhým častým typem je spojení dvou substantiv v roli neshodného přívlastku (*фонд проката, товарищество собственников жилья*, *объединение работодателей* atd.), kdy se častěji jedná organizační jednotky právnických osob nebo je dané pojmenování odvozeno od účelu dané právnické osoby.

Lze ještě zmínit, že u právnických osob je produktivním také lexikální přejímání (podobně jako u osob ze závazkového práva spojeného s obchodními vztahy), uvést lze celou řadu příkladů, například *фонд*, *компания*, *кооператив*, *ассоциация*, *аффилированность*, *филиал* a další, zatímco v češtině opět platí větší rezervovanost k přejímkám.

Summary

Legal terms referring to persons are the largest group of legal terms. There are three large groups – names which are superordinate in meaning, names of parties to obligations and names of persons associated with legal persons formed by multi-word names using non-matching suffixes, and names of legal persons. Largest differences are found in the naming of the opposite sides of obligations. Russian uses composition and also prefixes in addition to the use of different roots and the use of different word-forming suffixes. Lexical adoption is also more widespread in Russian than in Czech, including some word-forming suffixes of foreign origin.

Literatura

Čechová, M. *Stylistika současné češtiny*. Jazykověda. Praha: ISV, 1997.

Daneš, F., Dokulil, M., Kuchař, F. *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Praha: Academia, 1967.

Filipec, J., Čermák, F. *Česká lexikologie*. Praha: Academia, 1985.

Tomášek, M. *Překlad v právní praxi*. Praha: Linde, 1998.

Žaža, S. *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno: Masarykova univerzita, 1999.

Николаевич, Ш.Д. *Современный русский язык*: *Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.

Шмелёв, Н.Д. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.

Elektronické zdroje

Васильева, Н.В. *Гипонимúя*. Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2361631 (2025-04-11).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.03

Дарья АНИСИМОВА

СЕМАНТИКА СИНЕГО ЦВЕТА В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

Semantics of Blue Colour in Slavic Language and Culture

***Keywords**: blue, colouronym, culture, Slavic languages, Russian vernaculars*

***Contact**: независимый исследователь; dashaanisimova335@mail.ru*

В языке и культуре славян цвет является элементом, при помощи которого создаётся модель мира. Здесь цвет приобретает символические характеристики, дополняет ими объекты, явление и предметы, отделяемы друг от друга только абстракцией.

По словарю М. Фасмера лексема *синий* является по происхождению общеславянской, находит своё отражение во всех славянских языках и реализует значение ‘сероватый, синий’. Отмечается родство с такими лексемами, как ‘сиять’ или ‘сивый’, например, в лит. syvas ‘светлая масть’. Синий восходит к др.-инд. čyāmás ‘тёмный, чёрный’, в лит. semas ‘пепельного цвета, сероватый’. На раннем этапе не различаются чёрный и синий цвета, это можно наблюдать на примере народных костюмов или предметах, явлениях: ***синя*** *яко сажа* (Фасмер 1996: 624).

В литературе XI в. *синий* во многих случаях ещё передаёт значение просто тёмного цвета, так как в древнерусский период этому цветовому эпитету было свойственно недифференцированное обозначение тёмной части спектра. Изучая памятники этого периода, Н.Б. Бахилина отмечает соотнесённость по одним признакам с белым цветом и светом (сиять), по другим – ассоциируется с тёмным, чёрным или серым цветом, лишённым прозрачности. Группа синего цвета представляется только цветообозначением *синий*, которое в древнерусском языке, как и в более поздние эпохи истории русского языка, имело значения (Бахилина 1975: 35–37):

1) объекты и явления природы: моря, водные источники, небо, облака, молния, тучи, мгла, пламя, свет, камни – в том числе драгоценные, глина, трава, лёд: ***на синемъ*** *море,* ***синего*** *Дону,* ***синии*** *молнии,* здесь реализуется значение сияния, блеска;

2) внешность человека (бледного или умершего), оттенки кожи, темнокожие народы;

3) одежда, ткани, утварь и пр.;

4) бес, демон, чёрт – *синец*.

В.С. Фомина приводит интересные примеры: синий огонь ‘адский’ – синее ухание ‘приятный запах’, синий кафтан ‘риза царская синего цвета’. Например, в болгарском языке сочетание ***синя*** *кръв* имеет значение ‘благородных, голубых кровей’, а фразеологизм *ставам* ***син-зелен*** (разг.) обозначает ‘бледнеть от гнева и ярости’, соотносится с русским вариантом ‘зеленеть от злости’ (Фомина 1994: 230–231).

С.В. Кезина в своих работах отмечает название мастей лошадей ‘сивый’ и ‘чалый’. В болгарском языке сив – ‘невзрачный, не впечатляющий, неинтересный, грустный’. В русских пословицах сохранена оценочная семантика цветообозначения чалый: «Одно чадо, да и то чало». Чалый здесь – ‘хилый’, ‘невзрачный’, ‘чахлый’ (Кезина 2013: 361–367).

Р.А. Агеева обращает внимание на лексему *сизый* как заменитель синего цвета, которым наделены голуби, орёл сизокрылый (сизокамский), сизое воронье крыло, сизый бобр (с ним по цвету сравнивают ресницы девушки), сивая свинья и сивенькие поросяточки, данное выражение используется в шуточной былине (Агеева 2019: 257–259).

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» колороним *синий* выступает как космический элемент, что подтверждается сербской легендой: четыре быка держат землю, где синий олицетворяет южную сторону света. Например, у болгар есть представление о цветных ветрах: западный ветер называют ирни ветар или черен вятър, а юго-восточный – сини ветар, синоморац.

В славянских поверьях синий цвет соотносится с «тем светом» или с нечистой силой, которая является атрибутом чужого пространства. Как и чёрный цвет, синий ассоциируется со смертью и трауром, так в Полесье не допускается украшать свадебный стол тканями этих цветов. Например, болгары считают, что в детской одежде необходимо избегать синий цвет для того, чтобы жизнь ребёнка не была мрачной.

Изучая легенды русского севера, исследователи отмечают, что леший представлялся синим или с синей кровью, а русалки и богинки изображаются с синими лицами. Существует поверье на Урале, где подземный дух известен как «девка Синюшка». В сказах П.П. Бажова упоминается предание о Синюшкином колодце,

которое было записано Б. Рябининым в Полевском районе: «Там, где залегают медные руды, в сырую погоду обычно появляется синеватый туман. Вязкий, тяжёлый, медленно стелется он по поверхности земли. Отсюда, надо по лагать, и родилось это прозвище: “Синюшкин”» (Рябинин 1985: 325).

Синий цвет является одним из оберегов в магии и медицине славян. Болгары, чтобы излечить ребёнка от болезни синитка, повязывали синие нитки на его запястье. Также существует поверье, что сглазить могут синие очи, поэтому люди надевали на себя синее ожерелье. Жители русского Заонежья считают, что признаком сглаза, порчи являются бледность и синева ребёнка.

Предполагается, что синий цвет является признаком богатства, так по поверьям, пойманная змея должна показать синие ноги. Сербы верят, что преобладание синего цвета в радуге означает увеличение доходов, а некоторые регионы считают, что тот, кто найдёт синий папоротник, обретёт счастье и богатство.

В истории русской бытовой культуры синий цвет занимает особое место. Однако лексем, обозначающих этот цвет было значительно меньше, чем слов с красным, жёлтым или зелёным оттенками.

При изучении фольклорных памятников отмечаются магические свойства синего цвета, в основном в отношении с водой, в которой таятся злые, враждебные силы, данная стихия была связана со смертью и загробным миром. Например, существует легенда о боязни Ивана Грозного людей с синими глазами, считая, что такой человек обладает большой магической силой и поэтому может сглазить. А у южных славян синеглазый человек обладал способностью лечить некоторые болезни (Толстой 1995).

Л. Раденкович пишет: «Синий цвет ассоциируется с небесным пространством (с пустотой) и морем. Поле его употребления достаточно узко не только в заговорах, но и в народной поэзии: по подсчётам в болгарских народных песнях синий цвет по широте использования находится на последнем месте (…). В белорусских текстах из 121 упоминания синего цвета 92 приходится на словосочетание синее море, куда обычно изгоняется нечистая сила или где находятся хтонические персонажи заговоров» (Раденкович 1989: 138).

В «Словаре русских народных говоров» отмечается прилагательное синий, которое входит в состав терминологических сочетаний, и выступает в таких значениях:

– синий. Василечик мой, **синь-багровенький**, Ой ляле, ляле **синъ-багровенький** (песня). Синь-синеть. Очень сильно выделяться своим синим цветом. **Синь-синеют** цветы на лугу.

– синяя одежда. Праздничная нарядная одежда. Старики, бывало, **синюю одежду** только в свят день до обеда одевали.

– окрашенный в любой цвет (об одежде). Мама, ты **сине-то** хоть выстирай, а я бело-то сама постираю. Портна-то с одной стороны белы, а с другой **сини**.

– синий мак.

– синяя туча, т.е. дождевая туча. Белая туча, дожидаем грозу, а **синяя туча** – дождик должен быт;

– синее болото. В заговоре: «Пресвятая Богородица сходит от престола, снимает с раба Божия болезнь, отсылает по лесам, по **синим болотам**».

– синий мех, т.е. некачественный беличий мех.

– в названиях медного купороса. Синий камень. Через **синий камень** и известку гонят водку; Синий камень – такой прямо **камушек синий-синий**.

– в названиях птиц. Синий воробей. Синь ворон. фольк. Увидел на дубу **синя ворона**. Синяя сорока. Синяя муха. А также такие лексемы, как синечка, синешалий, синешейка, синиголка,, синик, синика.

– сорт картофеля с клубнями синеватого цвета. У нас разных сортов картошка: берлинка и **синяя**, и роза.

– название растений: синяя трава, синий цветок (цикорий), синий лук, синяя голова (сорт брюквы), синий зверобой.

Отмечаются и такие значения, как ‘скупой, жадный’, ‘грязный, запачканный’: Пол-то **синей** такой. По-прежнему **синей**, дак **грязной**. Стираю-стираю, не могу отстирать, все эко **сине**. В значении ‘очень мало, со всем немного’: на **синий** ноготь; ‘ничего не делать, бездельничать’: не браться ни за **синюю воду**, ходит, как лында, ни за **синюю воду** не берётся; ‘не просто так, а заслуженно’: не за **синие щеки**. Также в значение сущ. ‘синяк, кровоподтёк’: подпорой ударила, **синее** было; **синее** хотела показать врачу.

Синь-горюч-камень (фольк.) Уж вы горы Воробьевы, вспородили горы **синь-горюч-камень**. Так, например, в тверских говорах есть толкование наименования синий камень: У **Синего камня** – это место, куда ложиться можно, большой обычный беловатый валун, с проблёздочками (СРНГ 1965: 329–331).

Исследование оценочной семантики цветообозначений синий в славянских языках позволяет сделать следующие выводы. Прилагательное синий имеет сложную семантическую структуру, в языке и культуре славян колороним соотносится с природными явлениями, с внешностью человека, одеждой и бытом. В говорах сохраняются архаичные значения: ‘сверкающий, блестящий’, ‘чёрный цвет с блеском’, ‘тёмный, тусклый, лишенный блеска, сияния’, ‘тёмно-серый, цвета свинца’, ‘имеющий гематомы, кровоподтёки, синяки и увечья’.

Summary

The chapter deals with the linguocultural phenomenon of blue colour in the language and culture of Slavs. It notes the complex semantic structure of this colour denotation in the ethnolinguistic aspect, as well as the archaic character of the lexeme in Russian folk colloquialisms mainly in the meanings ‘glittering, shining’, ‘black, dark, dim’.

Литература

Агеева, Р.А. *Камень и горы в народной культуре.* Москва: «ИП Астапов», 2019.

Бахилина, Н.Б. *История цветообозначений в современном русском языке.* Москва: Наука, 1975.

Кезина, С.В. Оценочность цветолексем и её актуализация в славянских языках. *Российский гуманитарный журнал*. 2013 (2/4), с. 361–367.

Никулина, Т.Е. *Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора*. Диссертация кандидата филологических наук. Москва, 1989.

Раденкович, Л. Символика цвета в славянских заговорах. In: Толстой, Н.И. (отв. ред.) *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. Москва: Наука, 1989, с. 122–148.

Рябинин, Б.С. *Ушедшее – живущее: Книга воспоминаний*. Москва: Советский писатель, 1985.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Т. 37. Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение; Академия наук СССР, Институт русского языка, 1965.

Толстой, Н.И. (ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Том 1.* Москва: Институт славяноведения РАН, 1995.

Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Азбука, 1996.

Фомина, В.С. *Семантика цветообозначений как объект исследования и изучения.* In: Тезисы докладов и сообщений IV Международного симпозиума по лингвострановедению, 31 января – 4 февраля 1994 г. Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1994, с. 230–231.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.04

Tereza BOJANOVSKÁ

PSYCHOLOGICKÉ ASPEKTY UŽITÍ DEIKTICKÝCH VÝRAZŮ V ČEŠTINĚ, RUŠTINĚ A UKRAJINŠTINĚ

Psychological Aspects of Using Deictic Terms in Contemporary Czech, Russian and Ukrainian

***Keywords**: pragmatic linguistics, deixis, deictic terms, psychology, Slavonic languages, speech acts, Czech, Russian, Ukrainian*

***Contact**: Masarykova univerzita; bojanovska@mail.muni.cz*

Psychický stav člověka se projevuje v každé oblasti jeho života, komunikaci nevyjímaje. Problematika jazyka a myšlení dodnes fascinuje mnoho odborníků, ale i laickou veřejnost. V podstatě každý dokáže zvládnout a používat nesmírně složitý lingvistický systém, což stále patří mezi základní hádanky lidské psychologie (Atkinson 2003: 306). Každá výpověď, ať už v ústní či písemné podobě, je nějak motivována, každý mluvní akt má určité cíle. Uživatelé jazyka do svých replik intonací hlasu, volbou lexikálních jednotek i větnou skladbou promítají nejen své momentální psychické rozpoložení, ale do jisté míry i charakterové vlastnosti. Tato skutečnost se dotýká i užití výrazů deiktických. Předkládaný text se věnuje otázce psychologických aspektů užití deiktik, které představují oblast tradičně zkoumanou na rozhraní sémantiky a pragmatiky. V současném zkoumání je deixe považována za jednu z nejdůležitějších oblastí zkoumaných lingvisty (Кашлева 2015).

Abychom se dobře orientovali v problematice, je třeba na úvod vysvětlit několik pojmů. V případě deixe i reference se jedná o ukazování a odkazování k jednotlivým komponentům aktuální komunikační situace, resp. kontextu v širším smyslu slova. Toto odkazování a ukazování je realizováno s pomocí určitých lexikálních jednotek a také gramatických znaků. V současné jazykovědě je tímto termínem označována funkce demonstrativ, personálií, některých adverbií, některých dalších gramatických znaků a jazykových jednotek, které souvisí s místem a časem komunikační situace (Азиева 2007). Užití těchto znaků a jednotek dále souvisí s pojmy, které zavedl jeden z největších teoretiků deixe, Karl Bühler, a jsou to: *origo, deiktické centrum, referenční bod. Origo* K. Bühler definoval jako „Koordinatenausgangspunkt“ (východisko koordinát) a tento bod (zdroj a východisko) je charakterizován tím, že stanoví reference indexů *zde, teď a já*;

ostatní koordináty se vztahují k těmto základním referentům (Hirschová 2017 in Karlík ed.). K. Bühler dále pracuje s teorií dvou polí, která jsou reprezentována dvěma různými skupinami slov – ukazujícími a pojmenovávajícími.

Význam deiktických výrazů je určován referenčním rámcem ukazování, kdežto význam slov symbolických, která pojmenovávají, je určen jejich vztahem k dalším lingvistickým jednotkám v jazyce uživatelovy jazykové znalosti a/nebo při použití jazyka. Deiktická slova jsou pak soustředěna v *Das Zeigfeld* neboli deiktickém poli, které představuje fyzický nebo verbální kontext konkrétní promluvy. Oproti tomu stojí *Das Symbolfeld* čili pole symbolické – tvořené symbolickými výrazy, které K. Bühler dále definuje jako sémantickou oblast lingvistických výrazů a které by dnešní moderní lingvistika charakterizovala asi jako síť symbolů reprezentující naši lexikální znalost (Diessel 2014). Vše, co spadá do lingvistické deixe patří k sobě, jelikož význam je naplňován a definován v deiktickém poli jazyka, ne v symbolickém. Naplnění významu může proběhnout pouze tehdy, když deixe existuje v deiktickém poli. V jazyce existuje jen jedno deiktické pole a jeho cílem je ukázat, jak je význam deiktického slova naplněn v souvislosti se senzorickými deiktickými ukazateli, jak moc na těchto ukazatelích naplnění významu závisí (Bühler 2011: 94).

Základní jednotkou komunikace je řečový akt (speech act), který má svou typologii a strukturu. Teorie řečových aktů vznikla v 60. letech 20. století v rámci myšlení analytické filosofie a jejím zakladatelem je J. Austen. Teorie byla dále rozvinuta představiteli *Oxfordské školy*. Výpověď je chápána jako realizace určitého chování uskutečňovaného řečí s cílem dosáhnout mluvčím zamýšleného efektu na adresáta v konkrétní komunikační situaci. Celá komunikace je pak výměna řetězce řečových aktů, což souvisí i s pravidelným střídáním role mluvčího a adresáta v rámci komunikační situace (Норман 2009: 8).

Řečový akt můžeme rozdělit na tři části – lokuci (pronesení smysluplné výpovědi, která není gramaticky a foneticky defektní, má význam a potenciální referenci), ilokuci (komunikační síla) a perlokuci (působení na adresáta). Hranici mezi jednotlivými řečovými akty představuje výměna komunikační síly (ilokuce), která je též funkcí výpovědi (O'Keeffe 2011: 85). Vyplývá z komunikačního záměru mluvčího – slib, prosba, omluva, rada, kompliment, kritika, dotaz či vtip (Grepl 2017: online). Zajímavostí je, že právě problematice omluv se věnovala německá výzkumnice Renate Rathmayr, která na základě ruského materiálu sepsala knihu Прагматика извинения (Норман 2009: 8).

Ať už komunikace probíhá v písemné či ústní formě, vždy jsou přítomni dva základní komunikanti – mluvčí a adresát (popř. autor textu a čtenář). Neexistuje výrok, který by nebyl někomu adresován (i když mluvíme sami se sebou – *druhé já*). V rámci

ústní formy komunikace je přítomna práce s intonací. V písemné komunikaci je stěžejnější pořádek slov, volba lexikálních jednotek a gramatických znaků. Samozřejmě, ne vždy komunikant přímo pojmenovává skutečnosti a využívá ukazování a odkazování k jednotlivým komponentům komunikační situace – deixi (z řec. *deiktikos* – ukazovat prstem) (O'Keeffe 2011: 37). Toto ukazování a odkazování je možné pomocí užití deiktických slov (deiktik) a některých gramatických znaků. Problematika deixe a deiktických slov je oblastí tradičně zkoumanou na rozhraní sémantiky a pragmatiky (Кашлева 2015). Standartně rozlišujeme následující druhy deixe: personální (osobní), místní (prostorová), časová (temporální), textová (diskurzivní), sociální, emfatická (zdůrazňující) (O'Keeffe 2011: 45–47).

Psychologické aspekty užití deiktik se projevují ve všech uvedených typech deixe. Už jen samotná přítomnost účastníků komunikačního aktu ovlivňuje průběh komunikace, včetně výběru tématu a výběru jazykových jednotek (i deiktických výrazů). B. A. Uspenskij dělí pozici vypravěče na ideologickou, frazeologickou, prostorovou, časovou a psychologickou (Цюй 2021). Pokud je mluvčí osobně zainteresován entitou, situací nebo místem, ke kterému referuje, anebo se identifikuje s názorem a perspektivou adresáta, dochází k emfatické (zdůrazňující) deixi. Tento typ deixe poprvé popisuje Lyons (1977) na základě toho, jakým způsobem mluvčí volí mezi výrazy *toto*, *tohle*, *to*, *tamto*; *zde*, *tam*; *nyní*, *pak*. U emfatické deixe dochází k preferenci výrazů *toto*, *tohle* před *to*, *tamto*, *zde* před *tam*, *nyní* před *pak*. Rühlemann uvádí, že emfatická deixe zahrnuje preferenci deiktických výrazů, které jsou charakteristické blízkostí (doslovnou nebo metaforickou) k deiktickému origu (O'Keeffe 2011: 56).

Vycházíme z toho, že základní komunikační situace se odehrává v rámci schématu *já-teď-tady* (egocentrizmus). Jedná se o prototypní komunikační situaci, o které hovoří již zmiňovaný K. Bühler. Je to mluvčí, kdo si vybírá posluchače, místo a čas komunikace. Mluvčí má komunikační cíl. Tím, jak se role mluvčího a adresáta v průběhu situace mění, oba účastníci se snaží dosáhnout svých komunikačních cílů a kýženého efektu jeden na druhého. Jedná se o charakteristické komunikační chování.

Chování v rámci komunikace můžeme rozdělit na konvenční a nekonvenční, kdy konvenční představuje chování, které je v souladu s obecně přijatými pravidly. Nekonvenční je propojeno s individualitou každého člověka, se specifiky jeho osobnosti. Rozličný soubor konvenčních a nekonvenčních projevů souvisí s řečovou etiketou a národnostní příslušností (formy pozdravu, loučení, formulace omluvy či prosby). V rámci komunikace a charakteristiky komunikantů je též nutné zohlednit společenský status, který hraje důležitou roli a ovlivňuje charakter a průběh komunikace (Římalová Saicová 2014: 32). Nejvíce se projevuje příslušnost komunikantů ke společenské skupině, markantně

se projevuje věk, dále pak profese. Společenský status může být stálý, dočasný, připsaný či získaný (Hozová 2019: 37).

Ačkoliv se psychický stav člověka, jeho charakter i společenský status projevují ve všechny typech deixe (např. s použitím důraznější intonace hlasu, posunem deiktického výrazu na začátek věty, důrazem na konkrétní osobu s užitím personálií), nejznatelněji je přítomen v užití emfatické deixe. Možnými prostředky pro rozeznání psychického rozpoložení mluvčího jsou zájmena (pronomen) ležící v centru deiktických slov. Zdůraznění určité osoby pomocí opakování personálií, zdůraznění demonstrativa intonací hlasu nebo posun tohoto výrazu na začátek věty svědčí o postoji mluvčího a jeho komunikačním záměru. V češtině má významnou roli demonstrativum *to*. Nejenže je velmi často užívané (a to i ve výpovědích, kdy v ukrajinštině a ruštině demonstrativum užito není), ale má do jisté míry funkci konkretizující, podobně jako určitý člen *the* v angličtině (Cvrček 2015: 262). Běžně se také demonstrativa v češtině, zejména pak *to*, používají pro referenci k osobám, objektům či skutečnostem, které mluvčí záměrně nechce nebo nemůže v rámci komunikační situace přímo pojmenovat.

Mezi deiktické výrazy dále patří adverbia, prostá i komplexní, ve kterých se psychologické aspekty mluvčího projevují podobným způsobem jako u zájmen. Vyjádření časové posloupnosti/návaznosti může být smíšeno s dalšími sémantikami, např. nenadálostí, dlouhodobostí, stálostí, přerušovaností, aj. Ve zkoumaných slovanských jazycích adverbia a adverbiální slovní spojení s těmito sémantikami hrají důležitou roli, protože dovolují transformaci rytmu vyprávění – umírnění rytmus (rus. долго, часто, редко; čes. dlouho, často, zřídka / málokdy; ukr. довго, часто, рідко), dynamika děje (rus. вдруг, неожидано; čes. náhle, nečekaně; ukr. раптово, неочікувано) (Цюй 2021).

Dále je možné v češtině, ruštině i ukrajinštině využít částic (partikule) sloužících ke jistému „zabarvení“ (např. zdůraznění) slov, ke kterým se vážou. V ukrajinštině rozlišujeme následující typy částic: utvářející formu (používají se pro utváření forem sloves, např. podmiňovacího způsobu – хай, нехай, бодай), slovotvorné (slouží k tvorbě slov, např. záporné ні k tvorbě záporných zájmen – (ніхто, ніщо, ніякий, нічий, нікотрий, ніскільки; dále sem řadíme částice аби, де, чи, що, як, будь, небудь, казна, хтозна a další) a frázové / modální (dávají samostatnému slovu ve větě nebo větě celé dodatečný odstín) (Плющ 2010: 311–312). Modální částice v ukrajinštině dále dělíme na následující podskupiny: potvrzující (так, авжеж, аякже, еге ж), záporné (не, ні), tázací (чи, хіба, невже), přací (ну, а ну, хоч би), ukazovací (це, оце, ось, ото), omezující (тільки, лише, лиш, саме, якраз, навіть, хоч би), vlastní modální (мов, ледве чи, мовби, ніби, нібито, навряд чи), zvolací (що за, як). Jednotlivé částice slouží k zesílení charakteristik i dějů – zesilující částice (а, аж, адже, же (ж), -таки, -бо, -но, -то) (Плющ 2010: 312–313).

V ruštině rozlišujeme částice podle postavení ve větě na tři skupiny: částice stojící před slovem, ke kterému se vztahují, částice stojící za slovem, ke kterému se vztahují a částice vyjadřující obecný ráz věty (nejsou vázané na konkrétní místo). Podle funkce můžeme částice dále dělit na obsahové a citové, kdy obsahové se jeví být nejpočetnější skupinou. Náleží k nim podskupiny částic přisvědčujících (да, так), záporných (не, ни, нет), tázacích (да, ну, неужели, разве), zdůrazňujících (именно, как раз, приблизительно), omezujících (единственно, лишь, разве), zesilujících/vytýkajících (даже, же, и), modálních (бы, ну, авось, вряд ли, едва ли) a částic označujících cizích mínění (мол, де, дескать) (Leška 1961: 466–477).

Podle významu v češtině dělíme částice na postojové (modální), pocitové (emocionální), hodnotící (evaluační), zesilující (intenzifikační) a částice členící text. Postojové částice můžeme dále dělit na veritativní, volní a výrazové (Cvrček 2015: 349).

Veritativní vyjadřují vztah mluvčího ke skutečnosti vyjádřené výpovědí z hlediska stupně její platnosti. Patří sem částice vyjadřující stupeň jistoty či pravdivosti – *doopravdy*, *nesporně*, *fakt*, *jistě*, *snad*, *sotva*, *určitě*, *vážně* a částice vyjadřující míru pochybnosti – *asi, jasně*, *možná*, *nejspíš*, *nepochybně*, *rozhodně*, *spíš.* V otázce se s funkcí ověřování objevují částice *co*, *jo*, *ne*, *viď*, *že.* Změnu platnosti vyjadřují částice *respektive*, *takříkajíc*, *víceméně*, *konečně*, *eventuálně*, *přirozeně*, *naopak.* Volní, nebo též voluntativní, částice vyjadřují projev vůle mluvčího. Do této kategorie patří rozkaz (*ať*, *nuže*, *no*, *jen*, *nechť*), dovolení, přání (*ať*, *kdyby*, *kéž*, *nechť*), rada (*kdyby radši*, *raději*) a lhostejnost (*dejme tomu*, *například*, *řekněme*, *třeba*). Výrazové, též expresivní částice vyjadřují názor mluvčího na obsah výpovědi, jeho postoj – *namouduši*, *vůbec*, *nakonec*, *prostě*, *zkrátka*, *koneckonců* (Cvrček 2015: 349–350).

Emocionální částice vyjadřují širokou škálu subjektivních vztahů mluvčího k obsahu výpovědi nebo jiné složce komunikace. Může to být radost, uspokojení (naštěstí, bohudík), zklamání a lítost (bohužel, naneštěstí), úleva či obava (ještě že, aby), důvěra (však). Evaluační částice signalizují hodnocení obsahu výpovědi mluvčím mezi póly dobře a špatně, přičemž hodnocenou vlastností může být úspěšnost, vhodnost, uspokojivost, příjemnost, (ne)očekávanost, oprávněnost, aj. Pro příklad můžeme uvést částice *chválabohu*, *ovšem*, *přece*, *už* / *již*, *vždyť* (Cvrček 2015: 350–351).

Intenzifikační částice zesilují nebo oslabují intenzitu nějaké vlastnosti. Mají proto velmi blízko k měrovým adverbiím. Do této kategorie patří *dost*, *hodně*, *nadmíru*, *nanejvýš*, *příliš*, *úplně*, *velice*, *velmi*, *zcela* pro vyšší intenzitu a naopak *poněkud*, *málo*, *krapet*, *celkem* pro nízkou míru vlastnosti. Částice, které člení text jsou specifickým typem tohoto slovního druhu. Signalizují hlavně začátek promluvy, vnitřní strukturaci informací

nebo slouží jako „výplňkové“ slovo, které dává mluvčímu čas se rozmyslet nad další formulací (Cvrček 2015: 351).

Uvedené částice ve studovaných jazycích bylo a je možné užívat v kombinaci s deiktiky a projevovat tak různé odstíny výpovědi. V češtině a v ruštině např. Copak on nepřijel? - Разве он не приехал?; Je možné, že je to pravda? - Неужели это правда?; Dědeček neuměl dokonce ani číst. - Дедушка не умел даже читать. V prvních dvou případech částice разве, неужели vyznačují platnost věty. Ve třetím případě se částice даже vztahuje k větnému členu читать a zesiluje jej (Leška 1961: 466). V ukrajinštině např. Точно такий календар мені подарували на роботі. nebo Нехай той люд потомлений хоч трохи відпочине! (І. Франко). V prvním příkladu částice точно zesiluje a upřesňuje. V druhém příkladu částice нехай vyjadřuje výzvu. V češtině pozorujeme pak např. Klidně mluv! Naštěstí jsi tam nebyl sám. To snad ne! Z uvedených příkladů částic a jejich popisů je zřetelné, že čeština, ruština i ukrajinština mohou užívat partikule pro vyjadřování psychologických aspektů mluvčího, popř. autora textu.

Mluvčí může dodávat či naopak ubírat konkrétní lexikální jednotky, včetně jednotek deiktických a také částic, do své výpovědi pro implementaci odstínu. Tento již několikrát zmiňovaný odstín, kterého můžeme dosáhnout vhodnou volbou deiktických výrazů a jejich další kombinací s partikulemi, je jisté emocionální zabarvení výpovědi, které též můžeme definovat jako zrcadlo našeho aktuálního psychického stavu či projevů našeho charakteru. Je též důležité zmínit, že mluvčí může také záměrně vybírat a kombinovat deiktika a částice za účelem dosažení svého komunikačního cíle a působení na adresáta kýženým způsobem, kdy svůj vlastní charakter a aktuální psychický stav vědomě skrývat. Tradiční sémantika se věnuje řečovým aktům přímým, kdy dochází k doslovnému předání informace. Pragmatika ale pozornost soustředí právě na cíle, kterých chce mluvčí dosáhnout. Tyto cíle mohou být vědomé, ale i nevědomé (automatické). V rámci každodenní konverzace mnohdy nemusíme přemýšlet nad složitou volbou jazykových prostředků (např. při komunikaci v obchodě). Nabízí se otázka, z jakého důvodu existují akty nepřímé. Z jakého důvodu by měl mluvčí potřebu vyjadřovat se tak, aby jeho výroky neodpovídaly pragmatickému významu? Tato skutečnost se vysvětluje komunikačními potřebami lidí. V mnohých případech se mluvčí nachází ve specifických komunikačních situacích, které ho nutí potlačovat svůj aktuální psychický stav, jak již bylo uvedeno. Mezi takové případy patří zastírání nervozity, potřeba projevovat se sebevědomě či nutnost působit přesvědčivě. V takových situacích je mluvčí motivován vybírat jazykové prostředky odpovídajícím způsobem, aby dosáhl kýženého vlivu na adresáta a zároveň potřel svou vlastní emocionální stránku, která nesmí být v rámci komunikační situace poznat nejen v mluveném projevu, ale také v neverbální komunikaci.

Nehledě na příčiny jejich vzniku, musíme zohlednit existenci takových komunikačních situací. Všechny jazykové prostředky, včetně deiktických výrazů, mohou tedy sloužit k projevu psychického stavu mluvčího, ale i k jeho popření za pomoci intonace, pořádku slov ve výpovědi a užití částic (partikulí) v kombinaci (nejen) s deiktiky. Částice ve všech zkoumaných jazycích hrají důležitou roli, protože signalizují aktuální psychický stav mluvčího a také jeho komunikační záměry, což svědčí o jejich silné pragmatické funkci. Navíc díky částicím mnohé deiktické výrazy ve zkoumaných jazycích mají silnější či slabší charakter a získávají i úplně nový odstín v rámci aktuální výpovědi.

Summary

Deixis and deictic expressions form an important field of linguistics at the intersection of pragmatics and semantics, with their use shaped by the speaker's psychological state, word order, and intonation. Particles play a crucial role in modifying tone and emphasis, particularly in Czech, Russian, and Ukrainian. These languages employ both direct and indirect speech acts, with the latter often reflecting attempts to conceal the speaker's true state of mind through specific lexical choices and deictic devices, such as the frequent use of the pronoun to in Czech. A comprehensive analysis of deictic terms must therefore account for the pragmatic function of particles as well as the psychological dimension of speech acts.

Literatura

Atkinson, R. L. et al. *Psychologie*. Praha: Portál, 2003.

Bühler, K. *Theory of language – The representational function of language*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.

Cvrček, V. et al. *Mluvnice současné češtiny I*. Praha: Karolinum, 2015.

Leška, O. et al. *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy*. Praha: SPN, 1961.

O'Keeffe, A. Clancy, B., Adolphs, S. *Introducing Pragmatics in Use*. Abingdon: Routledge, 2011.

Římalová Saicová, L. *Pragmatika – Studijní příručka*. Praha: Karolinum, 2014.

Норман, Б.Ю. *Лингвистическая прагматика* (*на материале русского и других славянских языков*): *курс лекций*. Минск: БГУ, 2009.

Плющ, М.Я. *Граматика української мови*. Київ: Видавничий Дім «Слово», 2010.

Elektronické zdroje

Diessel, H. *Bühler's two-field theory of pointing and naming and the deictic origins of grammatical morphemes.*
Dostupné z: https://www.researchgate.net/publication/265592089_Buhler's_two field_theory_of_pointing_and_naming_and_the_deitors: Tine Breban, Lieselotte Brems, Kristin Davidse, Tanja Mortelmans.
Dostupné z: https://www.researchgate.net/publication/265592089_Buhler's_two-field_theory_of_pointing_and_naming_and_the_deictic_origins_of_grammatic al_morphemes#fullTextFileContent, 2014. (2025-03-05).

Grepl, M. MLUVNÍ AKT. In: Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (eds.) *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/MLUVNÍ AKT (2025-03-05).

Hirschová, M. DEIXE. In: Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (eds.) *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/DEIXE (2025-03-05).

Азиева, С.О. Выражение темпорального дейксиса в системе указателей в английском и аварском языках. *Современные проблемы науки и образования*. 2007. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=396 (2025-03-05).

Кашлева, К.К. Лексический темпоральный дейксис в когнитивных моделях времени (на материале современного английского и немецкого языков). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015 (4). Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2015/04/2015-04-23.pdf (2025-03-05).

Цюй, Ж. Указательная и текстовая функция темпорального дейксиса в русском языке. *Гуманитарные науки*. 2021 (2/2), с. 172–177. Режим доступа: https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.02-2.34 (2025-03-05).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.05

Сельби ГУРБАНОВА

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В ОРНИТОНИМАХ И МНЕМОНИКАХ

Onomatopoeia in Ornithomonyms and Memonics

***Keywords**: onomatopoeia, lexical onomatopoeia, phonetic onomatopoeia, birds, mnemonics*

***Contact**: независимый исследователь; selbigurbanova145@gmail.com*

В лексикографической традиции звукоподражание – приблизительное воспроизведение природного звучания напоминающими его звуками речи (например, «куку» – подражание кукушке, «ква-ква» – подражание лягушке), а также слово, возникающее путём такого подражания (например, кукушка, квакать, квакушка).

Звукоподражания – неизменяемые слова, с помощью которых можно воспроизводить звуки, издаваемые человеком, животными, предметами, а также разные явления природы, сопровождаемые звуками. Звукоподражания необычны тем, что обладают сходством со звуками окружающего мира и в то же время являются единицами языка, поэтому они не могут в точности воспроизвести естественные звуки.

Звуки, издаваемые птицами разнообразны, позволяют опознать источник на расстоянии, даже не видя его, это позволило человеку с древности воспринимать голоса птиц как основное средство их дифференциации и послужило универсальным источником орнитонимических единиц. В результате абсолютное большинство орнитонимов – звукоподражательного характера, либо образно описывающие голос пернатых: грач < «гра»; синица < зиница < «зинь-зинь»; кряква < «кря-кря»; петух < петь; курица < кур < «кокуреку»; филин < хвилин < хвилиться ‘жаловаться’ и т.п.

Однако в разных языках звукоподражательные слова, передающие звуки одного и того же животного, различны. Некоторые звукоподражания при сопоставлении отличаются небольшими фонетическими несоответствиями. Например, в русском языке – кукареку, а в болгарском – кукурику.

Названия, основанные на голосе птиц, звучат сходно с их звуками не только на русском языке, но и на многих других. А это значит, что разноязыковые

названия похожи и между собой, хотя могут и отличаться. И это доказывает то, что все они произошли от одного прототипа – голоса птицы. Для примера можно взять ворону. Если заглянуть в словари разных языков мира, то можно найти там соответствия наименованиям этой птицы. В некоторых языках названия этой птицы сходны. Это можно наблюдать в польском, болгарском и мордовском языках. А в татарском, башкирском, узбекском и киргизском эта птица обозначается словом «карга», а в туркменском «гарга».

Похожее явление мы можем наблюдать и со словом «кукушка». Чехи, например, называют эту птицу «кукачка», болгары – «кукувица», немцы – «кукук», французы – «куку», итальянцы – «кукуко».

Звукоподражания разных языков могут не совпадать друг с другом, хотя нередко обладают сходством. Например, русскому «кукареку» соответствует очень похожее слово во французском языке «(cocorico) кокорико» и совсем не похоже в английском «(cock-a-doodle-doo) кок-э-дудль-ду».

Возможно, одна из причин несходства звукоподражаний в разных языках заключается в том, что сами звуки-источники, имеют сложную природу, и, так как точно повторить эти звуки невозможно, каждый язык выбирает одну из составных частей этого звука как образец для подражания. Например, русские считают, что утка произносит «кря-кря», французы – «куэн-куэн», румыны – «мак-мак-мак», датчане – «раб-раб-раб», англичане – «квэк-квэк».

Материалом для исследования послужили основные видовые призывные сигналы (позывки или крики) и демонстративные песни 235 видов птиц Европы, зафиксированные в справочниках-определителях. Работа со справочными материалами показывает, что вокализация птиц представлена в языке в виде орнитофонов, определяемых как совокупность языковых средств, служащих для передачи голосов птиц.

В результате народно-этимологической интерпретации голосов птиц и животных возникают ономатопеические образования иного рода – лексико-фонетические звукоподражания. Лексико-фонетические звукоподражания, или мнемоники, призваны обеспечить идентификацию и запоминание голоса птицы, например, «бой» самца перепела (Coturnix coturnix) передаётся фразой «подь полоть или пить подай»; крик вороны – «украл!», укр. «харч!», бел. «кроу» болг. «гро!», луж. «kwark»; крик кукушки – бел. «Якуб!», укр. «найду!», «купи!», хорв. «kupuj», болг. «Дуко!»; крик петуха – «караул!», укр. «задери-ка!», «Катерино!», чеш. «za Terezo» и т.д.

В большинстве случаев расплывчатые жанровые границы этих звукоподражаний часто представлены в тесном взаимодействии с малыми фольклорными формами, преимущественно из области детского фольклора: они функционируют как прибаутки, потешки, детские стишки или песенки, дразнилки, заклички, приговоры. А когда они выступают относительно самостоятельно, можно говорить об особом малом фольклорном жанре, находящемся на пограничье народных верований, языка и фольклора. Специфической, и опять-таки «пограничной», является и речевая манера воспроизведения этих текстов, которой бывает присуща подвижность тона, перебивы темпа и интонационный контур, смыкающийся с музыкальным интонированием. Что касается смыслового содержания этих текстов, то оно в известной мере задаётся мифологией, которая определяет символику птиц в народных представлениях.

Тексты представляют собой возгласы, монологи и диалоги. Тематика их в целом довольно разнообразна. Выделяется, например, большая группа текстов, в которых субъект, которому приписывают высказывание, сообщает о себе. Так, сибирский голубь своим криком называет себя: «Сиб`ирьский! Сиб`ирьский» (ПА, Дубровка). Птицы рассказывают о месте своего обитания и образе жизни. Горихвостка: «V trně bydlívám!» (Bartoš 1951: 82). Реполов: «Ta, ta, ta, tichota, lesní můj byt!» (Моравия; Plicka, Volf, Svolinský 1951: 181). Иногда выражают свои эмоции. Чиж поёт: «To so rad! to so rad! ti! ti!» (Bartoš 1951: 81). Удод кричит: «Худо тут, худо тут!» (Ермолов 1905: 295, ПА). Голубь зовёт: «Подружку! Подружку!» (ПА, Вышевичи) или «Голубко! Голубко!» (ПА, Пески Речицкие: Як.). Кобчик (вид сокола): «Ženil bi se ja, ženil bi se ja!» (Хорватия; Hirc 1896: 8). Некоторые высказывания касаются взаимоотношений в семье. Овсянка сетует: «Zle, zle, zle bez dětí, když vychováš, uletí» (Чехия; Plicka, Volf, Svolinský 1951: 189). Удод кричит: «У-ду-ду-ду! Я сам не пайд`у и ж`онку не пашл`ю, (бо) ж`онка стар`ая, а д`ети мал`ые (ж`онка малад`а и дит`ей чэрэд`а)» (ПА, Злеев, Воробьёв). Перепелка: «Я сво`е д`еты погод`ую под пол`ом!» (ПА, Деревцы). Чибис сообщает, сколько яиц он откладывает: Cztery jajka niesie czajka! cztery!» (Куявы; Kolberg 1976, t. 3: 196). Куропатка неустанно твердит: «Styri, styri, styri» (Моравия; Bartoš 1951: 88), «cetir, cetir; cetir, cetir!» (Хорватия; Hirc 1896: 8). Дятел-обжора считает червей: «Sedum, sedum, a jesce jedno sedum» (Bartoš 1951: 93). Иногда такие тексты определяют род деятельности или занятие того, кому принадлежит имитируемый голос. Курица кудахчет: «Gda gda gda gdak, snesla sem vajco za patak, hospodyni na koreni [пряности], hospodaru na tabach!», «Koko koko vdak, nesu vajca do Slovak, jedno prodam druhe zim, kohutovi nepovim!» (Bartoš 1951: 89). Птицы сообщают о своих намерениях. Кукушка: «Kukuk, suknju kupic budu» (Лужица; Schulenburg

1882: 155). Тетерев осенью: «Продам балахон, куплю шубу», а весной – «Продам шубу, куплю балахон» (Ермолов 1905: 294). Желна (черный дятел): «Kurila bi oganj, nemam drrrv!» (Хорватия; Hirc 1896: 6). Дикие гуси осенью: «На юг! На юг! На юг!» (ПА, Ковнятин). Ворон, украв яйцо, оповещает о своём поступке: «Украл! Украл!» (ПА, Возничи). О своих занятиях докладывает коростель: «Дер-дер! Не вмер. Дер-дер! Усю нич протер. Дер-дер!Уже й свит попер. Дер-дер! Выходыв кущи – не вмер. Дер-дер! Вылазыв траву – потер» (Гринченко 1897: 313).

Во время храмовых праздников ряды домашней птицы на дворе редеют, и петух спрашивает с тревогой: «Jak pak te hode bodó dlohó trvat?» Утка откликается: «Téden, téden?» А селезень подтверждает: «sak [-vsak] tak, sak tak!» (Bartoš 1951: 95–96). Молодой петушок радуется, когда хозяйка печёт на поду пирожки: «Kokoryky! Baba peče poplamiky!» (Bartoš 1951: 90). Сова ночью кричит: «Вижу! Вижу!» (ПА, Радутино).

Многие птицы своим криком отгоняют неприятеля от гнезда. Дикий голубь (витютень) кричит: «Můj buk, můj buk!» (Чехия; Plicka, Volf, Svolinský 1951: 179). Ласточка робко прогоняет воробья: «Hnízdečko naše, hnízdečko naše, te kluko! te kluko!» (Bartoš 1951: 92).

Птицы предупреждают об опасности. Воробьи, завидя ястреба, созывают друг друга в укрытие: «Sem [сюда], Simku! sem, Simku!» (Bartoš 1951: 90).

Некоторые звукоподражательные тексты содержат различные обвинения, осуждения, критику, нравоучения и наставления. Журавли критикуют пахаря: «Мужик скривил, мужик скривил!» (Ермолов 1905: 295). Ласточка стыдит лентяя: «Vstala, vstala, vstala, devět políček oblítala, a ty ještě spíš?» (Чехия; Plicka, Volf, Svolinský 1951: 276). Воробей отчитывает за плохое чтение: «Čti líp Čti líp!» (Bartoš 1951: 79).

Многие крики птиц выражают угрозу, издевку, насмешку, злорадство, коварство и т.п. Так, перепелка угрожает: «Пидпал`ю, пидпал`ю!» (ПА, Рясное). Дрозд дразнит прохожих: «Pepíko, Pepíko, Pepíko, (Kubíku, Kubíku) seš lump [негодяй], seš lump!» (Bartoš 1951: 86; Plicka, Volf, Svolinský 1951: 187).

Многие птицы, прилетевшие с юга, возвещают своим пением приход весны. С их прилётом дети бросают надоевшие зимние занятия – прясть кудель, щипать перья – и бегут играть на улицу. Так, на Пинщине с таянием льда одним из первых прилетает удод и кричит: «Дав`ай, дав`ай кудэльк`и под л`юд!» (ПА, Ковнятин). Деряба (вид дрозда) призывает менять сани на телегу: «Kolo vrtat, kolo vrtat, saní nech!» (Bartoš 1951: 87). В Стародубском районе Брянской области жаворонок кричит: «Качуб`ей, Качуб`ей, вяд`и к`оней паскар`ей! Уж`э прат`а-а-

алачки, уж`э прат`а-а-алачки!» (ПА, Картушино). В Чехии и Моравии овсянка сулит первые весенние цветы: «Vezu, vezu, vezu kvítí!» (Plicka, Volf, Svolinský 1951: 227, 188; Bartoš 1951: 77).

Некоторые мнемоники отражают события календарно-хозяйственной жизни человека и приписывают птице тексты, к которым как биологический вид она не имеет отношения. Например, в феврале большая синица (Parus major) поёт: «Мужик, носи сено, да не труси», а с наступлением весны её голос меняется и напоминает о начале пахоты: «Куй, мужик, лемяши!» (Ермолов 1905: 294). А овсянка поёт: «Мужики, мужики, точите сошники, пора пахать» (Ермолов 1905: 294). В Польше, в районе Кракова, в Чехии и северной Моравии, в районе Опавы, жаворонок торопит крестьянина выезжать в поле: «Wyjizdzaj, wyjidzaj, wyjidza-j!» (Kolberg 1976, t. 19: 205). Пахать зовёт и ястреб: «Na rul! na rul!» (Bartoš 1951: 89). В различных славянских зонах сходна имитация пения весеннего жаворонка: у русских в Вологодской губернии: «Сийте, орите, бороните» (Зеленин 1914: 224), у хорватов – «Sij, sij, ori, ori vrzi, vrzi!» (Hirc 1896: 4), у чехов – «Vorej, vorej, sej, sej, vorej, vorej, sej, sej!» (Plicka, Volf, Svolinský 1951: 28). Мнемоники показывают более слабую фонетическую мотивированность по сравнению с транскрипциями: всё зависит от точности подобранного звукоподражательного текста. Так, песня певчего дрозда, которую принято связывать с таким текстом: «Филипп! Филипп! Иди, иди чай пить, чай пить… с сахаром. Скккорррей, а то остынет» (транскрипция: та-вид, та-вид, та -вид-тир, спири-тум, ту-литтие), в оригинале гораздо сложнее и может варьироваться. Тем не менее, мнемоника облегчает идентификацию данного вида, а, следовательно, выполняет свою функцию. Но в большинстве случаев очень трудно записать, что поёт птица, так как пение птиц похоже на насвистывание и трудно подражать ему словами.

В заключение, проведённый анализ показывает, что звукоподражание играет важную роль в формировании лексики, особенно в области орнитонимов. Несмотря на стремление к воспроизведению естественных звуков, звукоподражательные слова, передающие голоса птиц, варьируются в разных языках, что обусловлено как фонетическими особенностями языка, так и субъективным восприятием звука. При этом, наблюдается и определённое сходство в названиях птиц, что свидетельствует об общем прототипе – реальном голосе птицы. Помимо прямого звукоподражания, в языках также развиваются лексико-фонетические звукоподражания (мнемоники), использующие человеческую речь для идентификации и запоминания голосов птиц. Исследование орнитофонов позволяет лучше понять, как человек воспринимает и интерпретирует звуки природы, отражая это в языке.

Summary

The conducted research of onomatopoeic texts in Slavic folklore shows that the voices of birds are endowed with meaning and reflect cultural values and human economic activity. In the folk interpretation, bird voices perform various functions: they criticize shortcomings, express threats, proclaim spring and encourage work. The mnemonic function is of particular importance, when bird "words" help to remember important dates and works. This study highlights the difference between complex phonetic transcriptions of bird songs and simplified mnemonic texts that are easier to remember and convey. In general, onomatopoeia is a complex system reflecting the worldview of the people and their connection with nature.

Литература

Второв, П.П., Дроздов, Н.Н. *Определитель птиц фауны СССР*. Москва: Просвещение, 1980.

Голоса птиц России. Часть 1. Европейская Россия, Урал и Западная Сибирь: Звуковой справочник-определитель. Пущино, Москва, Екатеринбург: Фонотека голосов животных им. проф. Б.Н. Вепринцева, 2007.

Горецкая, М.Я. *Тонкая структура песни, её сигнальное и коммуникативное значение у некоторых видов воробьиных птиц*. Автореферат кандидата биологических наук. Москва, 1998.

Гура, А.В. *Славянское и балканское языкознание. Струтура малых фольклорных текстов*. Москва: Наука, 1993.

Звонов, Б.М. *Акустическое узнавание у птиц*. Диссертация доктора биологических наук. Москва, 2001.

Панов, Е.Н. *Механизмы коммуникации у птиц*. Москва: Наука, 1978.

Тихонов, А.В., Моренков, Э.Д., Фокин, С.Ю. *Поведение и биоакустика птиц*. Москва: Издательство МГУ, 1988.

Храбрый, В.М. *Атлас-определитель птиц*. Москва: Просвещение, 1988.

Шовен, Р. *От пчелы до гориллы*. Москва: Мир, 1965.

Источники исследуемого материала

Гринченко, Б.Д. *Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. I, 2.* Чернигов, 1895, 1897.

Ермолов, А. *Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 3.* Санкт-Петербург, 1905.

Зеленин, Д.К. *Описание рукописей учёного архива Императорского Русского географического общества*. Вып. 1. Петроград, 1914.

Полесский архив Института славяноведения и балканистики РАН (ПА): с. Возничи Овручского р-на Житомирской обл. (записи М.Р. Павловой, А.Б. Страхова), с. Воробьев Репкинского р-на Черниговской обл. (запись О.А. Терновской), с. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл. (записи Л.М. Ивлевой, О.А. Терновской, А.Л. Топоркова), с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл. (запись Ф.К. Бадалановой), с. Деревни Овручского р-на Житомирской обл. (запись А.В. Гуры), с Дубровка Добрушского р-на Гомельской об:. (запись А.В. Гуры), с. Журба Овручского р-на Житомирской обл. (запись А.В. Гуры). с. Заболотье Брестского р-на Брестской обл. (запись М.И. Серебряной), с. Злеев Репкинского р-на Черниговской обл. (запись А.В. Гуры), с. Картушино Стародубского р-на Брянской обл. (запись Л.Г, Александровой), с. Ковнятин Шинского р-на Брестской обл. (запись А.В. Гуры), с. Курчица Новоград-Волынского р-на Житомирской обл. (записи О.В. Беловой, А.В. Гуры), с. Лесовое Дубровицкого р-на Ровенской обл. (запись А.В. Гуры), с. Лисятичи Пинского р-на Бресткой обл. (запись Е.Б. Владимировой), с. Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл. (запись А.В. Іуры), с. Пески Речицкие Ратновского р-на Волынской обл. (запись А.В. Гуры), с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл. (запись Л.Г. Александровой), с. Ралутино Трубченского р-на Брянской обл. (записи А.В. Гуры, Г.И. Кабаковой), с. Рясное Емильчинского р-на Житомирской обл. (записи М.Р. Павловой, А.Л. Топоркова), с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. (запись Ф.Д[, Кимчука), с. Синин Пинского р-на Брестской обл. (запись Е.Б, Владимировой), с. Старые Яриловичи Репкинского р-на Черниговской обл. (запись А.В. Гуры), с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл. (запись О.В. Беловой), с. Ухонецк Копельского р-на Волынской обл. (запись А.В, Гуры), с. Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл. (запись А.В. Гуры), с. Чёлхов Климовского р-на Брянской обл. (запись. Ф.К, Бадалановой).

Bartoš, F. *Naše děti*. Praha, 1951. (Материал из различных районов Моравии, точное место записи не указывается).

Hirc, D. Što priča naš narod o nekim životinjama. In: *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena, Sv. I*. Zagreb, 1896.

Kolberg, O. *Działa wsyzstkie. T. 1–66.* Wrocław, Poznań: 1961–1976. T. 2. Sandomierskie; t. 3. Kujawy; t. I7. Lubelskie; t. 19. Kieleckie; t. 32. Pokucie; t. 39 Pomorze; t. 42. Mazowsze; t. 46. Kaliskie i Sieradzkie.

Plicka, K., Volf, F., Svolinský, K. *Český rok v pohádkách, písních, hrách a tancích, říkadlech a hádankách. Sv. I. Jaro*. Praha, 1951. (Материал из различных районов Чехии и Моравии).

Schulenburg, W. von *Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte*. Berlin, 1882.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.06

Kateřina HRAZDILOVÁ

АНАЛИЗ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Analysis of Service Parts of Speech in the Work of Y. I. Zamyatin "We"

***Keywords**: functional parts of speech, prepositions, conjunction, linguistics, Russian novel, Y. I. Zamyatin, particles*

***Contact**: Ostravská univerzita; katerina.hrazdilova@gmail.com*

Настоящая глава посвящена служебным частям речи в романе «Мы» Е.И. Замятина. Мы сосредоточимся на семантике предлогов, синтаксических свойствах союзов и, наконец, на функции частиц. Для каждой части речи мы определили разные гипотезы и мы обсудим их далее по тексту. Прежде чем перейти к индивидуальному анализу, мы посмотрим на автора и предысторию романа.

Краткое представление автора и произведения

Евгений Иванович Замятин родился в 1884 году, а умирает в 1937 году. Известный русский писатель – прозаик и драматург XX века. Его первоначальное занятие – строитель кораблей, которым пронизан весь роман. Вся его взрослая жизнь являлась полной проблем. В 1905 году арестован (освобождён весной 1906 г.), в 1925 году подвергся репрессиям после публикации романа. Благодаря его обучению в кораблестроении, в 1916 году отправился в Великобританию, чтобы принять участие в строительстве ледокола. В 1931 году он уехал из страны в Париж (он просил Сталина уехать в письме), в том же году посетил также Прагу и прочитал там две лекции. «В Праге Замятина встречали на самом высоком уровне. В Пражском Граде 4 января 1932 года состоялся приём писателя президентом Чехословацкой Республики Т. Г. Масариком» (Полякова 2019: 42). Он стал единственным писателем, который приехал из СССР, которого Т. Г. Масарик удостоил официальной аудиенции (Полякова 2019). Он умирает от сердечного приступа во Франции в 1937 году.

Роман «Мы» был написан в 1920 году. Впервые он был опубликован в 1924 году на английском языке, а через три года – на русском в пражской прессе. (Это был обратный перевод с чешского в сокращённом виде). Полная русская версия вышла в 1954 году, на родине автора издавалась только в 1988 году, в период перестройки (Pospíšil 1995).

В романе описано общество, в котором люди не страдают от бедности. После Двухсотлетней войны все живут в контролируемой среде. У каждого своя работа, на всё есть точные стандарты (материнская норма), личное время ограничено. Они потеряли свои имена, мужчины обозначаются согласной и цифрой, женщины – гласной и цифрой. Они уже не личности, а числа. Книга написана в форме дневниковых записей инженера Д-503, строителя космического корабля «Интеграл».

Как уже отмечалось, роман полон автобиографических элементов. Д-503 инженер до мозга костей (как и автор). Его записи полные математических уравнений, знаков, загадок, шуток, иронией. То, чего он не понимает, описывает неизвестный «икс» и пытается во всем разобраться. Женщина, близкая главному герою И-330 – талантливая пианистка, как и мать автора. В описании музыки отсутствуют математические знаки, что указывает на глубокое отношение Замятина к музыке. Последний элемент автобиографии, главному герою перестаёт нравиться система, он находит больше ошибок, не согласен с ней и впоследствии его наказывают (так же, как и автор).

Считаем важным отметить, что чешский перевод подготовили Ярослав Тафел и Власта Тафелова. Из-за разных алфавитов двух языков имя одного женского персонажа изменено на «U». В оригинале у неё инициалы Ю, которое является гласной йотированной буквой, но фонетическая запись в чешском языке через согласную букву «J». Стало бы неясным, что это была женщина. Или возник бы вопрос, почему у женщины инициал мужчины, и весь контекст приобрёл бы другой смысл.

Анализ предлогов и комментарий

В проанализированном нами романе было получено 500 лексических единиц (ЛЕ). Наконец, мы подвергли эти единицы морфологическому и семантическому анализу. Мы обратим внимание на выбор единичных предлогов и семантику предлогов. Поскольку роман автора написан в виде дневниковых записей, предполагалось, что мы встретим несколько составных предлогов или производных предлогов. Ранее мы проводили аналогичный анализ предлогов в российских СМИ,

поэтому другая гипотеза состоит в том, что в этом тексте также будет наибольшая доля предлогов выражать пространственные отношения.

Начнём с единичности предлогов. Из простых предлогов это: *среди* (*выделиться* ***среди*** *других*); *мимо* (***мимо*** *мелькнула знакомая фигура*); *помимо* (***помимо*** *моей воли*) и *кроме* (***кроме*** *диких фантазий*), но этот предлог мы встретили два раза. Из составных предлогов это: *во время* (*когда* ***во время*** *Личного Часа*); *на протяжении* (***на протяжении*** *всей человеческой истории*); *рядом с* (*сел* ***рядом со*** *мной*) и парный предлог *из ... в* (***из*** *конца* ***в*** *конец*). Остальные предлоги повторяются несколько раз.

Необходимо подчеркнуть, что все эти предлоги относятся к группе производных предлогов, но в целом они занимают лишь 4% от общего числа (20 ЛЕ). К другим примерам относятся, например: *после* (***после*** *этой глупой истории*); *против* (*наступление* ***против*** *другого владыки мира*); *в течение* (***в течение*** *Личного Часа*) и парные предлоги: *от ... до* (***от*** *16* ***до*** *17*); *с ... на* (***с*** + ***на*** –).

Что касается семантики предлогов, наша гипотеза почти подтвердилась, но появилась конкуренция объектных предлогов по форме. Это может быть связано с тем, что в романе много внимания уделяется не только описанию окружающего, но и описанию внутреннего переживания, чувств.

Пространственные предлоги (32%, 162 ЛЕ) описывают окружение героев. Так как действие романа происходит в воображаемом государстве, на расстоянии нескольких столетий от нашего настоящего, важно, чтобы автор хорошо ознакомил нас с местом действия. Поэтому таких предлогов так много. Мы можем найти героя, например: ***за*** *письменным столом*; ***за*** *Зеленой Стеною*; ***за*** *шторами*; ***у*** *Древнего Дома.* Или он может находиться: ***в*** *аудиториуме*; ***на*** *аэро*. Через пространственные предлоги автор знакомит нас с другими институтами Единого Государства: *видать его выходящим* ***из*** *Бюро Хранителей*; *войдут* ***в*** *Часовую Скрижаль*; *вообразить* ***на*** *улице*; *выходили* ***из*** *аудиториума*; ***на*** *площади Куба*.

Доля объектных предлогов 27% (134 ЛЕ). Мы можем использовать примеры, чтобы показать сосредоточенность на чувствах: ***в вид****е жалких окон* (когда говорится о глазах); *мне хотелось спорить* ***с*** *ней*; ***с*** *какой-то непонятной уверенностью*; ***у*** *меня было это инстинктивное чувство*.

Д-503, владелец дневника, считает нас (читателя) «незнающими», ему надо объяснить нам историю Единого Государства и времена перед Двухсотлетней Войной. Предлоги, выражающие временные отношения можно найти в начале произведения. Их доля уже уменьшилась (15%, 72 ЛЕ). Автор (или авторы) описывают историю и современность: ***со*** *времен Двухсотлетней Войны*; ***в*** *течение*

Личного Часа; *даже и **в** наше время; отдавались танцу **в** самые вдохновенные моменты*; *производит до трёх сонат **в** час*; ***через** 120 дней* – это первое, что Д-503 написал в свой дневник и на самом деле говорит нам, как долго длится действие произведения (в течение 120 дней). Это как бы «начало конца».

Побочным мотивом в произведении является революция. Любимая женщина Д-503 в начале пытается использовать его влияние как строителя корабля, чтобы завладеть «Интегралом» и начать революцию. Она действует с определённой целью. Предлогов, выражающих целевые отношения у нас 53 ЛЕ (11%). К ним относятся: *найти **для** вас соответствующий Табель*; *дойти **до** последней ступени*; ***к** счастью – это только мелкие аварии деталей*; *ясно **для** любого из нас*; *уходила **вместе с** тем человеком*.

Не последним чётко определённым отношением является причинное отношение. У нас появилось только 29 ЛЕ (6%). Нужно сказать, что это не самая маленькая доля. Именно в этой группе можно найти предлоги *без*, *от*, *по*, *из* и двойной предлог *из-за*. *Обойтись **без** примечаний насчёт «пиджака»*; *оставить **без** всякого контроля*; ***от** математически совершенной жизни*; ***от** этой сладкой пыли*; ***по** инерции заговорил*; ***из** религиозных предрассудков*; ***из-за** тёмных окон глаз.*

Ещё мы обнаружили одно последнее отношение – принадлежности (32 ЛЕ, доля 6%). Это следующие примеры: ***у** меня горят щеки*; ***у** нас есть опытный глаз*; *что **у** них получалось*; ***у** него все четыре угла равны*; ***у** ней был всё время этот икс; **у** ней неправильно рассчитана скорость языка*.

Мы также успешно обнаружили несколько отношений, которые были настолько специфичными, что больше не вписывались ни в одну категорию (17 ЛЕ, 3%). Например, отношения: состояние (***в** абсолютной несвободе*), совместное (*сидевший **со** мной*).

Общеизвестно, что предлоги в художественной литературе, как правило, довольно простые. Возможно, это связано с тем, что произведение ориентировано на массового читателя. Ещё одна причина простоты – знак языка Единого Государства. Жителям уже не надо читать, так как всё контролировано ведущими органами. Мы ожидали большего разнообразия в использовании предлогов и большего количества уникальных предлогов. Ведь это дневниковые записи, над которыми садишься, больше думаешь, и язык автоматически становится более «выше». Можно привести сопоставление с публицистическим стилем, который тоже ориентируется на массового читателя.

Предлоги	
Пространственные	32%
Объектные	27%
Временные	15%
Целевые	11%
Причинные	6%
Принадлежности	6%
Другие	3%

Таблица № 1: Процентная доля предлогов и выражаемые ими отношения

Анализ союзов и комментарий

Предлоги и союзы принадлежат к той же самой подгруппе частей речи, к служебным словам. Между ними можно найти близость и расхождения. Близостью можно считать грамматическое значение отношения (Ярцева 1990). Союз и предлог обладают лексическим значениями (Панова 2010). Мы обратим внимание на морфологию и синтаксические свойства союзов. Чтобы правильно определить все синтаксические свойства, необходимо сначала разделить союзы ещё на две группы – сочинительные и подчинительные союзы.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы (378 ЛЕ, 76%) соединяют однородные члены предложения и части сложносочинённого предложения. Мы будем придерживаться значений, определённых Г.И. Пановой. Союзы могут выражать значения: соединительные, противительные, разделительные, градационные, присоединительные и пояснительные (Панова 2010).

Нельзя не заметить, что таких союзов более чем в три раза больше, чем подчинительных. Для этого может быть несколько причин. Во-первых, большинство высказываний главного героя начинаются с союза. То же самое касается и его ответов на вопросы. Во-вторых, поскольку это дневниковые записи, предложения связаны друг с другом. Наконец, это может быть характерная черта авторского стиля. Мы не можем это подтвердить, так как проанализировали только один из его романов.

Соединительные – эти союзы одинаково соединяют две части предложения или два элемента в предложении. Они часто выражают одновременные или

похожие события. Это у нас наибольшая доля, 63% (239 ЛЕ). Самые частые союзы: *и*, *да*; *ни ... ни*; *как – так и*, *также*, *тоже ... Белые ветви женских рук* ***и*** *единомиллионная буря кликов*; *больше смелости* ***и*** *энергии*; *старого Бога* ***и*** *старую жизнь*; *выбрать более поучительных* ***и*** *прекрасных образов*.

Противительных союзов мы обнаружили 93 ЛЕ, доля 25%. К ним относят союзы *но*, *а*, *да*, *зато*, *однако*, *же* и др. Примеры: *«просто-так-любовь»*, ***а*** *«потому-что-любовь»*; *вы смеетесь*: ***но*** *не кажется ли вам*; *для потомков,* ***но*** *никто никогда не писал для предков*; *извините меня –* ***но*** *это просто тупость*; *не «один»,* ***но*** *«один из»*; *не белое,* ***а*** *уж без цвета*. Противительные союзы более часто находятся в отрицательных предложениях с частицей *не*.

Следующую категорию представляют разделительные союзы, 17 ЛЕ, доля 5%. Самым частым союзом является *или*. Мы выбрали такие примеры, где очевидно выражено противоречие. Например: *заметила* ***или*** *нет?*; *мы любим* ***или*** *не любим*; *оды* ***или*** *иные сочинения*; *отражающие сияние небес –* ***или****, может быть, сияние Единого Государства*.

Пояснительные союзы не представляют такую большую часть, но важно показать их значения и с меньшей долей. Союзов такого типа мы нашли 13 ЛЕ, доля 3%. Это союзы типа: *то есть*, *а именно*, *как то*, *но ведь*. ***Но ведь*** *ясно же: там шпион*; *почему «напрасно»* ***и как*** *я мог не прийти*; *так,* ***как и*** *все наши постройки*; *я слышу –* ***и*** *это еще яснее*.

Градационные союзы служат для выражения градации значения отдельных членов предложения. Эти союзы подчёркивают постепенное усиление или ослабление действия, черты или идеи. Чаще всего это касается парных союзов, но это не является правилом. Нам удалось установить 11 ЛЕ (доля 3%): ***хотя бы*** *вечером*; *наконец* ***и*** *эта стихия была тоже побеждена*; *смеялась очень странно* ***и*** *долго*; *стихи* ***или*** *молитвы*.

Присоединительные – эти союзы соединяют предложения или части предложений с каким-либо дополнением, которое развивает, уточняет или добавляет что-то дополнительное к уже сказанному. Мы обнаружили только 5 ЛЕ (1%). Например: ***но зато*** *– очищенное от тысячелетней грязи*; ***но зато*** *руки*; ***но зато*** *небо*.

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы (122 ЛЕ, 24%) употребляются для выражения зависимости одной единицы от другой. С этим разрядом связанные и их позиционные

свойства. В придаточном предложении место подчинительного союза не так строго фиксировано (Шведова 1980). В.Г. Костомаров и В.И. Максимов определили несколько значений, которые могут выражать союзы – временные, причинные, условные, уступительные, следствия, цели, сравнительные, сопоставительные (Костомаров, Максимов 2003). Ю.Д. Апрсесян добавляет ещё изъяснительное значение (Апресян 2010: 39).

Наибольшую долю занимают изъяснительные союзы (45 ЛЕ, доля 37%). Странно, что по нашим исследованиям их наибольшее количество, но авторитетные лингвисты не включали их в основные значения. Это может указывать на то, что служебные части речи всё ещё находятся в стадии развития и являются живущим разрядом. Это союзы *что*, *что и*, *чтобы* в словосочетаниях: *абсурд,* ***что*** *государство могло оставить*; *возможно,* ***что*** *вы еще разгуливаете в «пиджаках»*; *он не додумался до того,* ***чтобы*** *распространить свой метод на всю жизнь*; *столько вам настрочим,* ***что*** *и вашему «Интегралу» не поднять*.

Сравнительные союзы сравнивают или объясняют связи между двумя явлениями в пределах одного предложения (в пределах одного сложного предложения), их доля 19%, 23 ЛЕ. К ним относятся союзы *как*, *будто*, *как если*, *как и.* Примеры: *«классический»,* ***как*** *в старину говорили*; *все равно,* ***как*** *если бы писателю какого-нибудь*; *говорят даже,* ***будто*** *в те времена на улицах*; *из того же стекла,* ***как*** *и Зеленая Стена*.

Причинные союзы были обнаружены 16 ЛЕ (13%). Это союзы типа *потому что* (*так как*) и *ведь*. Наиболее заметны они в ситуациях, когда автор дневника описывает общество за Зеленой Стеною. Как будто Е.И. Замятин хотел подчеркнуть, что ненужные военные конфликты и неразумное поведение общества являются причиной его упадка. Примеры: *и* ***так как*** *дикарю захотелось дождя*; *носы «классические»,* ***потому что*** *любви одних добивались многие*; ***ведь*** *как бы ни был ограничен их разум*; ***так как*** *дикарю захотелось воды*.

Условных союзов мы нашли то же самое количество, 16 ЛЕ, доля 13%. К условным союзам принадлежат союзы *впрочем* и *если*. Например: ***А впрочем****, если его роман переведён*; ***если*** *люди метались по земле из конца в конец*; *о жертвах Двухсотлетней Войны,* ***если бы*** *в нашей жизни все-таки еще оставался повод для зависти*.

Целевых подчинительных союзов мы собрали 13 ЛЕ (11%). Так как все герои в романе поступают с определённой целью, ожидается рост, но не такой большой, как хотелось бы. Например: когда Д-503 говорит о любимой женщине (либо И-330, либо О-90) – *может быть,* ***чтобы*** *смягчить меня*; *вероятно,* ***чтобы*** *она*

заговорила. Или когда инженер Д-503 описывает состояние космического корабля, или какого-нибудь технического оборудования: *начальная скорость,* ***чтобы*** *оторвать «Интеграл» от земли*; *столько ртути,* ***чтобы*** *уровень стал на «дождь»*.

Значения, для которых мы зафиксировали наименьшее количество союзов, следующие: определительный (1 ЛЕ) – *всякий,* ***кто*** *чувствует себя в силах,* следственные (2 ЛЕ) – ***так*** *нелепо,* ***что*** *я не выдержал*; ***так*** *неправдоподобно,* ***что*** *вот я написал*, уступительные (3 ЛЕ) – *остаться* ***хотя*** *ненадолго* и временные (3 ЛЕ) – *исторический час,* ***когда*** *первый ИНТЕГРАЛ взовьётся*.

Союзы			
Сочинительные	76%	Подчинительные	24%
Соединительный	63%	Изъяснительный	37%
Противительный	25%	Сравнительный	19%
Разделительный	5%	Причинный	13%
Пояснительный	3%	Условный	13%
Градационный	3%	Целевой	11%
Присоединительный	1%	Другие	7%

Таблица №2: Процентная доля союзов и выражаемые ими значения

Анализ частиц и комментарий

Т.М. Николаева связывает со словом «частица» четыре смысловых комплекса. Один вытекает из грамматики В.В. Виноградова. Второй смысл: частицы – неизменяемые компоненты, не-слова, которые присоединяются к полнозначным словам. Третье значение связано с изучением языков древности (санскрит, греческого, латинского), название «частица» заменяется словом «коннектор». «Это часть комплекса, вводящего индоевропейское предложение (...)» (Николаева 1985: 3). В современности много частиц этой группы перешло в союзы. Четвёртое значение касается модальных, акцентирующих, выделительных и экспрессивных частиц (*вот, же, только, даже*). Они выступают в функции передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения (Николаева 1985).

Нас более всего будут интересовать функции, выполняющие частицами. Эта классификация принадлежит В.И. Максимову. Он выделил восемь категорий частиц – формообразующие, отрицательные, усилительные, указательные, вопросительные, выделительно-ограничительные, модальные и соединительные.

Г.И. Панова добавляет ещё одну функцию, словообразующие. Нам удалось найти примеры для каждой приведённой функции.

Отрицательные, это частицы *не* и *ни*. Первая частица из них используется для выражения полного и частного отрицания. «Общее (полнее) отрицание выражается, если не стоит перед сказуемым» (Максимов 2010: 117). У частного отрицания это наоборот – не стоит перед сказуемым. Вторая из них совмещает значения отрицания и усиления, категоричности отрицания. Мы обнаружили 158 ЛЕ, доля 32%. Примеры: *быть* ***не*** *может*; ***не*** *в состоянии*; ***не*** *испорченные* ***ни*** *одним облачком*; ***нет*** *(точного решения задачи счастья* ***нет****)*; ***нет****: его толстые губы*.

Модальные частицы выражают отношения говорящего к содержанию высказывания. Утверждение выражают частицы *да*, *вот именно*, *хорошо*, отрицание *нет*, *никак нет*. По количеству ЛЕ они находятся на мнимом втором месте, 100 ЛЕ, доля 20%. Примеры: *впрочем,* ***нет****: в поддержке я не нуждался*; *да здравствует Благодетель*; ***да и*** *откуда тогда было бы взяться государственной логике*; *и есть шпионы у нас…* ***да****, шпионы*.

Усилительные, это частицы *даже*, *даже и*, *же* и др. Эта группа используется для усиления высказывания в целом или одного из членов, такая частица ставится перед тем словом, на которое обращается внимание в речи. Доля усилительных частиц – 16%, 80 ЛЕ. Примеры: *ведь* ***не*** *мог* ***же*** *я,* ***даже*** *совсем не улыбаясь*; ***недаром же*** *три года назад мы с ним*; *совершенно* ***ни*** *к чему*; ***уж*** *лучше бы молчала*.

Указательные частицы служат для указания на что-либо. Мы их собрали 70 ЛЕ, доля 14%. Примеры: ***а вот*** *для вашего «Интеграла»*; *в один и* ***тот же*** *час*; ***вот и*** *я все время в этом квадратном положении*; ***и так*** *во мне все хорошо, точно, просто*; ***это так*** *неправдоподобно*.

Вопросительные частицы находятся в середине нашего обзора, их доля 8% (42 ЛЕ). Частица *ли* оформляет вопрос, *неужели* и *разве* вносят в предложение оттенок неуверенности, сомнения или удивления, *а* используется в разговорной речи для переспросов, побуждения к ответу. Примеры: ***Не*** *правда* ***ли****?*; ***Не*** *смешно* ***ли****?*; ***Неужели*** *все это сумасшествие*; *Но почему* ***же****?*; ***Ну****, к чему это? Ну,* ***разве*** *не смешно?*

Выделительно-ограничительные – эти частицы придают слову или группе слов ограничительный оттенок, выделяют их логически. Доля таких частиц 6%, 29 ЛЕ. Примеры из романа: *значит* ***только*** *одно*; ***именно*** *в аудиториуме 112*; ***не только*** *в идиотских древних книжках*; *но* ***пусть*** *пишется, как пишется*.

Следующей функцией частиц является формообразующая функция. Таких частиц мы обнаружили 15 ЛЕ (доля 3%). Они употребляются для образования аналитических форм слова. Сюда принадлежат: *бы*, *пусть*, и постфикс *-те*. Из наших примеров это: *я **бы** пременно*, ***бы** что могло быть*, *давно **бы** уже рухнуло*.

Мы определили наименьшее количество среди словообразующих и соединительных частиц, всего 2 ЛЕ и 4 ЛЕ. Общая доля – 1%. Может быть, это связано с тем, что мы проанализировали только 500 частиц. Что касается словообразующих частиц, может быть, что автору не нужно было употреблять какие-то неопределённости, так как речь идёт о постфиксах. ***Откуда-то** со дна*, *что **когда-то** люди терпели*.

Частицы	
Отрицательные	32%
Модальные	20%
Усилительные	16%
Указательные	14%
Вопросительные	8%
Выделительно-ограничительные	6%
Формообразующие	3%
Словообразующие и соединительные	1%

Таблица №3: Процентная доля частиц и функции, выражаемые ими

Заключение

Мы проанализировали служебные части речи в романе русского автора Е.И. Замятина «Мы». Если брать пропорционально, то предлогов в тексте было бы больше всего. Затем встречались союзы и, наконец, частицы. И это можно выразить в процентах следующим образом: предлоги составляют 41,15%, союзы 31,94% и частицы всего 26,91%.

Мы рассмотрели семантику предлогов. Оказалось, что пространственных и объектных предлогов больше всего – 162 ЛЕ. Потом временные 72 ЛЕ, целевые 53 ЛЕ, причинные 29 ЛЕ и, наконец категория, которая соединяет другие отношения 22 ЛЕ.

С другой стороны, в случае союзов мы исследовали их синтаксические свойства. Нам пришлось разделить их на подчинительные (122 ЛЕ) и сочинительные

(378 ЛЕ). Для подчинительных мы нашли 6 категорий: изъяснительные 45 ЛЕ, сравнительные 23 ЛЕ, причинные и условные 16 ЛЕ, целевые 13 ЛЕ и другие 9 ЛЕ. Для сочинительных 6 – соединительные 239 ЛЕ, противительные 93 ЛЕ, разделительные 17 ЛЕ, пояснительные 13 ЛЕ, градационные 11 ЛЕ и присоединительные 5 ЛЕ.

Наконец мы рассмотрели частицы. Не верится, как такие маленькие слова могут изменить смысл предложения. Мы рассмотрели их функции. Большинство частиц обладают отрицательной функцией – 158 ЛЕ. Потом модальные 100 ЛЕ, усилительные 80 ЛЕ, указательные 70 ЛЕ, вопросительные 42 ЛЕ, выделительно-ограничительные 29 ЛЕ и соединительные 6 ЛЕ.

Summary

The chapter describes the analysis of the novel by the Russian writer Y. I. Zamyatin. It focused on incomplete parts of speech – prepositions, conjunctions, particles. For prepositions, we focused on their semantics. For conjunctions, we addressed their stylistic properties, and for particles, their function. We also found that if we were to make a percentage representation of individual parts of speech, prepositions were 41%, conjunctions 32%, and particles 27%.

Литература

Апресян, Ю.Д. *Теоретические проблемы русского синтаксиса, Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур, 2010.

Замятин, Е.И. *Мы*. Москва: Издательство АСТ, 2021.

Костомаров, В.Г., Максимов, В.И. (ред.) *Современный русский литературный язык*. Москва: Гардарики 2003.

Панова, Г.И. *Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник.* Москва: КомКНига, 2010.

Полякова, Л.В. *Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотез.* Тамбов: Принт-Сервис, 2019.

Шведова, Н.Ю. (ред.) *Русская грамматика I*. Москва: Наука, 1980.

Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002.

Pospíšil, I. *Panoráma ruské literatury.* Boskovice: Albert, 1995.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND
Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.07

Robert KAJSTURA

PRASŁOWIAŃSKIE NAZWY NARZĘDZI W ZESTAWIENIU Z ICH POLSKIMI I CZESKIMI POCHODNYMI

Proto-Slavic Tool Names in Comparison with Their Polish and Czech Reflexes

***Keywords**: Proto-Slavic tool names, substantives, etymology, comparative linguistics, Polish reflexes, Czech reflexes*

***Contact**: Uniwersytet Śląski w Katowicach; robertkajstura@wp.pl*

Wstęp

Nazwy prostych narzędzi uznać można za jedną z głównych grup leksemów, które rekonstruować można dla języka prasłowiańskiego i które posiadają istotną liczbę stabilnych kontynuantów w większości języków potomnych. Celem niniejszego rozdziału jest zaprezentowanie wybranych prasłowiańskich leksemów nazywających narzędzia i zestawienie ich z ich polskimi oraz czeskimi kontynuantami.

Ze względu na niejednoznaczność i szerokie znaczenie pojęcia *narzędzie* zakres analizowanego materiału leksykalnego ograniczono pod względem semantycznym do leksemów określających desygnaty, które spełniają następujące warunki:

- *narzędzie* jest obiektem fizycznym a jednocześnie przedmiotem nieożywionym;
- *narzędzie* jest przedmiotem stworzonym przez człowieka;
- *narzędzie* musi mieć zastosowanie praktyczne i wspomagać wykonywanie jakiejś czynności;
- *narzędzie* powinno być przydatne w danej formie pracy lub zorganizowanej działalności, np. w rzemiośle, rolnictwie, sztuce, działaniach wojennych itp.;
- *narzędzie* jest obiektem, który może być obsługiwany i manipulowany ręcznie.

Jednocześnie, ze względów formalnych, z kategorii *narzędzia* wyłączono nazwy mebli oraz pojazdów, które potencjalnie mogłyby spełniać wymienione wyżej warunki semantyczne. Do nazw narzędzi nie zaliczono też określeń prostych instrumentów mających codzienne zastosowanie (np. **lъžica* ‘łyżka’), o ile nie mogą być one używane w kontekstach roboczych i profesjonalnych (jak np. wyraz **nožь* ‘nóż’, który zaliczono

do kategorii narzędzi ze względu na fakt, że desygnaty, który leksem ten określa, mogą być używane w rzemiośle, rolnictwie lub jako broń). Z drugiej strony natomiast do kategorii tej zaliczono instrumenty muzyczne (jako narzędzia służące rozrywce, sztuce) oraz podstawowe elementy uzbrojenia (jako narzędzia służące do okaleczania, zabijania lub samoobrony), a także określenia narzędzi rolniczych, które – w ujęciu historycznym – mogły być *de facto* obsługiwane ręcznie, choć ze względu na swą wielkość i wagę ciągnięte były najczęściej przez zwierzęta, jak np. **plugъ* ‘pług’ lub **borna* ‘brona’.

Poza kryterium semantycznym do ograniczenia zakresu analizowanego materiału leksykalnego wykorzystano również kryteria morfologiczne i kryterium oparte na dystrybucji leksemów we współczesnych językach słowiańskich. Za ich pomocą odrzucono leksemy o niepewnej formie prasłowiańskiej oraz wszelkie przykłady wyrazów, które najprawdopodobniej reprezentują późniejsze innowacje i nie mogą być zaliczone do właściwej warstwy leksykalnej jednolitego języka prasłowiańskiego.

Na podstawie wszystkich wyżej wymienionych kryteriów wyróżnionych zostało 46 prasłowiańskich etymonów, którym odpowiada łącznie 87 kontynuantów w badanych językach współczesnych: 43 polskie leksemy pochodne oraz 44 czeskie leksemy pochodne. Analizowane leksemy podzielone zostały na trzy grupy ze względu na rodzaj gramatyczny rekonstruowanego prasłowiańskiego etymonu.

Nazwy narzędzi rodzaju męskiego w języku prasłowiańskim

Do zebranego materiału leksykalnego należy 16 rzeczowników prasłowiańskich w rodzaju męskim, ich 15 polskich kontynuantów oraz 16 czeskich kontynuantów, które prezentuje poniższa tabela (opracowanie własne na podstawie *Literatury* oraz *Źródeł elektronicznych*):

Nr	Prasłowiański etymon		Polski kontynuant	Czeski kontynuant	
	Leksem	Znaczenie		Leksem	Znaczenie
1	**bǫbьnъ*	‘bęben’	*bęben*	*buben*	‘bęben’
2	**brusъ*	‘brus, osełka’	*brus*	*brus*	‘brus, osełka’
3	**cěpъ*	‘cep’	*cep*	*cep*	‘cep’
4	**greby*	‘grzebień’	*grzebień*	*hřeben*	‘grzebień’
5	**kľučь*	‘hak, klucz’	*klucz*	*klíč*	‘klucz’

Nr	Prasłowiański etymon		Polski kontynuant	Czeski kontynuant	
	Leksem	Znaczenie		Leksem	Znaczenie
6	**lǫkъ*	‘łuk’	*łęk*	*luk*	‘łuk’
7	**mečь*	‘miecz’	*miecz*	*meč*	‘miecz’
8	**měxъ*	‘miech’	*miech*	*měch*	‘miech’
9	**moltъ*	‘młot’	*młot*	*mlat*	‘obuch, młot’
10	**nožь*	‘nóż’	*nóż*	*nůž*	‘nóż’
11	**okovi*	‘okowy’	*okowy*	*okovy*	‘okowy’
12	**plugъ*	‘pług’	*pług*	*pluh*	‘pług’
13	**porkъ*	‘proca’	–	*prak*	‘proca’
14	**sьrpъ*	‘sierp’	*sierp*	*srp*	‘sierp’
15	**ščitъ*	‘tarcza’	*szczyt*	*štít*	‘tarcza’
16	**toporъ*	‘siekiera’	*topór*	*topor*	‘rękojeść’

Wśród powyższych leksemów cztery współczesne kontynuanty uznać należy za element słownictwa specjalistycznego lub przestarzałego (a zatem potencjalnie niezrozumiałego dla większości użytkowników danego języka) – są to czeskie wyrazy *mlat*[1] i *topor* oraz polskie wyrazy *brus* i *łęk*.

Większość analizowanych prasłowiańskich etymonów posiada pary kognatów w obu językach. Wyjątkiem jest leksem **porkъ*, który nie posiada współczesnego polskiego kontynuantu, choć zaświadczony jest staropolski wyraz *prok* o znaczeniu ‘katapulta’ lub ‘proca’ (zob. SPJS). W żadnym wypadku nie dochodzi ponadto do znaczących, nieregularnych zmian morfologicznych. Regularyzacja paradygmatu odmiany w wypadku wyrazu **greby* jest spodziewana zarówno w języku polskim, jak i w języku czeskim, podobnie jak zmiana końcówki nominatywu liczby mnogiej rzeczowników nieżywotnych, którą widać w wypadku leksemu **okovi* (Klemensiewicz 1976: 25, 297; Marešová 2008: 40–41, 47).

Znaczące zmiany semantyczne wśród powyższych wyrazów wskazać można w wypadku polskich leksemów *szczyt* (obecnie ‘wierzch’, najpewniej poprzez ciąg zmian semantycznych ‘tarcza’ > ‘osłona’ > ‘pokrywa’ > ‘wierzch’; por. podobne sekundarne znaczenie w wypadku czeskiego wyrazu *štít* – zob. SSJČ) i *łęk* (obecnie najczęściej ‘zakrzywiony element siodła’) oraz przestarzałego, rzadkiego czeskiego słowa

[1] Obok leksemu *mlat* (< psł. **moltъ*) o znaczeniu ‘obuch, młot’ notowany jest też w języku czeskim homonimiczny wyraz *mlat* o znaczeniu ‘gumno, klepisko’, który najpewniej stanowi sekundarny derywat od staroczeskiego czasownika *mlátiti* ‘młócić, uderzać’ (ale por. Rejzek 2015: 422). Na podstawie danych zgromadzonych w korpusie KonText stwierdzić można, że drugi z tych wyrazów jest we współczesnej czeszczyźnie zdecydowanie bardziej powszechny, choć zasadniczo oba są przestarzałe (zob. ČNK).

topor (‘rękojeść’). Polski wyraz *łuk* stanowi najprawdopodobniej zapożyczenie z języka czeskiego lub staroruskiego, a zatem nie jest natywnym kontynuantem prasłowiańskiego leksemu **lǫkъ* (zob. WSJP).

Nazwy narzędzi rodzaju żeńskiego w języku prasłowiańskim

Do zebranego materiału leksykalnego należy 19 rzeczowników prasłowiańskich w rodzaju żeńskim, ich 17 polskich kontynuantów oraz 18 czeskich kontynuantów, które prezentuje poniższa tabela (opracowanie własne na podstawie *Literatury* oraz *Źródeł elektronicznych*):

Nr	Prasłowiański etymon		Polski kontynuant	Czeski kontynuant	
	Leksem	Znaczenie		Leksem	Znaczenie
1	**borna*	‘brona’	*brona*	*brány*	‘brona’
2	**britva*	‘brzytwa’	*brzytwa*	*břitva*	‘brzytwa’
3	**gǫsli*	‘gęśle’	*gęśle*	*housle*	‘skrzypce’
4	**jьgъla*	‘igła’	*igła*	*jehla*	‘igła’
5	**klěščę*	‘kleszcze’	*kleszcze*	*kleště*	‘kleszcze’
6	**kľuka*	‘hak’	–	*klika*	‘klamka, korba’
7	**kosa*	‘kosa’	*kosa*	*kosa*	‘kosa’
8	**lopata*	‘łopata’	*łopata*	*lopata*	‘łopata’

Nr	Prasłowiański etymon		Polski kontynuant	Czeski kontynuant	
	Leksem	Znaczenie		Leksem	Znaczenie
9	**merža*	‘sieć’	–	*mříž*	‘krata’
10	**metъla*	‘miotła’	*miotła*	*metla*	‘rózga, ubijaczka, trzepaczka’
11	**motyka*	‘motyka’	*motyka*	*motyka*	‘motyka’
12	**pila*	‘piła, pilnik’	*piła*	*pila*	‘piła’
13	**porťa*	‘proca’	*proca*	–	
14	**sekyra*	‘siekiera’	*siekiera*	*sekera*	‘siekiera’
15	**sětь*	‘sieć’	*sieć*	*síť*	‘sieć’
16	**stǫpa*	‘stępa’	*stępa*	*stoupa*	‘stępa’
17	**ščetъka*	‘pędzel, szczotka’	*szczotka*	*štětka*	‘pędzel, szczotka’

18	**trǫba*	‘trąba’	*trąba*	*trouba*	‘piekarnik, rura, trąba’
19	**vidly*	‘widły’	*widły*	*vidle*	‘widły’

Wśród powyższych leksemów dwa współczesne kontynuanty uznać należy za element słownictwa specjalistycznego lub przestarzałego (a zatem potencjalnie niezrozumiałego dla większości użytkowników danego języka) – są nimi refleksy prasłowiańskiego leksemu **stǫpa*, tj. polski wyraz *stępa* i czeski wyraz *stoupa* (wszystkie te wyrazy oznaczają ogólnie ‘moździerz do kruszenia ziarna’).

Leksemy **kľuka* oraz **merža* nie posiadają polskich kontynuantów, choć w wypadku drugiego z nich zaświadczona jest staropolska forma *mrzeża* o znaczeniu ‘sieć rybacka’ (zob. SPJS). Różne refleksy etymonu **kľuka* są natomiast znane i powszechne na całym obszarze słowiańszczyzny, por. ros. *клюка* ‘laska, kula’, słow. *kľuka* ‘korba’, *kľučka* ‘klamka’, słoweń. *kljuka* ‘klamka, hak, zgięcie’ (Derksen 2008: 226; Rejzek 2015: 306). Wyraz **porťa* ‘proca’ nie posiada czeskiego refleksu[2], choć również zachowany został w wielu innych językach słowiańskich – oprócz pol. *proca* por. także chorw. *praća*, słoweń. *frača*, *prača* itd. (Snoj 2016: 186, 580).

Zmiana paradygmatu odmiany w wypadku **gǫsli* > *gęśle*, *housle* nie jest zupełnie regularna, aczkolwiek nie stanowi jednocześnie aberracji, gdyż oba paradigmaty (o końcówce mianownika liczby mnogiej *-i* lub *-e*) mieszane są często w obu językach (Klemensiewicz 1976: 614–615; Marešová 2008: 44). Zmianą niespodziewaną jest natomiast przejście staroczeskiego rzeczownika *vidly* do odmiany miękkotematowej, czego rezultatem jest współczesna czeska forma *vidle*.

Wyraz *brány* ‘brona’ w języku czeskim występuje tylko w liczbie mnogiej. Pojedyncza forma *brána* oznacza ‘brama’, przy czym oba te leksemy mogą mieć inne pochodzenie, jeśli założyć, że prasłowiańskie etymony **borna* ‘brama’ i **borna* ‘brona’ same w sobie są również homonimami, a dwa znaczenia podobnych form tekstowych nie są wynikiem polisemii (Derksen 2008: 56–57; Rejzek 2015: 95, 96).

Czeski wyraz *sekera* posiada też alternatywny wariant *sekyra*, który – choć występuje w korpusach zdecydowanie rzadziej (zob. ČNK) – stanowi zasadniczo regularny i spodziewany rezultat rozwoju prasłowiańskiego leksemu **sekyra* w czeszczyźnie. Ob-

[2] Prasłowiański leksem **porťa* o znaczeniu ‘wysiłek, trud’ jest jednak źródłem czeskiego wyrazu *práce*, a zatem również polskiego bohemizmu *praca*. Oba etymony są uznawane za derywaty od odmiennych prasłowiańskich czasowników, więc nie można mówić w tym wypadku o polisemii, a jedynie homonimii (Rejzek 2015: 545, 546).

niżenie *y* > *e* stanowi w tym wypadku aberrację[3]. Taka sama zmiana przed spółgłoską *r* zachodzi natomiast regularnie w języku polskim (Klemensiewicz 1976: 103).

Istotne dryfy semantyczne wśród wyżej zestawionych wyrazów wskazać można w wypadku czeskich leksemów *mříž*, którego znaczenie uległo zmianie z ‘sieć’ na ‘krata’, *metla* (współcześnie ‘rózga’ lub ‘ubijaczka, trzepaczka’) i *trouba*, którego prymarnym znaczeniem jest współcześnie ‘piekarnik, piec’ (zob. SSJČ). Współczesne znaczenia czeskiego wyrazu *klika* są wynikiem zawężenia pierwotnie szerszego znaczenia (Rejzek 2015: 306; zob. również VW), zaś znaczenie leksemu *housle* ewoluowało wraz z ewolucją instrumentu, do którego wyraz ten się odnosi[4]. W wypadku kontynuantów leksemu **pila* oba badane języki współczesne zachowują jedynie znaczenie ‘piła’, dla drugiego z oryginalnych znaczeń formując wtórnie formy *pilnik*, *pilník* (zob. WSJP, VW, SSJČ).

Nazwy narzędzi rodzaju nijakiego w języku prasłowiańskim

Do zebranego materiału leksykalnego należy 11 rzeczowników prasłowiańskich w rodzaju nijakim, ich 11 polskich kontynuantów oraz 10 czeskich kontynuantów, które prezentuje poniższa tabela (opracowanie własne na podstawie *Literatury* oraz *Źródeł elektronicznych*):

Nr	Prasłowiański etymon		Polski kontynuant	Czeski kontynuant	
	Leksem	Znaczenie		Leksem	Znaczenie
1	**dolto*	‘dłuto’	*dłuto*	*dláto*	‘dłuto’
2	**kopьje*	‘włócznia’	*kopia*	*kopí*	‘włócznia’
3	**motovidlo*	‘motowidło’	*motowidło*	*motovidlo*	‘motowidło’
4	**ordlo*	‘radło’	*radło*	*rádlo*	‘radło’
5	**orǫžьje*	‘uzbrojenie, broń’	*oręż*	–	
6	**ostrьje*	‘ostrze’	*ostrze*	*ostří*	‘ostrze’
7	**sito*	‘sito’	*sito*	*síto*	‘sito’
8	**šidlo*	‘szydło’	*szydło*	*šídlo*	‘szydło’
9	**verteno*	‘wrzeciono’	*wrzeciono*	*vřeteno*	‘wrzeciono’
10	**veslo*	‘wiosło’	*wiosło*	*veslo*	‘wiosło’
11	**vědro*	‘wiadro’	*wiadro*	*vědro*	‘wiadro’

[3] Możliwe, że jest to wynik asymilacji (zob. Marešová 2008: 35).
[4] Alternatywnie to polskie znaczenie wyrazu *gęśle* uznać można za archaizujące, jeśli uznać, że prasłowiański etymon oznaczał po prostu ‘instrument smyczkowy’ (zob. WSJP).

Wśród powyższych leksemów sześć współczesnych kontynuantów uznać należy definitywnie za element słownictwa specjalistycznego lub przestarzałego (a zatem potencjalnie niezrozumiałego dla większości użytkowników danego języka) – są to polskie i czeskie refleksy prasłowiańskich leksemów **motovidlo*, **ordlo* oraz **verteno*. Zwłaszcza kontynuanty etymonu **motovidlo* są szczególnie rzadkie i znaczeniowo niestabilne w obu badanych językach współczesnych (zob. ČNK, NKJP, SSJČ, WSJP).

Prasłowiański leksem **orǫžьje* ‘uzbrojenie, broń’ nie posiada refleksu we współczesnym języku czeskim, choć zaświadczony jest on w materiale staroczeskim jako *oružie* ‘narzędzie, przyrząd, naczynie, broń, oręż’ (zob. VW). Por. także ros. *ружьё* ‘strzelba’ oraz chorw. *oružje*, słoweń. *orožje* i bułg. *оръжие* ‘broń’ (Snoj 2016: 502–503).

Polskie leksemy *oręż* oraz *kopia* zmieniły paradygmat odmiany i rodzaj gramatyczny na, odpowiednio, męski oraz żeński. Regularnymi refleksami prasłowiańskich etymonów **orǫžьje* i **kopьje* powinny być formy *oręże* i *kopie* (dla drugiego z tych słów por. czes. *kopí*). Ponadto w wypadku wyrazu *dłuto* ze względu na etymologię spodziewać należałoby się raczej ortograficznej postaci *dłóto* (Bańkowski 2000a: 275).

Podsumowanie

Przeprowadzone badania wskazują, że w języku polskim zachowało się łącznie 41 leksemów niewykazujących znaczących zmian semantycznych względem analizowanych prasłowiańskich etymonów, tj. mogących wciąż być uznawanymi za nazwy narzędzi. Dwa prasłowiańskie etymony rozwinęły się w języku polskim tak, że ich pochodne zmieniły zupełnie swoją klasyfikację semantyczną. W wypadku języka czeskiego 4 leksemy spośród 44 kontynuantów współczesnych wykazują równie istotne zmiany znaczeniowe, natomiast jednostek o zachowanym prymarnym znaczeniu takim, jakie rekonstruowane jest dla języka prasłowiańskiego, wskazać można 38 w obrębie badanego materiału. Łącznie 3 spośród wszystkich badanych kontynuantów w obu językach współczesnych wykazują ponadto nieregularne przemiany morfologiczne prowadzące do zupełnej zmiany spodziewanego paradygmatu odmiany.

Na zgromadzony materiał prasłowiański składa się 16 rzeczowników rodzaju męskiego, 19 rzeczowników rodzaju żeńskiego i 11 rzeczowników rodzaju nijakiego, co przekłada się na następujący stosunek procentowy: 35 % leksemów to rzeczowniki rodzaju męskiego, 41 % – rodzaju żeńskiego, zaś 24 % – rodzaju nijakiego. W wypadku polskich kontynuantów 37 % leksemów to rzeczowniki rodzaju męskiego, 42 % to rzeczowniki rodzaju żeńskiego, a 21 % to rzeczowniki rodzaju nijakiego (odpowiednio 16, 18 i 9 leksemów), podczas gdy w wypadku języka czeskiego 36 % współczesnych kon-

tynuantów to rzeczowniki rodzaju męskiego, 41 % – rodzaju żeńskiego, zaś 23 % – rodzaju nijakiego (odpowiednio 16, 18 i 10 leksemów). W wypadku wszystkich badanych języków najwyższy procent analizowanego materiały leksykalnego stanowią zatem rzeczowniki rodzaju żeńskiego, zaś najmniej jest rzeczowników rodzaju nijakiego, co uznać można za zaskakujący rezultat. Wśród rzeczowników rodzaju nijakiego w ujętym materiale prasłowiańskim znajdują się ponadto jedynie 4 rze-czowniki z formantem *-*dlo* lub jego alomorfami (**motovidlo*, **ordlo*, **šidlo* i **veslo*) oraz 3 rzeczowniki z formantem *-*ьje* (**kopьje*, **orǫžьje* oraz **ostrьje*). Zmiana rodzaju w wypadku polskich kontynuantów leksemów **kopьje* i **orǫžьje* powoduje, że to w tym języku procent rzeczowników należących do rodzaju nijakiego w obrębie badanego materiału leksykalnego jest najmniejszy.

Summary

This chapter aims to present an analysis of a selected number of Proto-Slavic substantives denoting various tools, along with a comparison with their modern Polish and Czech reflexes. The author's goal is to determine how the examined vocabulary has evolved in these two languages in terms of semantics, morphological structure, and declension paradigms.

Literatura

Bańkowski, A. *Etymologiczny słownik języka polskiego. Tom 1*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.

Bańkowski, A. *Etymologiczny słownik języka polskiego. Tom 2*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.

Brückner, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985.

De Bray, R. G. A. *Guide to the Slavonic Languages*. London: J. M. Dent & Sons LTD, 1969.

Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill, 2008.

Hugo, J. et al. *Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ slov*. Praha: Maxdorf, 2020.

Klemensiewicz, Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976.

Marešová, H. *Základy historické mluvnice češtiny*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2008.

Oliva, K. et al. *Polsko-český slovník*. Voznice: Leda, 2012.

Rejzek, J. *Český etymologický slovník*. Praha: Leda, 2015.

Siatkowski, J., Basaj, M. *Słownik czesko-polski*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2010.

Sławski, F. et al. *Słownik prasłowiański. Tom 1–8*. Wrocław: Ossolineum, 1974–2001.

Snoj, M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2016.

Трубачев, О.Н., Журавлев, А.Ф., Варбот, Ж.Ж. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Том 1–42. Москва: Наука, 1974–2021.

Źródła elektroniczne

Český národní korpus (ČNK). Dostęp z: https://korpus.cz/ (2025-04-17).

Internetová jazyková příručka. Dostęp z: https://prirucka.ujc.cas.cz/ (2025-04-17).

Narodowy Korpus Języka Polskiego (NKJP). Dostęp z: https://nkjp.pl/ (2025-04-17).

Příruční slovník jazyka českého (1935–1957). Dostęp z: https://bara.ujc.cas.cz/psjc/ (2025-04-17).

Slovník spisovného jazyka českého (SSJČ). Dostęp z: https://ssjc.ujc.cas.cz/ (2025-04-17).

Słownik języka polskiego PWN. Dostęp z: https://sjp.pwn.pl/ (2025-04-17).

Słownik pojęciowy języka staropolskiego (SPJS). Dostęp z: https://spjs.ijp.pan.pl/ (2025-04-17).

Vokabulář webový: webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny (VW). Dostęp z: https://vokabular.ujc.cas.cz/ (2025-04-17).

Wielki słownik języka polskiego PAN (WSJP). Dostęp z: https://wsjp.pl/ (2025-04-17).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.08

Daniel KATSCHER

СЕМЬ РАЗ ‘И’ РАВНО ... [I]? О БУКВЕ ‘И’ И ВСЕХ ЕЁ РАЗНОВИДНОСТЯХ В «ВВЕДЕНЇИ ВЪ ГИСТОРЇЮ ЕВРОПЕИСКУЮ»

Seven Times 'u' Equals … [i]?
On the Letter 'u' and All its Varieties in “Vvedenïe v" gïstorïju evropeiskuju”

***Keywords**: Russian language history, 18th century, civil script, orthography, letter i*

***Contact**: Universität Wien; daniel.katscher.wien@gmail.com*

XVIII век: история и контекст

XVIII век в России ознаменован масштабными преобразованиями, инициированными Петром I. Одной из центральных задач модернизации стало распространение знаний, чему способствовал активный перевод западноевропейской литературы – прежде всего учебной, военной, технической и административной. Из-за нехватки квалифицированных специалистов в России, переводы часто осуществляли образованные выходцы из Украины, где латинская традиция была более развита. Это влияние позднее получило название «третьего южнославянского влияния» (ср. Успенский 2002: 411 и сл.).

Переведённое в 1718 г. «Введенїе въ гїсторїю европеискую»[1], основанное на труде Самуэля Пуфендорфа, хорошо иллюстрирует этот культурно-лингвистический сдвиг. Сам Пётр, ценивший Пуфендорфа, уделял внимание качеству перевода и назначил переводчиком украинского проповедника Гавриила Бужинского. На фоне заимствования терминов, смешения стилей и реформы письменности, языковая ситуация, которую Успенский охарактеризовал как диглоссию (Успенский 1994: 4 и сл.) преобразовывается в то, что А.В. Исаченко называет *растерянностью*, *языковым хаосом* и *путаницей* (‘Ratlosigkeit’, ‘Sprachliches Chaos’, ‘Sprachverwirrung’; Issatschenko 1983: 528 и сл.). В.М. Живов описывает эту ситуацию как «петровский пул» (Живов 2017: 961 и сл.) – смесь церковнославянских, народных и западноевропейских элементов. В таких условиях ВвГЕ выступает как

[1] Далее также ВвГЕ.

отражение языковой нестабильности и переходности, характерных для первой трети XVIII века.

В этой языковой ситуации, характеризующейся смешением традиций и отсутствием устоявшихся норм, особенно заметны колебания в области орфографии. Одним из ярких примеров такой нестабильности является употребление графем *и* и *ї*, обозначающих фонему /i/. Данная статья посвящена анализу их функционирования во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» – тексте, отражающем ранний этап становления русского литературного языка.

Исторический очерк написания *и* и *ї*

Графемы, обозначающие фонему /i/ в славянских языках, имеют сложную и многовековую историю. Уже в глаголических памятниках встречаются несколько знаков для этого звука, что свидетельствует о ранней вариативности и нестабильности. Эта неопределённость сохранялась и в кириллице, где параллельно использовались буквы *и* и *ї*. В XVIII веке их употребление оставалось неустойчивым, особенно после орфографической реформы 1708 года, которая исключила ряд знаков и приблизила графику к латинской.

По мнению В.К. Тредиаковского, цель реформы заключалась в упрощении письма и сближении его с латиницей (Тредиаковский 1748: 143), что отразилось, в частности, на судьбе букв *и* и *і*. Одновременно с этим из алфавита исчезли надстрочные знаки, в том числе точки и кратки, что дополнительно затруднило различение графем. Во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» это привело к функциональному наложению *и* и *ї* и образованию гибридной орфографии, где каждая из букв могла выполнять несколько функций в зависимости от контекста.

Особенности графематики во ВвГЕ

Ещё одна вещь, которая бросается в глаза во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» – написание разных графем, особенно для прописной буквы *и десятеричного*. В различных текстах XVIII века встречаются разные аллографы графемы ⟨и⟩, которые все представляют фонему [i] или [j]. Безусловно, эти графемы подчиняются орфографическим тенденциям и нормам, вследствие чего, например, строчное *и десятеричное* во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» всегда передаётся через ⟨ї⟩ с тремой. Однако проблемы возникают с прописными формами *и десятеричного*, которое представлено сразу двумя аллографами: ⟨I⟩ и ⟨İ⟩. Во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» в качестве основной формы используется ⟨İ⟩, и в большинстве

случаев именно оно встречается в тексте. В то же время ⟨I⟩ представляет собой особую литеру, применяемую исключительно в самых крупных кеглях шрифта в выделительных целях, что можно увидеть на титульном листе:

ВВЕДЕНІЕ,
ВЪ
ГІСТОРІЮ
ЕВРОПЕИСКУЮ
Чрезъ
САМУИЛА ПУФЕНДОРФІЯ,
НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫЦѢ СЛОЖЕННОЕ,

Рис. 1: Титульный лист ВвГЕ с различными аллографами ⟨и⟩

Эта ситуация с параллельным употреблением сразу нескольких *и* приведёт к трудностям в передаче текстов цифровыми средствами, из-за чего и в данной главе было принято решение передавать ⟨І⟩ во всех случаях, за исключением самого рассмотрения графем, как ⟨I⟩.

Употребление *и* и *ї* в различных позициях

Возможно куда более интересно чем обсуждение использованных литер представляется нам вопрос орфографического соотнотношения между *и* и *ї*. Уже в глаголице употребление той или иной буквы прежде всего осуществлялось в зависимости от позиции. То же самое касается кириллических букв *и* и *ї*: и здесь распределение букв определяется в первую очередь позицией. Так и оставалось до 1755 года, когда М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» описывал причину существования двух *и* следующим образом: «Буква I произносится также какъ И, и только ради того въ употребленїи осталась, что бы частое стеченїе подобныхъ буквъ не прїятнымъ видомъ взору не казалось противно, и въ чтенїи запинаться не принуждало. Напримѣръ: *въ изыскании истинны*, вместо, *въ изысканїи истинны*: *скинии*, вмѣсто, *скинїи*; *по вознесении Иисусовѣ*, вмѣсто, *по вознесенїи Іисусовѣ*, есть зрѣнїю тяжко. *Иовъ*, вмѣсто *Іовъ*, къ погрѣшному чтенїю *новъ* привести можетъ, для подобїя буквы И съ Н. Ради сего I не больше принадлежитъ въ азбуку,

какъ Й, для оказанїя краткости сей буквы, надписанною скобкою (выделено в оригинале; Ломоносовъ 1755: 42).

По этой цитате видно, что ещё при Ломоносове чётких и понятных правил, касающихся написания *ї* не существовало. Ломоносов видит *и* как главную букву /i/ и выступает за исключение из алфавита как *ї*, так и *й*. Подобную ситуацию можно обозревать во «Введенїи въ гїсторїю европеискую». И здесь распределение весьма непоследовательно. Однако, главной буквой для графической передачи фонемы /i/ во *ВвГЕ* без сомнений является *и десятеричное* (*ї*).[2] В большинстве случаев пишется именно эта буква; и в позициях, где позже внедряется написание *и*, например, в согласном окружении:

— **В суффиксах:** Так, например, в суффиксах, происходящих от *-икъ* или *-ица*[3], преобладает написание с *ї*, как показывают примеры: *жїзни* ***учїтелнїца,*** ***возвѣстїтелнїца*** *древности:* (с. Пред[4] 7)[5]; *Ради которыхъ познанїя и розыску* ***розыщїки*** *поставлены,* (с. 153); *которыя съ онои торговли изрядныи* ***купчїки*** *надѣялїся собрати,* (с. 506). Это написание с *ї* встречается в разных суффиксах, происходящих от *-икъ* и *-ица* (напр. *-щик*,[6] *-чик*, и *-чица*, а также *-ик* и *-ица*) в то время, как написание с *и* встречается всего семь раз, каждый раз в суффиксах *-нїкъ* или *-нїца*, которые в праславянском образовались путём расширения прилагательных (*-ьn-) с *-ikъ и *-ica: *Іоаннъ Австрїискїи въ Белгїи* ***началникъ*** (с. Изъ 7); *Іоаннъ новъ, сїесть отъ* ***подложницы*** *рожденныи Португальскїи Король* (там же); *отъ Папы Адвокатъ и* ***защїтникъ*** *церкви нареченъ* (с. Изъ 8). Также любопытно, что все эти формы с *и* встречаются в реестре (‘Изъявленїе’), где в целом также доминирует написание с *и десятеричным* (*ї*).

— **В приставках:** Похожее можно обозревать на примере приставки *при-*: здесь также доминирует написание с *ї*, которое встречается в 581 случае: *И тако Королева со всѣми* ***непрїателями*** *дому Австрїискаго* ***прїязнь*** *велїкую имѣла,* (с. 149); *съ шестїю тысящами человѣкъ въ Швецїю* ***прїшолъ***. (с. 444); *на* ***прїмѣръ****:* (с. 524). Гораздо реже (в 50 случаев) наоборот встречается написание с *и*: *и тако* ***прискорбно*** *есть Датчаномъ,* (с. 370); *безопасное къ ему* ***прибѣжїще*** *имѣли* (с. 491); *Люзитановъ* ***природа*** (с. Изъ 10). Помимо славянской приставки

[2] Это, пожалуй, последствия реформы 1708 г., когда была полностью убрана из алфавита *и восьмеричное* (*и*), а его место занимал *и десятеричное* без точки (*і*).
[3] В дальнейшем здесь в нейтральных ситуациях, т.е. если речь идёт не об определённом написании, а об обобщённом названии приставки, суффикса, и т.д. будет использовано написание с *и*, напр. *-икъ* как написание, обобщающее написания суффикса *-икъ* и *-їкъ*.
[4] ‘Предїсловїе’; также ср. *Изъ* (‘Изъявленїе’) ниже. В книге отсутствует сквозная пагинация; предисловие и указатель нумеруются отдельно.
[5] Далее все указанные страницы примеров ссылаются на (Пуфендорфїи 1718), если не указано иначе.
[6] Соответствующий женский вариант *-щица* во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» не встречается.

при-, также зафиксировано 11 случаев употребления слов, начинающихся на *при-*, но являющихся латинскими заимствованиями, а именно *прївїлегїя* и *прївїлеи*, которые также пишутся с *ї*.

— В предлоге *при*: По-другому обстоят дела с предлогом *при*: предлог встречается 405 раз в форме с *и*, в том числе в следующих контекстах: ***при*** *пресвѣтломъ на Россїискомъ небѣ возсїянїи,* (с. 1); *Брань* ***при*** *Пїктавїи.* (с. 197 *M*); *на бранѣхъ* ***при*** *Геневѣ въ лѣто 1674 таже* ***при*** *траектѣ* ***при*** *Мозѣ* (с. 291); *отъ воїнства Кесарскаго* ***при*** *монастырѣ С: Говарда побѣждены,* (с. Изъ 14). Написание с *ї* здесь встречается лишь 6 раз: *праведною бранїю* ***прї*** *Леївїи* (с. 180); *брань сотворїлъ съ Королемъ* ***прї*** *Монтемлехерїцѣ,* (с. 207); ***прї*** *немъ же высочаїшая власть въ обществѣ есть.* (с. 464). Как видно, из приведённых форм невозможно делать выводы о написании специфических форм в отдельных контекстах. Единственное, что бросается в глаза – написание предлога *при*, которое вопреки общей тенденции чаще пишется с *и*.

— В именах собственных: Кроме написания *и* или *ї* в предлогах, приставках, суффиксах и союзах, также интересно написание в заимствованных именах собственных, т.к. в XVIII в. ещё не существовало устойчивых написаний или урегулированных способов транскрипции и транслитерации для имён. В большинстве случаев, это, пожалуй, может объясняться недостаточным знанием этих имён в России XVIII века: ***Лїммерикъ Вилгелму Британскому*** *Королю поддался* (с. Изъ 10); *Французовъ* ***Ішпаны*** *при* ***Ѳеонїсваллѣ*** *побѣждаютъ и прогоняютъ,* (с. 61); *и на послѣдокъ* ***Аббатїсцелля*** *съ прочїими союзныхъ грады соедїнїшася.* (с. 308). Иногда встречаются разные написания одного и того же имени, находящиеся в непосредственной близости друг от друга[7]:

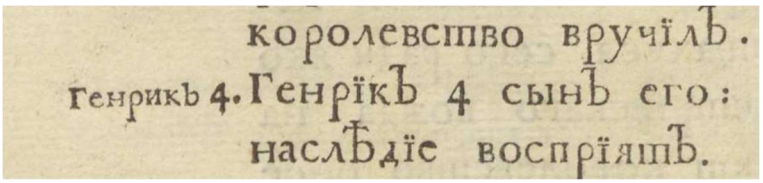


Рис. 2: с. 40 (*M*)

— В начале слов: Как стало видно по примеру *Ішпаны*, *ї* также появляется в начале слов, что не удивляет. Хотя оно не является строго обязательным, можно заметить определённые тенденции. Этот языковой признак позволяет частотное исследование, главные результаты которого будут приведены ниже. Подверглись анализу все 45 словоформы, возникающие с *ї* в начале слова (Здесь лексемы перечисляются в обобщенной форме): *І* / *ї* (союз), *Іагелл-*, *Іаков-*, *Іамбур-*, *Іамесъ*,

[7] *M* в нумерации страниц здесь обозначает пример, находящийся в маргиналиях.

Іаннуарїа, *Іаннїнъ*, *Іану*, *Іап*(*п*)*онїи*, *Іарїнскїи*, *Іатїнъ*, *Иван-*, *Ивер-*, *їг-*, *Игнавусъ*, *Идол-*/*їдол-*, *Иезу-*, *Иемптїю*, *Иер-*, *Иерундаръ*, *Иерусалїм-*, *їзбранными*, *їзвол-*, *їзобрѣли*, *Изрядныи*, *Изулу*, *їзъ*, *ИИСРАІЛЯ*, *Іисус-*, *Икон-*, *їлї*, *Іллїрїка*, *Имберу*/*Имбїрь*, *Име-*/*їмя*, *Импер-*/*їмпер-*, *Имъ*/*їмї*/*їхже*, *їмѣешъ*, *Инд-*/*їнд-*, *їнн-*, *їно-*, *Истор-*/*їстор-*, *Исторнарїю*, *їсточнїка*, *Италї-*/*їталї-*, *їттї*.

С учётом частотности проявляется проблема учёта стоп-слов: поскольку союз *и* встречается очень часто (составляя 65,33% всех случаев), это искажает общую картину, в которой 93,18% всех форм написаны с *и*, а только 6,82% – с *ї*. Этот показатель также важен для анализа (см. ниже), однако он затрудняет дифференцированный анализ остальных слов. Поэтому здесь также приведены пересчитанные данные с исключением союза *и*. В этом случае соотношение изменяется: 19,31% слов начинаются с *ї*, а 80,69% – с *и*. Однако можно заметить, что многие служебные слова чаще пишутся с *и*, поэтому был проведён ещё один этап анализа: были подсчитаны данные с исключением стоп-слов *и*, *изъ*, *или*, *и*(*же*), *имѣти*, *иннои*, *итти*.

Такой подход даёт совершенно иной результат: 57,71% всех этих форм, начинающихся с *І* / *ї*, действительно пишутся с *ї*; альтернативные формы с *и* встречаются реже (42,29%). Безусловно, можно обсуждать, какие лексемы следует исключить как стоп-слова, поэтому выше также указались данные с их учётом. Ещё одна интересная в этом контексте цифра – написание определённых нами стоп-слов: Эти в 99,75% случаев написаны с *и*, что, вероятно, связано с их высокой частотностью и стандартизацией написания. Исключая стоп-слова, мы рассматриваем всего 11,44% всех слов, начинающихся с *ї*, однако эти случаи могут быть более показательными, так как их написание менее закреплено.

— Перед гласными: Привычное нам с дальнейшего XVIII в. написание *ї* перед гласными также преобладает во «Введенїи въ гїсторїю европеискую». В отдельных случаях по разным причинам *и* также пишется перед гласными. В 11 случаях таким образом учитывается морфологическая структура слова в словах с приставками *ни-* и *при-*: *Королева Скоттская* ***ниедїныя*** *прїчїны имѣла* (с. 139); *по малу* ***приобыкоша,*** (с. 180); *на договорахъ sтѣло* ***приятныхъ****:* (с. 227); *превелїкое множество денегъ* ***приуготовлялъ****.* (с. 238); *да* ***приобучатся*** *его и воїновъ святыхъ,* (с. 533); *яко* ***ниедїнаго*** *случая* (с. 556). Однако этому противостоят 1056 форм с *прї* + *гласным* и 83 формы с *нї* + *е-*, что составляет подавляющее большинство всех форм, образованных по этой схеме. В остальных трёх случаях, когда *и* во ВвГЕ пишется перед гласными, имеются другие объяснения: в случаях

разумѣию (с. 459) и *Коллегиумъ* (с. 529 М) вероятно имеют место ошибки набора, тогда как в случае *РАЗДѢЛЕНИЯ* очевидно была исправлена ошибка:

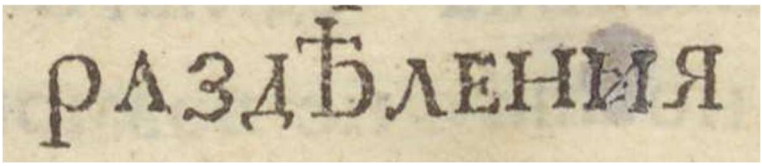


Рис. 3: с. 1 *Загл.*

Здесь хорошо видно, что вместо исправленного *И* изначально был напечатан другой знак (возможно *Ы*?). Поскольку речь идёт о заголовке на первой странице, можно предположить, что *И*, а не *І* было выбрано для того, чтобы избежать нарушения визуальной гармонии более узким знаком *І*.

Наблюдаются колебания в написании *и* даже в союзах, хотя по сравнению с другими рассмотренными позициями использования *и* здесь проявляются более чёткие тенденции:

— **Союз *и*:** В 8 396 случаях (99,81% от всех употреблений) союз *и* встречается в стандартном написании с *и восьмеричным* (*и*): *Іоаннъ же непрїятелеи нечаянно утѣсняетъ* ***и*** *побѣждаетъ.* ***и*** *Арѳура князя самаго уловїлъ* (с. 113); **И** понеже завїсть такожде между другами возрастала, (с. 291); *уловлены* ***и*** *слѣ бїты* ***и*** *желѣзными обремененны оковами,* (с. 422); *Ѳеодоръ Царь* ***и*** *Великїи Князь Московскїи,* ***и*** *его дѣла* (с. Изъ 16). Наоборот, всего лишь в 16 случаях (0,19 %) союз *и* пишется с *и десятеричным* (*ї*): ***І*** *всячески оныи народъ утѣснялъ и бѣдственно оскорблялъ,* (с. 172); *їзъ Епїскоповъ* ***ї*** *Архїмандрїтовъ* (с. 398 f.); *осужденъ,* ***ї*** *въ Стоколми казненъ бысть смертїю.* (с. 421); *Человѣкъ,* ***ї*** *древнїї человѣческїи чїнъ,* (с. Изъ 16). Распределение союза *ї* (с *и десятеричным*) по главам крайне неравномерно, что позволяет изображение путём диаграммы[8]:

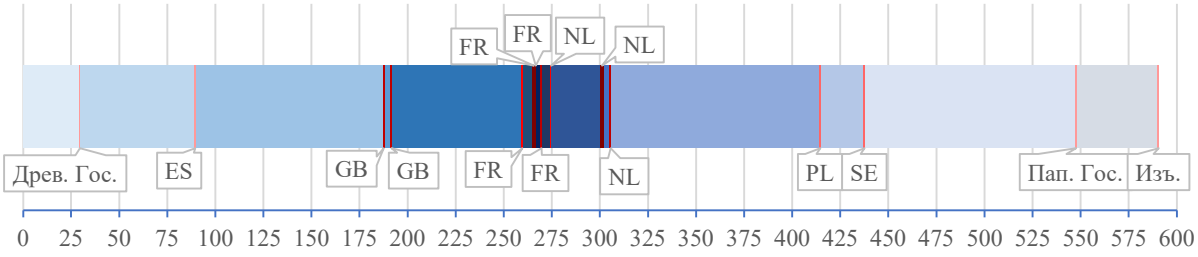


Диаграмма 1: Частота употребления союза *ї* в главах ВвГЕ

[8] На Диаграмме 1 изображено всё количество напечатанных страниц из ВвГЕ. Красные столбцы с названиями глав обозначают одно появление союза *ї*.

Как видно, союз *її* встречается преимущественно в главах, посвящённых Великобритании, Франции и Нидерландам. Особенно сильная концентрация наблюдается в главе о Франции, вплоть до перехода к главе о Нидерландах: здесь на протяжении 16 страниц встречается пять случаев написания *її*. Примечательно, что в остальном тексте такая форма отсутствует на значительных отрезках. Анализ соответствующих контекстов проясняет причины такой орфографии: во всех случаях написания союза в форме *її* в строке остаётся очень мало свободного места. По крайней мере, в приведённых примерах *її* употребляется исключительно в целях экономии пространства. То же наблюдается и в остальных случаях, за исключением первого появления на стр. 285:

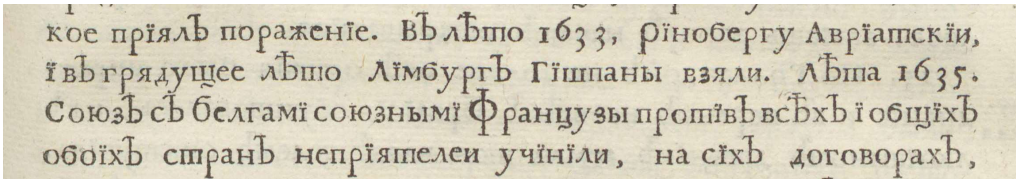
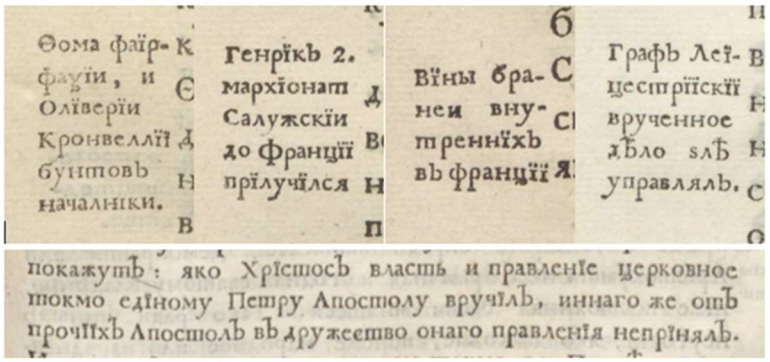

кое пріялъ пораженіе. Въ лѣто 1633, рїнобергу Авріатскїи,
їв грядущее лѣто Лїмбургъ Гішпаны взяли. Лѣта 1635.
Союзъ съ белгамї союзнымї Французы противъ всѣхъ і общїхъ
обоїхъ странъ непріятелеи учїнїли, на сїхъ договорахъ,

Рис. 4: с. 285

На **Рис. 4** видно, что во второй строке пространства вполне хватило бы для написания более широкой буквы *и*. Тем не менее, было использовано *її*, возможно, из-за того, что в строке ниже также встречается *її*. Почему именно в этих главах особенно много строк с малым количеством доступного места – вопрос, на который сложно дать однозначный ответ. Можно предположить, что это связано с индивидуальными особенностями разных наборщиков.

— Союз *или*: Во ВвГЕ союз *или* встречается 632 раза, причём в 631 случае используется стандартное написание *или*. Однако в одном случае, на стр. 146, встречается написание *їлї*. Здесь также очевидна экономия пространства, поскольку строка, в которой находится это слово, имеет плотный набор.

— *їи* и *її*: Аналогичную функцию выполняет окончание *-її*. Это окончание используется исключительно в местах с ограниченным пространством, например, в маргиналиях:


Ѳома фаїр-
фаѳїи, и
Оліверїи
Кронвеллїї
бунтовъ
началники.

Генрїкъ 2.
мархїонат
Салужскїи
до францїї
прілучілся

Вїны бра-
неи вну-
тренніхъ
въ францїї

Графъ Лей-
цестрїйскїї
врученное
лѣло слѣ
управлялъ.

покажутъ: яко Хрїстосъ власть и правленіе церковное
токмо єдіному Петру Апостолу вручілъ, иннаго же отъ
прочіїхъ Апостолъ въ дружество онаго правленія непрінялъ.

Рис. 5: ВвГЕ, сс. 158 *M*, 220 *M*, 222 *M*, 278 *M* и 523

Анализ примеров, представленных на **Рис. 5**, показывает, что в маргиналиях используются написания с *їи* (*фаʒ**їи***, *Оливер**їи***, *Салужск**їи***) и *ії*, причём единственная разница заключается в том, что в случаях с *ії* было ещё меньше места для набора текста. Тот же принцип наблюдается на стр. 523, где для экономии места *и* было заменено на *ї*.

В заключение вышеречённого можно сказать, что единообразного написания *и* и *ї* не существует. Хотя в целом доминирует *ї*, встречаются и написания с *и*, а в случае предлога *при* именно эта форма оказывается преобладающей.

Употребление *и* и *ї* для передачи полугласного /j/

Кроме передачи звука [i], буква и во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» также выполняет функцию обозначения полугласного [j], поскольку в кириллице того времени не существовало специального знака для этой фонемы. Ситуация усугублялась реформой 1708 года, в ходе которой были упразднены все надстрочные знаки (в том числе кратка), что устранило возможность графически различать /i/ и /j/.

Реформа орфографии 1710 года ввела графему ⟨ї⟩ и этим восстановила точки, однако диакритика по-прежнему отсутствовала. Согласно наблюдению А.В. Исаченко, это порождало неоднозначности, особенно в случаях типа *грѣхъ **мои*** / *грѣеси **мои*** (Issatschenko 1980: 130; № 5.1.1.). В исследуемом тексте *и* может передавать /j/, например: ***Шуискїи Васїлїи*** *Царь* ***Московскїи*** (Изъ 16); ***охотныи*** *духъ* (с. 311). В других случаях аналогичную функцию выполняет *ї*: *гробы **Августѣїшїхъ*** (с. 345), *млеко и **яїца*** (с. 506), ***пресѣкшеїся*** *фамїлїи* ***тої*** (с. 526). В целом трудно точно определить, какой звук – [i] или [j] – предполагался в каждом конкретном случае, особенно в именах собственных, где орфография ещё не была устоявшейся.

Употребление *ъи* и *ъї* вместо *ы*

Иногда фонема [ɨ], обычно передаваемая графемой ⟨ы⟩, во ВвГЕ обозначается графами |ъи| и |ъї|. Это написание обеспечивает морфологическую прозрачность: после приставок, оканчивающихся на согласный, в некоторых случаях использовалось написание с ъ, что помогает графически выделить границу между морфемами.

Наиболее распространённый диграфный вариант – ъї: *предъ**ї**дущее* (с. 52), *изъ**ї**тти* (с. 447), *возъ**ї**мъли* (с. 479), *отъ**ї**де* (с. 112). Написание ъи фиксируется реже, но встречается в аналогичных случаях. Стандартная форма ⟨ы⟩ преобладает (54 случая), особенно при двойных приставках типа *произ-*, напр.: *произ**ы**де* (с. 2), *проїз**ы**ти* (с. 524 М). Встречаются также формы типа *из**ы**доша*, *из**ы**скати*, *вз**ы**їде*.

Также, интерес представляют случаи типа *проїз**ыи**де* (с. 26), *вз**ыї**де* (с. 241), где появляется дополнительное *и*. Эти формы, скорее всего, образованы по аналогии с глаголами *в**ыи**ти*, *пр**ии**ти*.

В целом, диграфы встречаются в 27,59% случаев, где их морфологическая мотивировка очевидна, но стандартное написание ⟨ы⟩ используется в 72,41% случаев – что говорит о начале орфографической стабилизации, но сохраняющейся вариативности.

Заключение

В совокупности наблюдаемые во «Введенїи въ гїсторїю европеискую» колебания в написании *и* и *ї* отражают переходное состояние русского языка начала XVIII века. Орфография текста демонстрирует неустойчивость графических норм, при этом графема ⟨ї⟩ занимает доминирующее положение, особенно в позициях, требующих четкого фонематического или морфемного разграничения. Вместе с тем сохраняется активное употребление ⟨и⟩ – прежде всего в высокочастотных словах и устойчивых конструкциях, что свидетельствует о взаимодействии традиции и начавшейся стандартизации.

Таким образом, исследуемый материал позволяет проследить формирование орфографической нормы в эпоху петровских реформ: через призму конкретного текста мы видим, как кириллическая система адаптировалась к новым культурным, типографским и языковым условиям. Эта вариативность – не просто следствие хаоса, но важный симптом живой языковой перестройки.

Summary

This chapter analyzes the distribution of the letters *u* and *ï*, as well as orthographic features related to them in “Vvedenïe v″ gïstorïju evropeiskuju” (1718), a translation of Samuel Pufendorf’s influential historical work. The variation in the use of *u* and *ï* reflects the instability of Russian orthography during the Petrine reforms. While *ï* dominates in phonologically or morphologically salient positions, *u* prevails in some

high-frequency words. The study illustrates how early 18th-century Russian orthography balanced tradition and emerging standardization.

Литература

Живов, В.М. *История языка русской письменности. Т. II*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Ломоносовъ, М.В. *Россійская грамматика*. Санктпетербургъ: При Императорской академіи наукъ, 1755.

Пуфендорфїи, С. *Введенїе въ гїсторїю европеискую чрезъ Самуила Пуфендорфїя, на нѣмецкомъ языцѣ сложенное таже чрезъ Іоанна Фрїдеріка Крамера, на латїнскїи преложенное. Нынѣ же повелѣнїемъ велїкаго государя царя Петра Перваго всероссїискаго їмператора на россїискїи съ ...* Санктъпїтербурхъ, 1718.

Тредиаковский, В.К. *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і россійскімъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что пріналежітъ къ сей матеріі*. Санктпетербургъ: Академической типография, 1748.

Успенский, Б.А. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис, 1994.

Успенский, Б.А. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва: Аспект пресс, 2002.

Issatschenko, A. *Geschichte der russischen Sprache. T. 1: Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*. Heidelberg: Winter, 1980.

Issatschenko, A. *Geschichte der russischen Sprache. T. 2: Das 17. und 18. Jahrhundert*. Birnbaum, H., Ďurovič, L., Salnikow-Ritter, E. (eds.). Heidelberg: Winter, 1983.

Использованные в рисунках сканы взяты из экземпляра «Введенїе въ гїсторїю европеискую» Российской Национальной Библиотеки:

Введение, в гисторию европеискую. *Электронный каталог РНБ*. Режим доступа: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS009685561 (2025-04-27).

Введение, в гисторию европеискую. *НЭБ Книжные памятники*. Режим доступа: https://kp.rusneb.ru/item/material/vvedenie-v-gistoriyu-evropeiskuyu-2 (2025-04-27).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.09

Natália KOVÁČOVÁ

OD MOTORA K METAFORE: POUŽÍVANIE METAFOR ŠPORTOVÝMI KOMENTÁTORMI F1

From Engine to Metaphor: the Use of Metaphors by F1 Sports Commentators

Keywords*: sports commentary, metaphor, F1, live broadcast*

Contact*: Masarykova univerzita; kovacova.natalia@mail.muni.cz*

Šport predstavuje významný kultúrny fenomén, ktorý presahuje rámec telesnej aktivity a ovplyvňuje rôzne oblasti spoločenského života. Už od nepamäti zohráva kľúčovú úlohu pri formovaní identity a pri symbolickom vyjadrovaní moci, odvahy a súťaživosti. V súčasnosti sa šport pretransformoval na významné hospodárske odvetvie s globálnym charakterom a etabloval sa ako dôležité kultúrne médium, ktoré zohráva dôležitú úlohu vo verejnom diškurze a ovplyvňuje spôsob, akým jednotlivci vnímajú svet.

Výraznou črtou športu ako sociálneho fenoménu je jeho jazykové sprostredkovanie. Komentovanie športových udalostí najmä v reálnom čase nepredstavuje len sprostredkovanie faktov a výsledkov. Ide o proces konštruovania osobitného naratívu, v ktorom sa technické informácie prelínajú s emocionálnym a obrazným vyjadrovaním.

Živý športový komentár

Priamy televízny športový prenos možno z hľadiska žánrovej klasifikácie považovať za najbližší televíznej reportáži, keďže komentátor sprostredkúva aktuálne dianie divákom v reálnom čase. Zároveň však vykazuje znaky moderovaných žánrov, čím vzniká žánrový synkretizmus. V rámci takéhoto prenosu dochádza k prelínaniu viacerých žánrov – *komentára* (analýza priebehu udalosti), *rozboru* (taktické a herné systémy), *recenzie* (hodnotenie výkonu hráčov), *reportáže* (aspekt *tu* a *teraz*), či *glosy* (vtipné či ironické poznámky reagujúce na situáciu) (Mergeš 2013: 914–915).

Priamy televízny športový prenos a s ním súvisiaci komentár sa primárne orientujú na sprostredkovanie informácií prostredníctvom dvoch základných zložiek – obrazu a zvuku. Dominantnú úlohu zohráva obrazová zložka, pričom zvuková zložka, reprezentovaná komentárom, sa tvorí v závislosti od nej. O živom športovom komentári môžeme

teda tvrdiť, že jeho hlavnými rysmi sú hovorovosť, nepripravenosť a spontánnosť (Svobodová 1992: 72–77).

Úlohou komentátora je taktiež diváka zaujať a udržať jeho pozornosť. Na udržanie pozornosti diváka sú využívané medzi inými aj rôzne paralingvistické javy, akými sú tempo reči, intonácia, členenie a frázovanie a pod. (Křivohlavý 1988), vysoká miera expresívneho vyjadrovania, v rámci ktorého komentátori často siahajú po metaforických pomenovaniach, ktoré nie len pritiahnu pozornosť diváka, ale aj zintenzívnia samotnú výpoveď.

Formula 1

V rámci nášho výskumu sme ako predmet analýzy vybrali kráľovnú motoristického športu, ktorou je súťaž Formula 1, ktorá sa v súčasnej dobe považuje za jedno z najvýraznejších globálnych športových podujatí súčasnosti.

Formula 1 sa v priebehu posledného desaťročia etablovala ako jeden z najpopulárnejších športov na globálnej úrovni. K tomuto trendu prispelo viacero faktorov, medzi nimi najmä výrazné technologické inovácie, dramatické zmeny v pravidlách a štruktúre tímov, ako aj cielene riadená medializácia zo strany organizátora šampionátu. K zásadnému nárastu záujmu o tento šport prispel aj dokumentárny seriál *Drive to Survive*, produkovaný spoločnosťou Netflix od roku 2019, ktorý divákom sprostredkoval zákulisie F1 prostredníctvom dramatizovaných naratívnych prvkov. Tento formát sprístupnil šport novým cieľovým skupinám, ktoré predtým nevykazovali záujem o motoristické disciplíny. Dôkazom toho je aj neustále sa znižujúci priemerný vek divákov. Zatiaľ čo v roku 2016 bol priemerný vek diváka 36 rokov, v roku 2021 to bolo iba 32 rokov, čo je v porovnaní s priemernými fanúšikmi NBA či NHL, u ktorých toto číslo neklesá pod 40, skutočne nízke.

Výrazný nárast popularity možno pozorovať aj v strednej Európe, konkrétne v Českej republike a na Slovensku. V rámci týchto dvoch krajín existuje silná a aktívna fanúšikovská komunita, ktorá sa sformovala okolo projektu EisKing, ktorý vybudovalo slovensko-české moderátorské duo Števo Eisele a Josef Král. Tento projekt predstavuje unikátnu kombináciu odbornosti, analytického prístupu a zábavnej formy komunikácie, ktorá dokáže efektívne osloviť široké spektrum divákov. Prostredníctvom podcastov, YouTube videí či komentovania živých prenosov sa EisKing stal významným médiom popularizácie Formuly 1 v slovenskom a českom prostredí. Vysoká sledovanosť a interakcia fanúšikov na sociálnych sieťach poukazujú na to, že sa jedná o platformu, ktorá má značný vplyv na popularizačný diškurz súťaže F1 na Slovensku a v Česku.

Metafora

Pojem *metafora* má svoj etymologický pôvod v starogréckom výraze *μεταφορά*, ktorý možno doslovne preložiť ako „prenesenie“. V klasickom chápaní, ktoré siaha až k Aristotelovi, je metafora koncipovaná ako jazykový prostriedok založený na princípe podobnosti. V tomto užšom zmysle sa definuje ako „užití slova nebo slovního spojení v přeneseném, nevlastním, posunutém významu na základě podobnosti“ (Nekula, Čermák, Pleskalová 2002: 258). V minulosti bola metafora prevažne vnímaná ako básnický a rétorický fenomén, čomu zodpovedá taktiež charakteristika Jána Findru: „metafora je typický prostriedok umeleckých textov, najmä básnických“ (Findra 1982: 334).

V súčasnosti však došlo v lingvistickom výskume k významnému posunu v chápaní metafory. Na rozdiel od tradičného prístupu ju moderná kognitívna lingvistika vníma ako základný mechanizmus ľudského myslenia. Kľúčovú úlohu v tejto zmene zohrala publikácia *Metaphors We Live By* (1980)[1] od Georgea Lakoffa a Marka Johnsona, ktorá je dnes považovaná za jedno zo základných diel kognitívnej lingvistiky. Autori v nej prezentujú tézu, podľa ktorej metafora predstavuje integrálnu súčasť nášho každodenného života, neobmedzuje sa len na jazyk, ale preniká aj do nášho myslenia a konania. V tomto pojatí metafora nie je primárne javom jazykovým, ale konceptuálnym (Lakoff, Johnson 2002: 15).

V rámci metafor sa môžeme stretnúť taktiež s pojmami *aktualizácia* a *automatizácia*. Jazyková automatizácia predstavuje proces vytvárania ustálených lexikálnych a gramatických spojení, ktoré nesú rôznorodý významový obsah. Tieto jazykové konštrukcie však v dôsledku nadmerného alebo neadekvátneho používania postupne strácajú účinnosť, čím nadobúdajú negatívne zafarbenie a menia sa na klišé alebo frázy (Vlašín 1984: 35). Na rozdiel od jazykovej automatizácie, predstavuje aktualizácia prostriedok oživenia jazykového prejavu. Jedná sa o tendenciu k novému, neobvyklému vyjadrovaniu (Mlčoch 2002: 12). V špecifickom prostredí živého športového komentára je potreba aktualizácie obzvlášť dôležitá a práve metafora je jedným z hlavných prostriedkov. Jedná sa predovšetkým o metaforické pomenovania vyjadrené substantívom, adjektívom a slovesom (Mlčoch 2007: 177–178). Medzi hlavné zdroje aktualizovaných vyjadrení Mlčoch radí jazykové prostriedky z rôznych tematických oblastí ako je politika, vojenská terminológia, história, kultúra, literatúra, film a pod. (Mlčoch 2002: 14).

[1] Dielo zostalo preložené do českého jazyka s názvom *Metafory, kterými žijeme* v roku 2024 Mirkom Čejkom.

Analyzovaný materiál

Na analýzu boli zvolené záverečné preteky sezóny 2024, ktorými boli Veľká cena Las Vegas (23. november 2024) a Veľká cena Abú Zabí (8. december 2024). Výber týchto podujatí bol motivovaný ich významom v rámci šampionátu, keďže záverečné kolá sezóny sú často dejiskom rozhodujúcich momentov, čo môže viesť k intenzívnejšiemu emocionálnemu a obraznému vyjadrovaniu zo strany športových komentátorov.

Analýza metaforických pomenovaní bola realizovaná na základe slovných druhov. Zamerali sme sa na metaforické pomenovania vyjadrené substantívom, adjektívom a slovesom[2], ktoré, ako sme spomínali vyššie, Mlčoch radí k najviac používaným (Mlčoch 2007: 177–178).

Metaforické pomenovania vyjadrené substantívom

V rámci našej analýzy komentátorských prejavov sme sa stretli s množstvom pokusov o jazykovú aktualizáciu, čo platí aj pri používaní metaforických pomenovaní vyjadrených podstatným menom. V rámci ich tvorenia komentátori častokrát siahali do rôznych tematických oblastí.

V rámci závodu v Las Vegas sa častokrát komentátori uchyľovali k využívaniu metafor, ktoré odkazovali priamo na dejisko, kde sa preteky odohrávali. Príkladom sú nasledujúce metafory:

- *Pozeráme sa na **epickú scenériu mesta hriechov**.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

- *Tak poďme na **formulovú ruletu** v Las Vegas.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

- *Tak to bol blbý **black jack** pre Peréza, ktorý prišiel v priebehu tej rovinky o dve pozície a mieri do boxov.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

- *Historicky čtvrtý závod **v městě hříchů**.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

Metaforické spojenie *epická scenéria mesta hriechov* predstavuje príklad tematicky motivovanej jazykovej aktualizácie, v ktorej dochádza k integrácii naratívneho

[2] Je potrebné podotknúť, že častokrát dochádzalo v rámci jedného vyjadrenia k použitiu viacerých druhov metaforických pomenovaní. V nasledujúcich kapitolách uvádzame iba určité príklady metaforických pomenovaní, ktoré boli v rámci analyzovaných závodov použité a nie všetky, na ktoré sme pri analýze narazili.

a hodnotiaceho významového aspektu. Lexéma *epický* v sebe nesie vizuálne aj emocionálne zafarbenie, zatiaľ čo pomenovanie *mesto hriechov* explicitne odkazuje na všeobecne známy kultúrny stereotyp spojený s Las Vegas. Rovnako aj výrazy *formulová ruleta v Las Vegas* a *black jack pre Peréza* využívajú asociáciu s hazardom, s ktorým je dejisko pretekov častokrát spájané. V uvedených prípadoch ide o metaforické vyjadrenie nepredvídateľnosti a rizika spojeného so závodmi Formule 1, a zároveň o štylisticky efektívne prepojenie priestorového kontextu s charakterom športového diania.

Ďalším zdrojom metaforických pomenovaní vyjadrených substantívom bol tematický okruh spojený s vojenskou terminológiou. Jednalo sa predovšetkým o lexémy *súboj*, *bitka*, *bitva*. Takéto metaforické vyjadrenia, v ktorých sa šport prirovnáva k vojne, boju či stretu, sú v žurnalistike úplne bežné a nemožno teda hovoriť o aktualizovaných vyjadreniach.

*- Klíčová situace v letošní **bitvě o mistrovský titul**, kdo ví, jestli můžeme říkat **bitva**, ale pojďme zpátky na čelo.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Josef Král)

*- V **bitke o víťazstvo**, pokojne si môžeme na zoznam napísať rovno šesť kandidátov.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

*- ...Checo Peréz byť **vyhrál souboj** s Alexem Albonem...*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

*- ...Hamilton je absolútne **na dostrel** Leclerca.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

Osobitnú pozornosť si zaslúžia taktiež nižšie uvedené metafory, ktoré slúžia na vyjadrenie technických problémov či výkonov vozidiel a jazdcov.

*- Klobúčik dole pred mechanikmi Williamsu, ktorí poskladali tú **lego skladačku** Franca Colapinta.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

*- Ale tam to vypadá, že ta **guma je úplně po smrti** nebo tam bude ještě nějaký další jiný problém.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Josef Král)

*- ...ale po čtyřech kolech **z těch gum byly žvejkačky**, takže je mohl okamžitě vrátit zpátky...*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

V prvom prípade sa jedná o metaforické pomenovanie, ktoré odkazuje na výbornú prácu mechanikov, ktorí boli nútení po tréningu opraviť monopost, s ktorým Franco Colapinto pred pretekom nabúral. Táto metafora implikuje jednak precíznosť, ale zároveň aj fakt, že po náraze odletelo z monopostu Williamsu množstvo malých kúskov, ktoré komentátor prirovnáva k legu. Vyjadrenie *klobúčik dole pred mechanikmi* je frazeologizmom, ktorý dopĺňa základnú metaforu hodnotiacim postojom. V ďalších dvoch príkladoch môžeme vidieť metaforické vyjadrenia, ktoré slúžia na opísanie stavu pneumatík.

Metaforické pomenovania vyjadrené adjektívom

Metaforické pomenovania vyjadrené prídavným menom boli v rámci našej analýzy vybraných pretekov používané veľmi často. Mnohokrát boli hyperbolizované (*špičková zábava*, *šílené tempo*). V rámci komentovania pretekov Formule 1 môžeme v nižšie uvedených príkladoch hovoriť predovšetkým o automatizovaných vyjadreniach, keďže sú komentátormi používané pravidelne.

- Ja vsádzam na motoršport, nech je to ***špičková zábava****.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

- Lando Norris pouze šestý v ***klíčové bitvě*** *o titul.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

- ... kdy právě jeho pravá přední pneumatika mizela ***šíleným tempem****.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Josef Král)

Zaujímavý príklad predstavuje označenie *papájová farba* v súvislosti s monopostom a tímom, prostredníctvom ktorej komentátori odkazujú na tím McLaren a jeho typickú oranžovú farbu. V tomto prípade však nejde o jazykovú aktualizáciu v pravom zmysle slova, hoci pre diváka, ktorý sa v prostredí Formuly 1 neorientuje, by mohol výraz pôsobiť ako inovatívny alebo expresívny. V rámci tohto športového kontextu môžeme však metaforické pomenovania *papájový tím* a *papájový monopost* považovať za lexikalizované metafory, keďže sa jedná o bežne používané označenie tímu McLaren.

- Prvýkrát od roku 98 môže ***papájový tím****, dedičstvo Bruca Mclarena, získať pohár konštruktérov.*

(VC Abu Zabí, 8.12.2024, Števo Eisele)

- Sledujte ***papájový monopost*** *Landa Norrisa...*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

Aj pri metaforických pomenovaniach vyjadrených adjektívom sme narazili na také, ktoré sa týkali technických problémov či výkonov vozidiel a jazdcov.

- To je dobrá zpráva pro Maxe Verstappena, právě vidíme tady jak je ***zaseknutý za Pierrem Gaslym****.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Josef Král)

- Odolal tomu undercutu hoci teraz má ***studené pneumatiky****.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

- Leclerc sa trošku odpútal, možno sa potiahol za Sainzom, ale ten bude ***zraniteľný****.*

(VC Abu Zabí, 8.12.2024, Števo Eisele)

V prvom prípade môžeme vidieť metaforické vyjadrenie priestorového obmedzenia, kedy sa jazdec nachádza v pozícii, z ktorej nemôže predbehnúť jazdca pred ním. V prípade *studených pneumatík* sa jedná o automatizované vyjadrenie v rámci daného športu, ktoré slúži na opis stavu pneumatík, kedy ich teplota zásadne ovplyvňuje priľnavosť. Metafora tu funguje obrazne, jazdec nie je pripravený, keďže jeho monopost nemá kvôli nerozjazdeným pneumatikám ideálny výkon. V motoristickom svete sa môžeme stretnúť taktiež s metaforou *zahriate pneumatiky*, ktorá sa používa na opis rozjazdených pneumatík.

Metaforické pomenovania vyjadrené slovesom

V živom športovom komentári, ktorý sa vyznačuje dynamikou, emocionalitou a rýchlou reakciou na meniacu sa situáciu, nadobúdajú slovesné metafory mimoriadnu funkčnú hodnotu. Pomocou nich je možné zintenzívniť a zdramatizovať jednotlivé situácie, ku ktorým na trati dochádza.

V nami analyzovaných závodoch používali komentátori metaforické slovesá pravidelne. Jednalo sa predovšetkým o metafory, ktorými opisovali určitý pohyb monopostu na trati. Ich frekvencia bola vysoká, a to predovšetkým na začiatku jednotlivých pretekov, kedy dochádza k množstvu dramatických situácii. Slovesá *predrať sa*, *vydrápat se* a *nasypat to tam* odkazujú na náročnosť závodov, v ktorých piloti postupne prekonávajú prekážky v podobe iných jazdcov a ich monopostov.

- On Piastri se hned po startu ***propadl****.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

*- Charles Leclerc mal vynikajúci štart a **predral sa** hneď na druhú pozíciu.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

*- Jediný na těch úplně nejměkčích je Fernando Alonso a ten **se vydrápal** o dvě příčky zatím.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

*- ... ale najprv musia **prežiť prvú zákrutu**, ktorá bude mimoriadne tesná.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

*- On by ideálně potřeboval přesně to double předjetí, rychle **to tam nasypat** a odjet.*

(VC Abu Zabí, 8.12.2024, Josef Král)

V nižšie uvedených príkladoch môžeme vidieť metafory, ktorými komentátori odkazujú na náročné podmienky na trati, ktoré vyvolali u jazdcov stratu stability a koordinácie (*bruslit*, *uklouznout*, *vzít s sebou*, *poskládat se, zahodit*). Taktiež môžeme vidieť metaforické vyjadrenie *otevřely se dveře*, ktorým komentátor popisuje náhle otvorený priestor pred pretekárom, ktorý mu umožnil predbiehací manéver.

*- ...Sainz už tam **bruslí.***

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

*- On tady totiž Sainz jemně **uklouzl**, **vzal s sebou** Gassleyho a dovnitř se tam krásně **otevřely dveře** pro Leclerca, který se samozřejmě nenechal vybízet dvakrát.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)

*- Tam to ale Leclerca málem **zahodilo** v té rychlé pravé, která bych řekl by měla být takovou easy flat, ne Pepo?*

(VC Abu Zabí, 8.12.2024, Pavel Fábry)

*- **Poskládali se** tam pánové, i když to klouže.*

(VC Las Vegas, 23.11.2024, Pave lFábry)

*- A Leclerc už to měl krásně **naservírované**...*

(VC Abu Zabí, 8.12.2024, Pavel Fábry)

Metaforické frazeologizmy

Poslednou skupinou, ktorú sme vyčlenili, boli metaforické frazeologizmy. V rámci našej analýzy sme sa stretli s klasickými frazeologizmami, ktoré sú v bežnom jazyku zakorenené a ich význam je divákovi zrozumiteľný (*dostať na frak*, *povedať niečo na plné ústa*, *chodit po špičkách, bič plieska na konci, široké lakte*), ale aj s frazeologizmami, ktoré komentátori mierne upravili (*mať široké lakte* x *ukázať široké lakte*) či obohatili (*mať plné ruky práce* x *mať plné ruky, oči práce*). V prvom z nižšie uvedených príkladov sa objavuje frazeologizmus *mať plné ruky práce*, ktorý komentátor kreatívne rozšíril o výraz *oči*. Týmto spôsobom obrazne poukazuje na to, že komisári sú pri rozhodovaní o incidente vyťažení, pričom dôraz je kladený na vizuálny aspekt ich činnosti, teda pozorné sledovanie záznamu udalosti, ktorá nastala medzi dvomi pilotmi.

> *- Komisári **majú plné ruky, oči práce**, pretože prešetrujú incident medzi Bottasom a Perézom.*
>
> (VC Abu Zabí, 8.12.2024, Števo Eisele)
>
> *- Opäť Liam Lawson **ukázal široké lakte**.*
>
> (VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)
>
> *- Sainz **povedal na plné ústa**: „v Katare pravdepodobne budeme naozaj strácať“.*
>
> (VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)
>
> *- Jak **po špičkách** tam **jedou**.*
>
> (VC Las Vegas, 23.11.2024, Pavel Fábry)
>
> *- Vicarb nakúpil nejaké diely od Redbullu na záver sezóny a teda v tom topspeede **dostal** Mclaren **na frak**.*
>
> (VC Abu Zabí, 8.12.2024, Števo Eisele)
>
> *- Nezabúdajme, že **bič plieska na konci**.*
>
> (VC Las Vegas, 23.11.2024, Števo Eisele)

Záver

Metafora, ktorá bola pôvodne vnímaná predovšetkým ako básnický prostriedok, je v súčasnej lingvistike považovaná za základný nástroj konceptualizácie a jazykového sprostredkovania reality. V prostredí živého športového komentára, kde je reč formovaná tlakom aktuálneho diania a zároveň potrebou udržať pozornosť diváka, plní metafora

dôležitú funkciu – umožňuje komentátorovi nielen pomenovať prebiehajúce udalosti, ale ich aj zintenzívniť a ozvláštniť. Práve v tomto type diškurzu sa metafora stáva nenahraditeľným výrazovým prostriedkom, ktorý prepája faktickú informáciu s emóciou a sprostredkúva divákovi komplexnejší zážitok zo športového deja.

Ako ukázala analýza jazykového materiálu vybraných závodov Formuly 1, metaforické pomenovania predstavujú integrálnu súčasť komentátorského prejavu a svojou rôznorodosťou odrážajú tematickú šírku aj štylistickú kreativitu komentátorov. Metaforické vyjadrenia substantívom, adjektívom či slovesom vystupujú v športovom komentári často, pričom komentátori siahajú do rôznych tematických okruhov. V rámci našej analýzy sme natrafili na množstvo automatizovaných vyjadrení, ktoré sa vo formulovom svete používajú často a pravidelne, ale taktiež aj na snahu o aktualizáciu a rôzne zaujímavé a neobvyklé metaforické vyjadrenia.

Summary

This chapter analyses metaphorical expressions in the commentary of live broadcasts of Formula 1. It focuses on how metaphors, expressed by nouns, adjectives and verbs, enhances expressiveness, clarifies complex situations and engages the audience. The study shows that commentators draw on a variety of subject areas to create vivid and emotionally charged narratives.

Literatúra

Findra, J. et al. *Slovenský jazyk a sloh.* Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1982.

Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. *Encyklopedický slovník češtiny.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002.

Lakoff, G., Johnson, M. *Metafory, kterými žijeme.* Brno: Host, 2002.

Mlčoch, M. *Charakteristické rysy jazyka psané sportovní žurnalistiky*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002.

Mlčoch, M. Sportovní reportáž jako typ komunikační situace (Analýza pořadu s mikrofonem za hokejem). In: Kralčák, L. (ed.) *Hovorená podoba jazyka v mediách*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2007.

Vlašín, Š. et al. *Slovník literární teorie.* Praha: Československý spisovatel, 1984.

Elektronické zdroje

After years of American growth, has F1's U.S. fandom plateaued? Dostupné z: https://www.nytimes.com/athletic/5188290/2024/01/11/formula-one-future-us-fan-experience/ (2025-04-28).

Královna motorsportu opět panuje. Zlatý věk F1 nakopl Netflix a geniální marketing nového majitele. Dostupné z: https://cc.cz/kralovna-motorsportu-opet-panuje-zlaty-vek-f1-nakopl-netflix-a-genialni-marketing-noveho-majitele/ (2025-05-08).

Mergeš, J. Priamy televízny športový prenos ako sociálno-komunikačná a mediálna udalosť. In: *8. študentská vedecká konferencia*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013, s. 914–915. Dostupné z: https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak4/subor/Merges.pdf (2025-04-16).

CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny.
Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/METAFORA (2025-04-28).

Sociologická encyklopedie.
Dostupné z: https://encyklopedie.soc.cas.cz/w/Paralingvistika (2025-04-28).

Svobodová, I. K stylovému využití jazykových prostředků v televizní reportáži. In: *Naše řeč* (online). Praha: 1992, s. 72–77. Dostupné z: http://naserec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7060 (2025-04-15).

Analyzované závody

VC Abu Zabí. Dostupné z: https://tv.nova.cz/porad/nova-racing/video-epizoda/465385-livestream-emoce-v-pohybu-8-12-2024 (2025-02-15).

VC Las Vegas. Dostupné z: https://tv.nova.cz/porad/nova-racing/video-epizoda/463088-livestream-emoce-v-pohybu-24-11 (2025-01-03).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.10

Filip KUBEČEK

„NAPIŠTE NÁM NĚCO VE SVÉM NÁŘEČÍ“: K JEDNÉ Z FOREM SBĚRU DIALEKTOLOGICKÉHO MATERIÁLU POMOCÍ OBČANSKÉ VĚDY[1]

“Write Us Something in Your Dialect”: on One of the Methods of Collecting Dialectological Material Through Citizen Science

***Keywords**: Czech dialects, dialect material, dialect dictionary, citizen science, popularization activity*

***Contact**: Univerzita Palackého v Olomouci; filip.kubecek01@upol.cz*

Úvod

Dialekty a rozdíly mezi nimi jsou v české společnosti vyhledávanými a diskutovanými tématy. Svědčí o tom mj. míra návštěvnosti a zájmu, kterou zaznamenávají odborníci z dialektologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR (dále jen: dialektologické oddělení) na popularizačních akcích, v rámci nichž svou práci prezentují. Zájemci z řad laické veřejnosti se zde navíc mohou sami jednoduše zapojit do nářečního výzkumu, a prostřednictvím občanské vědy tak přispět hodnotným materiálem. Cílem této kapitoly je blíže představit jeden ze způsobů takového zapojení, a to na příkladu jeho konkrétní realizace. Součástí je charakteristika získaných dat a vyzdvižení jejich přínosu pro dialektologii, zvláště ve formě obohacení *Slovníku nářečí českého jazyka* (2016–doposud; dále jen: SNČJ).

Občanská věda v dialektologii

Občanská věda neboli citizen science obecně spočívá ve spolupráci mezi vědeckou komunitou a laickými zájemci, kteří se podílejí na určitém výzkumném projektu, čímž přispívají k rozvoji poznání a rozšiřování vědomostí; více viz ECSA 2015.

V dialektologii se občanská věda nejhojněji uplatňuje pomocí sběru jazykových dokladů z určitého regionu, typicky z místa, odkud daný laik pochází nebo kde dlouhodobě

[1] Kapitola používá mj. data, která poskytuje výzkumná infrastruktura LINDAT/CLARIAH-CZ (https://lindat.cz) podporovaná Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy České republiky (projekt č. LM2023062).

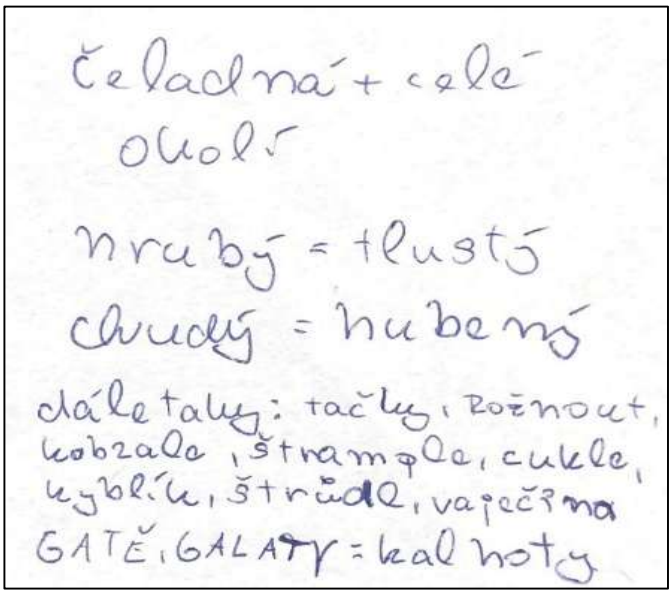
působí, a s jehož jazykovou situací je tím pádem obeznámen. Následuje předání nashromážděného materiálu odborníkům – dialektologům k dalšímu zpracování. Tento postup se uplatňoval už v začátcích fungování dialektologického oddělení, a to při budování *Archivu lidového jazyka* (1952–doposud, dále jen: ALJ), obsahujícího přes milion dnes již digitalizovaných kartiček, mezi nimiž se nacházejí mj. právě rukopisné záznamy od externích dobrovolných spolupracovníků: „Milovníci dialektů, výborní jejich znalci, spolehliví zapisovatelé ze všech sociálních i věkových vrstev, posílali na akademické pracoviště svoje zápisky věnované slovní zásobě rodného nářečí“ (Balhar 2010: 106).

Přestože jsou teritoriální dialekty v dnešní době na ústupu, jejich nositelů, znalců a konečně i oněch milovníků je stále dostatečné množství na to, aby mohl sběr materiálu s využitím externistů, byť třeba modernějšími formami, pokračovat.

Proces sběru a objem materiálu

Dialektologické oddělení se pravidelně účastní různých popularizačních akcí a pro své návštěvníky připravuje poučný i zábavní program zahrnující např. prohlídku jazykových atlasů, ukázku webových aplikací k poznání dialektů nebo vyplňování nářečních kvízů. Jedním z oblíbených bodů programu je též aktivita spočívající ve výzvě k zápisu libovolného nářečního dokladu na lístek a jeho následnému vystavení pro inspiraci dalším návštěvníkům (dále jen: aktivita). Zadáním aktivity je pokyn „Napište nám něco ve svém nářečí“ a řešitelé ji většinou provádějí samostatně, případně po konzultaci s přítomným dialektologem.

Aktivita byla využita v uplynulých dvou letech na čtyřech popularizačních akcích: Veletrh vědy 2023 (Praha), Noc vědců 2023 (Brno), Festival vědy a techniky 2024 (Brno) a Noc vědců 2024 (Brno). Nashromážděno bylo 373 vyplněných lístků, ovšem získaných dokladů, resp. jednotlivých položek v rámci nich, je ve skutečnosti více, neboť řada vyplňovatelů jich na jeden lístek uvedla hned několik.



Obrázek 1: Nejobjemnější příspěvek (12 uvedených položek)

Celkově bylo napočítáno 695 uvedených položek, jde však o údaj spíše orientační, protože ne vždy bylo možné jednoznačně určit, kolik výrazů pod jednu položku zahrnout, zvláště pokud řešitelé ke svým dokladům nepřipojili význam. Statistické vyhodnocení dále komplikoval fakt, že se v rámci jedné položky mohlo vyskytnout vícero jazykových jevů; zpravidla se jednalo o uvedení lexikálního jevu, který zároveň obsahoval určitou zvláštnost hláskovou. Např. v zápise „*kocór* = holka“ autor nijak zvlášť neupozornil na přítomné *-ó-*, jež je zde výsledkem středomoravské monoftongizace, a proto daný zápis zařazujeme mezi položky lexikální. Naopak zápis „*kocór* = kocour“ odpovídá položce hláskoslovné a v zápise „*rožnout* (*rožnót*) = rozsvítit“ konečně nacházíme položky dvě, lexikální i hláskoslovnou. Tímto způsobem proběhlo vyhodnocení všech zápisů ze všech odevzdaných lístků, z nějž vzešlo, že drtivá většina zapisovatelů se soustředila na jevy lexikální; bylo jich uvedeno 333 (např. *kobzole* ‚brambory‘, *cukle* ‚domácí obuv‘). Následovaly diference hláskoslovné (52×, např. *knedlik* ‚knedlík‘, *vokno* ‚okno‘), morfologické či slovotvorné (37×, např. *mrkva* ‚mrkev‘, *hoření* ‚horní‘) a frazeologické (12×, např. „*mňe se hóká huba* = honí mě mlsná“), do nichž byla vřazena různá ustálená spojení včetně dokladů rýmovaných. Z jevů syntaktických (6×) byly reflektovány jen dva typy předložkových vazeb (*o prázdniny* ‚o prázdninách‘, *na Dobříši* ‚v Dobříši‘).

Obsah materiálu

Zadání aktivity bylo záměrně formulováno tak, aby řešitele příliš nelimitovalo. Tím zároveň nabídlo širokou škálu možností, jak k němu přistoupit, a výsledné zápisy se tak od sebe do značné míry odlišují množstvím a povahou obsažených informací.

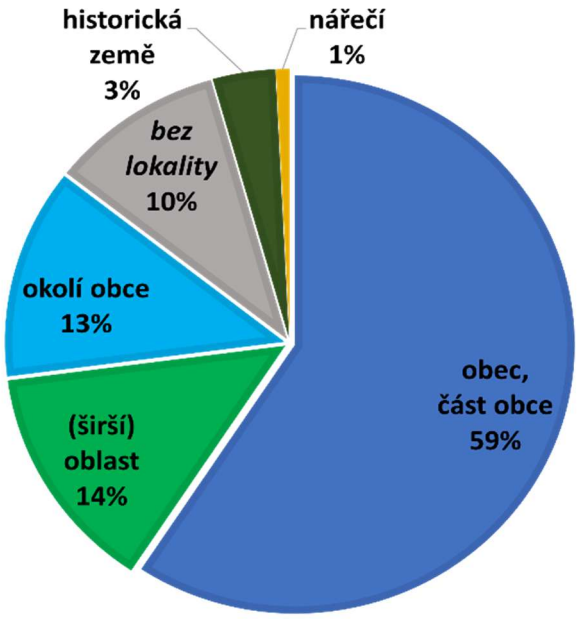
Obsah materiálu: výklad významu

Valná většina zapisovatelů připojila ke svému dokladu i výklad jeho významu – byl součástí 291 lístků (78 %) u všech položek a 11 lístků (3 %) u některých z položek. 71 lístků (19 %) neobsahovalo informaci o významu vůbec. Většina dokladů bez významu se však nevztahovala k lexikálním položkám, což zpravidla nepředstavovalo interpretační potíž: např. jeden lístek sestával ze tří evidentně hláskoslovných položek (*zéli*, *kakavo*, *hóři*), jejichž významy – totiž spisovné ekvivalenty – lze jednoduše dovodit (‚zelí‘, ‚kakao‘, ‚hoří‘), a jedné položky lexikální (*švele*), k níž už význam uveden byl (‚vyřazené dubové pražce‘). Našli se ovšem i zapisovatelé natolik svědomití, že význam připojili vždy, třebaže jejich záznam sestával pouze z hláskoslovných položek (např. „*vokurka* = okurka, *vokno* = okno, *tátoj* = tátovi“).

U lexikálních položek s chybějícím významem jsme se jej pokusili kvalifikovaně odhadnout. Např. zapsaný výraz *bulík* čítá v SNČJ šest významů, uvedený kontext na lístku (*vem si bulík*) a lokalita (Rakovnicko) však ukazují na právě jeden z nich (‚malý polštář‘). S úplnou jistotou to však rozhodnout nelze; hrozí, že výraz existuje ještě v jiném, dosud nezachyceném významu. Právě z toho důvodu je uvádění významů pro relevanci poskytnutých (lexikálních) dokladů nezbytné.

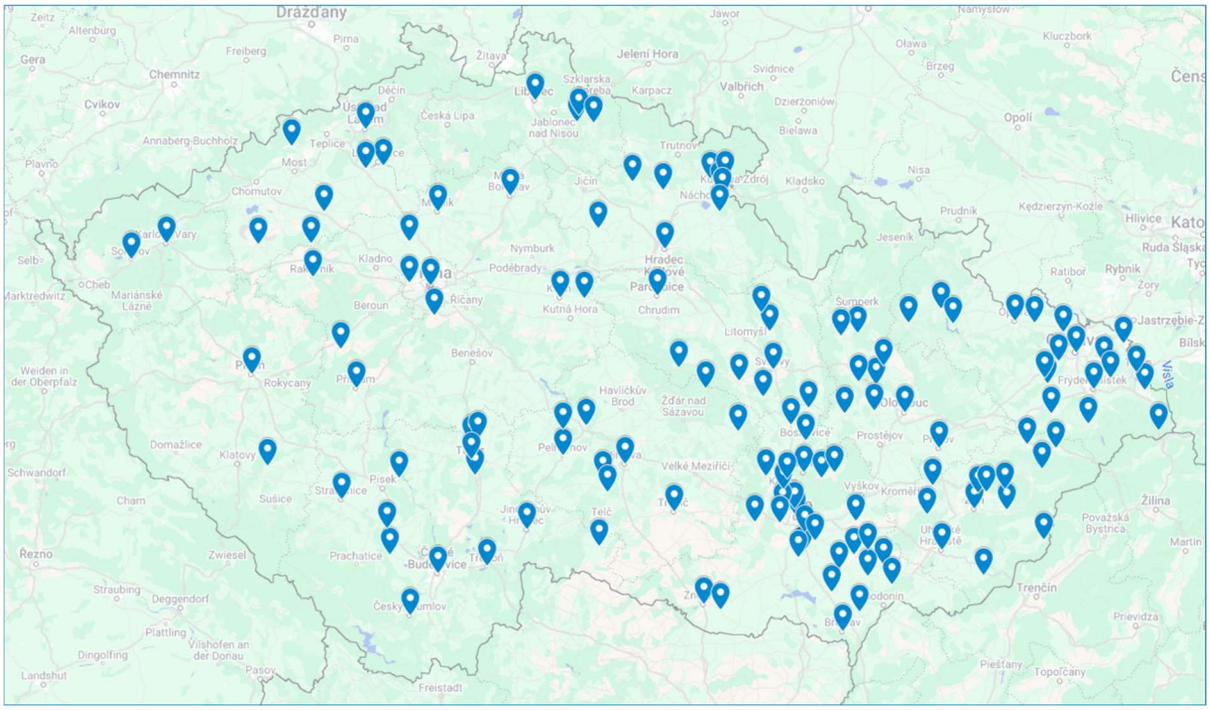
Obsah materiálu: lokalizace

Kromě výkladů významů je důležité také uvádění lokalit, odkud zapisovatelé daný výraz znají, a to nejlépe v co nejkonkrétnější podobě, tedy na úrovni obcí a částí obcí (vč. příslušnosti k okresu u nejednoznačných názvů), neboť s těmito jednotkami dialektologové při mapování nebo při tvorbě slovníku pracují nejběžněji. Je proto příznivé, že takové případy v sesbíraném materiálu převažovaly (230×, např. „Držkov“, „Podbořany“). Mimoto se vyskytly lokalizace do okolí větší obce (49×, např. „Brněnsko“, „Ostravsko“), širší oblasti (53×, např. „Slovácko“, „Beskydy“), historické země či její části (14×, např. „Morava“, „západní Čechy“) a nářečního areálu (3×, např. „horácké nářečí“). Všechna tato určení jednak trpí určitou mírou vágnosti, jednak nejsou dostatečně přesvědčivá, neboť nelze předpokládat, že by daný zapisovatel bezpečně věděl, jestli se daný výraz nebo jev používá v celé šíři regionu, do nějž jej přiřadil. Zbylé položky (39×) neobsahovaly lokalizaci vůbec, jejich využití pro dialektologické účely je tak ještě omezenější.



Obrázek 2: Podíl jednotlivých typů uvedených lokalit

Nejčastěji uváděnou lokalitou bylo s výrazným odstupem město Brno (43×), což jistě souvisí s faktem, že se zde konaly tři ze čtyř akcí, na nichž byla aktivita využita. Následovaly lokality Valašsko (16×), Ostrava (13×), Praha (11×) a Zlín (7×).



Obrázek 3: Mapa uvedených obcí a částí obcí; Mapová data ©2025 GeoBasic-DE/BKG (©2009), Google

Obsah materiálu: větné a nevětné exemplifikace

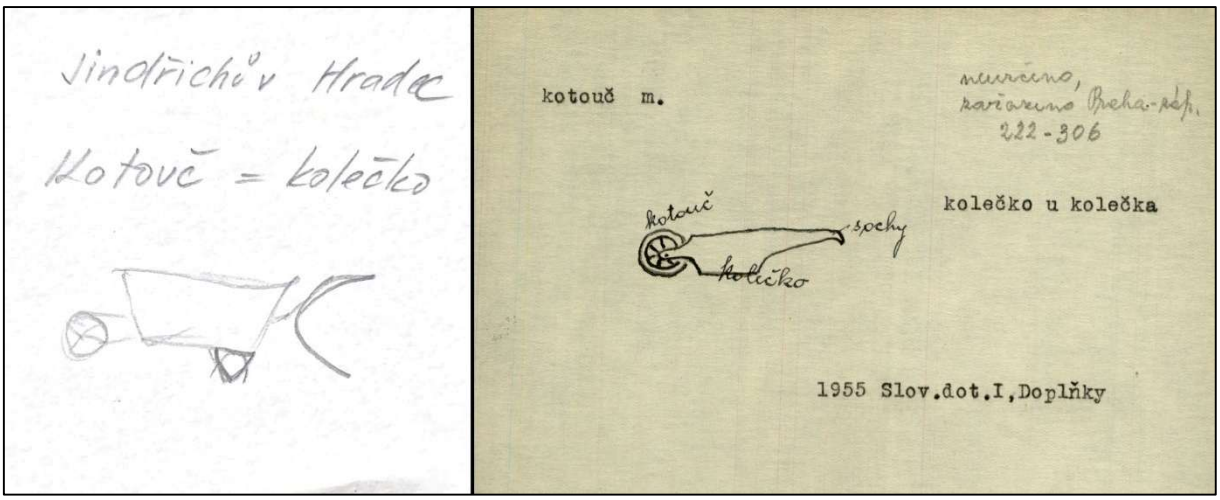
Dialektologové obstarávají doklady k nářečním výrazům preferují exemplifikace větné, které lépe poskytnou představu o reálném užití daného výrazu v kontextu. Právě takové doklady jsou též přednostně zařazovány do SNČJ (Ireinová, Konečná 2016). Od řešitelů aktivity jich však příliš shromážděno nebylo; jen v 15 % případů obsahoval lístek alespoň jeden větný doklad, navíc se povětšinou jednalo pouze o krátká, typicky dvouslovná spojení, např. *rožni světlo*, *kde deš?*, *on líce* nebo *přijdu dýl* (tento doklad se vyskytl dokonce šestkrát). Nutno však podotknout, že u delších větných dokladů zaznamenávaných tímto způsobem není zaručena jejich autentičnost, příklady si totiž zapisovatelé mohou na místě vymýšlet. Často třeba bylo jejich intencí napsat větu tak, aby obsahovala co nejvíce diferenčních výrazů za sebou, např. „*Pojedeme šalinou na prýgl si dát škopek*. = Pojedeme tramvají na přehradu si dát pivo.“

Obsah materiálu: dodatečné informace

Někteří vyplňovatelé uváděli ke svým zápisům i určité informace navíc, a to např. místo původu svých (pra)rodičů, pokud pocházejí z jiné oblasti (např. „Kralupy nad Vltavou (rodiče – Morava)“). To je při vyhodnocování důležitá informace, bez jejíž znalosti by mohlo dojít ke zkreslení dat. Objevily se také reflexe staršího jazykového stavu

(např. „říkala babička“, „1. republika“), různá variantní znění (např. „*kad(r)látka*“, „*tadyma* (var. *tadygma*)“, upozornění na polysémii (např. „*stryk* – strýček / známý z vesnice / muž“) a výjimečně též zápisy nikoliv konkrétního slova, ale obecnějšího jevu (např. zakončení sloves v 3. osobě plurálu: „typické *jou* ⇒ *chodijou*, *mluvijou*“). V jednom případě byla zaznamenána dodatečná informace etymologická („z němčiny“) a zvláštnost v podobě negativně vymezené lokality („znají všude, jen v Praze-Ruzyni nikoliv“).

Někteří řešitelé byli při výkladu významu značně konkrétní a naznačovali i možné kolokace (např. „*ogábený* = otevřený (např. dveře)“), což je při dialektologickém zpracování bezpochyby nápomocné. Pro větší názornost došlo v několika případech i k nákresu reálie, praktiky užívané ostatně i ve starších záznamech v ALJ.



Obrázek 4: Doklad s nákresem z aktivity (2023–2024, vlevo) a z ALJ (1955, vpravo)

Specifika zpracování materiálu

Veškeré lístky byly přepsány do elektronické podoby a jsou připraveny stát se součástí stále rozšiřovaného ALJ, z nějž vycházejí autoři SNČJ při tvorbě hesel. K materiálu je však nutno přistupovat kriticky a s vědomím, že nejsou známi konkrétní autoři konkrétních zápisů, a není tedy potvrzena jejich spolehlivost.

Obecně platí, že menší využitelnost mají doklady bez lokalizace, případně s lokalizací příliš vágní, dále doklady nečitelné, nenářeční (resp. spíše sociolektické než dialektické – mnoho z nich pocházelo z brněnského hantecu) a nejasně interpretovatelné. Například ze zápisu „kremrole = šmetrdolka“ totiž nelze vyčíst, která část značí reflektovaný výraz a která je jeho významem, neboť oba výrazy jsou nářeční. U výrazů „kredenc“, „almara“, které byly na jednom lístku zapsány pod sebou, aniž by byly jakkoliv

okomentovány nebo označeny, zase není jasné, jestli jde o dvě položky bez uvedení významu, nebo má jedna z nich udávat význam té druhé.

Zápisy také bohužel bývají ovlivněny pravopisem, hlavně co se týká hláskových nebo morfologických jevů, které obecně nejsou pro laiky tolik nápadné, a proto je ve svých výstupech často nereflektují. Objevil se např. zápis *bamníček* s dlouhým *-í-*, ovšem z oblasti, kde v tradičním dialektu dochází ke krácení *í* > *i*. Jestli daný zapisovatel skutečně vyslovuje dlouhé *í*, nebo si pouze neuvědomil přítomnost krácení, není možné určit. Dalším příkladem je zápis *brutvana*, který by se v dané oblasti měl vyslovovat s progresivní asimilací znělosti: *brutfana*. Je-li tedy položka zapsaná hláskoslovně nebo morfologicky ve shodě se spisovným jazykem, je vhodné analyzovat pouze její složku lexikální.

Přínos aktivity

Sesbíraný materiál je pro dialektology obohacující po několika stránkách. Předně byly získány doklady z lokalit, odkud ještě k dispozici nebyly – 18 uvedených obcí dokonce zatím není v SNČJ zastoupeno vůbec. Nadto byly zapsány výrazy dosud neevidované v ALJ (např. *gepek* ‚nosič na kolo‘; *mrláček* ‚něco milého, ale neduživého‘; *nakydlit* ‚něco někam dát‘; *ždžagl* ‚naběračka‘), některé z nich se navíc nepodařilo dohledat ani v dalších dostupných zdrojích. Často bylo zapisovateli poukázáno na územně rozrůzněné nářeční jevy, které dialektologové vedou v patrnosti již delší dobu, ale zatím nebyly podrobeny souvislému výzkumu (např. tyč k opékání uzenin nad ohněm, pro niž bylo zapsáno pojmenování *vošťurák* s lokalizací do Humpolce).

Dalším obohacením byly výrazy, které sice ve starších zdrojích evidovány jsou, ale v jiném významu. Označení *husák* např. dle zapisovatele z Moravských Křižánek na Sázavskožďársku znamená ‚pekáč‘; v ALJ je přitom tento výraz doložen jen ve významech ‚houser‘, ‚obchodník s husami‘ nebo ‚velký koš‘. V jiných případech šlo pouze o doplnění významu; např. *baňok* dle SNČJ značí druh nádoby zprav. na mléko nebo smetanu, kdežto zapisovatel z Frýdecka jej zná jako nádobu na zelí.

Doplnit slovník díky dokladům z aktivity bude možné také novými hláskovými, morfologickými nebo slovotvornými variantami, např. formou *džuraviec* označující v Mostech u Jablunkova třezalku tečkovanou; doposud byla v SNČJ evidována pouze varianta *ďeravec* z Jičínska a Kladenska. K dosavadní variantě *škvirdat* ‚brečet‘ zase přibyla obměna *škvirdit*.

Přínosné je též potvrzení, že se jisté starší výrazy, které ani dříve nebyly územně příliš rozšířené, evidentně stále udržují. Příkladem je pojmenování *lenoška* ‚židle‘, které

zapisovatel lokalizoval do Zlína a které bylo při výzkumu pro *Český jazykový atlas* v 60.–70. letech minulého století zachyceno pouze v pěti výzkumných lokalitách, a to právě na Zlínsku (*Český jazykový atlas 1* 1992: 300–301). Záznam *rozplótí* ‚obleva‘ ze Znojemska odpovídá dokonce jen čtyřem atlasovým lokalitám (konkrétní varianty *rospl'óťi* a *rosplóšč*; *Český jazykový atlas 2* 1997: 376–377). Pro výraz *ašant* ‚dortík ze sněhové pěny, indiánek‘ pak v SNČJ doposud existoval pouze jediný doklad, a to z Broumovska. Nově byly získány další dva: z Červeného Kostelce a z Nového Města nad Metují.

Navazující výzkum

Jelikož se aktivita osvědčila a přinesla cenné poznatky, zvažuje se její rozšíření, a to zapojením do online *Dotazníku pro mapování nářečí* (2024–doposud), který provozuje dialektologické oddělení a v němž respondenti odpovídají na konkrétní otázky, avšak zatím nemohou uvést libovolný výraz navíc, mimo samotný dotazník. Jako inspirace může sloužit britský *Dialect & Heritage Project* (*Your Words – Survey*), který kromě klasického online dotazníku obsahuje právě možnost přispět vlastním regionálním výrazem prostřednictvím speciálního formuláře. Jeho součástí jsou mj. samostatná pole pro výklad významu a lokalizaci dokladu, což prodlužuje zadání aktivity, zato však přináší směrodatnější výsledky.

Obrázek 5: úvodní stránka projektu *Your Words – Survey* (vlevo) a formulář k vyplnění (vpravo)

Závěr

Díky značnému společenskému zájmu o české dialekty a faktu, že nářeční rozdíly jsou stále platné a veřejností uvědomované, může probíhat sběr nářečního materiálu pomocí občanské vědy, a to mj. na popularizačních akcích dialektologického oddělení, v rámci nichž byly v nedávné době získány stovky dokladů prostřednictvím aktivity „Napište nám něco ve svém nářečí“. Po jejich kritickém zhodnocení dojde k obohacení nejen materiálové základny, využívané např. při tvorbě SNČJ, ale i povědomí dialektologů o aktuálním stavu regionálně rozrůzněné mluvy. Aktivitu lze opakovat na příštích akcích a dále rozvíjet, např. zakomponováním do aplikace online nářečního dotazníku. Pro zisk ještě relevantnějších dat však navrhujeme do zadání přidat instrukce o uvádění významů a lokalizací. V souladu s jedním z principů občanské vědy patří „občanským vědcům“, kteří se do aktivity zapojili, velké poděkování.

Summary

The chapter presents how citizen science can be utilized in dialectology, using the example of a specific simple activity in which lay people interested in dialects contributed valuable material from various regions of the Czech Republic. It summarizes the nature of the collected material and the main differences between the individual contributions. Furthermore, it describes how dialectologists further process and use this material, including specimens of obtained dialect expressions that have been particularly enriching for the development of the dialect archive and the associated dictionary.

Literatura

Archiv lidového jazyka. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 1952–doposud.

Balhar, J. Vydávat? Rozhodně nevydávat všechno! *Naše řeč*. 2010 (93/2), s. 106–108.

Ireinová, M., **Konečná, H.** *Slovník nářečí českého jazyka*. Praha: Středisko společných činností AV ČR, v. v. i., 2016. Věda kolem nás, řada Pro všední den, sv. 48.

Elektronické zdroje

Český jazykový atlas 1. Praha: Academia, 1992. Dostupné z: https://cja.ujc.cas.cz/CJA1/ (2025-04-26).

Český jazykový atlas 2. Praha: Academia, 1997. Dostupné z: https://cja.ujc.cas.cz/CJA2/ (2025-04-26).

Dotazník pro mapování nářečí. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2024–doposud.
Dostupné z: https://www.mapovaninareci.cz/dotaznik-web/ (2025-04-26).

ECSA. Ten Principles of Citizen Science. Berlín, 2015. Dostupné z: https://zenodo.org/records/5127534#.YR98rkBCRhE (2025-04-26).

Slovník nářečí českého jazyka. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2016–doposud. Dostupné z: http://sncj.ujc.cas.cz (2025-04-26).

Your Words – Survey. The Dialect and Heritage Project. Leeds. Dostupné z: https://dialectandheritage.org.uk/your-words-survey/ (2025-04-26).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.11

Daniel ŁABUZ

ИГРА ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ С ЧЁРНЫМ ЮМОРОМ

Playing with Phraseological Units in Internet Memes with Black Humor

***Keywords**: internet memes, black humor, phraseology, Russian, Polish, English*

***Contact**: Uniwersytet Śląski w Katowicach; danielll.labuz@gmail.com*

В наше время информация является очень ценной единицей, и способ её передачи претерпел большие изменения. Этим изменениям помог интернет. Благодаря ему люди пережили настоящий ренессанс. Интернет дал людям огромное количество возможностей. Одна из таких возможностей – комментировать и доносить свои мысли всему миру. Интернет-пользователи нашли идеальный способ прокомментировать практически всё, иногда выражая свои мысли спорным образом. Речь идёт, конечно, об интернет-мемах.

Целью данной главы является анализ чёрного юмора в интернет-мемах. Предпринимается попытка показать, как с помощью буквализации и замены компонентов во фразеологизмах авторы интернет-мемов создают комический эффект, характерный для чёрного юмора образом. Приведём примеры интернет-мемов в трёх языках – русском, польском и английском для того, чтобы доказать, что механизмы достижения комического эффекта с помощью фразеологизмов являются универсальными и не зависят от языка.

Для начала следует сказать, что такое мем. Создателем термина «мем» является биолог Ричард Докинз, который в своей книге «Эгоистичный ген» (Докинз 2013) отметил, что как гены, так и мемы являются информацией, которая передаётся, однако мемы передаются не в биологическом смысле, а в культурном. Это означает, что один человек передаёт информацию другому, и эта информация постоянно развивается. Именно в этом и заключается смысл интернет-мемов, но в данном случае информация передаётся через интернет. Интернет в настоящее время играет важную роль в жизни людей, помогает нам быстрее и больше узнавать об окружающем нас мире и текущих событиях, поэтому идеальным способом

передачи информации и комментирования событий стали интернет-мемы, которые очень часто создаются в комической форме.

Как мы видим, в интернет-мемах юмор и комизм играют ключевую роль, поэтому мы должны задать вопрос, как описать комизм. Исследования комизма уже проводил Аристотель. Работая над комизмом, он сравнивал комедию и трагедию как противоположности. Конечно, нельзя сказать, что он ошибался, ведь в трагедии главную роль играют эмоции, связанные с грустью, а в комедии смешные, вызывающие улыбку. Однако в последующие века возникло явление сочетания элементов трагизма и комизма, результатом которого является трагикомизм, обладающий чертами трагедии, комедии, абсурда или даже гротеска. Все эти элементы способствовали появлению чёрного юмора, который сейчас очень часто используется. В настоящее время учёные также задаются вопросом, в каких условиях, ситуациях и когда грустные события также могут оказаться комичными (Dziemidok 2011: 668). В своей книге *O komizmie. Od Arystotelesa do dzisiaj* Богдан Дземидок описывает, что на основании результатов различных исследований может показаться, что комизм «(...) основан на противоречии между формой и содержанием» (Dziemidok 2011: 669; перевод Д.Л.[1]). Он отмечает, что что-то комическое не всегда означает, что это смешно.

У всех нас разное чувство юмора, и нас часто смешит что-то другое. Интернет-мемы не являются исключением, и в них также поднимаются различные темы, над которыми мы можем посмеяться. Можем заметить, что в интернет-мемах сталкиваемся с юмором и чёрным юмором. Понятие юмора и чёрного юмора сильно отличаются друг от друга, и чтобы лучше показать это, сначала рассмотрим, что такое юмор. Ссылаясь на «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, *юмор* – это: «1. Понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-н. *Чувство юмора. Рассказывать о чём-н. с юмором.* 2. В искусстве: изображение чего-н. в смешном, комическом виде»[2].

Из приведённого определения мы можем узнать, что юмор – умение и знание как рассмешить, и при этом создать комизм. Часто смешные ситуации мы находим в негативных вещах, указывая на наше эмоциональное отношение к этому. Это не тайна, что юмор – тоже феномен. Чувство юмора зависит от многих психологических факторов, а также от жизненного опыта каждого человека. «Так, труды Платона содержат некоторые упоминания о необходимости соблюдения меры

[1] Оригинал: «(…) komizm opiera się na sprzeczności między formą a treścią» (Dziemidok 2011: 669).
[2] Ожегов, С.И. *Толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov/юмор (2023-01-11).

в проявлении юмора и смеха как эмоциональных проявлений, основанных на негативных чувствах по отношению к окружающим» (Ульянова 2011: 21).

Итак, кто первым рассмотрел феномен чёрного юмора в литературных произведениях? Чёрный юмор впервые был описан в книге «Антология чёрного юмора» (Anthologie de l'humour noir) под ред. Андре Бретона. Бретон, используя множество произведений сюрреалистов, создал эту антологию (Бретон 1999). Благодаря ей, термин *чёрный юмор* был стандартизирован, потому что, как пишет сам Бретон в предисловии к обновленной версии книги 1966 года: «Стоит вспомнить, что в момент её появления слова "черный юмор" не имели ни малейшего смысла (если только ими не пытались обозначить особую форму насмешки, присущую исключительно африканцам!), и лишь с тех пор выражение это появилось во всех толковых словарях» (Бретон 1999: 2). Следует также упомянуть, что, по словам Бретона, настоящим создателем чёрного юмора является Джонатан Свифт. Конечно, феномен чёрного юмора уже давно существует, но именно Д. Свифт был автором новой, ярко выраженной мрачной и жестокой шутки (Бретон 1999: 6). С тех пор концепция чёрного юмора была чётко сформулирована. Возникает вопрос, чем чёрный юмор отличается от обычного? Чёрный юмор – это тип юмора, основной темой которого являются трагические, мрачные события, смерть, болезнь, война, инвалидность, которые представлены в форме, развлекающей получателя (Willinger, Hergovich, Schmoeger и др. 2017). Частые стилистические средства, используемые в чёрном юморе – это абсурд, гротеск, сатира или ирония, которые помогают подчеркнуть неуязвимость и жестокость современного мира. Как отмечает О.В. Эпштейн, шутка с заключённым чёрным юмором сначала заставляет нас улыбаться из-за её смешной части, но через некоторое время до нас доходит кошмар обсуждаемой темы (Эпштейн 2013). Когда в обычном юморе мы поднимаем нормальные, жизненные вопросы, над которыми мы можем посмеяться, в чёрном юморе мы смеёмся над вещами, над которыми часто неуместно, и даже не можем смеяться, по мнению людей, которым чёрный юмор не нравится. Но, конечно, юмор это юмор, и на самом деле мы можем смеяться над чем угодно, только нужно шутить с людьми с подобным чувством юмора и в соответствующей ситуации.

Для создания комизма интернет-пользователи часто используют языковую игру. Языковая игра может быть создана с помощью многих языковых средств, однако мы сосредоточимся на том, как она достигается с помощью фразеологизмов. Фразеологизм – это: «устойчивый оборот речи, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов»[3].

[3] Ефремова, Т.Ф. *Толковый словарь Ефремовой*. Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova/фразеологизм (2023-06-30).

Стоит подчеркнуть, что фразеологизмы можно понимать в широком и узком смысле. При узком значении фразеологизма мы имеем в виду только выражения, которые созданы для того, чтобы назвать какое-то явление. Ко фразеологизмам в широком смысле «относятся все устойчивые выражения, равные слову» (Рахматуллина 2020: 59), т.е. и пословицы, и поговорки.

Для достижения комического эффекта можно использовать явление, называемое буквализацией. Согласно Габриеле Вильк, буквализация – это: «восприятие фразеологизма в его прямом, т.е. не образном значении» (Вильк 2019: 188–189). Мы рассмотрим, как интернет-пользователи применяли буквализацию для создания языковой игры. Начнём с анализа русских интернет-мемов.

В первом примере встречается фразеологизм *в ногах правды нет.*

Рис. 1

Основное значение этого выражения состоит в том, чтобы в более шутливой форме сказать кому-то, чтобы он присел[4]. Однако, если мы воспримем данный фразеологизм буквально, может произойти событие, изображённое на картинке – врач отрезает пациенту ноги, так как в ногах правды нет, поэтому лучше их отрезать.

В следующем интернет-меме для создания комического эффекта применяется пословица *что посеешь, то и пожнёшь*.

Рис. 2

Сначала мы должны определить смысл этой пословицы. Она означает, что в зависимости от того, что человек делает, такой результат он получит в будущем[5]. Однако, опять же, её можно воспринимать более буквально. Этот интернет-мем представляет собой короткую историю, разделённую на четыре части. На первой картинке мы видим самоубийство, потом похороны. На последней картинке изображено что-то странное, что на месте захоронения выросло дерево, «фруктами» которого являются самоубийцы. Суть данного интернет-мема состоит в том, что самоубийца с первой картинки был «посеян», а повешенные самоубийцы

[4] Фёдоров, А.И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/7298/В_ногах_правды_нет (2023-04-28).
[5] Даль, В.И. *Пословицы русского народа*. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/2446/Что (2023-04-28).

с последней картинки являются именно этим результатом, согласно буквальной мысли пословицы *что посеешь, то и пожнёшь*.

Теперь опишем примеры польских интернет-мемов. В данном случае языковая игра происходит с помощью фразеологизма *bić się z myślami*, обозначающего, что кто-то должен принять какое-то решение, но он ещё не знает, что он решит, и поэтому ему нужно подумать, какое решение он должен принять[6]. Здесь этот фразеологизм используется буквально, поэтому человек, который «бился с мыслями», получил серьёзные травмы.

Рис. 3

В следующем польском интернет-меме мы рассмотрим, как для создания языковой игры буквально применяется фразеологизм *jest komuś łyso*. В данном интернет-меме речь идёт о том, что женщина изменяла мужу и теперь она лысая.

Рис. 4

Человек, не знающий польского фразеологизма, может подумать, что наказанием за то, что она изменяла мужу является то, что она облысела, но не в этом смысл интернет-мема. Фразеологизм *jest komuś łyso* озна-чает, что кому-то стыдно за свои действия или поведение[7]. Использование фразеологизма в буквальном значении вместе с изображением вызывает у пользователей комический эффект.

Перейдём к английским интернет-мемам с чёрным юмором. В первом из них появляется известный английский фразеологизм *break a leg*, который употребляется, когда мы хотим пожелать кому-то удачи[8].

Сначала, когда мы читаем надпись, нам кажется, что кто-то желает кому-то удачи на уроке физики. Однако эти слова можно также воспринять буквально, как совет, чтобы сломать себе ноги во время урока. Слово *class* означает как группу людей, которые изучают данный предмет (в нашем случае *science*; название предмета переводится на русский язык как наука, предмет присутствует в британских

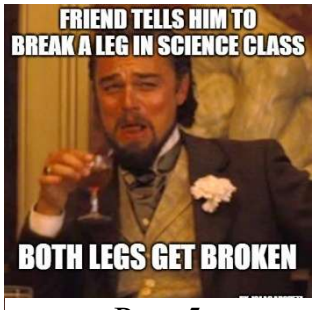


Рис. 5

[6] *Wielki słownik języka polskiego*. Режим доступа: https://wsjp.pl/haslo/podglad/27165/ktos-bije-sie-z-myslami (2025-04-29).
[7] *Wielki słownik języka polskiego*. Режим доступа: https://wsjp.pl/haslo/podglad/87717/lyso/5218125/jest-komus (2025-04-29).
[8] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/break-a-leg 2023-04-28).

школах, но отсутствует в российских), так и отрезок времени, в течение которого проводятся занятия[9].

Далее мы рассмотрим, как одно слово может полностью изменить контекст ситуации.

Рис. 6

Суть данного интернет-мема заключается в значении слова *cheat*. Девушка говорит, что сегодня *cheat day*. Этот фразеологизм означает один день, когда человек, сидящий на диете, может съесть всё, что захочет, не глядя на диету[10], поэтому девушка ест торт. Однако парень понимает *cheat day* буквально, как день предательства. В результате он изменяет своей девушке вместе с её сестрой.

Надо отметить, что языковая игра во фразеологизмах не всегда создаётся только с помощью буквализации. Очень часто мы также можем столкнуться с заменой компонентов. Во фразеологизме мы меняем одно или несколько слов, чтобы получить новое значение (Вильк 2019: 192). Опять же, начнем с анализа русских интернет-мемов.

В качестве первого примера рассмотрим, как была изменена пословица *любишь кататься – люби и саночки возить*.

«Выражение *любишь кататься – люби и саночки возить* россияне употребляют в тех случаях, когда хотят эмоционально и ярко подчеркнуть тесную взаимосвязь каких-либо противоположностей – отдыха и труда, мотовства, развлечений и времени заработков, приёма алкоголя и похмелья, любовных похождений и последствий от них» (Галкин 2025). В интернет-меме *и саночки возить* было заменено на *и разлагаться*. Как в пословице в канонической форме, так и в интернет-меме присутствует противоположность для того, чтобы подчеркнуть, что если нам нравится что-то хорошее, мы также должны испытать что-то плохое. На картинке можно увидеть детскую площадку, но рядом находится кладбище. Завершением гротеска является слово

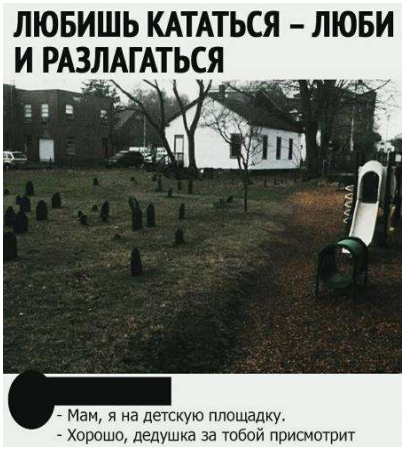


Рис. 7

[9] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/class (2025-04-29).
[10] *Urban Dictionary*. Режим доступа: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=cheat%20day (2025-04-29).

разлагается и комментарий под картинкой, что дедушка, который, вероятно, мёртв, будет присматриваться за ребёнком.

В следующем примере мы увидим, как была преобразована поговорка *терпение и труд всё перетрут*.

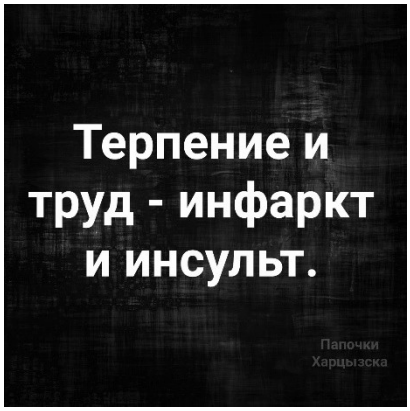


Рис. 8

Выражение *терпение и труд всё перетрут* обозначает, что «любые трудности преодолимы, если хорошо поработать над их разрешением и запастись терпением»[11]. Как мы можем заметить, эта поговорка имеет положительное значение, однако автор мема решил поменять слова *всё перетрут* на *инфаркт и инсульт*. Эта замена компонентов направлена на то, чтобы подчеркнуть, что работа вместо положительных результатов имеет только отрицательные. Автор сумел из положительной фразы создать интернет-мем с довольно чёрным юмором и вызывать комический эффект.

Очередной интернет-мем касается польской пословицы *raz na wozie, raz pod wozem*.

Рис. 9

Raz na wozie, raz pod wozem обозначает, что иногда у нас что-то получается, а иногда нет[12]. Вторая часть пословицы *raz pod wozem* была заменено на *raz w obozie* – это отсылка к русским лагерям, куда при Сталине часто отправляли людей на тяжёлые работы. Замена компонентов в данном случае довольно удивительна, что также вызывает комический эффект у получателя благодаря чёрному характеру мема.

В другом польском интернет-меме у нас снова появляется тема лагеря.

Рис. 10

Сначала нам нужно знать контекст. Недаром здесь рисунок с изображением северокорейского вождя. Бытует мнение, что в Северной Корее существуют трудовые лагеря, называемые *Kwalliso*. В польском языке функционирует пословица *bez pracy nie ma kołaczy*, обладающая значением: ‘tylko dzięki ciężkiej i wytrwałej pracy możemy coś osiągnąć’[13].

[11] *Wiktionary.org*. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/терпение_и_труд_всё_перетрут (2025-04-30).
[12] *Wielki słownik języka polskiego*. Режим доступа: https://wsjp.pl/haslo/podglad/2967/raz-na-wozie-raz-pod-wozem (2025-04-29).
[13] *Wielki słownik języka polskiego*. Режим доступа: https://wsjp.pl/haslo/podglad/1287/bez-pracy-nie-ma-kolaczy (2025-04-20).

Автор интернет-мема поменял *bez pracy* (без работы) на *w obozie pracy* (в трудовом лагере). Эта замена полностью меняет смысл пословицы. Таким образом, мы получаем интернет-мем о том, что в трудовом лагере мы ничего не добьёмся.

В следующем примере рассмотрим английский фразеологизм *no pain, no gain*.

В интернет-меме описывается ситуация, когда человек два года ходил в спортзал. *No pain, no gain* имеет значение: ‘used to say that it is necessary to suffer or work hard in order to succeed or make progress’[14]. Слово *no* было заменено на *all*, таким образом, мы можем заметить, что только одно слово может полностью изменить смысл выражения. Оно теперь означает, что человек испытал только боль, без результата.

Рис. 11

В качестве последнего примера мы рассмотрим, как автор с помощью английского фразеологизма *kill two birds with one stone* создал языковую игру.

Согласно словарю, он означает, что нам удалось сделать две вещи одновременно[15]. В выражении две птицы были заменены на 792 человека, а камень – на птицу. Таким образом, используя один камень, мы можем убить двух птиц, но уже используя одну птицу, мы можем убить 792 человека.

Рис. 12

Подводя итог, интернет-мемы стали феноменом мирового масштаба, а пользователи интернета прибегают к ним с целью передачи информации, которая очень часто даётся в шутливой форме. Чёрный юмор нередко используется для создания интернет-мемов. Их авторы играют фразеологизмами, а в качестве средств языковой игры используется буквализация. Примером буквализации был фразеологизм *в ногах правды нет*, где буквальное понимание выражения привело к тому, что врач отрезал пациенту ноги. Также встречается замена компонентов. Примером может послужить единица *любишь кататься – люби и саночки возить*. В данном случае имеем дело со сравнением чего-то хорошего (детской площадки) и чего-то плохого (кладбища и разлагающихся тел людей). Всё это создано и продумано пользователями в их интернет-мемах, чтобы добиться комического эффекта

[14] *Merriam-webster*. Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/dictionary/no%20pain%2C%20no%20gain (2025-04-20).
[15] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/kill-two-birds-with-one-stone (2023-04-28).

и развлечь получателя мема. При этом надо обратить внимание, что не имеет значения язык, каким владеют авторы мемов – механизмы создания языковой игры с помощью фразеологизмов являются таким же самыми в русском, польском и английском языках.

Summary

Internet memes have become a global phenomenon, and users use them to spread information, which is very often given in a joking way. Black humor is frequently used to create internet memes. The purpose of this chapter is to present how the authors of internet memes create a humorous effect in a way characteristic of black humor using literalisation and substituting components in phraseological units. Examples of internet memes in three languages – Russian, Polish and English – are analysed to prove that the mechanisms of creating wordplays with the use of phraseological units are universal and do not depend on language.

Литература

Докинз, **Р.** *Эгоистичный ген*. Москва: АСТ, Corpus, 2013.

Dziemidok, **B.** *O komizmie. Od Arystotelesa do dzisiaj*. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 2011.

Интернет-источники

Бретон, **А.** *Антология чёрного юмора*. Москва: Алгоритм, 1999. Режим доступа: https://www.rulit.me/books/antologiya-chernogo-yumora-read-173844-1.html (2023-06-16).

Вильк, **Г.** Средства создания языковой игры в интернет-мемах (на материале фразеологии). In: Banaszek-Szapowałowa, A. (ed.) *Słowiański krąg: słowo – myśl – obraz w tradycji i współczesności*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019, с. 188–189. Режим доступа: https://rebus.us.edu.pl/handle/20.500.12128/23120 (2023-06-30).

Галкин, **В.В.** *О происхождении выражения «Любишь кататься – люби и саночки возить»*. Режим доступа: https://vadim-galkin.ru/business-basics/interesting-

facts/o-proisxozhdenii-vyrazheniya-lyubish-katatsya-lyubi-i-sanochki-vozit/ (2025-04-20).

Даль, **В.И.** *Пословицы русского народа*. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (2023-04-28).

Ефремова, **Т.Ф.** *Толковый словарь Ефремовой*. Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova (2023-06-30).

Ожегов, **С.И.** *Толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov (2023-01-11).

Рахматуллина, **Л.А.** Фразеологизм как основная единица фразеологии. *Цифровая Наука*. 2020 (11), с. 57–68. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizm-kak-osnovnaya-edinitsa-frazeologii/viewer (2023-06-30).

Ульянова, **Ю.И.** Основные подходы к научному исследованию индивидуальных особенностей чувства юмора. *Вестник Военного университета*. 2011 (3), с. 21–25. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-nauchnomu-issledovaniyu-individualnyh-osobennostey-chuvstva-yumora/viewer (2023-01-11).

Ушаков, **Д.Н.** *Толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87836 (2023-01-11).

Фёдоров, **А.И.** *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Режим доступа: https://phraseology.academic.ru/ (2023-04-28).

Эпштейн, **О.В.** Лингвокультурный феномен чёрного юмора. *Интеллект. Инновации. Инвестиции.* 2013 (1.1.), с. 126–130. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-fenomen-chernogo-yumora/viewer (2023-01-23).

Cambridge Dictionary. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/ (2023-04-28).

Merriam-webster. Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/ (2025-04-20).

Urban Dictionary. Режим доступа: https://www.urbandictionary.com/ (2025-04-28).

Wielki słownik języka polskiego. Режим доступа: https://wsjp.pl/ (2025-04-20).

Wiktionary.org. Режим доступа: https://wiktionary.org (2025-04-30).

Willinger, **U.**, **Hergovich**, **A.**, **Schmoeger**, **M.** et al. Cognitive and emotional demands of black humour processing: the role of intelligence, aggressiveness and mood. *Cognitive Processing*. 2017 (18), p. 159–167. Режим доступа: https://doi.org/10.1007/s10339-016-0789-y (2023-01-23).

Источники языкового материала

Рис. 1: Режим доступа: https://pikabu.ru/story/v_nogakh_pravdyi_net_8321563 (2025-04-20).

Рис. 2: Режим доступа: https://pikabu.ru/story/chto_poseesh_to_i_pozhnesh_1571924 (2025-04-20).

Рис. 3: Режим доступа: https://www.pozytywniej.pl/2202/bilem-sie-z-myslami (2025-04-20).

Рис. 4: Режим доступа: https://jbzd.com.pl/obr/4041465/zdradza (2025-04-20).

Рис. 5: Режим доступа: https://imgflip.com/i/4x4tlz (2025-04-20).

Рис. 6: Режим доступа: https://ifunny.co/picture/her-it-s-cheat-day-eats-cake-me-sleeps-with-ztKmxS4T8 (2025-04-20).

Рис. 7: Режим доступа: https://gigi.click/picture/lubis-katatsa-lubi-i-razlagatsa-mam-a-na-detskuu-plosadku-horoso-deduska-za-toboj-prismotrit-NjAyOTE1 (2025-04-20).

Рис. 8: Режим доступа: https://pikabu.ru/story/terpenie_i_trud_7895741 (2025-04-20).

Рис. 9: Режим доступа: https://tenor.com/pl/view/raz-na-wozie-raz-w-obozie-gif-6132613459551187419 (2025-04-20).

Рис. 10: Режим доступа: https://paczaizm.pl/stare-koreanskie-przyslowie-mowi-w-obozie-pracy-nie-ma-kolaczy/ (2025-04-20).

Рис. 11: Режим доступа: https://imgflip.com/i/1lm5wl (2025-04-20).

Рис. 12: Режим доступа: https://imgflip.com/i/5686p6 (2025-04-20).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.12

Яна МИЛОСЕРДОВА

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА ЗЕМЛИ В МИРОВОСПРИЯТИИ СЛАВЯН

Reflection of the Image of the Earth in the Slavs' Worldview

***Keywords**: image of the earth, Slavic antiquities, culture*

***Contact**: независимый исследователь; yanamiloserdova382@gmail.com*

Земля является основополагающим элементом в культуре всех народов мира. Само понятие входит в ядро смыслов народной культуры. Земля, наряду с огнем, воздухом и водой, – одна из основных стихий мироздания.[1]

Исследования в области этимологии Н.М. Шанского доказывают нам, что лексема *земля* является общеславяеским элементом: *земля* – общеслав. Суф. Производное (суф. -j-, -mj- > мл') от *zet* «*земля, пол, низ*», ср. *чернозем*, буквально – «*черная земля*», др.-рус. *земь* – ср. *наземь*, словацк. *zet* «*земля*» и т.д. Родственно латышск. *zeme*, др.-перс. *zam*-, лат. *humus* и т.д.[2]

В словаре П.Я. Черных находим историко-этимологические сведения: др.-рус. (с X–XI вв.) *земля* – «*земля*», «*мир*», «*страна*», «*народ*», «*низ*», «*имение* (*земельная собственность*» – «*земной*», *земь* – «*земля*», *земьный* «*земельный*», «*земский*», *земльскый*, *земьскый* (> земский) – «*земной*», «*народный*», *земльный – землянин*: *гражданин*; укр. – *земли*; блр. – *земля*; болг. – *земя*; с.-хорв. – *зёмла*; словен. – *zemlia*; чеш. – *reme*, *zemni*; словац. – *zem, zemina*.[3]

Показательно, что одна лексема (разумеется, в контексте, т.е. в естественных условиях) актуализирует более одного понятия, и это свидетельствует о самостоятельности лексемы и понятия (Вежбицкая 2001). Чтобы убедиться в этом, обратимся к словарям.

Лексема *земля* относится к общеиндоевропейской лексике. Так, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой находим: 1. 'Третья от Солнца, обитаемая

[1] Метелинский, Е.М. *Мифологический словарь*. Режим доступа: https://www.klex.ru/1dsr (2025-03-18).
[2] Шанский, Н.М. *Этимологический словарь русского языка*. Режим доступа: https://1793.slovaronline.com (2025-03-18).
[3] Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-chernykh/index.html (2025-03-22).

нами планета (с прописной буквы)’; 2. ‘Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)’; 3. ‘Верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также её более глубокие слои; почва, грунт’; 4. ‘Рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты’; 5. ‘Территория, находящаяся в чьём-л. владении, пользовании; обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва’; 6. ‘Высок. Страна, государство’; 7. ‘Устар. Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок’ (Евгеньева 1981: 608).

Г. Гачев отметил, что национальное в народе есть как бы почва его исторического развития, и история есть выравнивание народов. Следовательно, чтобы доискаться до национального, надо погружаться в древность (Гачев 2013: 48). Диалекты являются ярким и значимым отражением культуры, представлений о мире. Вся народная культура диалектна (Плотникова 2004: 7). Рассмотрим примеры из СРНГ: *земля*, и, ж. 1. Чернозем. Камн.Том., 1913. 2. Земля (новая земля). Земля выступила на лице (у кого-либо). О приближении смерти у тяжелобольного. Если земля выступила на лице – умрёт (если больной потемнел, почернел). Костром., 1920. Жить на белой земле. Не платить податей. Яросл., 1896. Землёй заметало (кого-либо). То же, что земля выступила на лице (у кого-либо). Соликам. Перм., 1905–1921. Землёй подернуться. Приобрести темный цвет лица, почернеть, «что бывает у людей старых и служит признаком того, что смерть не за горами». Ещё сутяжится, а ведь уже землей подернулся. Тобол., Ивановский, 1911–1920. Землю прикусить. Поклясться землей. Когда предки уходили от, царизмы, землю прикусили, чтоб до прежней жизни не вертаться. Казаки-некрасовцы, 1968. Землю пробивать (пробить) кулаком. Сильно жестикулировать, выражая озлобление, негодование (Филин 1976: 256).

Г. Гачев в работе «Национальные образы мира» указывает на то, что все народы под одним солнцем и луной и почти одинаковым небом ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс (и этот покров, крыша их объединяет и приравнивает друг другу), они ходят по разной земле и разный быт и историю имеют, – то есть, из разной почвы вырастают.

В «Мифах народов мира» отмечается, что олицетворение *земли* как стихии плодородия возникает лишь у земледельческих народов. Преимущественно у восточных славян широкое развитие получил комплекс представлений о годовом цикле земли – о том, что начиная с поздней осени и до определённого момента весной земля «закрыта»: она «спит», «замерла» и т.п. (Токарев 1980: 385).

Показательна в этом отношении связь земли и календарной обрядности: основой традиционного жизнеобеспечения русского этноса изначально было

сельское хозяйство с преобладанием в нём пашенного земледелия. Его особенности во многом определялись географическими условиями – спецификой климата, характером почв и растительности, наличием водных источников, рельефом местности и др., разнообразие их было причиной некоторых различий в традиционной хозяйственной деятельности русских. К середине зимы завершалась первичная обработка земледельческой продукции, и до нового сезона полевых работ было довольно много свободного, праздного (конечно, относительно) времени, которого требуют ритуальные действия. Весна и начало лета – время, наоборот, самое «работное» и ответственное в земледельческом труде, поскольку закладываются основы будущего урожая, а запасенные с прошлого года продукты начинают подходить к концу. Но здесь интенсивность обрядовых действий диктовалась другой логикой: если результат в земледелии определяется не столько усилиями крестьянина (они всегда были максимальны), сколько капризами погоды – надо было обеспечить её благоприятность, обращаясь к высшим силам.

Земля живёт и даёт жизнь, она земля-мать, мать всего живого; она ежегодно обновляется, дышит, говорит, спит, стонет, улыбается; она рождает травы, рождает людей, питает человека; человек – сын земли; после смерти земля принимает его снова в свое материнское лоно. Земля святая. Верят, что она таит в себе необычайную силу, силу возрождения жизни и исцеления; закапывание в землю обновляет человека и животное, может превращать в другое существо, даёт силу (Бартминьский 2005: 216).

Также отмечается, что языковой образ человека как «земного» находится в очевидной корреляции с принципом номинационного представления бога, божества как «небесного», с одной стороны, и с имеющим весьма широкое распространение в разных культурах образом Матери-Земли, с другой. Значима сакральная формула Мать-сыра-земля. В данных словаря «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» находим, что мотив материнства в поверьях о земле имеет отношение не только к универсальному плодоносящему началу, но и к реальной матери конкретного человека. В работе «Балканские мотивы в языке и культуре болгар» отмечено, что Богородица – земная женщина. В духовной культуре многих народов Рождество Христово сравнивается с рождением обычного человека, а сама Богородица – с земной матерью (Седакова 2007: 171). Отец Александр Мень отметил, что «в языческой Руси слово "Мать-земля" имело не просто метафорическое значение. Оно обозначало душу природы, богиню, супругу "Хозяина неба" (…). Богиня-Мать правит всеми природными процессами. Это

она заставляет оживать семя, погруженное в землю; она вселяет любовь в людей и животных, ей поют песни в дни весеннего ухаживания птицы»[4].

Во многих индоевропейских языках общее наименование человека этимологически связано с обозначением земли и характеризует человека как земного, «почвенного»: латин. humus – земля, почва, глина, праслав. zemja – земля. Несколько более косвенно эти представления выражаются в определениях вроде латин. terrae filius – (какой-то) человек, незнакомец; незаконнорожденный, буквально сын земли. Адам – имя библейского первочеловека. Так, в семитском: др.-еврейск. adam – «человек», adamah – земля, краснозем (библейское сотворение первого человека из глины предстает в обратной «антропонимической заместительной номинации» глиняного горшка Адамом, неоднократно фиксируемой в восточнославянских загадках (Журавлев 2005).

Таким образом, мы приходим к выводу, что земля – ключ к понимаю культуры, так как входит в ядро смыслов народной культуры, является важнейшим понятием в представлении славян, входит в универсальную картину мира.

Summary

Land is included in the keywords of folk culture, which is reflected in mentality, and mentality is directly related to language. So, land is the key to understanding culture. The lexeme itself is a common Slavic element, which is proved by the research of scientists. At the same time, certain traditional formulas are found in different variations. For example, a person is considered the son of the earth, agricultural peoples are characterized by the relationship between land and fertility, in Bulgaria the Virgin is considered an earthly woman. Many Slavic rituals are connected with the earth, and the motifs of personification of the earth are frequent: the earth is asleep, the earth has come to life. The Slavs also associate the human life cycle with the earth.

Литература

Бартминьский, Е. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва: Индрик, 2005.

Вежбицкая, А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры, 2001.

[4] Мень, А. *Магия, оккультизм, христианство.* Режим доступа: http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/ (2025-03-18).

Гачев, Г. *Национальные образы мира. Общие вопросы*. Москва: Советский писатель, 1988.

Евгеньева, А.П. *Словарь русского языка. Том I*. Москва: Русский язык, 1981.

Журавлёв, А.Ф. *Язык и миф*. Москва: Индрик, 2005.

Плотникова, А.А. *Этнолингвистическая география Южной Славии*. Москва: Индрик, 2004.

Седакова, И.А. *Балканские мотивы в языке и культуре болгар*. Москва: Индрик, 2007.

Токарев, С.А. *Мифы народов мира*. Москва: Советская энциклопедия, 1980.

Толстой, Н.И. (общ. ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Москва: Международные отношения, 1995–2014.

Филин, Ф.П. *Словарь русских народных говоров. Выпуск 11: Зароситься–Зуврёнка*. Ленинград: Наука, 1976.

Интернет-источники

Мень, А. *Магия, оккультизм, христианство.* Режим доступа: http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/ (2025-03-18).

Метелинский, Е.М. *Мифологический словарь*. Режим доступа: https://www.klex.ru/1dsr (2025-03-18).

Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-chernykh/index.html (2025-03-22).

Шанский, Н.М. *Этимологический словарь русского языка*. Режим доступа: https://1793.slovaronline.com (2025-03-18).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.13

Анастасия ШЕЛЕСТОВА

ЖЕНСКАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЛУНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Female Semantics of the Image of the Moon in the Linguoculture of the Eastern Slavs and Their Neighbors

***Keywords**: feminine semantics, moonbeams, Eastern Slavs, Balts, Finno-Ugrians, Letto-Lithuanians, Turkic peoples, mythology, charms, folk beliefs*

***Contact**: независимый исследователь; anastaciashelestowa@yandex.ru*

В славянской лингвокультуре Луна традиционно воспринимается как символ женского начала. Она связана с цикличностью жизни, изменчивостью и магией. В мифах и народных поверьях восточных славян Луна часто олицетворяется с богинями, ритуалами и обрядами. Женская семантика Луны проявляется и в языке: многочисленные метафоры, приметы и фольклорные образы отражают народные представления о связи Луны с женской природой. Цель данной главы – исследовать лингвокультурные аспекты образа Луны у восточных славян и их соседей, выявить его мифологическое, фольклорное и языковое отражение, а также рассмотреть общие черты и различия в восприятии Луны как женского символа в разных культурах.

Понятия Луны и Солнца образуют мифопоэтическое бинарное единство. У некоторых народов Солнце выступает как женское начало, а Луна – как мужское, у других же народов, наоборот, Солнце представляется в виде мужского начала, а Луна – в виде женского (Маковский 1996: 209). Как месяц представляется мужем богини солнца, так луна, согласно с женскою формою этого слова, есть солнцева супруга – жена Дажьбога. «Солнце – князь, луна – княгиня»: такова народная поговорка, усвояющая солнцу тот же эпитет князя, который у нас употребляется для обозначения молодого, новобрачного супруга, а в польском языке перешёл в нарицательное имя месяца (Афанасьев 1995: 27).

В мифологических представлениях восточных славян Луна связана с волшебством (Маковский 1996: 210), загробным миром и областью смерти, женским

началом и переменчивостью (Толстой (общ. ред.) 1995–2014: 139). В народных поверьях отражены представления о Луне как о живом существе, обладающем человеческими характеристиками.

Исконное славянское название ‘měsecь’, согласно этимологии О.Н. Трубачёва (ЭССЯ 18: 191–194), отражает свойство Луны периодически уменьшаться и нарастать и связывается с компаративом меньший, меньше. Луна также имеет многочисленные народные наименования, связанные с её блеском и формой: ‘ясный’, ‘лысый’, ‘рогатый’, ‘серп’, ‘обручальное кольцо’. Как было отмечено А.Н. Афанасьевым, в западнославянских традициях встречается название ‘князь’, ‘небесный королевич’, что может указывать на древний культ Луны. В русском фольклоре слово ‘Луна’ нередко персонифицируется, тогда как ‘Месяц’ воспринимается как мужское начало. Это соответствует общеславянскому распределению, где «ночное светило» предстаёт в различных ипостасях: «молодой месяц» (мужской образ) и «Луна – царица ночи» (женский) (Ладисова 2020: 3).

В русской языковой картине мира Луна часто воспринимается как живое существо, обладающее волей и эмоциями. В народных поверьях восточных славян встречаются такие выражения, как: «Луна плачет – к дождю. Луна краснеет – к несчастью. Луна умывается – к хорошей погоде» (Ладисова 2020: 3). Это показывает, что в сознании носителей языка Луна может действовать, чувствовать, взаимодействовать с окружающим миром.

Особое внимание заслуживает связь Луны с лунницами – традиционными женскими украшениями, имеющими форму полумесяца. Лунницы широко распространены у славян, балтов и финно-угров, что позволяет говорить о глубокой архаике этого символа. Однако интерпретация их значения остаётся дискуссионной. С одной стороны, форма лунницы соотносится с Луной как женским светилом, но, с другой стороны, её роговидный силуэт перекликается с образом коровы, священного животного славян и многих индоевропейских народов.

Лунницы – это традиционные подвески в форме полумесяца, широко распространённые у славян и их соседей. В древности они использовались как обереги. В археологических находках юго-восточной Балтии были обнаружены бронзовые и золотые лунницы, которые женщины носили как защитные амулеты. Считается, что такие подвески символизировали плодородие и защищали от злых сил. На территории славянских поселений IX–XI веков встречаются лунницы, аналогичные скандинавским и балтийским образцам, что свидетельствует о культурных заимствованиях.

Лунницы в Латвии и Литве использовались женщинами в качестве оберегов. Девушки носили лунные символы как защиту от дурного глаза и для привлечения удачи в замужестве. Лунные календарные праздники отмечались обрядами, связанными с плодородием и семейным благополучием. В зависимости от формы, размера и материалов, лунницы могли символизировать: Плодородие и материнство, помогая женщинам в деторождении. Защиту от сглаза и дурных сил. Лунную магию, связанную с циклами природы.

В балтийской традиции лунницы часто украшались растительными орнаментами и изображениями небесных тел, что подчёркивало их связь с космосом. В Латвии и Литве такие подвески входили в свадебный наряд невест, символизируя благополучие в браке и защиту от негативных влияний. В финно-угорских культурах подобные украшения также встречались в составе женских головных уборов и поясов, что говорит о широком распространении их символики.

Л. Нидерле в «Славянских древностях» пишет об украшениях в форме луны, лунницах, отмечая то, что этот вид украшений, первоначально называвшихся «Височные кольца», был заимствован из Византийских стран. Н.П. Хамайко в работе «Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения и семантики» разделяет позицию Л. Нидерле о том, что лунницы – вид украшений заимствованный, а заимствованный по причине развития торговых путей с Византийскими странами. Однако, ряд учёных, в числе которых Б.А. Успенский, отмечают, что на Руси связь лунниц с луной и с язычеством хорошо осознавалась, о чём свидетельствуют древнерусские поучения против язычества (Успенский 2006: 225–258).

Одним из ключевых аспектов женской семантики Луны является её дуальность. С одной стороны, Луна ассоциируется с материнством, защитой, плодородием, но с другой – с демоническими силами. В народных поверьях Луна нередко связывается с русалками, которые, по представлениям восточных славян, могли обитать на одиноких деревьях в поле. Это подчёркивает идею амбивалентности женского начала: женщина может быть как защитницей, так и опасной сущностью.

Особый интерес представляет связь Луны с рогами, которые в славянской культуре встречаются в образах головных уборов (кичек), а также в мифологических сюжетах о священных коровах. В различных славянских традициях Луна представляется в образе рогатого животного: коровы у восточных и южных славян, вола у русских и поляков, козла у болгар, барана у сербов. Основой для этой ассоциации служит форма серпа Луны, напоминающая рога. В русском и польском языках слово «рог» и «рогатый» использовались как название месяца, что

подтверждает прямую связь между образом Луны и рогатым скотом. Образ коровы в Луне находит своё отражение в мифологических представлениях восточных славян. Согласно болгарской легенде, Луна произошла от коровы Господа, которую он проклял за поедание верхушки его небесной груши, связанной с Мировым древом. Это указывает на важность коровы как сакрального существа, связанного с космогоническими мифами. Кроме того, в южнославянском фольклоре встречаются мотивы похищения Луны ведьмами и её превращения в корову. Так, в Родопах верили, что ведьма, укравшая молоко у коров, могла превратить Луну в корову, чтобы та не смогла донести до Бога о её преступлениях. Ведьмы также могли «доить» Луну, используя это молоко в магических обрядах. Подобные представления свидетельствуют о том, что Луна в образе коровы олицетворяет плодородие и магическую силу. Основаниями для ассоциации Луны с коровой могут быть следующие положения: 1. визуальная схожесть с рогами коровы; 2. связь с молоком – цветовое соответствие и млечный путь Луна и молоко имеют общие характеристики в славянской культуре: молоко как дар коровы, питающий жизнь, и Луна как небесное тело, регулирующее природные циклы; 3. мифологические параллели – корова в Луне символизирует плодородие и небесную опеку, что подтверждается верованиями о магической силе «лунного молока»; 4. демоническое восприятие – в народных верованиях на Луну нападают тёмные силы (змеи, волколаки, демоны), что соотносится с её образом как живого существа, участвующего в космической борьбе.

Для восточных славян Луна в образе коровы олицетворяла плодородие, женское начало, небесное покровительство и цикличность природы. Она воспринималась как источник небесного молока, питающего землю и обеспечивающего урожайность. Луна также имела магическое значение, так как её фазами объяснялись успехи или неудачи в сельском хозяйстве, здоровье людей и животных. В мифах и поверьях присутствует как доброжелательная сила, так и объект нападений демонов, что подчёркивает её важность в народном мировоззрении и её дуальность в женской семантике. Гипотеза о том, что силуэт Луны перекликается с образом коровы, подтверждается многочисленными славянскими мифами и народными представлениями. Исследование лунной семантики через женские украшения, головные уборы и амулеты позволяет глубже понять механизмы формирования мифологического мировоззрения.

Во многих традициях Луна оказывает влияние на женщин, детей и беременных. В народных представлениях восточных славян существовало поверье, что беременным женщинам не следует находиться под светом Луны, чтобы не навлечь на себя несчастье. Это отражает представление о Луне как о сущности,

обладающей особой силой, которая может быть как положительной, так и негативной.

Особое значение придавалось и ритуалам, связанным с Луной: гадания, обряды на благополучие, защита детей от дурного глаза. Например, в новолуние мордовские женщины произносили: «Здравствуй, новая Луна, дай мне здоровья», надеясь на её покровительство.

Луна в традиционных представлениях народов Северной и Восточной Европы занимает значимое место в мифологии, языке и обрядовой культуре. Среди балтов, финно-угорцев и летто-литовцев Луна особенно часто ассоциируется с женским началом, переменчивостью, плодородием и магией. Её образ отражает цикличность времени, связь с загробным миром. Стоит отметить, что Уральские, Алтайские, балтские и финно-угорские материалы по культу Луны являются не только достаточно обширными, но и опережающими по времени культ Солнца и Солярных мифов, что позволяет провести параллели с восточными славянами.

Существует гипотеза, выдвинутая В.В. Ивановым, согласно которой наиболее древним представлением о Луне является её восприятие как мужского божества в зооморфной форме. В различных мифологических традициях этот образ варьируется. Например, в скандинавской мифологии Луна олицетворяется персонажем по имени Мани, который является братом солнечного божества Соль.

В русском фольклоре можно встретить интерпретацию, в которой Месяц представлен как младший брат Солнца. Однако в дальнейшем в ряде культур мужской образ ночного светила трансформируется в женский. Например, в древнегреческой мифологии Луна ассоциируется с богиней Селеной. Этот переход во многом связан с изменениями в общественном устройстве: с ослаблением матриархальных традиций и укреплением патриархата сакральная роль Луны постепенно снижается. Тем не менее Луна сохраняет важное значение в магических и гадательных практиках (Токарев (ред.) 2003: 30).

Во многих мифологических системах происхождение лунного божества не всегда чётко обозначено или определяется в контексте родственных связей с другими небесными персонажами. Так, в башкирской мифологии Айхылу (Дева-Луна) упоминается как сестра Хумай и дочь небесного владыки Самрау и солнечного божества Кояш. В бурятских народных сказаниях часто встречаются упоминания о хане, связанном с Луной. Согласно калмыцким преданиям, создание Луны приписывается божествам Эсрин-хану и Тенгир-хану (Шарипов 2015: 80).

У народов Западной Сибири, в частности у обских угров, Старик Месяц (Этпос-Ойка) представлен как брат других небесных существ, включая Хотал-Эк-

ву, Калтащ-Экву и Нуми-Торума. Его происхождение возводится к древним божественным предкам, среди которых Корс-Торум и Косяр-Торум. Эти представления подтверждают распространённость образа Луны как мужского персонажа в ранних мифологических системах.

Согласно мифологическим представлениям хантов и манси, изначально Луна принадлежала Куль-Отыру – владыке загробного мира. Однако впоследствии её похитил Эква-Пырищ, сын небесного бога Нуми-Торума.

В марийской мифологии также встречается образ божественного персонажа, связанного с Луной. Так, Тылчак считается её сыном и, вероятно, братом Кечамыша. Вместе они дружат с Вультаком, который известен как Сын Белой кобылы. Согласно преданию, Тылчак и Кечамыш берут в жёны девушек, живущих в лесном доме, но вскоре погибают от рук злого карлика-демона по имени Кынергут-Тале. Душа этого существа заключена в чёрной утке. Тылчак погибает на вершине горы, но Белая кобыла, топнув копытом и подув, возвращает его к жизни (Токарев (ред.) 2003: 559).

В марийских легендах Луна упоминается и под именем Тылзе. В одном из сказаний она выступает в роли свидетеля событий: когда хитрый старик, воспользовавшись обманом, утопил в озере демона смерти Азреня, люди обратились за подтверждением к Луне, но та ответила, что ничего не видела. Однако в другой версии этого мифа Луна, напротив, выдала местонахождение смерти (Акцорин (сост.) 1991: 51).

Отождествление Луны со смертью и загробным миром характерно для многих мифологических систем. В славянских преданиях существует мотив, согласно которому первоначальное местопребывание Месяца находилось на земле. Также встречаются представления о том, что Луна была создана дьявольским персонажем, который вырезал её из части Солнца. Существует гипотеза о связи Луны с Велесом и звёздами, однако эти идеи не выглядят столь целостными, как, например, в балтийской традиции. В отличие от Перкунаса, Велес не фигурирует в мифах о Луне и не воспринимается как верховное божество, аналогичное скандинавским богам.

В литовской традиции Луна связана с богиней Лаймой, покровительницей судьбы и материнства. Считалось, что Лайма предсказывает будущее новорождённым, и её благосклонность могла обеспечить счастливую жизнь. В удмуртских и коми традициях женщины обращались к Луне с молитвами о лёгких родах и семейном благополучии (Харва 2022: 135). Финны верили, что Луна обладает особой силой исцеления, особенно во время полнолуния. Лунный свет считался

магическим, его избегали беременные женщины, чтобы не навлечь на себя дурные предзнаменования (Толстой (общ. ред.) 1995–2014: 140). Луна играла важную роль в ритуалах, связанных с гаданиями и женскими циклами. Так, у башкир существовало поверье, что самые ответственные дела нужно начинать в период растущей Луны, так как только в этом случае будет сопутствовать удача. У восточных славян также существовали ритуалы, обращённые к Луне. В новолуние мордовские женщины произносили: «Здравствуй, новая Луна, дай мне здоровья», считая, что это принесёт благополучие в семью.

Образ Луны в мифологиях народов Северной и Восточной Европы занимает важное место, отражая представления о цикличности времени, загробном мире, плодородии и магии. В ранних традициях Луна чаще воспринималась как мужское божество, однако со временем в ряде культур произошла трансформация в женский образ, связанная с социальными изменениями. У восточных славян Луна также сохраняет сакральное значение, участвуя в обрядах, гаданиях и поверьях, что сближает их мифологические представления с балтскими, финно-угорскими и тюркскими традициями.

Анализ мифологических, лингвистических и фольклорных материалов позволяет утверждать, что образ Луны в восточнославянской культуре имеет сложную и многозначную семантику. Её восприятие варьируется от женского покровительства и плодородия до связи с миром смерти и мистическими силами. Дуальность женского образа Луны находит отражение в мифологических сюжетах, народных поверьях и материальной культуре (лунницы, головные уборы, амулеты). Таким образом, Луна в славянской традиции представляет собой не просто женский символ, а сложный, многослойный образ, требующий дальнейшего анализа в контексте культурного взаимодействия и сравнительной мифологии.

Summary

This chapter explores the linguocultural aspect of the image of the Moon among the Eastern Slavs and their neighboring peoples. It examines the Moon’s reflection in mythology, language, folklore, and traditions, as well as analyzes common features and differences in the perception of the Moon as a feminine symbol in other cultures. The image of the Moon holds an important place in the system of Slavic worldview concepts. Its feminine semantics are manifested not only in mythological narratives but also in language, which makes the study of this phenomenon significant for linguistics, ethnography, and cultural studies.

Литература

Акцорин, В.А. (сост.) *Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991.

Афанасьев, А.Н. *Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Москва: Современный писатель, 1995.

Валенцова, М.М. Взаимодействие славянских традиций в восточных Карпатах (на примере демонологической лексики). *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2020 (3–4), с. 145–159. DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.10.

Кулаков, В.И. Лунницы и подвески особых форм в древностях юго-восточной Балтии. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2019 (4), с. 5–17.

Ладисова, О.В. Образ луны (месяца) как фрагмент русской языковой картины мира. *Слово: фольклорно-диалектологический альманах*. 2020 (16), с. 92–95.

Маковский, М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.

Нидерле, Л. *Славянские древности (пер. с чеш. Т. Ковалёвой, М. Хазанова)*. Москва: Институт русской цивилизации, 2015.

Токарев, С.А. (гл. ред.) *Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 1: А–К*. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2003.

Токарев, С.А. (гл. ред.) *Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 2: К–Я*. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2003.

Толстой, Н.И. (общ. ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Москва: Международные отношения, 1995–2014.

Успенский, Б.А. Солярно-лунная символика в облике русского храма. In: Успенский, Б.А. (ред.) *Крест и круг: Из истории христианской символики*. Москва: Языки славянских культур, 2006, с. 225–258.

Хамайко, Н.П. Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения и семантики. In: Миколів, І. (ред.) *Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Випуск 20*. Переяслав-Хмельницький: Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет, 2008, с. 319–338.

Харва (Хольмберг), У. *Верования алтайских народов (пер. с англ.; отв. ред. А.В. Головнев)*. Москва: Castalia, 2022.

Шарипов, Р.Г. *Духовная культура древнетюркской цивилизации: Менталитет. Религия. Искусство. Эпос*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.14

Paulina STAWARZ

NOWE NAZWY ZAWODÓW W JĘZYKU POLSKIM I SŁOWACKIM – PORÓWNANIE WEDŁUG TEORII MOTYWACJI LEKSYKALNEJ

New Names of Professions in Polish and Slovak – A Comparison According to the Theory of Lexical Motivation

***Keywords**: neologisms, names of professions or occupational titles, Polish language Slovak language, theory of lexical motivation*

***Contact**: Prešovská univerzita v Prešove; paulina.stawarz@unipo.sk*

Wstęp

Zmieniająca się rzeczywistość wymusza potrzebę nazywania wszelkich nowości, w tym nazw zawodów, które dotąd nie były znane. Z uwagi na rozwój chociażby nowych technologii oraz wieloaspektowy postęp, ludzie mogą wykonywać czynności, które kilkadziesiąt lat temu pozostawały w sferze wyobrażeń. W języku polskim, ale też w każdym innym języku, pojawia się wiele nowych nazw zawodów, które ze względu na dynamikę ich wprowadzania, nie zdążyły być jeszcze zanotowane w słownikach. Fakt ten sprawia pewną trudność podczas nauki języka polskiego jako obcego; nauki samodzielnej oraz na lektoratach. Studenci nie są pewni, czy nazwy obce są stosowane w języku polskim, czy też powstały już ich polskie odpowiedniki. Rozdział prezentuje fragment badań w tym zakresie; omawiane słownictwo zostało zanotowane przez autorkę i wyselekcjonowane z różnych stron internetowych, z prasy, czy też było usłyszane w mediach oraz rozmowach. W pierwszej jego części przeanalizowane zostało słownictwo w popularnych seriach podręczników do nauki języka polskiego jako obcego. Wykazano, iż neologizmy jak dotąd nie występują w tychże publikacjach. Fakt ten stanowi wyzwanie dla nauczycieli języka polskiego jako obcego, a poszukiwanie sposobów systematyzacji słownictwa wydaje się być bardzo zasadny.

Teoria motywacji leksykalnej

Teorią, która ułatwia usystematyzowanie analizowanego zasobu słownego w ujęciu porównawczym, jest niewątpliwie teoria motywacji leksykalnej. Słowacki badacz M. Ološtiak w swoich publikacjach rozwija teorię, której pierwotnym autorem jest J. Furdik (por. Furdík 2008; Ološtiak 2011) oraz teorię porównania onomazjologicznego (por. Ološtiak rkp.; Ološtiak, Pachomova 2022; Ološtiak, Vojteková, Pachomova, w druku).

Na podstawie badania sposobu nominacji wyrazu, w którym wyróżnia się motywację interlingwalną oraz intralingwalną, interleksematyczną i intraleksematyczną, motywację syntaktyczną oraz motywację słowotwórczą (dominujące w analizowanym materiale), wskazywać można na asymetrie i symetrie pomiędzy semantycznie ekwiwalentnymi leksemami w dwóch językach. Badacz wyróżnia także inne typy motywacji, a są to: paradygmatyczna, morfologiczna, semantyczna, foniczna, frazeologiczna, onimiczna, ekspresywna, rejestrowa, terminologiczna, socjolektyczna, terytorialna, temporalna, indywidualizująca, abrewiacyjna (Ološtiak 2011).

Natomiast dzięki porównaniu onomazjologicznemu wskazać można na struktury jednoznaczne i niejednoznaczne pod tym względem.

Jednostki z dwoma lub więcej wyrazami, określane są jako *viacslovné pomenovania* (VP) (nazwy wielowyrazowe), których w badanym materiale dotyczącym np. kosmetyków jest zdecydowanie więcej. W tego typu strukturach występuje pomiędzy jej składowymi motywacja syntaktyczna, w różnych wariantach. Nazwy wielowyrazowe badacz dzieli na: frazeologiczne, terminologiczne, nazwy własne oraz nazwy neutralne (Ološtiak, Ivanová 2015: 163). W przypadku nazw kosmetyków, zgodnie z podziałem znaczeniowym, mówić będziemy przede wszystkim o nazwach neutralnych, których funkcją jest wytworzenie bardziej kompleksowego, dokładniejszego i szerzej rozumianego pojęcia, w porównaniu z nazwami jednowyrazowymi (Ološtiak, Ivanová 2015: 163). Neutralność pojęcia rozumie się w kontekście analizy całego połączenia, nie jego poszczególnych składowych (choć one także mogą podlegać analizie). Połączenia neutralne w publikacji podzielone są jeszcze dokładniej, na sześć podtypów (Ološtiak, Ivanová 2015: 163). W badanym materiale dominować będą takie, w których nie dochodzi do znacznego przesunięcia znaczenia poszczególnych składowych, natomiast całe połączenie określa nową jednostkę, np. pol. *podkład odmładzający*. Wyróżnić można też takie, w których dochodzi do przesunięcia znaczeniowego w poszczególnych wyrazach określających bądź określanych, np. pol. *krem-koncentrat,* gdzie koncentrat kojarzy nam się przede wszystkim z koncentratem pomidorowym lub koncentratem miedzi. W badanych wyrazach wyróżnić można także połączenia, w których nie dochodzi do

takich semantycznych przesunięć, np. *krem-maseczka*, w których obie części składowe zachowują swoje pierwotne znaczenie. Wszystkie z powyższych Ološtiak określa je jako połączenia neutralne, w których jeden komponent cechuje przesunięcie znaczenia, oba, bądź żaden (Ološtiak 2015: 165). W tego typu połączeniach dochodzi do leksykalizacji pojęcia, jednak zazwyczaj w wąskim zakresie. Połączenia dwuwyrazowe podzielone są na koordynatywne o strukturze bezspójnikowej i spójnikowej oraz determinatywne, w których badacz wyróżnia dziesięć typów połączeń w zależności od budowy poszczególnych komponentów (Ološtiak 2015: 165). Teoria M. Ološtiaka jest zdecydowanie bardziej rozwinięta, ma jeszcze wiele dodatkowych aspektów, które badacz rozwija w swojej pracy (Ološtiak 2015). Badanie słów w myśl motywacji leksykalnej i porównania onomazjologicznego pozwala na bardzo szczegółowe i wnikliwe analizowanie neologizmów wielowyrazowych i jednowyrazowych.

W procesie nauczania języka polskiego jako obcego, powyżej przedstawione założenia teoretyczne są wystarczające, aby pomóc w kategoryzacji i uczenia pojęć. Dzięki tego typu obserwacjom łatwiej będzie zrozumieć i zapamiętać nowe słownictwo. Zrozumienie procesów powstawania nowych słów, zdecydowanie może ułatwić proces nauczania i uczenia się. W badanym materiale dotyczącym nazw zawodów, w zdecydowanej większości sprawdza się teoria motywacji leksykalnej, rozszerzana, wedle potrzeby, o porównanie onomazjologiczne. W przedstawionym w pracy zasobie leksykalnym duża część połączeń jest dwuwyrazowa, neutralna, w których występuje bądź nie przesunięcie pierwotnego znaczenia, ale i jednowyrazowa, w których dominuje motywacja słowotwórcza lub kooperacja pomiędzy motywacją interlingwalną i słowotwórczą, ale nie tylko.

Męskie nazwy zawodów

Jedną z głównych motywacji studentów uczących się języka polskiego jako obcego jest praca. Czy ta, którą już posiadają, czy też taka, którą sobie wymarzyli. Nierzadko przy pytaniu o zawód, jaki chcieliby wykonywać młodzi ludzie (lub ci starsi się przekwalifikować), posługują się słownictwem angielskim. Nie są pewni jak i czy przekształcać angielskie nazwy, czy funkcjonują już w języku polskim ich odpowiedniki. W żadnym z podręczników, z których uczyli się dotąd, nie znaleźli odpowiedniej nazwy swojego zajęcia czy też np. wąskiej informatycznej specjalizacji. Dynamiczny rozwój stanowisk w różnych dziedzinach życia powoduje powstawanie nowego słownictwa bądź dochodzi do zapożyczeń, najczęściej z języka angielskiego. Proponowany zakres słownictwa związany z zawodami, jest odpowiedzią na potrzebę uczących się, którzy spotykają się codziennie z szeregiem określeń wykonywanych przez nich czynności. Neologizmy,

w szczególności zaś te utworzone na bazie angielskich słów, mogą okazać się uczniom bardzo bliskie, przez co szybko, szczególnie na początkowych etapach nauki, zdobywają oni duży zasób słownictwa. Co istotne, uczą się przy tym także typowych form przymiotników, czasowników czy rzeczowników, co utrwala zasady słowotwórcze w języku polskim.

Nazwy zawodów w podręcznikach

W popularnych obecnie seriach podręczników wyróżnionych poniżej zbadano pierwsze ilość neologizmów dotyczących nazw zawodów. W każdym z nich nie znalazł się ni jeden wyraz spełniający kryteria neologizmu przyjęte w pracy.

Na poziomie A1

- *Po polsku po Polsce. Podręcznik do nauczania języka polskiego jako obcego oraz kultury polskiej dla początkujących* (Prizel-Kania, Bucko, Majcher-Legawiec, Sowa 2016); w którym nie odnotowano żadnego neologizmu. Słownictwo związane z męskimi nazwami zawodów ogranicza się do podstawowych kilkunastu, tj. *dentysta*, *dziennikarz*, *kierowca*, *muzyk*, *pisarz*, *policjant*, *poeta*, *rolnik*, *urzędnik*.

- *Polski. Krok po kroku 1* (Stempek, Stelmach, Dawidek, Szymkiewicz 2010): *aktor, biznesmen, fotograf, informatyk, inżynier, kucharz, lekarz, muzyk, nauczyciel, policjant, tancerz, urzędnik.* Również nie odniesiono się do nowych zawodów, żadnych neologizmów, w szczególności tych nowych formacji z przyrostkiem *-arz*.

- *Hurra!!! Po polsku 1* (Małolepsza, Szymkiewicz 2005): *architekt, artysta, biznesmen, dentysta, dziennikarz, fotograf, inżynier, kelner, kierowca, lekarz, minister, muzyk, nauczyciel, poeta, prezydent, profesor, rolnik, urzędnik.* Zdecydowanie najbardziej spośród pozostałych rozbudowana grupa, która nie odnosi się do najnowszych profesji.

- *Mówię po polsku, ćwiczenia dla obcokrajowców, poziom A1* (Gworys, Madrecka 2021): *biznesmen, reporter, inżynier, polityk, pisarka, sportowiec, pisarz, aktor, piosenkarka, urzędnik, dyrektor.*

- *Polski Master level!1* (Gołębiewska, M., Matyba, N. 2024): *lektor, profesor, rektor;* brak tematu związanego z zawodami.

Na poziomie A2

- *Polski. Krok po kroku 2*: *asystent, dziennikarka*, *główna księgowa*, *główny projektant*, *kontroler jakości*, *koordynator zespołu*, *naczelny koordynator*, *pracownik w dziale finansów*, *sekretarka*.

- *Hurra!!! Po polsku 2*: *adwokat*, *aktor*, *architekt*, *asystentka prezesa*, *chemik*, *fryzjer*, *inżynier*, *komik*, *kreator mody*, *lekarz*, *malarz*, *minister*, *modelka*, *nauczyciel*, *pediatra*, *piosenkarz*, *pisarz*, *poeta*, *policjant*, *pracownik fizyczny taksówkarz*.

- *Mówię po polsku*, *ćwiczenia dla obcokrajowców*, *poziom A2*: *architekt*, *barman*, *bibliotekarka*, *dziennikarka*, *dziennikarz*, *elektryk*, *fotograf*, *fryzjer*, *grafik*, *hydraulik*, *informatyk*, *kierowca*, *kierowca rajdowy*, *kucharka*, *kucharz*, *mechanik samochodowy*, *modelka*, *naczelny*, *nauczyciel*, *opiekunka do dzieci*, *pielęgniarka*, *prawnik*, *piłkarz*, *podróżniczka*, *policjant*, *psycholog*, *reżyser*, *rolnik*, *sekretarka*, *sprzedawczyni*, *strażak*, *urzędnik*, *weterynarz*.

- *Polski Master level! 2*: *analityk*, *chemik*, *dentysta*, *dziennikarz*, *ekonomista*, *fryzjer*, *lekarz*, *nauczyciel*, *naukowiec*, *politolog*, *prawnik*, *tłumacz*.

Tabela 1. Częstotliwość występowania nazw zawodów w analizowanych podręcznikach na poziomie A2.

	Hurra!!! Po polsku 2	**Mówię po polsku, poziom A2**	**Polski. Krok po kroku 2**	**Polski Master level! 2**
adwokat	x			
aktor	x			
analityk				x
architekt	x	x		
asystent			x	
asystentka prezesa	x			
barman		x		

bibliotekarka		x		
chemik	x			x
dentysta				x
dziennikarka		x	x	
dziennikarz		x		x
ekonomista				x
elektryk		x		
fotograf		x		
fryzjer	x	x		x
główna księgowa			x	
główny projektant			x	
grafik		x		
hydraulik		x		
informatyk		x		
inżynier	x	x		
kelner		x		
kierowca		x		
kierowca rajdowy		x		
komik	x			
kontroler jakości			x	
koordynator zespołu			x	
kreator mody	x			
kucharka		x		
kucharz		x		
lekarz	x			x
malarz	x			
mechanik samochodowy		x		
minister	x			
modelka	x	x		
naczelny koordynator			x	
nauczyciel	x	x		x
naukowiec				x
opiekunka do dzieci		x		
pediatra	x			

pielęgniarka		x		
piłkarz		x		
piosenkarz	x			
pisarz	x			
podróżniczka		x		
poeta	x			
policjant	x	x		
politolog				x
pracownik fizyczny	x			
pracownik w dziale finansów			x	
prawnik		x		x
psycholog		x		
reżyser		x		
rolnik		x		
sekretarka		x	x	
sprzedawczyni		x		
strażak		x		
taksówkarz	x			
tłumacz				x
urzędnik		x		
weterynarz		x		

Powyższa tabela potwierdza niejednorodność w zakresie doboru materiału leksykalnego w poszczególnych podręcznikach.

Tabela 2. Zestawienie żeńskich nazw zawodów w wybranych podręcznikach na poziomie A2.

	Hurra!!! Po polsku 2	**Mówię po polsku, poziom A2**	**Polski. Krok po kroku 2**	**Polski Master level! 2**
asystentka prezesa	x			
bibliotekarka		x		
dziennikarka		x	x	
główna księgowa			x	
kucharka		x		

modelka	x	x		
opiekunka do dzieci		x		
pielęgniarka		x		
podróżniczka		x		
sekretarka		x	x	
sprzedawczyni		x		

Zestawienie form żeńskich pokazuje, iż są one zdecydowanie rzadsze w każdej z analizowanych pozycji lub nie występują wcale. Przy nazwach męskich najczęściej nie ma żeńskich odpowiednich i odwrotnie.

Analiza proponowanego materiał leksykalnego dotyczącego nazw męskich zawodów

W języku pojawiają się coraz to nowe określenia osób, zawodów, które to dotychczas nie istniały[1]. Utworzone one są analogicznie do ugruntowanych w języku nazw zawodów. Poniżej przykłady wraz z objaśnieniami, zaczerpnięto ze strony *Obserwatorium Językowego Uniwersytetu Warszawskiego*.

Kooperacja motywacji interlingwalnej i słowotwórczej, neologizmy jednokomponentowe

M. Vojteková w artykule *Slovenské*, *české a poľské lingvistické termíny z hľadiska syntaktickej motivácie* (2019) opisuje dokładnie struktury wielowyrazowych, zauważa także, że może być tak, iż w obrębie semantycznie ekwiwalentnego leksemu nazwy jednowyrazowe w jednym języku, są dwuwyrazowe w innym.

Konstrukcje jakie wymienia autorka w obrębie nazw wielowyrazowych w języku polskim to: 1) dvojkomponentové – determinatívne: a) adjektívum + substantívum; b) substantívum + adjektívum; c) substantív um + substantívum v bezpredložkovom genitíve; d) substantívum + predložkové substantívum; e) numerále + sub stantívum; f) substantívum + nesklonný komponent; g) nesklonný komponent + nesklonný komponent; 2) trojkomponentové: a) substantívum + adjektívum + substantívum v bezpredložkovom genitíve; b) adjektívum + substantívum + substantívum v bezpredložkovom genitíve; c) substantívum + dvesubstantíva v bezpredložkovom genitíve v koordinačnom

[1] Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Dostęp z: https://obserwatoriumjezykowe.uw.edu.pl/szukajhasel/?szukaj=&wyklucz=&metoda=iloczyn&pokazuj=50 (2024-02-03).

vzťahu vyjadrenom spojkou; d) substantívum + substantívum v predložkovom páde + substantívum v bezpredložkovom genitíve; e) substantívum + anteponované adjektívum + substantívum v predložko vom páde; f) substantívum + postponované adjektívum + substantívum v predložkovom páde; g) substantívum + substantívum v predložkovom páde + postponované adjektívum; h) substantívum + substantívum v bezpredložkovom genitíve + substantívum v bezpredložkovom genitíve; i) substantívum + substantívum v bezpredložkovom genitíve + adjektívum; j) substantívum + adverbium + adjektívum; k) substantívum + adjektívum + adjektívum; l) anteponované adjektívum + substantívum + postponované adjektívum; 3) štvor- a viackomponentové.

memiarz[2] ▶ człowiek robiący memy (ang. *meme,* pol. *mem* – jednostka informacji kulturowej przekazywanej ajczęściej w formie graficznej pomiędzy ludźmi oraz chwytliwa informacja o charakterze humorystycznym, rozpowszechniona w internecie, zwykle w postaci filmiku, obrazka lub zdjęcia)[3], słow. sporadycznie pojawia się forma *memečkár*;

droniarz ▶ osoba, która interesuje się dronami; osoba sterująca dronem (zwłaszcza jeśli ukończyła odpowiedni kurs dla operatorów dronów), (ang. *drone* – pol. *dron* – bezzałogowy statek powietrzny zdalnie pilotowany lub wykonujący lot autonomicznie)[4] motywacja interlingwalna, słowotwórcza (-arz), słow. *dronsta* (-ista) mot. Interlingwalna słowotwórcza;

fanfikciarz ▶ ktoś, kto pisze opowiadania fan fiction (ang. *fan fiction* – pol. *fan fiction* – to amatorskie opowiadania napisane na podstawie oryginalnego dzieła (np. książki lub filmu) przez jego miłośników. Mogą być one kontynuacją danego utworu, mogą też przedstawiać alternatywny przebieg zdarzeń lub rozwijać jakiś wątek. Do fan fiction zalicza się także opowiadania o znanych osobach, np. aktorach czy twórcach muzycznych, tworzone przez wielbicieli tych osób[5]. Słow. fan fiction (obecnie tylko forma opisowa); ***larpiarz*** ▶ osoba zajmująca się larpem (ang. *LARP* – pol. *larp,* czyli *live action role-playing* – aktywność na pograniczu gry i sztuki, podczas której uczestnicy wspólnie tworzą i przeżywają opowieść, odgrywając role podobnie do improwizowanego teatru. Akcja larpa może być osadzona zarówno w świecie rzeczywistym, jak i fikcyjnym)[6] słow. *larpista* motywacja interlingwalna słowotwórcza, sufiks (-ista).

[2] Hasło nieklasyfikowane w WSJPŻ. Opis za OJ UW.
[3] Hasło nieklasyfikowane w WSJPŻ. Definicja za *Słownik Języka Polskiego PWN*, dostęp z: https://sjp.pwn.pl/szukaj/mem.html (2024-02-03).
[4] Definicja wg WSJPŻ, źródło: https://wsjp.pl/haslo/podglad/56723/dron (2024-02-03).
[5] Definicja za OJ UW, źródło: https://obserwatoriumjezykowe.uw.edu.pl/hasla/fanfiction-2/ (2024-02-03).
[6] Hasło nieklasyfikowane w słownikach, źródło: https://pl.wikipedia.org/wiki/Live_action_role-playing (2024-02-03).

Każde z powyższych słów, poprzez swoją podstawę, może okazać się bliskie studentom (szczególnie młodszym, gdyż znajomość języka angielskiego jest u nich obecnie dość powszechna) oraz wszystkim tym, którzy mówią w tymże języku.
puszkarz ▶ określenie osoby, która zbiera puste puszki po napojach, by sprzedać je jako złom, także potoczne i ekspresywne określenie kierowcy samochodu osobowego (puszki), używane zwłaszcza przez motocyklistów. Temat pochodzi z języka czeskiego: pol. *puszka* ← czes. *puška*, sufiks (-arz).

Tego typu określenia osób wykonujących poszczególne czynności, utworzone są w analogiczny sposób co nazwy zawodów od dawna funkcjonujących w języku, takich jak np. *lekarz*, *murarz*, *tynkarz*, *piekarz*, *dekarz*. W trakcie lekcji można zaproponować zabawę polegającą na tworzeniu nowych nazw męskich na bazie słówek angielskich bądź słów polskich, które studenci już znają. Co istotne, tego typu określenia także nie występują w języku słowackim. Zatem wykorzystując angielski temat wyrazu, można tworzyć polskie słowa, zrozumiałe dla Słowaków, chociaż w ich języku nie funkcjonuje bezpośredni jego odpowiednik. W dobie dynamicznych zmian i potrzeb językowych, jest to bardzo pomocne rozwiązanie w procesie nauki języka nie tylko literackiego, ale także codziennego. Ciekawym będzie także późniejsza obserwacja języka słowackiego oraz sprawdzenie, czy wytworzyły się w nim podobne do polskich formy.

Motywację interlingwalną słowotwórczą mają często neologizmy związane z posiadaniem bądź używaniem określonych przedmiotów. Wśród jednokomponentowych:

pol. ***androidziarz*** ▶ to ktoś, kto posiada telefon komórkowy z systemem Android (a nie iPhone'a z systemem iOS) motywacja interlingwalna, słowotwórcza, sufiks (-arz), słow; ***androidiak*** / ***andoid'ák***, motywacja interlingwalna słówotwórcza (-iak / *ďák).* Słowo potoczne, używane żartobliwie, niekiedy z odcieniem złośliwości przez ludzi młodych, interesujących się technologią jako określenie osoby, która jest zacofana pod względem technologicznym lub zbyt biedna czy też zbyt skąpa, żeby kupić sobie dobry, najnowocześniejszy sprzęt;

- Określenia pejoratywne związane z technologią, sufiks (-arz):

pol. ***iphoniarz*** ▶ osoba, która posługuje się iPhone'em firmy Apple (zamiast telefonów innych marek) ze względu na przekonanie o prestiżu urządzeń tej firmy, a nie ze względu na rzeczywiste zalety, funkcje czy możliwości tego telefonu. Słowo często używane z dezaprobatą, pogardą lub ironią, w słow. pojawia się takie określnie jak *jablčkár*, *ale* też motywacja interlingwalna słowotwórcza – *ajfoňák* / *ajfonista* / *iPhonista*.
pol. ***linuksiarz*** ▶ zwolennik Linuksa, słow. *linuxák*, motywacja słowotwórcza.

Motywacja słowotwórcza, neologizmy jednokomponentowe

- Określenia pejoratywne niezwiązane z najnowszą technologią, jednokomponentowe z sufiksem (-iarz):

badziewiarz ▶ człowiek, który otacza się niepotrzebnymi przedmiotami niskiej jakości, gromadzi takie przedmioty, nie potrafi niczego wyrzucić, ponieważ uważa, że w przyszłości wszystko może się przydać;
patusiarz ▶ pogardliwie o osobie o niższym statusie społecznym, np. Będącą w konflikcie z prawem, stosującą przemoc, niewykształconą, ubogą, niepracującą, korzystającą z pomocy finansowej państwa, uzależnioną od alkoholu.
hulajnogarz ▶ osoba, która jeździ na hulajnodze, motywacja słowotwórcza, słow. *kolobežkár* ▶ *kolobežka* motywacja słowotwórcza.

Motywacja interlingwalna, zapożyczenia jednokomponentowe

- Pod względem ortograficznym formy niezmienione:

pol. ***influencer*** ← ang. *influencer* – czyli osoba, która zdobyła popularność w internecie i korzysta ze swojej sławy, wpływając na swoich widzów/czytelników, ich światopogląd, gust, etc.[7] słow. *influencer*;

pol. ***podcaster*** ← ang. *podcaster* – osoba, która tworzy i udostępnia podcasty w internecie; pol. ***groomer*** ← ang. *groomer* – fryzjer zwierząt; pol. ***fundraiser*** ← ang. *fundraiser* – osoba zajmująca się zbieraniem funduszy; pol. ***coolhunter*** ← ang. *coolhunter* – poszukiwacz trendów.

- Jednokomponentowe zapożyczenia, w których w polskim zapisie doszło do uproszczenia poprzez usunięcia w języku polskim geminaty, czyli:

pol. ***vloger*** ← ang. *vlogger* – osoba tworząca internetowy vlog – (pamiętnik z amatorskimi nagraniami wideo) słow. *vloger*; pol. ***bloger*** ← ang. *blogger* – osoba pisząca blog (internetowy pamiętnik), słow. *bloger.* Identycznie jak w języku polskim wyglądają formy w języku słowackim. Doszło do uproszczenia i skrócenia zapisu angielskich geminat.

- Formy o odmiennym zapisie pol. *youtuber* ← ang. YouTuber, słow. *Youtuber.*
- Dwukomponentowe zapożyczenia, takie jak:

pol. ***wedding planner*** ← ang. *wedding planner* – organizator ślubów i wesel, pol. ***traffic manager*** ← ang. *traffic manager*; pol. ***travel manager*** ← ang. *travel manager*, pol.

[7] *Słownik języka polskiego*. Dostęp z: https://sjp.pwn.pl/mlodziezowe-slowo-roku/haslo/influencer;6368873.html (2024-02-03).

meeting planner ← ang. *meeting planner*. Słowa te są zapożyczeniami z języka angielskiego, pozostają na dany moment niezmienione pod względem pisowni i znaczenia. Tak samo wygląda sytuacja w języku słowackim. Na ten moment nie wytworzyły się żadne inne formacje, korzysta się ze słów angielskich.

- Formy, w których doszło do adaptacji ortograficznej:

pol. ***personal szoper*** ← ang. *personal shopper*, w języku słowackim stosowana jest angielska wersja, słow. *osobný nákupca*.

Motywacja interlingwalna, syntaktyczna, neologizmy dwukomponentowe

Grupą dającą się wyodrębnić są połączenia z wyrazem *broker,* który to w *Nowym słownictwie polskim. Materiały z prasy z lat 1985–1992* pod red. T. Smółkowej z roku 1998, zanotowany jest po raz pierwszy. Połączenia w dużej mierze są wprost zapożyczone z języka angielskiego, niekiedy jednak zmieniają swoje formy dostosowując je do polskiej gramatyki np.

a) rzeczownik + rzeczownik w dopełniaczu

pol. ***broker informacji*** ← ang. *information broker* (połączenie nie pojawia się w słownikach),

b) rzeczownik + przymiotnik

broker ubezpieczeniowy ← ang. *insurance broker*, ***broker internetowy*** ← ang. *online broker*, ***broker mediowy*** ← ang. media broker; ***broker reasekuracyjny*** ← ang. *reinsurance broker.*

Motywacja słowotwórcza i onimiczna

Nowe słowa nie określają też wyłącznie profesji, które przynoszą korzyść finansową, ale też akcentują typowe dla danej osoby cechy, bądź posiadane przez nią przedmioty. Idąc dalej, formy te wykorzystywane są przy tworzeniu określeń osób, które wyróżniają się na tle innych, poprzez robienie rzeczy niestandardowych, posiadanie szczególnych rzeczy bądź wyznawanie sprecyzowanych przekonań. Wśród neologizmów wyróżnić możemy takie formacje motywowane słowotwórczo jak te związane z poglądami społecznymi i politycznymi.

- Neologizmy jednokomponentowe z sufiksem (-arz):

elgiebieciarz ▶ z ekspresją (zwykle pogardą) i silnym negatywnym nacechowaniem – osoba LGBTQ+; ***kaszkieciarz*** ▶ pogardliwie o osobie o poglądach lewicowych;

konfiarz ▶ zwolennik lub członek ugrupowania politycznego Konfederacja; ***korwiniarz*** ▶ zwolennik polityka Janusza Korwin-Mikkego i jego partii.

- Neologizmy jednokomponentowe z sufiksem (-sta/ista):

kaczysta, antykaczysta ▶ zwolennik bądź przeciwnik Jarosława Kaczyńskiego***, korwinista, antykorwininista*** ▶ zwolennik lub przeciwnik Janusza Korwin-Mikkego, odnoszą się do polskiej sceny politycznej, zwolenników bądź przeciwników popularnych polityków (D. Tusk, J. Kaczyński, J. Korwin-Mikke).

Pojawiają się też określenia z sufiksem (-oid), np. ***tuskoid*** ▶ zwolennik Donalda Tuska.

Tego typu neologizmy nie znajdą swojego bezpośredniego odzwierciedlenia w słownikach innych języków, w tym języka słowackiego. Mogą być tłumaczone jedynie w kontekście kulturowym, a tłumaczenie ich zazwyczaj albo nie występuje, albo przetłumaczone są dosłownie. Co więcej, bez kontekstu kulturowego, także i w języku polskim pozbawione będą znaczenia.

Zakończenie

Rozdział prezentuje analizę nazw męskich zawodów występujących w wybranych seriach podręczników do języka polskiego jak obcego. Wykazuje, iż brak w tychże materiałach nazw zawodów najnowszych. Utrudnia to pracę podczas lektoratu. Wybrane z tej dziedziny neologizmy zostały przeanalizowane pod kątem językoznawczym, za pomocą teorii motywacji leksykalnej. Taka analiza pozwala na zauważenie struktur, symetrii i asymetrii względem dwóch semantycznie ekwiwalentnych leksemów. Wyodrębnione schematy systematyzuję wiedzę na temat neologizmów w tym zakresie, pozwalają tworzyć ćwiczenia oparte na analogiach, w odniesieniu do kontekstu kulturowego słuchacza, jakim jest jego język ojczysty.

Summary

The chapter presents an analysis of the names of male professions appearing in selected series of textbooks for teaching Polish as a foreign language. It demonstrates that these materials lack the names of the most recent professions. This makes conducting language classes more difficult. Selected neologisms from this field are analyzed from a linguistic perspective using the theory of lexical motivation. Such analysis allows for the identification of structures, symmetries, and asymmetries between two semantically equivalent lexemes. The extracted patterns help to systematize knowledge about

neologisms in this area and enable the creation of exercises based on analogies, with reference to the learner's cultural context namely, their native language.

Literatura

Cygal-Krupa, Z. Słownictwo tematyczne w językoznawstwie polskim (ze szczególnym uwzględnieniem leksykologii, leksykografii i glottodydaktyki). In: Cygal-Krupa, Z., Choińska, K., Pachowicz, M. (eds.) *Słownik tematyczny uczniowskiej polszczyzny. Słownictwo rzadsze. T. I.* Tarnów: Wydawnictwo Diecezji Tarnowskiej Biblos, 2016.

Dixon, A., Jasińska, A. *Hurra!!! Po polsku 2*. Kraków: Prolog, 2024.

Furdík, J. *Teória motivácie v lexikálnej zásobe*. Ološtiak, M. (ed.). Košice: Vydavateľstvo LG, 2008.

Gębal, P. E. *Dydaktyka języków obcych. Wprowadzenie*. Warszawa: PWN, 2019.

Gębal, P. E., Miodunka, T. *Dydaktyka i metodyka nauczania języka polskiego jako obcego i drugiego*. Warszawa: PWN, 2020.

Gołębiewska, M., Matyba, N. Polski *Master level!1*. Kraków: Universitas, 2024.

Gołębiewska, M., Matyba, N. *Polski Master level!2*. Kraków: Universitas 2024.

Gworys, M., Mądrecka, A. *Mówię po polsku, ćwiczenia dla obcokrajowców, poziom A1*, *A2*. Kraków: Prolog, 2001.

Gworys, M., Mądrecka, A. *Mówię po polsku, ćwiczenia dla obcokrajowców*, *poziom B1*, *B2*. Kraków: Prolog, 2001.

Lipińska, E. Czynniki wpływające na proces uczenia się. Nauczyciel języka polskiego jako obcego. In: Lipińska, E., Seretny, A. (eds.) *Z zagadnień dydaktyki języka polskiego jako obcego*. Kraków: Universitas, 2006.

Małolepsza, M., Szymkiewicz, A. *Hurra!!! Po polsku 1*. Kraków: Prolog, 2005.

Nowakowska, B. *Nowe połączenia wyrazowe we współczesnej polszczyźnie*. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2005.

Ološtiak, M. *Aspekty teórie lexikálnej motivácie.* Prešov: FF PU, 2011.

Ološtiak, M. et al. Viacslovné pomenovania a relačnosť syntaktickej motivácie. In: *Viacslovné pomenovania v slovenčine.* Ološtiak, M. (ed.). Prešov: FF PU, 2015, s. 357–448.

Ološtiak, M., Ivanová, M. Teoreticko-metodologické, nominačné a typologické otázky viacslovných pomenovaní. In: Ološtiak, M. (ed.) *Viacslovné pomenovania v slovenčine.* Prešov: FF PU, 2015, s. 129–213.

Prizel-Kania, A., Bućko, D., Majcher-Legawiec, U., Sowa, K. *Po polsku po Polsce. Podręcznik do nauczania języka polskiego jako obcego oraz kultury polskiej dla początkujących*. Kraków: Avalon, 2016.

Rospond, S. Nowotwory czy nowopotwory językowe. *Język Polski*. 1945 (25), s. 97–105.

Satkiewicz, H. *Produktywne typy słowotwórcze współczesnego języka ogólnopolskiego.* Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1969.

Smółkowa, T. *Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2001.

Smółkowa, T., Tekiel, D. *Nowe słownictwo polskie*. *Przymiotniki i przysłówki*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977.

Stawarz, P. Wstęp do porównania neologizmów jako materiału wykorzystywanego w nauczaniu języka polskiego jako obcego. In: Koželová, A. I. (ed.) *Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie – 20. študentska vedecká a umelecká konferencia doktorandská, UNIPO 2024*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2024.

Stempek, I., Stelmach, A., Dawidek, S., Szymkiewicz, A. *Polski. Krok po kroku 1*. Kraków: Glossa, 2010.

Stempek, I., Stelmach, A., Dawidek, S., Szymkiewicz, A. *Polski. Krok po kroku 2*. Kraków: Glossa, 2010.

Vojteková, M. Slovenské, české a poľské lingvistické termíny z hľadiska syntaktickej motivácie. *Bohemistyka*. 2019 (4), s. 501–522.

Vojteková, M. Poľská neológia a neografia. In: Ološtiak, M. (ed.) *Neologizmy a neologizácia v lingvistickej reflexi*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2023, s. 125–170.

Waszakowa, K. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.

Tabakowska, E. Bariery kulturowe zbudowane są z gramatyki. In: Lewicki, R. (ed.) *Przekład. Język. Kultura.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002, s. 25–34.

SSSJ: *Slovník súčasného slovenského jazyka*. *H – L.* Jarošová, A., Buzássyová, K. (eds.) Bratislava: Veda, 2011.

SSSJ: *Slovník súčasného slovenského jazyka*. *M – N.* Jarošová, A. (ed.) Bratislava: Veda, 2015.

SSSJ: *Slovník súčasného slovenského jazyka*. *O – Pn.* Jarošová, A. (ed.) Bratislava: Veda, 2021.

WSJPŻ: *Wielki słownik języka polskiego PAN.* Żmigrodzki, P. (ed.). Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2007–20246 (online). Dostupné z: http://www.wsjp.pl (2024-02-03).

Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV, 6 (online). Dostupné z: https://slovnik.juls.savba.sk/ (2024-02-03).

Źródła elektroniczne

Buttler, D. Neologizm i terminy pokrewne. *Poradnik Językowy*. 1962 (5/6). Dostęp z: https://poradnik-jezykowy.uw.edu.pl/issue/745 (2024-02-03).

Obserwatorium językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Dostęp z: https://obserwatoriumjezykowe.uw.edu.pl/szukaj-hasel/?szukaj=&wyklucz=&metoda=iloczyn&pokazuj=50 (2024-02-03).

Obserwatorium językowe Uniwersytetu Warszawskiego. Dostęp z: https://obserwatoriumjezykowe.uw.edu.pl/hasla/fanfiction-2/ (2024-02-03).

Słownik języka polskiego. Dostęp z: https://sjp.pwn.pl/mlodziezowe-slowo-roku/haslo/influencer;6368873.html (2024-02-03).

Słownik języka polskiego. Dostęp z: https://sjp.pwn.pl/szukaj/mem.html (2024-02-03).

Wielki słownik języka polskiego. Dostęp z: https://wsjp.pl/haslo/podglad/56723/dron (2024-02-03).

Wikipedia. Dostęp z: https://pl.wikipedia.org/wiki/Live_action_role-playing (2024-02-03).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.15

Monika STENCHLÁKOVÁ

TEOLINGVISTIKA, VYMEDZENIE TERMÍNU A JEJ TRADÍCIA V POĽSKOM, RUSKOM A SLOVENSKOM JAZYKOVEDNOM PROSTREDÍ

Theolinguistics, Definition of the Term and Its Tradition in the Polish, Russian and Slovak Linguistic Context

***Keywords**: theolinguistics, religious language, sacrum vs profanum, interdisciplinarity*

***Contact**: Ostravská univerzita; mon.stenchlakova@gmail.com*

Cieľom tejto kapitoly je stručne predstaviť vybranú jazykovednú oblasť – teolingvistiku, jej základné tézy a pojmy súvisiace s touto disciplínou. Taktiež sa zameriame na predstavenie tradície teolingvistiky, jej pôvod a miesto, najmä v poľskej, ruskej a slovenskej jazykovede. Každá z vybraných národných lingvistík sa tejto oblasti venuje v rôznej miere, preto považujeme za dôležité predstaviť aj prístup jednotlivých národných lingvistík a zvýšiť povedomie o teolingvistike nielen na Slovensku.

Teolingvistika má tradíciu výskumu v slovanskom prostredí, nielen v poľskej, ruskej a slovenskej jazykovede ale vo významnej miere aj na Ukrajine, v Česku, Srbsku a ďalších, nielen slovanských, krajinách.

V súčasnosti možno identifikovať päť hlavných svetových náboženstiev: tri monoteistické (islam, kresťanstvo a judaizmus) a dve, ktoré sú často klasifikované ako polyteistické alebo henoteistické (hinduizmus a budhizmus). Každé z týchto náboženstiev sa ďalej delí na rôzne smery a denominácie. Okrem týchto veľkých tradícií existuje množstvo menších náboženstiev a duchovných systémov. Významnú úlohu v rámci náboženskej praxe zohráva sakrálny jazyk – špecifická forma jazyka používaná pri rituáloch, modlitbách a náboženských textoch. Napríklad v islame je to klasická arabčina, v pravoslávnej cirkvi cirkevná slovančina, v rímskokatolíckej tradícii latinčina, hoci dnes sú bohoslužby v mnohých európskych krajinách slávené v národných jazykoch. Sakrálny jazyk, ktorý predstavuje jeden z kľúčových predmetov skúmania teolingvistiky, sa teda môže líšiť nielen podľa náboženstva, ale aj podľa konkrétneho kultúrneho a jazykového kontextu. Vzhľadom na dominantné postavenie kresťanstva v Európe sa

tento príspevok sústredí predovšetkým na teolingvistiku v rámci kresťanskej tradície (Галиева 2022: 116).

Miesto teolingvistiky v súčasnej jazykovede

Moderná jazykoveda sa už neobmedzuje len na tradičné otázky, ktoré rieši klasická lingvistika, ale zohľadňuje aj vplyv sociálnych, etnických, psychologických, kultúrnych a ďalších faktorov na spôsob, akým sa jazyk používa. To prirodzene vedie k rozšíreniu predmetu výskumu tejto disciplíny. Myšlienky Wilhelma von Humboldta nielen obohacujú koncepcie Ferdinanda de Saussura, ale zároveň tvoria základ pre rozvoj nových smerov v jazykovede (Gadomski 2017: 12–13).

V súčasnej jazykovede sa čoraz častejšie zdôrazňuje význam interdisciplinárneho, teda medziodborového, výskumu. Ten sa zameriava na skúmanie zložitých otázok, ktoré vznikajú na prieniku viacerých vedeckých oblastí. V rámci modernej tradície sa jazykovedné disciplíny rozdeľujú na „vnútornú lingvistiku“, ktorá sa venuje štruktúre jazyka a jeho historickému vývoju – napríklad fonetike, fonológii, gramatike, lexikológii, sémantike, štylistike, typológii či dejinám lingvistiky – a na „vonkajšiu lingvistiku“, ktorá skúma fungovanie jazyka v spoločnosti a zahŕňa odbory vznikajúce na hraniciach medzi rôznymi vedami. V súčasnosti sem patrí napríklad psycholingvistika, sociolingvistika, matematická lingvistika, technická lingvistika a ďalšie. Medzi disciplíny vonkajšej lingvistiky možno zaradiť aj teolingvistiku (Gadomski 2017: 12–13).

Stručná história, definícia, vymedzenie termínu

Ešte predtým, než sa pojem teolingvistika udomácnil v odbornej terminológii, viacerí lingvisti sa už dlhodobo venovali analýze náboženských textov – ich štylistickým vlastnostiam, diskurzu či otázkam súvisiacim s duchovným životom jednotlivca. Takéto texty boli pôvodne klasifikované ako predmet záujmu štylistiky alebo sociolingvistiky. Záujem o jazyk náboženstva a jeho prejavy možno pritom sledovať už v 70. rokoch 20. storočia (Bogoczová, Černá 2020: 104).

Medzi jednu z prvých publikácií, v ktorých sa po prvý krát objavuje termín teolingvistika, sa radí dizertácia *Theolinguistics* (1976, aktualizované 1981) od J. P. van Noppena, ktorý zároveň upozorňuje aj na skoršie zmienky, ktoré sa však nevenovali podrobnejšiemu vysvetleniu problematiky. Samotný belgický autor v spomínanej publikácii nazýva teolingvistiku novým termínom, uvádza najdôležitejšie terminologické vysvetlenia a metodologické východiská. Hlavná oblasť záujmu tejto disciplíny je predovšetkým náboženský jazyk a ľudské chápanie Boha (Zmuda 2017: 42).

Najvýznamnejším príspevkom k rozšíreniu termínu teolingvistika na Západe bolo publikovanie definície teolingvistiky D. Crystala v *The Cambridge Encyclopedia of Language* (Zmuda 2012: 22).

A. Gadomski uvádza, že aj keď slovanská teolingvistika sa začala formovať až na prelome 20. a 21. storočia, tak výskumy v tejto oblasti (hlavne v oblasti náboženskej lexiky) siahajú najmenej do 19. storočia. Išlo napríklad o týchto autorov: F. Buslajev, A. Frinta, E. Klich, F Miklošič a ďalší (Gadomski, Gadomska 2014: 8).

Niektorí autori, ako napríklad A. Wagner, E. Kucharska-Dreiss či E. Zmuda, poukazujú na to, že termínu teolingvistika by mohol konkurovať širší pojem religiolingvistika, ktorý by podľa nich presnejšie vystihoval celú škálu jazykových prejavov spojených s rôznymi náboženskými tradíciami. Napriek týmto návrhom sa pojem teolingvistika postupne etabloval v medzinárodnom vedeckom diskurze – nielen vďaka svojej terminologickej úspornosti, ale aj vzhľadom na historicko-kultúrny kontext európskeho priestoru, v ktorom dominujú monoteistické náboženstvá, predovšetkým kresťanstvo. Z tohto dôvodu sa používanie širšie koncipovaného termínu religiolingvistika zatiaľ neukázalo ako nevyhnutné (Zmuda 2012: 28).

V prípade pojmu religiolingvistika ide skôr o teoretické úvahy, avšak v literatúre sa možno stretnúť s anglickým termínom theography, ktorý predchádzal pojmu teolingvistika už v 60. rokoch 20. storočia a navrhol ho anglikánsky kňaz A. T. Robinson.

Termín teolingvistika môžeme v skratke definovať ako vedu na pomedzí lingvistiky a teológie. Ide o disciplínu, ktorá sa zaoberá jazykovým správaním spôsobeným prinajmenšom predpokladanou existenciou Boha: potrebou komunikovať s ním a hovoriť o ňom, potrebou jednotlivca fungovať v spoločenstve veriacich, ale napríklad aj túžbou po vzbure a odpore voči Bohu, pokusmi o popretie jeho existencie (Zmuda 2012: 25).

Ako uvádzajú autorky I. Bogoczová a Z. Černá „Teolingvistika může být chápána obecně (v širším slova smyslu), nebo jako dílčí (aplikovaná) teolingvistika. Ta „obecná“, teoretická, pátrá po univerzálních otázkách, tématech a žánrech náboženského stylu (viz dále), zatímco druhá vychází z předpokladu, že náboženský jazyk má v různých církvích (konfesích) jistá specifika spojená s odlišnými výklady víry“ (Bogoczová, Černá 2020: 103).

Na základe vyššie uvedeného môžeme povedať, že teolingvistika je interdisciplinárna veda na rozhraní lingvistiky a teológie, ktorá skúma jazyk ako nástroj náboženskej komunikácie či už v podobe modlitby, rozhovoru o Bohu, fungovania v náboženskom spoločenstve, alebo aj v kontexte pochybností a odporu voči viere.

Sacrum versus profanum

V posledných desaťročiach dochádza k zblíženiu dvoch sfér – svetskej a náboženskej, ktoré sa odohráva na rôznych úrovniach, či už v bežnom živote, alebo vo vede. Preto sa opäť otvára otázka sacrum verzus profanum. Tieto pojmy možno chápať rôzne. Často sa uvádzajú ako antonymá, no môžu sa aj dopĺňať (Gadomski 2017: 134).

Sacrum zjednodušene chápeme ako duchovno, niečo posvätné, tajomné, mysteriózne a profanum ako niečo svetské, odrážajúce realitu, nesúvisiace s náboženským. Ako je známe, všetko, čo sa deje v spoločnosti sa odzrkadľuje v jazyku a následne v práci jazykovedcov, a tak sa v tejto súvislosti začalo hovoriť o náboženskom / sakrálnom jazyku (Gadomski 2017: 135–137; Bogoczová, Černá 2020: 105).

Náboženský jazyk

V literatúre sa stretávame s rôznym ponímaním náboženského jazyka. R. Pankiewicz v publikácii *Sztuka rozmawiania z Bogiem* uvádza niekoľko definícií, pričom niektoré z nich na seba nadväzujú, iné si protirečia. Uvádzame niekoľko téz na uchopenie širokospektrálnosti problematiky. Náboženský jazyk môže byť podľa niektorých autorov (napr. J. Wojtysiak) vnímaný v užšom a v širšom ponímaní. V širšom zmysle ide o odborný jazyk, ktorý používajú religionisti, teológovia či filozofi pri reflexii náboženských javov. Zaradzujú sa sem aj špecializované jazykové formy jednotlivých teologických disciplín. V užšom zmysle zahŕňa výrazy a jazykové pravidlá prítomné v kanonických i svätých textoch, teologických spisoch, ako aj v modlitbách, liturgii, kázňach, katechézach či náboženskej literatúre (Pankiewicz 2009: 105).

Iní autori vysvetľujú náboženský jazyk ako prostriedok komunikácie v náboženskom živote, týkajúci sa nielen liturgie alebo modlitby, ale aj jazyk obsahujúci výpovede o Bohu a postoji človeka k Bohu – ako sú rôzne druhy svedectiev, publicistika, poézia a próza. Na druhej strane, v čisto náboženskom zmysle ide o jazyk, ktorý cirkev používa nielen na komunikáciu v rámci cirkvi, ale aj na komunikáciu s vonkajším svetom, a to aj prostredníctvom médií, najmä internetu (tzv. cirkevný jazyk). V žiadnom prípade nejde o uzavretý jazyk, vyhradený cirkvi alebo zrozumiteľný výlučne pre cirkev, ale o spôsob komunikácie, ktorý veriaci používa v náboženskej situácii (Pankiewicz 2009: 106–107).

Veľmi podstatný je náboženský kontext – bez neho nemožno hovoriť o náboženskom jazyku, ktorý je veľmi úzko spätý s náboženskou skúsenosťou (Zmuda 2012: 34).

Náboženský jazyk – lingua sacra, I. Bajerowa definuje následovne: „język religijny jest jedną z odmian języka ogólnego, jest pograniczną odmianą, którą wyróżniamy

apriorycznie nie na zasadzie formy, lecz na zasadzie funkcji, jaką pełni ta odmiana w życiu społecznym“ (Bajerowa 1994: 11).

Podobne sa vyjadrujú aj autorky I. Bogoczová a Z. Černá, keď uvádzajú, že „žádný předem daný sakrální kód neexistuje, ale že to, co odlišuje náboženské jazykové projevy od nenáboženských, plyne z jejich odlišných funkcí, z určitého situačního kontextu“ (Bogoczová, Černá 2020: 105). Náboženské používanie jazyka vykazuje viacero typických znakov. Medzi ne patrí napríklad archaickosť a tradicionalizmus, rituálnosť, symbolická povaha, ale aj formálna a estetická štylizácia prejavu. Takýto jazyk často nadobúda majestátny či oslavný charakter, môže byť patetický, no zároveň sa vyznačuje emotívnosťou, intimitou, úprimnosťou a dialogickosťou (Bogoczová, Černá 2020: 105).

V nasledujúcej časti tejto kapitoly predstavíme vývoj a chápanie teolingvistiky v rôznych jazykovedných prostrediach, konkrétne v poľskom, ruskom a slovenskom kontexte. Pokúsime sa objasniť jej úlohu a postavenie nielen v rámci samotnej jazykovedy, ale aj v širšom spoločenskom a kultúrnom kontexte. Jazyk totiž nie je len prostriedkom komunikácie, ale aj citlivým ukazovateľom duchovných, historických a ideologických premien, ktoré formujú kolektívnu identitu.

Tradícia teolingvistiky v Poľsku

Podľa oficiálnych výsledkov Národného sčítania ľudu 2021[1] sa viac ako 27 miliónov (71,4 %) poľských občanov považovalo za praktizujúcich katolíkov[2]. Pred 20 rokmi to bolo viac ako 95 % z celkového počtu obyvateľov. To samozrejme malo a dodnes má veľký vplyv na poľskú mentalitu, kultúru, vedu a tiež aj poľskú jazykovedu.

Začiatkom 21. storočia na mnohých poľských univerzitách pracovali nielen veriaci, praktizujúci katolíci, ale aj duchovní, ktorí obhajovali diplomové a dizertačné práce na získanie akademických titulov. Je preto celkom prirodzené, že jazykovedným výskumom súvisiacim s problematikou jazyka a náboženstva sa dodnes zaoberajú tak duchovní vedci, ako aj jazykovedci, z ktorých mnohí sú praktizujúcimi katolíkmi. V tejto oblasti sa uskutočňuje veľmi seriózny a hĺbkový výskum. Na tému jazyk a náboženstvo bolo napísaných pomerne veľa prác (Gadomski 2017: 76).

Vznik a rozvoj poľskej teolingvistiky bol predurčený viacerými udalosťami, ktorým je potrebné venovať pozornosť. Prvým dôvodom je zintenzívnenie výskumu

[1] *Ilu było katolików w Polsce w roku Narodowego Spisu Powszechnego 2021.* Dostupné na: https://iskk.pl/ilu-bylo-katolikow-w-polsce-w-roku-narodowego-spisu-powszechnego-2021/ (2025-04-25).
[2] V posledných desaťročiach však dochádza k výraznému poklesu. V roku 2011 sa ku katolíckej cirkvi prihlásilo 33,7 milióna čo predstavovalo 87,6 % obyvateľov. V roku 2001 dokonca až 34,5 milióna osôb, čo predstavovalo 95,6 %.

náboženského jazyka. Začiatok nového výskumu sakrálneho jazyka v Poľsku priniesla krakovská jazykovedkyňa I. Bajerová, ktorá iniciovala konferencie na túto tému. Ďalšou, pre vývin teolingvistiky v Poľsku dôležitou udalosťou, bolo zriadenie Komisie pre náboženský jazyk (*Komisja Języka Religijnego*) pri Prezídiu Poľskej akadémie vied 14. decembra 1999 ako orgánu Rady pre poľský jazyk. Treťou významnou udalosťou boli početné konferencie venované problémom teolingvistiky. Medzi nimi možno menovať medzinárodnú vedeckú konferenciu *Język religijny dawniej i dziś* v Poznani. Výsledkom týchto teolingvistických konferencií bolo päť zborníkov s rovnakým názvom: *Język religijny dawniej i dziś* (2004, 2005, 2007, 2009, 2009) (Gadomski 2017: 76–77).

V uvedených zborníkoch možno nájsť veľké množstvo tematicky rozmanitých statí. Autori sa venujú témam ako jazyk náboženskej komunikácie, genealógia náboženských textov, náboženský štýl v genealogickej perspektíve, jazyk homílií a kázní, biblický jazyk, jazyk modlitby, historická štylistika náboženského jazyka, problém prekladu náboženských textov, cirkev v médiách, jazyk mystických textov, biblická frazeológia, Ján Pavol II, jazykovému obrazu Boha a mnohým ďalším (Gadomski 2017: 78–82).

Ďalšou dôležitou etapou formovania poľskej teolingvistiky bolo vydanie vedeckej série *Teolingwistyka*. Publikácie pod záštitou vydavateľstva Biblos v Tarnove sa vydávajú dodnes. Spomedzi titulov vyberáme napríklad W. Przyczyna, M. Dalgiewicz *Świat słowa Jana Pawła II. Refleksje – wspomnienia – opinie* (2007); R. Przybylska, W. Przyczyna *Pisownia słownictwa religijnego*, ktorá prvýkrát vyšla v roku 2010; A. Gomola *Bóg Kobiet. Studium językoznawczo-teologiczne* (2010); M. Wojtak *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium genologiczne* (2011); W. Przyczyna, M. Nowak *Nowa ewangelizacja. Język – teologia – kultura* (2017) a iné[3].

Medzi predstaviteľov poľskej teolingvistiky môžeme zaradiť napríklad týchto jazykovedcov a teológov: Irenu Bajerovú, Martu Dalgiewicz, Andrzeja Dragułu, Stanisława Dziekońského, Aleksandra Gadomského, Aleksandra Gomolu, Renatu Grzegorczykovú, Mariu Karpluk, Stanisława Koziaru, Elżbietu Kucharsku-Dreiß, Czesława Łapicza, Małgorzatu Danutu Nowak, Renatu Przybylskú, Wiesława Przyczynu, Jadwigu Puzyninovú, Jadwigu Sambor, Jolantu Szarlej, Elżbietu Umińskú-Tytoń, Izabelu Winiarsku-Górsku, Mariu Wojtak, Dorotu Zdunkiewicz-Jedynak, Ewu Zmudu a ďalších (Bogoczová, Černá 2020: 103; Gadomski 2017: 76–94).

Ako môžeme vidieť, poľskí jazykovedci zohrali a dodnes zohrávajú významnú rolu vo vývoji slovanskej teolingvistiky. Dali jej pevný základ, na ktorom následne stavali nielen v rámci poľskej lingvistiky. Ako hlavný dôvod záujmu práve o túto pomerne novú jazykovednú oblasť možno považovať práve dominanciu katolíckeho vierovyznania

[3] *Biblos*. Dostupné na: https://biblos.pl/szukaj?controller=search&s=teolingwistyka+ (2025-04-25).

v Poľsku, ktoré aj napriek jeho úpadku stále má značný vplyv či už na kultúru, spoločnosť alebo jazyk.

Tradícia teolingvistiky v Rusku

Teolingvistika je nový smer v ruskej jazykovede, ktorý sa zameriava na náboženskú komunikáciu a opis filologických javov z pozície náboženského obrazu sveta alebo s prihliadnutím naň. Už v roku 1915 N. N. Glubokovskij vo svojej knihe *Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания* poukázal na nevyhnutnosť spolupráce teológov a filológov pri štúdiu gréckeho biblického jazyka. V ruštine tému jazyk a náboženstvo prvýkrát podrobne opísala až N. B. Mečkovská v publikácii *Язык и религия* v roku 1998 (Бугаева 2015: 294).

Nemožno opomenúť vážne skutočnosti, ktoré sa diali medzi týmito dvomi prácami. Veľmi dôležitým prelomom vo vývoji teolingvistiky v Rusku je obdobie Sovietskeho zväzu. Jedným z prvých dekrétov sovietskej vlády (20. januára 1918) bol dekrét o odluke cirkvi od štátu a školy od cirkvi, čo zohralo významnú rolu nielen v oblasti nami skúmanej lingvistiky, ale aj všeobecne v spoločnosti.

Súčasní teolingvisti často predpokladajú, že po uvedených udalostiach sa problematika teolingvistiky nerozvíjala. Tieto otázky sa však rozvíjali aj naďalej, hoci často v trochu inom kontexte a na odlišnom pozadí. Prispievali k tomu nielen politické, ale aj náboženské, etnické, sociálne a mnohé iné faktory. V bývalom Sovietskom zväze sa až do konca 90. rokov 20. storočia výskumu tejto problematiky venovali teológovia, filozofi, religionisti aj jazykovedci, avšak spravidla pracovali nezávisle od seba. Práce takéhoto charakteru neboli prístupné širokému okruhu čitateľov (Gadomski 2017: 95–96).

Ak hovoríme o ruskom jazyku, vždy v ňom existovali slová, príslovia, výrazy a frazeologizmy, ktoré mali pôvodne náboženský obsah. Mnohí rusky hovoriaci ľudia, ktorí sa považovali za ateistov, ich často používali, pričom si neraz neuvedomovali ich skutočný význam a pôvod (Gadomski 2017: 96–97).

Nakoľko v Rusku prevláda pravoslávne náboženstvo, výskum v oblasti jazyka a náboženstva sa realizuje najmä v kontexte pravoslávia – napríklad na viacerých duchovných vzdelávacích inštitúciách, pravoslávnych univerzitách či na filologických fakultách. Teolingvistika sa stala súčasťou viacerých vedeckých konferencií, napríklad *Богословие и светские науки*: *традиционные и новые взаимосвязи*, ktorú realizuje Kazanský duchovný seminár. Ďalším príkladom môže byť kolokvium z roku 2012

na Tverskej štátnej univerzite s názvom *Литература и язык*. *Теолингвистические перспективы* a mnohé ďalšie (Бугаева 2015: 296).

Na záver tejto časti o ruskej teolingvistike uvádzame aspoň niekoľko mien jazykovedcov, ktorí sa vo svojej práci venovali a venujú aj oblasti teolingvistiky: N. B. Mečkovská, V. A. Maslová, V. P. Danilenko a I. V. Bugajeva, O. A. Prochvatilová (Gadomski 2017: 95–104).

Tradícia teolingvistiky na Slovensku

Náboženské pozadie na Slovensku je podobne (i keď percentuálne značne nižšie) ako v Poľsku väčšinovo katolícke. Svedčia o tom aj údaje z posledného sčítania ľudu v roku 2021. „Na základe sčítania ľudu z roku 2021 sa k rímskokatolíckemu náboženskému vyznaniu deklarovalo 56 % obyvateľstva, čo činí 3040000 obyvateľov. Druhou najpočetnejšou skupinou obyvateľov sú obyvatelia hlásiaci sa k Evanjelickej cirkvi augsburského vyznania. Ich podiel predstavuje 5,3 % (287000). Tretie najpočetnejšie náboženské vyznanie predstavujú príslušníci Gréckokatolíckej cirkvi (218000), tvoria 4 % populácie. Ostatné cirkvi a náboženské hnutia získali pod 1 %. Naopak, možnosť bez vyznania zvolilo pri sčítaní ľudu až 1,3 milióna ľudí, čo činí 23,8 %“ (Stenchláková 2023: 192).

Na základe vyššie uvedených štatistických údajov možno predpokladať, že kresťanstvo sa významne prejavuje nielen v spoločensko-kultúrnom živote, ale aj v jazykovej praxi a lingvistickom výskume. Náboženský jazyk, ktorý patrí k predmetu výskumu teolingvistiky, sa na Slovensku stal objektom záujmu viacerých jazykovedcov. K významným predstaviteľom tejto výskumnej orientácie patria najmä J. Mistrík a J. Mlacek, ktorí sa problematike náboženského diskurzu venovali z hľadiska štylistiky.

J. Mistrík sa tejto téme venoval napríklad v štúdiách *Náboženský štýl* (1991) a *Religiózny štýl* (1992), v ktorých analyzoval jazykové vyjadrenia v náboženskom prostredí. J. Mlacek rozvíjal túto líniu výskumu v monografii *Štylistické otázky náboženskej komunikácie* (2013), kde sa zameral na komunikačné a jazykové štruktúry charakteristické pre náboženský prejav. Viacerí súčasní slovenskí bádatelia pritom poukazujú na přetrvávajúcu potrebu systematického výskumu štylistických aspektov náboženskej komunikácie, keďže táto oblasť zostáva do značnej miery nedostatočne spracovaná a terminologicky neujasnená (Petríková 2022: 71).

Medzi autorov, ktorí bezpochyby prispeli k rozvoju teolingvistiky na Slovensku, patrí aj T. Rončáková, ktorá venovala viaceré zo svojich článkov práve oblastiam

súvisiacim s teolingvistikou. Príkladom je *Niektoré špecifiká biblického jazyka* (2016) (Rončáková 2016: 227).

Ďalšie práce teolingvistického rázu môžno nájsť v lingvistických časopisoch ako sú *Kultúra slova* alebo *Jazyk a kultúra*. Ako príklad možno uviesť stať I. Beya *Porovnanie výkladov teolexikálnych hesiel v Stručnom katolíckom teologickom slovníku a v Slovníku súčasného slovenského jazyka* (2024) (Bey 2024: 65).

Prínosnými sa javia aj práce M. Bodnárovej, ktorá sa venuje jazyku exorcistov v publikácii *Jazyk exorcistov. Vymedzenie a opis komunikačného subregistra* (2020), kde ako hovorí recenzentka, autorka „vo svojej odbornej, výsostne vedeckej monografii uvádza, že jazyk exorcistov ako samostatný výskumný problém nebol dosiaľ rozpracovaný v žiadnej z dostupných európskych teolingvistických prác“ (Brestovičová 2021: 133).

Taktiež v časopise pre výskum slovenského jazyka *Slovenská reč* bol publikovaný článok M. Bodnárovej *Prienik exorcistického a charizmatického komunikačného* (*sub*)*registra u rímsko-katolíckeho kazateľa Martina Harčára* (Bodnárová 2021: 78).

Summary

This chapter examined the field of theolinguistics within the context of Russian, Polish, and Slovak linguistic traditions. It outlined the basic concepts of the discipline, its historical background, and its definition as an intersection of theology and linguistics. Special attention was given to the sacred sphere and religious language. Among the three linguistic traditions – Polish, Russian, and Slovak – Polish theolinguistic research proved to be the most advanced and systematically developed.

Literatura

Bajerowa, I. Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności. *Łódzkie Studia Teologiczne*. 1994 (3), s. 11–17.

Bey, I. Porovnanie výkladov teolexikálnych hesiel v Stručnom katolíckom teologickom slovníku a v Slovníku súčasného slovenského jazyka. *Kultúra slova*. 2024 (2), s. 65–80.

Bodnárová, M. Prienik exorcistického a charizmatického komunikačného subregistra u rímskokatolíckeho kazateľa Martina Harčára. *Slovenská reč*. 2021 (1), s. 78–103.

Bogoczová, I., Černá, Z. Tištěná média pro katolickou mládež prizmatem teolingvistiky. *Studia Slavica XXIV*. 2020 (2), s. 101–119.

Brestovičová, A. Jedinečná publikácia v oblasti teolingvistiky o individuálnom štýle deviatich slovenských kazateľov Bodnárová, M.: Jazyk exorcistov. Vymedzenie a opis komunikačného subregistra. *Jazyk a kultúra*. 2021, s. 133–137.

Gadomski, A., Gadomska, H. Основные направления теолингвистических исследований в современном славянском языкознании. *Práce Naukowe Akademii im*. *Jana Długosza w Częstochowie*. *Językoznawstwo*. 2015, s. 45–62.

Petríková, A. Aktuálna monografia o vyčleňovaní náboženského štýlu ako osobitného funkčného štýlu. Ickovič, T.: Žanrovaja sistema religioznogo stiľa (Žánrový systém náboženského štýlu). *Jazyk a kultúra*. 2022, s. 71–74.

Pankiewicz, R. *Sztuka rozmawiania z Bogiem***.** *Modlitwa a teoria komunikacji*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2009.

Rončáková, T. Niektoré špecifiká biblického jazyka. In: Lapko, R. (ed.). *K metodike nového prekladu Svätého písma do slovenčiny*. Mahtomedi, MN: Vision Slovakia, 2016, s. 227–258.

Stenchláková, M. Jazykový obraz „Boha“ v modernej slovenskej hudbe. In: Mizerová, S., Plesník, L. (eds.) *Slavica Iuvenum XXIV*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2023, s. 187–197.

Zmuda, E. *Nominacje istot duchowych w pismach wybranych mistyków*. *Studium teolingwistyczne*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2012.

Zmuda, E. Stare czy nowe podejście badawcze: teolingwistyka: zarys teorii i perspektywy badań. *Poradnik Językowy*: *organ Towarzystwa Kultury Języka*. 2017, s. 40–55.

Бугаева, И.В. Теолингвистика: теология + лингвистика? *Język i metoda*. 2015 (2), с. 293–300.

Гадомский, А.К. *Теолингвистические исследования в славянском языкознании*. Симферополь: ООО «Форма», 2017.

Галиева, М.Р. Теолингвистика: К обоснованию термина. *Нижневартовский филологический вестник*. 2022 (2), с. 113–125.

Elektronické zdroje

Biblos. Dostupné z: https://biblos.pl/szukaj?controller=search&s=teolingwistyka+ (2025-04-25).

Ilu było katolików w Polsce w roku Narodowego Spisu Powszechnego 2021. Dostupné z: https://iskk.pl/ilu-bylo-katolikow-w-polsce-w-roku-narodowego-spisu-powszechnego-2021/ (2025-04-25).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.16

Alexandr SUCHÁNEK

ČESKÝ JAZYK NA NÁHROBNÍCH KAMENECH NA KRYMU A V ČECHOHRADĚ

Czech Language on Gravestones in Crimea and Čechohrad

***Keywords**: Czech compatriots, gravestone, Czech language, Crimea, Čechohrad*

***Contact**: Univerzita Karlova; a.sukhanek@gmail.com*

Důvodem pro výskyt českojazyčných náhrobních nápisů na Krymu a v Čechohradě je existence české menšiny v této lokalitě. Česká krajanská komunita v tomto regionu není v povědomí širší veřejnosti tolik známá jako např. krajanská komunita na Volyni. Českou menšinou na Krymu a v Čechohradě se většinou zabývají historici a etnografové, zatímco lingvisté se této komunitě věnovali jen okrajově a nápisy na náhrobních kamenech v těchto původem českých obcích nikdo nezkoumal.

Česká minorita na Krymu a v Čechohradě začala vznikat v 60. letech 19. století. České přistěhovalectví na území tehdejšího carského Ruska probíhalo v několika vlnách, z nichž nejsilnější byla po zrušení nevolnictví v Rusku v roce 1861. Mezi hlavní příčiny masové emigrace Čechů se řadí zbídačení českých malých zemědělců, růst nezaměstnanosti, těžké životní podmínky, přelidněností některých oblastí, národnostní útlak aj. (Volkova 2005: 9–10). Hlavním důvodem emigrace byla tedy zhoršující se sociálně-ekonomická a politická situace v Českých zemích po revoluci roku 1848, a obavy z politických a policejních represí.

Přestěhování se do Ruska bylo podpořeno vstřícným přístupem ruské vlády, která měla zájem o obnovu hospodářského života v tomto regionu po masové emigraci krymských Tatarů do Turecka po krymské válce. Za podmínky přijetí ruského poddanství byla českým kolonistům přislíbena řada výhod: zejména svoboda náboženského vyznání, osvobození od placení všech daní do roku 1881, příslib vlastní samosprávy, možnost zřizovat školy a stavět kostely a rovněž byla přislíbena jazyková svoboda (Auerhan 1920: 54).

Čechům byly nabízeny pozemky na severu Krymu, kde se z větší části usídlili kompaktně v osadách v Perekopském ujezdu Tavrické gubernie. Zde postupně od roku 1862 na místě opuštěných tatarských vesnic byly založeny 4 obce, které si přestěhovalci

pojmenovali Bohemka – dříve Džadra, dnes nese název Lobanovo; Alexandrovka – dříve Bij-Akaj-Kemelči; Tabor – dříve Kirej, dnešní Makarovka a Carekvič – dříve Kurman-Kemelči, dnešní Puškino (Státní archiv: 14, 148). Z těchto vesnic pouze Alexandrovka nese původní český název.

Na jaře roku 1869 se část českých kolonistů z těchto vesnic přestěhovala na sever Tavrické gubernie, kde v Melitopolském ujezdu založili obec Čechohrad, která byla později známá pod názvem Novgorodkovka (Auerhan 1920: 43). Byla to největší česká vesnice na území Tavrické gubernie.

Čeští přistěhovalci se po příjezdu na Krym neusazovali jen ve zmíněných koloniích Perekopského ujezdu, ale mohli se usadit i ve všech ostatních krymských ujezdech, a dokonce i ve městech, např. v Simferopolu, Jaltě, Feodosiji apod. V roce 1897 dle sčítání lidu žilo na Krymu 1 174 osob hlásících se k české národnosti a z nich 958 osob bylo katolického vyznání (Суханек 2013: 389).

V každé původem české vesnici byl krátce po jejím založení zřízen hřbitov. Původně římskokatolické hřbitovy byly umístěny buď mimo vesnici, jak tomu je v Lobanovu, nebo přímo u návsi za kostelem, např. v Alexandrovce. V některých vesnicích se původní české náhrobky buď nedochovaly vůbec, nebo se téměř nedochoval ani hřbitov, např. v dnešní Makarovce. Největší počet původních českých náhrobků se nachází v Alexandrovce, Lobanovu a Čechohradě. Východiskem pro tento příspěvek posloužil materiál, který byl nashromážděn během terénního výzkumu v bývalých českých koloniích v letech 2012–2013.

Hlavním materiálem pro náhrobky byl kámen a kov. Podle způsobu zpracování byly náhrobní nápisy vytvořeny rytím do kovu, nebo tesáním do kamene. Oba materiály jsou relativně trvanlivé, ovšem v obou případech dochází k erozi a nápisy jsou hůře čitelné. Na hřbitovech se dochovaly následující typy náhrobků:

- kovový kříž (tradiční latinský kříž, jednoduchý s vyrytým ornamentem, nebo bez něj, nejčastěji se jedná o dekorativní prvek s rostlinnými motivy);
- kamenný kříž (ve tvaru tradičního latinského kříže);
- kamenná stéla (často byla doplněna kovovým křížem; originálním typem tohoto náhrobku je analogion – jedná se o vysokou, čtyřbokou, pravoúhlou stoličku se šikmo zkosenou horní deskou).

Definování náhrobků jako českých bylo poměrně jednoduché. Nejstarší hroby nesou jména ryze česká a nápisy jsou téměř bez jediné chyby. Většina dochovaných nápisů na náhrobních kamenech postavených přibližně do poloviny 70. let 20. století je v češtině. V ojedinělých případech se české nápisy vyskytují i na náhrobcích z 80. let 20. století, ale poté se již náhrobní nápisy v češtině vůbec nevyskytují. V případě

náhrobků s nápisy v ruštině na český původ zesnulého odkazuje křestní jméno, nebo častěji jeho příjmení.

V některých případech zkoumání nápisu bylo znemožněno z důvodu stavu a stáří kamenných náhrobků a v případě kovových křížů se často žádný nápis vůbec nedochoval.

Obecně lze konstatovat, že jazyk většiny nápisů je jednoduchý. Potomci českých přestěhovalců byli omezeni ve volbě jazykových formulací a kvůli své jazykové izolaci byli odkázáni na nižší počet jazykových prostředků.

Text na náhrobních kamenech lze rozdělit do třech rovin:

- úvodní sdělení – nejčastěji má náboženský charakter. Jedná se o velmi rozšířenou frázi „zde v Pánu odpočívá“, nebo se vyskytuje i neutrální fráze „zde je pohřben“;
- střední rovina – je věnována personáliím. Ty zahrnují informace o zemřelém: jméno, příjmení, datum narození a smrti, někdy i okolnosti úmrtí;
- závěrečná část – stejně jako úvodní sdělení má nejčastěji náboženský charakter, např. „odpočinutí věčné, dej mu, ó Pane“, „a světlo věčné ať mu svítí“, „ať odpočívá v pokoji“.

Ve všech níže uvedených přepisech je zachována původní struktura nápisu, včetně malých a velkých písmen a všech chyb, které se v těchto nápisech vyskytují.

Na většině zdokumentovaných náhrobků je uvedena úvodní fráze, dále jméno a příjmení a v některých případech je možné z náhrobku vyčíst i další informace (kupříkladu příbuzenské vztahy nebo stáří zesnulého), např. „Odpočivejte nase mile maminki“, „pohřben i jeho vnuček“. Struktura některých náhrobních nápisů je velmi strohá – obsahují pouze jméno, příjmení a roky narození a úmrtí, např. „Zde otpočiva Černu Otakar Jozefovič Narozen 5 kvetna 1929 r. Zemřel 16 července 1960 r.“; v jednom případě ještě obecnější provedení: „Zde v panu Odpočiva Rodina Fickova“.

Používání diakritiky je v náhrobních nápisech rozrůzněné a neustálené. Pouze v jednom případě se objevil náhrobní nápis zcela bez chyb. Vzhledem k provedení a stavu tohoto nápisu je ovšem otázkou, zda je tento nápis původní: „Zde v pánu odpočívají naši drazí rodiče Anna a František Dvořákovi. S láskou na vás vzpomínáme!“. Ve starších nápisech je výskyt chyb menší, avšak postupně se znalost češtiny zhoršovala a přibývalo i jazykových chyb. Ve většině náhrobních nápisů není rozlišena délka samohlásek, např. „Lehke odpočinuti a svetlo věčne At vam sviti“. Na druhou stranu téměř všude jsou označeny měkké souhlásky, např. „Jedlička František“, „Dvořákovi“, „Antonin a Kateřina Dolečkovi“, „manželka“. Objevuje se ovšem i grafické řešení, které není pro češtinu typické – háček u malého „ť“ místo správného použití kličky, např. „atˇ jim sviti“.

U výskytu grafému „ř“ v náhrobních nápisech je možné zjistit, do jaké míry se zachovalo jeho užívání. Ve 24 nápisech je 26krát použito sloveso „zemřít“ a ve všech případech se grafém „ř“ zachoval, jen v ojedinělém případě je v příjmení Kolař namísto grafému „ř“ použita hláska „rž“, tedy „Kolarž“. Ovšem v příjmení jeho manželky je tento grafém použit správně – „Kolařova“ (v obou případech bez označení délky samohlásek).

Do velké míry se zachovalo použití grafému „ě“, např. ve slovech „světlo“, „věčne“, „věku“. Pouze v jednom nápisu je použit odlišný zápis – „pohřbjeny“.

V datech narození a úmrtí jsou měsíce uvedeny buď číslovkou, a to pouze římskými číslicemi, nebo slovním názvem, den narození nebo úmrtí je vždy vyjádřen pouze arabskými číslicemi, např. „Antonín Kovař narozen jest 7. XI 1954 r.“, „Martinec Aneška narozena 24 prosince 1893 r.“. Slovní názvy měsíců se vyskytují hlavně na starších náhrobních kamenech. V případě římských číslic u měsíců se pravděpodobně jedná o vliv ruské tradice.

Na některých náhrobcích byly zjištěny případy grafické interference, která se projevuje záměnou písmen latinky a azbuky s různou hláskovou platností, např. u českého grafému „r“ a ruského „p“ – „Zde v Panu odpočiva Jan Maptinec napozen 16 čepvence 1877“.

Vedle ženské, tedy přechýlené, podoby příjmení (např. „Kristina Švihlova“, „Marije Vavřinova“), se objevuje nepřechýlená podoba příjmení, která je pro ruskojazyčné prostředí běžná zejména u cizích příjmení, např. „Marija Chalupnik“, „Aneška Martinec“.

Přibližně od konce 50. let 20. století se na náhrobcích spolu se jmény objevují i patronymie (neboli otčestvo), např. „Zde v Panu odpočívají Kolařova Kristina Jozefovna a Kolarž Vinc Francevič“. Nejčastěji je však, dokonce i na pozdějších náhrobcích, jméno uvedeno bez patronyma. V pozdější době se nápisy uváděly i ve dvou jazycích: ruštině a češtině, takových nápisů ale pravděpodobně bylo minimum. Během výzkumu byl zjištěn pouze jeden takový dvojjazyčný nápis: „Zde v panu odpociva Kristina Sisrova 1902–1989 Lehke odpočinuti СИСР КРИСТИНА ПОМНИМ, СКОРБИМ“. U tohoto nápisu je rovněž zajímavé, že v české verzi je použita náboženské formule „Zde v panu odpočívá“ a v ruské verzi je uvedena vžitá standardní formulace „Помним, скорбим“ – ‘Vzpomínáme, truchlíme’. Taktéž nelze nechat bez povšimnutí, že v české verzi je příjmení uvedeno v přechýlené podobě a v ruské nikoliv.

Závěrem lze uvést, že se na Krymu a v Čechohradě český jazyk na náhrobních kamenech objevuje přibližně do poloviny 70. let 20. století. Většinou se nerozlišuje délka samohlásek, ovšem téměř všude je označena měkkost souhlásek. Do velké míry se

zachovalo použití grafémů „ě“ a „ř“. Zároveň se na náhrobcích objevují nestandardní grafická řešení, která jsou pro český jazyk netypická, a to buď vlivem jazykové interference, nebo kvůli horší znalostí češtiny. Je nutné podotknout, že údaje z náhrobků představují velice užitečný zdroj informací. Nápisy na náhrobních kamenech jsou ovšem jako důležitý jazykový a kulturní pramen často přehlíženy, a to i přesto, že se český jazyk na hřbitovech zachoval v takřka původní a neměnné podobě.

Summary

The chapter focuses on the analysis of gravestones and Czech-language epitaphs in Crimea and Čechohrad. In the early 1860s, immigrants from the Czech lands founded five colonies – Bohemka, Tabor, Alexandrovka, Carekvič, and Čechohrad – on the territory of what was then the Taurida Governorate. The chapter also examines the frequency of various graphic forms of epitaphs, the degree of Russian and Ukrainian linguistic influence, and aims to determine the point in time when Czech inscriptions on gravestones were replaced by these languages.

Literatura

Auerhan, J. *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*. Praha: Dr. Ant. Hajn, 1920.

Volkova, S. Česká emigrace na Krym a založení kolonií ve druhé polovině 19. století. In: Laptěv, J. N. (ed.) *Češi na Krymu. Studie z historie a kultury.* Simferopol: AntikvA, 2005, s. 7–36.

Суханек, А. Языковая ситуация в чешских поселениях в Крыму. *Русская филология*. 2013 (24), с. 388–391.

Státní archiv ARK fond 26, soupis 1, věc 24575, s. 14.

Státní archiv ARK fond 26, soupis 1, věc 24626, s. 148.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.17

Radek ŠUTA

REGIONÁLNÍ VARIANTY ČEŠTINY Z POHLEDU STUDENTA-CIZINCE

Regional Varieties of Czech from the Perspective of a Foreign Student

***Keywords**: Czech as a foreign language, regional varieties, Common Czech, Moravian interdialects, textbooks of the Czech as a foreign language*

***Contact**: Univerzita Palackého v Olomouci; radek.suta01@upol.cz*

Jednou z aktuálních otázek současné lingvodidaktiky nejen v tuzemském prostředí je začlenění běžně mluveného jazyka a jeho regionálních variant do výuky cizích jazyků, včetně češtiny jako cizího jazyka (ČCJ). Tyto regionálně podmíněné variantní jevy jsou od původu nářeční, vyhrazené běžné každodenní soukromé komunikaci v určitých arealech. V češtině jsou to například výrazy užívané většinově na území Moravy (případně české části Slezska) ve východní části České republiky.[1] Vlivem nivelizačních procesů v tradičních teritoriálních dialektech se však rozšířily na širší území a jsou dodnes hojně užívány jako místní varianty svých „západních“ (užívaných na území historických Čech) a mnohdy zároveň spisovných protějšků. Mohou být lexikální (*dědina* x české *vesnice*, *zavazet* x č. *překážet*), morfologické (*slunko* x č. *slunce*, *koblih* m. x č. *kobliha* f.), či hláskoslovné (*mucha* x č. *moucha*) (Hladká 2017).

Jazyková situace v České republice je poměrně specifická existencí a postavením tzv. obecné češtiny. Tento původně středočeský interdialekt se vlivem nivelizačních procesů postupně rozšířil na celé území Čech a části západní Moravy. Proces nářeční nivelizace zde, vlivem Prahy jakožto prakticky jediného politického, ekonomického a kulturního centra tohoto regionu, pokročil dále než na Moravě a ve Slezsku, kde dodnes mají své místo územně rozrůzněné (inter)dialekty. Zejména od poloviny 20. století však obecná čeština proniká i do jazyka celostátních médií a stává se běžnou součástí mluvy mj. větších moravských měst. Nejen proto, ale hlavně z důvodu jejího užívání i v oficiálních komunikačních situacích na území Čech, ji někteří čeští (P. Sgall, J. Hronek,

[1] Ve výzkumu jsem se zabýval převážně moravskými (resp. slezskými) regionálními variantami vzhledem k specifické situaci tzv. obecné češtiny na území Čech, která zde má postavení jako prakticky jediného interdialektu (na rozdíl od Moravy a Slezska, viz dále). Samozřejmě i v některých částech Čech jsou dosud živé místní dialekty odlišné od obecné češtiny (Chodsko, Doudlebsko…), pro svůj výzkum jsem je však nepovažoval za relevantní.

F. Čermák, V. Cvrček) i zahraniční bohemisté (Ch. E. Townsend, N. Bermel) prosazují jako tzv. druhý standard vedle hovorové vrstvy spisovného jazyka. Ve východních částech českého jazykového území ovšem z výše naznačených příčin dodnes platí dichotomie spisovný jazyk vs. místní (inter)dialekt, přičemž obecná čeština je zde i přes svou značnou rozšířenost mnohdy považována za příznakovou (Krčmová 2017).

Tato komplikovaná situace se odráží i ve výuce ČCJ. Autoři oborových didaktik a učebnic v souladu se Společným evropským referenčním rámcem pro jazyky (SERRJ) doporučují seznamovat studenty-cizince se substandardními varietami jazyka až od tzv. prahové úrovně, tj. B1. Do té doby by si student měl přednostně osvojit standardní, tj. spisovný jazyk (Hrdlička 2017: 99). V praxi však takřka jediným substandardním kódem, s nímž vyučující ČCJ i autoři učebnic studenty seznamují, bývá právě obecná čeština. Zahraniční student tak může nabýt dojmu, že na celém území České republiky existuje vedle spisovného jazyka jako prostředek běžné každodenní komunikace pouze tento původně středočeský interdialekt. Student přijíždějící na Moravu a do Slezska se však v těchto regionech setkává s odlišnými jevy.

Ve své diplomové práci, kterou jsem obhájil v září 2023 na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity v Brně, jsem si kladl tyto otázky:

1. Jak jsou regionální variantní jevy prezentovány v učebnicích ČCJ?
2. Jak s těmito jevy pracují ve svých hodinách vyučující ČCJ?
3. Mají potřebu se s těmito jevy seznamovat i samotní studenti-cizinci?

Výzkum jsem uskutečnil online dotazníkovou formou na jaře 2023 jak mezi vyučujícími, tak studenty ČCJ. Výsledky podrobněji rozvedu v následujících odstavcích.

Regionální jevy v učebnicích ČCJ

Nejprve jsem podrobil analýze šest vybraných učebnic ČCJ vydaných v letech 2006–2020 z hlediska prezentace nespisovné češtiny. Zjištění ukazují, že většina těchto publikací sice reflektuje potřebu zařazení běžně mluvené češtiny, nicméně pozornost je dle očekávání věnována téměř výhradně obecné češtině. První takovou publikací byla *Čeština pro život* A. Nekovářové (2006), která se zaměřuje na konverzační témata a obecnou češtinu začleňuje pouze okrajově a navíc bez grafického rozlišení. Systematičtější přístup volí *Čeština pro středně a více pokročilé* (Bischofová et al. 2011), jež věnuje obecné češtině celou lekci s výkladem a cvičeními. Podobně *Basic Czech 3* (Hrdlička 2011) nabízí přehled rysů obecné češtiny v samostatném oddíle.

Významný posun představuje učebnicová řada *Česky krok za krokem* (Holá 2016), která v prvním díle pracuje i s moravskými regionálními prvky, například formami *su* (jsem), *chcu* (chci) či *šalina* (brněnský výraz pro tramvaj)[2], a to i na podprahové úrovni (A1–A2). Druhý díl se již však opět soustředí především na obecnou češtinu. Jediný materiál, který se věnuje moravským a slezským (inter)dialektům systematicky a podává i výklad jejich charakteristických rysů, je čtvrtý díl série *Czech It UP* (Hradilová et al. 2020). Tato publikace, určená úrovni B2, zahrnuje jak obecnou češtinu, tak i základní informace o středomoravských, východomoravských a slezských nářečích, které ilustruje stylizovanými ukázkami z literatury (např. *Maryša*, *Slovácko sa nesúdí*, *Denik Ostravaka*). Doplněna je rovněž mapou nářečních oblastí a tematickým cvičením. Z výzkumného vzorku tedy vyplývá, že skutečně regionálně rozrůzněné přístupy se objevují zatím jen výjimečně a nabídka učebnic reflektujících jazykovou realitu kupř. Moravy a Slezska zůstává velmi omezená.

Přístup vyučujících

K zodpovězení druhé otázky jsem na jaře 2023 provedl online dotazníkový výzkum mezi vyučujícími češtiny pro cizince, který se zaměřoval na začleňování regionálních variant češtiny do výuky. Dotazník vyplnilo celkem 44 respondentů působících v různých institucích – od univerzitních kateder přes jazykové školy až po integrační centra – v různých lokalitách České republiky. Nejčastěji respondenti působili v Praze (47,7 %), dále v Brně (27,3 %), jednotlivci uváděli i místa jako Olomouc, Ostrava, Zlín, Frýdek-Místek nebo Kuřim. Část lektorů také vyučovala češtinu v zahraničí (např. Moskva, Paříž, Čína).

Drtivá většina respondentů měla zkušenost s výukou studentů alespoň na prahové úrovni B1, přičemž mnozí učili i pokročilé studenty (úrovně C1 a C2). Právě na těchto úrovních se podle referenčních popisů doporučuje studenty seznamovat i s nespisovnými varietami češtiny. Nejčastěji zařazovanou varietou byla obecná čeština, a to bez ohledu na místo působení. V Praze s ní pracovalo přes 70 % respondentů, přičemž pouze někteří z nich zmiňovali další regionální útvary (např. „brněnská mluva“). V Brně byla situace pestřejší – více než polovina respondentů uvedla, že vedle obecné češtiny seznamují studenty i s dalšími regionálními prvky. Objevily se odpovědi jako „hantec“, dále „moravismy“, „hanácký dialekt“ nebo zobecňující označení „místní mluva“.

Lektoři byli rovněž tázáni na materiály, které při prezentaci nespisovných variet češtiny využívají. Polovina respondentů uvedla učebnice, přičemž nejčastěji zmiňovaným titulem byla řada *Česky krok za krokem* autorky L. Holé, především její druhý díl.

[2] Tento výraz ovšem pochází z hantecu, tj. sociolektu, nikoliv teritoriálního dialektu.

Čtyři respondenti používali učebnici *Czech It UP 4*, která jako jedna z mála (dodnes možná jediná) systematicky reflektuje také moravské a slezské (inter)dialekty – a všichni tito lektoři působili v moravských městech. Dalšími uváděnými tituly byly *Čeština pro život* A. Nekovářové a *Čeština pro cizince* M. Boccou Kestřánkové, případně respondenti zmínili obecně „učebnice" bez specifikace. Dále se hojně v odpovědích objevovaly autentické materiály: ukázky z médií, beletrie, filmů či internetových diskusí. Dva lektoři využívali korpusy, jeden dokonce *Český jazykový atlas* jako hlavní výukový zdroj pro prezentaci nářečí (i když sám učil jen na úrovni A1). Přibližně čtvrtina dotázaných uvedla, že vytváří vlastní výukové materiály, a téměř 20 % prezentuje nespisovný jazyk spontánně, bez podpory konkrétních zdrojů.

Většina vyučujících se shodla na tom, že odchylné formy češtiny mohou studentům působit potíže – především kvůli odlišné morfologii (např. obecně české koncovky), která se míchá se spisovnými tvary a komplikuje orientaci v jazykovém systému. Někteří respondenti zdůrazňovali individuální rozdíly – pro některé studenty jde o zásadní překážku, jiní tyto rozdíly zvládají bez větších problémů.

Z hlediska postojů k důležitosti seznamování studentů s regionálními varietami byl konsenzus ještě výraznější: více než 80 % dotazovaných považuje tento krok za žádoucí, často již od úrovně B1. Většina těchto respondentů uvedla, že studenty by měli primárně seznamovat s běžně mluveným jazykem regionu, ve kterém žijí – například v Brně tedy s místními moravskými (inter)dialekty. Jen malá část lektorů (11,4 %) byla proti začleňování nespisovné češtiny do výuky, většinou kvůli obavě z jazykového zmatku.

Výzkum tedy ukázal, že ačkoliv obecná čeština dominuje jak v praxi výuky, tak v dostupných učebnicích, vyučující působící mimo Čechy – zejména v Brně – si uvědomují specifika dalších regionálních variant a snaží se na ně ve výuce reagovat. Většina z nich přitom usiluje o to, aby se studenti seznámili nejen s jazykem, který se naučí z učebnic, ale i s tím, se kterým se skutečně setkají při spontánní neformální komunikaci s rodilými mluvčími češtiny. Často se ovšem musí z důvodu nedostatečného zpracování problematiky v učebnicích spolehnout na vlastní učební materiály.

Nespisovná čeština z pohledu studenta-cizince

V případě dotazníkového šetření provedeného mezi pokročilými studenty ČCJ, které se zaměřovalo na to, zda a jakým způsobem se během výuky i v běžné komunikaci setkávají s nespisovnými formami češtiny, se bohužel vyskytla zásadní komplikace. Výzkumu se zúčastnilo pouhých 8 respondentů, vytvářejících ovšem značně homogenní skupinu – ve všech případech se jednalo o rodilé mluvčí slovanských jazyků (nejčastěji

ukrajinštiny a ruštiny) s bydlištěm výhradně v moravských městech, převážně v Brně a Ostravě. Vzhledem k nízkému počtu účastníků jsem byl nucen přikročit ke kvalitativní metodě vyhodnocení, tedy detailní analýze odpovědí jednotlivců.

Z výsledků vyplynulo, že většina studentů se s nespisovnými formami češtiny setkala, a to zejména při běžné komunikaci s rodilými mluvčími. Kromě lokálně příznakových prvků (např. výrazů z brněnské mluvy jako *šalina*, *Prýgl*) zmiňovali většinou jevy z obecné češtiny. Mnozí respondenti uváděli, že v kontaktu s rodilými mluvčími čelí jazykové variabilitě běžně, i když ji sami ve své produkci využívají méně. Pokud se týká výběru jazykových variet v oblasti řečové produkce, zhruba polovina studentů uvedla, že se snaží používat výhradně spisovnou češtinu, kterou znají nejlépe a jsou si s ní ve svém projevu mnohem jistější. Kromě toho ale zaznívala v odpovědích i čeština obecná, se kterou jsou seznamováni během výuky. Vzhledem k tak malému výzkumnému vzorku ovšem pochopitelně nelze činit zobecňující závěry. Je třeba počkat na výsledky nového výzkumu dané problematiky, který aktuálně probíhá.

Závěrem lze shrnout, že ačkoliv obecná čeština zaujímá v současné výuce ČCJ dominantní postavení, potřeba reflektovat i ostatní regionální varianty – zejména moravské a slezské (inter)dialekty – je s ohledem na skutečnou jazykovou realitu České republiky a míru imigrace i v tomto regionu více než aktuální. Počty cizinců přijíždějících do všech regionů ČR každým rokem narůstají, a má-li být integrace nerodilých mluvčích do české společnosti úspěšná, měli by být alespoň v hrubých obrysech seznamováni i s podobami běžně mluveného jazyka, které se užívají na východě českého jazykového území. Materiály reflektující tuto tematiku dostatečně a přehledně však zatím stále chybí.

Summary

The chapter examines the role of regional varieties of Czech, especially Moravian and Silesian interdialects, in teaching Czech as a foreign language. Analysis of textbooks and a survey among teachers and students show that while Common Czech dominates, local dialectal features are often overlooked. The findings highlight the need to better reflect linguistic diversity in both teaching materials and practice to support students‘ integration into real-life communication.

Literatura

Bischofová, J. et al. *Čeština pro středně a více pokročilé*. Praha: Karolinum, 2011.

Hádková, M., Línek, J., Vlasáková, K. *Čeština jako cizí jazyk. Úroveň A1*. Praha: MŠMT, 2005.

Holá, L., Bořilová, P. *Česky krok za krokem 2*. Praha: Akropolis, 2016.

Holá, L. Běžně mluvená čeština ve výuce češtiny jako cizího jazyka. In: Nekula, M., Šichová, K. *Variety češtiny a čeština jako cizí jazyk*. Praha: Akropolis, 2017.

Holá, L. *Česky krok za krokem 1*. Praha: Akropolis, 2016.

Holub, J. et al. *Čeština jako cizí jazyk. Úroveň B2*. Praha: MŠMT, 2005.

Hradilová, D. et al. *Czech It UP! 4*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2020.

Hrdlička, M., Adamovičová, A. *Basic Czech 3*. Praha: Karolinum, 2016.

Hrdlička, M. *Kapitoly o češtině jako cizím jazyku*. Plzeň: Fakulta pedagogická Západočeské univerzity, 2010.

Hrdlička, M. Spisovná a obecná čeština ve výuce cizinců. In: Nekula, M., Šichová, K. *Variety češtiny a čeština jako cizí jazyk*. Praha: Akropolis, 2017.

Krčmová, M. Brno a jeho mluva. In: Rusínová, E. *Přednášky a besedy z L.* (*jubilejního*) *ročníku Letní školy slovanských bohemistických studií*. Brno: Kabinet češtiny pro cizince FF MU, 2017.

Nekovářová, A. *Čeština pro život*. Praha: Akropolis, 2006.

Elektronické zdroje

Hladká, Z. Dialektismus. In: Karlík, P. et al. *Nový encyklopedický slovník češtiny*. 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/DIALEKTISMUS (2025-04-30).

Krčmová, M. Moravismus. In: Karlík, P. et al. *Nový encyklopedický slovník češtiny*. 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/MORAVISMUS (2025-04-30).

Krčmová, M., Chloupek, J. Národní jazyk. In: Karlík, P. et al. *Nový encyklopedický slovník češtiny*. 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/N%C3%81RODN%C3%8D%20JAZYK (2025-04-30).

Krčmová, M. Obecná čeština. In: Karlík, P. et al. *Nový encyklopedický slovník češtiny*. 2017. Dostupné z: https://www.czechency.org/slovnik/OBECN%C3%81%20%C4%8CE%C5%A0TINA (2025-04-30).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.18

Pavol VOZÁR

SYSTÉM DOPLNKOVÝCH ATRIBÚTOV FAREBNÝCH POMENOVANÍ V RUŠTINE: KATEGORIZÁCIA, PERCEPCIA A DISKURZÍVNE VYUŽITIE

The System of Additional Attributes of Color Terms in Russian: Categorization, Perception and Discursive Use

Keywords: *color, additional attribute, modifier, intensifier, deintensifier*

Contact: *Prešovská univerzita v Prešove; pavol.vozar@smail.unipo.sk*

Úvod

Vnímanie farby človekom je výsledkom interakcie viacerých premenných, primárne ide o fyzikálne faktory (parametre dopadajúceho a odrážajúceho sa svetla, povrch objektu, uhol pod ktorým objekt sledujeme a pod.), ďalej biologické faktory človeka, najmä špecifiká percepcie ľudského zrakového aparátu, ale tiež kultúrne premenné, kde medzi potenciálne najdramatickejšie patria napr. rozdiely v registri pomenovaní základných farieb (svetlomodrá a tmavomodrá ako dve samostatné základné farby v ruskom jazyku). Podľa Marka D. Fairchilda (2013), riaditeľa programu výskumu farieb a Munsellovho laboratória na Fakulte prírodných vied Rochesterského technologického inštitútu, farbu možno fyzikálne definovať ako spektrálne zloženie elektromagnetického žiarenia odrážaného objektom. Podľa takej definície je farba iba funkciou ľudského zrakového systému, nie vnútornou vlastnosťou samotných objektov. Tie odrážajú svetlo, ktoré sa človeku javí ako farba. Spektrum teda vo fyzickom svete síce existuje, farba ako kategória však existuje iba v mysli pozorovateľa. Percepčná komplexnosť, ktorá vyplýva z vyššie uvedených súvislostí, vedie k potrebe hovoriaceho rozšíriť register slovných modifikátorov základných pomenovaní farieb. Tie, ako sme už uviedli, nepomenúvajú samotnú farbu (v zmysle základného odtieňa, ktorý býva explicitne spomenutý v rámci väzby), ale užšie špecifikujú podružné vizuálne atribúty ako intenzita, svetelnosť, povrchová textúra a pod., pričom sa tak deje s rôznou mierou štylistickej expresivity a subjektivity či naopak exaktnosti (merateľnosti). V ruštine sú takéto výrazy ako яркий – тусклый, матовый – глянцевый, металлический – пудровый zvlášť bohaté a často využívané, pretože umožňujú hovoriacemu presnejšie vystihnúť jemné odtienky významov, zahrnúť

do výpovede emocionálne konotácie a špecifické aspekty pozorovaného objektu. A. P. Vasilijevič et al. (2022) vymedzujú týchto 27 normatívnych tzv. pristavočnych slov: *бледно-* (*bledno-*), *блекло-* (*bleklo-*), *блестяще-* (*blesťašče-*), *водянисто-* (*voďanisto*), *глубоко-* (*gluboko-*), *грязно-* (*grjazno-*), *густо-* (*gusto-*), *интенсивно-* (*intensivno-*), *кристально-* (*kristaľno-*), *матово-* (*matovo-*), *мутно-* (*mutno-*), *мягкий* (*mjagkij*), *насыщенно-* (*nasyščenno-*), *нежно-* (*nežno-*), *ослепительно-* (*oslepiteľno-*), *пастельно-* (*pasteľno-*), *пронзительно-* (*pronziteľno-*), *прозрачно-* (*prozračno-*), *светло-* (*svetlo-*), *сочно-* (*sočno-*), *темно-* (*temno-*), *теплый* (*ťoplyj*), *тускло-* (*tusklo-*), *холодный* (*cholodnyj*), *чистый* (*čistyj*), *ядовито-* (*jadovito-*), *ярко-* (*jarko-*).

Ako uvádzajú autori zoznamu, ide o uzavretú skupinu slov, medzi ktoré sotva preniknú a udomácnia sa ďalšie výrazy. Dané tzv. pristavočnyje slová majú pevné miesto v slovníkoch a v ruskej normatívnej lexike. Okrem nich existujú v ruštine desiatky ďalších, spravidla expresívno-emocionálnych nenormatívnych tzv. pristavočnych slov. Všetky príklady v cyrilike, ktorými ilustrujeme významové tézy pri jednotlivých modifikátoroch, pochádzajú z Národného korpusu ruského jazyka a uvádzame pri nich jednotne iba meno autora, názov knihy, resp. článku a publikácie a rok vydania. V niektorých prípadoch obojaké použitie príkladov v latinke a cyrilike je uvádzané v záujme upresnenia a eliminácie viaczmyselnej interpretácie.

Základné atribúty farieb a ich percepcia

Aby sme mohli viesť zmysluplnú diskusiu o pomenovaniach farieb, je nevyhnutné stručne si predstaviť aspoň základné pojmy, ktoré opisujú fyzikálne parametre farieb. Podľa M. D. Fairchilda (2013), vnímanie farby ovplyvňuje spôsob, akým ich náš zrakový systém interpretuje v konkrétnych podmienkach. Dôležité sú predovšetkým tri atribúty: jas, svetlosť a sýtosť. Jas predstavuje množstvo svetla, ktoré je vyžarované alebo odrážané z určitej plochy a je viazaný na skutočné svetelné podmienky: čím viac svetla dopadá na predmet, tým vyššia bude jeho vnímaná jasnosť. Svetlosť opisuje relatívnu svetelnosť farby vzhľadom na referenčné objekty v zornom poli. Ak sa pozrieme na stránku knihy v prítmí kancelárie a potom na slnku, v oboch prípadoch bude vzhľadom na aktuálne podmienky svetla (voči okolitému prostrediu) svetlá, hoci objektívne jej jas bude na slnku vyšší. Tento jav sa nazýva konštantnosť svetlosti. Ako tieto zistenia dopĺňa V. Ju. Medvedev zo Štátnej univerzity technológie a dizajnu v Sankt-Peterburgu v publikácii Cvetovedenie i koloristika (2005), sýtosť alebo kolometrická čistota farby sa určuje podľa percentuálneho podielu čistého spektrálneho tónu v celkovej jasnosti konkrétnej farby. Napríklad farba s čistotou 70 % pozostáva zo 70 % čistého spektrálneho tónu a 30 % bielej farby. Maximálne sýte farby sú čisté farby spektra, menej sýte

farby vznikajú primiešaním achromatických farieb ako sú biela, čierna alebo sivá. Výskumník počítačovej vedy doktor Colin Ware z Univerzity v New Hampshire uvádza, že sýtosť farby označuje čistotu farby tak, ako ju vníma pozorovateľ. Farby s vysokou sýtosťou sú živé a výrazné, zatiaľ čo farby s nízkou sýtosťou sú bližšie k čiernej, bielej alebo šedej. M. D. Fairchild dopĺňa, že čím je sýtosť nižšia, tým viac pôsobí zahmlene, pastelovo alebo šedo. Pastelové farby (bledomodrá, ružová) majú vysoký jas a nízku sýtosť. Naopak, tmavé a sýte farby, ako sú hlboká vínová alebo tmavozelená, majú nižší jas a vyššiu sýtosť. Jas, svetlosť a sýtosť sú podľa M. D. Fairchilda základné parametre pri popise farieb. Ich pochopenie je dôležité pre farebnú vedu, dizajn, digitálne zobrazovanie aj estetiku. Hoci sa často používajú zameniteľne v bežnom jazyku, v optike a farebnej teórii majú presne vymedzené významy a treba ich rozlišovať. V. Ju. Medvedev (2005) konštatuje, že achromatické farby ako čierna alebo biela (resp. ich medzistupne) sú terminologicky paradoxné, pretože im chýba farebný tón a sýtosť, čiže základné vlastnosti chromatických farieb. Napriek tomu sa termín „farba“ v tomto kontexte udomácnil a používa sa v odbornej aj hovorovej lexike. Kombinácie chromatických a achromatických farieb vytvárajú obrovskú škálu odtieňov v prírode a v prostredí vytvorenom človekom (napr. rôzne odtiene béžovej, hnedej, olivovej).

INTENZIFIKÁTORY

V tejto časti sme sa rozhodli zoskupiť tzv. pristavočnyje slová, ktoré plnia funkciu intenzifikátorov, teda slov, ktoré zosilňujú určitú kvalitu farby cez doplnkový atribút týkajúci sa intenzity, lesku, čistoty, obohatenia o iné farebné tóny, sýtosť a pod.

Blesťašče-

V kontexte optických vlastností farieb termín блестящий označuje schopnosť povrchu zrkadlovo odrážať svetlo, čo sa prejavuje ako výrazný lesk, napr. блестяще-чёрный (klavírny lak) alebo блестяще-красный (navoskované červené auto s väčšou subjektívne vnímanou hĺbkou): *Вдруг в свете сошёл к ней с неба блестяще-белый человек с крестом в руке* (Елабужский 1930). Tento efekt je výsledkom špecifických fyzikálnych parametrov povrchu, ako sú hladkosť, štruktúra vlákien, typ väzby a povrchová úprava. Vysoký lesk je charakteristický pre povrchy s vysokou odrazivosťou, čím sa zvyšuje vnímaný jas a intenzita farby. Svetlo sa odráža prevažne v jednom smere. Protikladom k nemu je matný povrch, pri ktorom sa svetlo rozptyľuje do rôznych smerov, čo vedie k tzv. difúznemu odrazu (Wyszecki, Stiles 2000).

Gluboko-

Gluboko- (hlboký) používame na opis farieb s vysokou sýtosťou, často tmavšie odtiene. Také farby absorbujú viac svetla, keďže obsahujú viac pigmentu a menej bielej zložky, čo vytvára dojem hĺbky. Zaujímavým faktom je, že napriek tomu, že túto časť zloženého atribútu autori zahrnuli do zoznamu normatívnych tzv. pristavočných slov, v NKRJ sme evidovali veľmi málo výsledkov v kombinácii s farbami. V súvislosti s tým sa núka téza, že ide o kalk z anglického jazyka, kde označenia ako deep purple označujú tmavé odtiene. Štúdia Color naming and color consensus: 'Blue' is special publikovaná v Journal of Vision (2004) poukazuje na to, že kým v pomenovaní základných odtieňov existuje medzi hovoriacimi vysoká miera zhody, pri zložených názvoch, ako je deep blue, je väčšia variabilita v interpretácii. Príklad v ruštine: *Маложизненный цвет, не бодрящий, а успокаивающий, небесный цвет, глубоко синий, охлаждает душу, умиряет как сам, так и отражённый в воде холодной* (Федченков 1994).

Grjazno- a čistyj

Opačným príkladom sa javí časť zloženého prívlastku grjazno- (špinavo-), ktorého použitie v ruskojazyčnom diskurze je podľa NKRJ hojné. Ako uvádza V. Popova (2024) v Škole fotoartu a retuše vo videu s názvom Čo sú čisté a špinavé farby – v maľovaní a kreslení je čistá (spektrálna) farba taká, ktorá tvorí viditeľnú časť spektra (zjednodušene väčšina základných farieb) bez prímesí. Špinavá je výsledkom kombinácie farieb a tmavých tónov, spravidla odtieňov šedej. Fotografi, ilustrátori, umelci a pod. využívajú prímesi a vrstvy tmavých tónov na tieňovanie, pričom najmä vtedy, ak je vrstiev príliš veľa, výsledok tvorí tzv. špinavú farbu na objekte (stráca sa farba a dominuje „špina"). V súčasnej výtvarnej teórii sa termín „špinavá farba" (грязный цвет) nevzťahuje na objektívne vlastnosti farebného spektra, ale na vizuálny dojem nedostatočnej čistoty, čitateľnosti alebo harmónie v kompozícii. V článku Škola kresby a počítačovej grafiky Smirnov School (2022) sa tento pojem opisuje ako výsledok nesprávneho miešania farieb – napríklad používania čiernej na tieňovanie, nevedomého miešania komplementárnych odtieňov alebo preberania farebných hodnôt bez kontextu osvetlenia, čo vedie k zníženej sýtosti a mdlosti tónov. Podobne, no detailnejšie, vysvetľuje pojem Smirnov School v podobnom článku (2023), kde sa „špinavosť" spája s porušením farebnej a svetelnej logiky kresby – teda ak nie je zohľadnený farebný tón, svetelný zdroj či reflexné vzťahy, farba môže pôsobiť špinavo. V oboch prípadoch ide o hodnotenie farebného vnemu v kontexte obrazového systému, nie o fyzikálny parameter farby samotnej: *И покрашена была в грязно-зелёный цвет. Как танк* (Носов 2005). Opačný význam má

čistyj-: *Когда солнце в зените, в отсутствии облачности, небо имеет очень чистые голубые и синие цвета* (Рябиков 2014).

Gusto-

V ruštine sa tento výraz používa na označenie farieb s vysokou sýtosťou. Zdôrazňuje, že farba je bohatá, plná a naznačuje, že farba je tmavšia verzia základného odtieňa, keďže absorbuje viac svetla a odráža ho menej. Podľa Veľkého výkladového slovníka ruského jazyka (Евгеньева (гл. ред.) 1981) sa používa na opis nasýtenej, jasnej, šťavnatej farby. Podľa Ožegova (1949 / 2025) znamená: 1. skladajúci sa z mnohých, blízko pri sebe umiestnených rovnakých predmetov alebo častíc; 2. s oslabenou tekutosťou, nasýtený niečím, napr. hustá smotana: *Шервинский, густо-красный, косил глазом* (Булгаков 1989).

Intensivno-, sočno- a nasyščeno-

Jednotlivé ruské slovníky k slovu intensivno- v súvislosti s farbou uvádzajú nasledovné: vyniká čistotou a koncentrovanosťou, synonymá sú hustý, sýty, šťavnatý (Гуськова, Сотин 2007); jasný, hustý, napr. tkanina intenzívnej červenej farby (Ожегов 1949). Príklad: *Имеет широкие, интенсивно-зелёные побеги с жёлтыми кончиками весной* (Грабчевски 2002). Čo sa týka slova sočno- (šťavnato-), nájdené príklady svedčia, že tieto farby bývajú sýte a prirodzene lesklé: *Любовно сложенные губы молодой женщины сочно-красного цвета* (Хлебников 1986); *В глубине её тени мелькает сочно-оранжевым перламутром пустая раковина рапана* (Соломатина 2011); *Он – Генералиссимус, а мы – его сочно-розовое пушечное мясо!* (Палей 2010). Veľmi podobne sa používa časť zloženého atribútu nasyščšno-, ide o sýty a jasný odtieň.

Krystaľno-

Napriek tomu, že A. P. Vasilijevič et al. (2022) túto časť zloženého atribútu uvádzajú ako normatívnu, v NKRJ nie je o tomto použití v praxi žiadna zmienka. Online výkladový slovník Ožegova (1949 / 2025) spomína významy priezračný, čistý, bezchybný, Populárny slovník (2007) dopĺňa hneď v prvom význame svetlý. Každý zo spomínaných významov by sa mohol teoreticky odraziť v inom kvalitatívnom aspekte farby, resp. fyzikálnom parametri, napr. priezračný (полупрозрачный, teda čiastočne priehľadný), čistý, bezchybný, t. j. bez prímesí (sýty), svetlý – subjektívne jasný, teda s prímesou bielej farby, málo sýty. Už na prvý pohľad tieto definície vyznievajú protirečivo. Výsledky vyhľadávania v komerčnej sfére – teda farby produktov – sú slabé a nekonzistentné.

Vo všeobecnosti možno povedať, že ak už názov danej farby túto časť zloženého atribútu obsahuje, ide o výrazne svetlé odtiene s výraznou subjektívnou svietivosťou (odrazom svetla).

Ťoplyj- a cholodnyj-

Kým tradičné rozdelenie farieb na teplé (červená, oranžová, žltá) a studené (modrá, zelená, fialová) vychádza okrem príslušnosti k jednej zo strán spektra aj z vizuálneho a emocionálneho účinku, v konkrétnych prípadoch môžu byť tieto výrazy pridané ako doplňujúca kvalita aj k farbám opačnej skupiny, napr. тёплый зелёный alebo холодный красный označujú zelený odtieň s prímesou žltej (teplejší) či červený s prímesou modrej (chladnejší): *Если при свете дня озеро казалось сгустком тёплого голубого света, то сейчас, во тьме, оно напоминало скорее болото* (Буйда 2003) alebo: *Губы холодного красного цвета, брови и ресницы темне* (Ева 2005). Týmto spôsobom sa vyjadruje posun farebného tónu v smere farebného kruhu a zároveň sa zdôrazňuje subjektívna teplotná kvalita farby, čo zohráva významnú úlohu najmä v oblasti výtvarného umenia a dizajnu.

Oslepiteľno-

Z príkladov v NKRJ môžeme usudzovať, že v prípade tohto slova zdôrazňujeme extrémnu relatívnu intenzitu (podľa kontextu najmä jas, nasýtenosť alebo lesk) farby, ktorá „oslepuje“ žiarivosťou na pozadí: *И вот среди этой унылой весны, безжалостной зимы, ярко и ослепительно зеленея, сверкал стланик* (Шаламов 1998), či: *Мучнистая на вкус волжская кукуруза не «вызревала», а «сияла ослепительно-жёлтым, освещая все окрестные поля, словно в каждом початке сидело по мощной электрической лампочке»* (Яхина 2018).

Pronziteľno-

Podobne ako predchádzajúcu časť zloženého atribútu, aj pronziteľno- (prenikavo-) charakterizuje kvalitu farby, ktorá ju robí ostrou, takou, ktorá vyniká a zarezáva sa do vnímania, hoci ide v porovnaní s oslepujúco- o implicitnejšie pomenovanie: *Как мечтали мы побывать у мыса Горн, в густо-зелёной долине Амазонки, на песке пронзительно-жёлтой пустыни Сахара!* (Городницкий 2014). Za zmienku stojí, že prenikavý sa v ruštine častejšie než so zrakom spája so sluchom (napr. prenikavý výkrik).

Svetlo-, jarko- a temno-

Jas (яркость) predstavuje jednu zo základných fyzikálnych vlastností farby a vyjadruje množstvo svetla, ktoré sa odrazí od povrchu v porovnaní s množstvom svetla, ktoré na tento povrch dopadá. Ide teda o relatívnu jasnosť (viď. Fairchild 2013), ktorá sa kvantitatívne vyjadruje pomocou koeficientu odrazu (ρ). V praxi sa jas najčastejšie meria pomocou škály achromatických (sivých) vzoriek so známym koeficientom odrazu, pričom sa používajú prístroje ako leykometer či fotometer (Медведев 2005). Temno- označuje, že farba je tmavšou verzia základného odtieňa, čo znamená, že má nižší jas (prímes achromatickej čiernej, resp. tmavšej šedej). Tmavú farbu si netreba mýliť so sýtou; iba sýtosťou farebného tónu sa myslí pomer cudzorodej farby (typicky ľubovoľne tmavého alebo svetlého odtieňa šedej) a čistej farby. Iba svetlosť je miera svetlosti alebo tmavosti tejto cudzorodej zložky (Медведев 2005). Online slovník teórie farby uvádza, že keď hovoríme o farbe, že je tmavá alebo svetlá, máme na mysli jej jas (яркость) v zmysle, ako blízko má k bielej. V tomto smere je však potrebné podotknúť, že v bežnej reči ide o bohaté odtiene so sýtym farebným tónom, čo sa dá overiť pri vyhľadávaní obrázkov na ruskom internete. Preto treba do určitej miery rozlišovať medzi jasom ako fyzikálnym parametrom a subjektívne vnímanou jasnou farbou: *Шёл, хватаясь другой рукой за берёзки… И на березках оставались ярко-красные пятна* (Шукшин 2003).

Jadovito-

Označenie farieb s mimoriadne intenzívnym, často neprirodzeným alebo „krikľavým“ odtieňom, ktorý môže byť dráždivý, môže evokovať asociácie s toxicitou či nebezpečenstvom. Niekedy tak označujeme aj neónové farby známe mimoriadnou vizuálnou intenzitou (kombinácia vysokej sýtosti s nulovým podielom achromatickej zložky a fluorescenciou, javom, pri ktorom špecifické pigmenty absorbujú neviditeľné ultrafialové (UV) žiarenie a následne ho reemitujú ako viditeľné svetlo. Táto kombinácia vlastností spôsobuje, že neónové farby sú nápadné a odlišujú sa od bežných farebných odtieňov: *Весной Надя посадила в огороде картошку, и сейчас туда, как на приманку, бросились бесчисленные, ядовито-жёлтые колорадские жуки* (Блехман 2012).

DEINTENZIFIKÁTORY

V tejto časti uvádzame opak intenzifikátorov, teda slová, ktoré určitým spôsobom zjemňujú, zmierňujú alebo oslabujú určitú kvalitu alebo dopad pôsobenia farby na pozorovateľa. Táto kvalita môže byť výsledkom degradácie alebo mať opisovanú kvalitu od začiatku (napr. od výroby).

Bledno- a bleklo-

Prídavné mená *бледный* a *блеклый* v ruskom jazyku označujú nízku intenzitu farebnosti, avšak líšia sa vo významových nuansách. Slovo *бледный* sa vzťahuje na farbu, ktorá je od začiatku prirodzene slabá, svetlá alebo málo nasýtená. V tomto význame sa často uplatňuje aj pri opise tváre alebo pokožky, ktoré sú vnímané ako málo kontrastné, bledé. Príklad: Окраска минерала варьирует от бесцветной до бледно-зеленой (Антонов 2003). Naproti tomu prídavné meno *блеклый* označuje stav, v ktorom farba stratila svoju pôvodnú sýtosť následkom pôsobenia času a iných sprievodných faktorov. Pri slove *блеклый* je častou konotáciou opotrebovanosť alebo melanchólia: *Он подбежал и вскочил на блёкло-зелёную лавку, объедённую дождями и временем* (Силаев 2007).

Voďanisto- a prozračno-

V kontexte vizuálnych vlastností farieb sa водянисто- (prekl.: vodnato-) ako časť zloženého atribútu používa na opis farieb s nízkou sýtosťou, čo znamená, že farba na báze pigmentov je zriedená napr. vodou pri vodnej báze a pôsobí bledo, priehľadne voči podkladu, na ktorý sa nanáša. Takéto farby často obsahujú vyšší podiel bielej alebo sivej, čo vedie k ich „vodnatému“ vzhľadu, idúc až po odtiene šedej (Тавризян 2025). V ruskom jazyku sa tento termín používa na vyjadrenie farebných odtieňov, ktoré sú nevýrazné: Всё это тёмным силуэтом на самом краю гребли, на фоне водянисто-голубого неба и небесно-голубой воды (Шагинян 1953). Podobné vlastnosti a použitie v diskurze pozorujeme pri slove prozračno-: *Несколько девушек в сведённых до минимума нарядах танцевали вокруг мраморной ванны, наполненной прозрачно-голубой водой* (Бачило 1989); *Безоблачное небо огромной прозрачно-голубой линзой фокусирует солнечные лучи на листьях яблонь* (Кашкин 2014).

Matovo-

Táto časť zloženého atribútu v ruštine vyjadruje neprítomnosť lesku, teda rozptýlený odraz svetla (difúzny, nesústredený do jedného bodu) na povrchu predmetu, čo súvisí s fyzikálnym rozptylom svetla na zdrsnenom povrchu. Z hľadiska subjektívneho farebného vnemu predstavuje u farieb určitú tlmenosť alebo nepriehľadnosť: *Ощутил вкус и запах яблок каждой яблони, видел матово-красные, будто подёрнутые инеем, сливы* (Шуртаков 1982).

Mutno-

Mutno- naznačuje, že daná farba je zakalená, nepriehľadná. Povrch alebo médium nerovnomerne rozptyľuje svetlo, čo vedie k zníženej priehľadnosti; Ožegov (1949 / 2025): o kvapaline – nepriehľadný, nečistý (v dôsledku znečistenia alebo zmiešania s niečím); zmatnený, zahmlený, zahmlené zrkadlo, oči. Príklad: *Луна прямо в лицо шарашит. Огромная, мутно-красная (...)* (Трауб 2009); *Туча мутно-синяя, в пыльных полосах дождя, сквозь которые розовели горы дальних облаков* (Бунин 1915).

Mjagkij

Lingvisti Petrohradskej štátnej univerzity špecializujúci sa na aplikovanú a počítačovú lingvistiku C. Masevič a V. P. Zacharov (2019) uvádzajú výraz mäkký medzi 15-timi tzv. kvázi farbami v rámci 50-tich rôznych lexikálnych jednotiek semantického poľa červenej farby. Následne delia pomenovania farieb na objektívno-fyzikálne a expresívno-metaforické, pričom k prvým zaradili výrazy tmavý, jasný, svetlý, lesklý, a k druhým mäkký, ale napr. aj studený či teplý (teda aj tie, ktoré podľa A. P. Vasilijeviča et al. patria medzi normatívne, bez výraznejšieho emocionálno-expresívneho odtienka, ktorý pripisujú druhej skupine (Василевич 2022: 124). V ruštine sa vo všeobecnosti mäkký používa na opis odtieňov, ktoré sú jemné, tlmené a neagresívne: *Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет* (Беляев 2001). Tieto farby majú zníženú intenzitu, sú menej sýte, pôsobia upokojujúco, často ich využívajú v interiérovom dizajne na vytvorenie príjemnej atmosféry (dokážu opticky zväčšiť priestor maximalizáciou odrazu prirodzeného svetla). Pantone Color Institute vyhlásil za farbu roka 2025 Mocha Mousse. Redaktor Rusbase, ruského portálu pre podnikateľov, T. Batyrov uvádza, že ide o *mäkký* hnedý odtieň.

Nežno- a pasteľno-

V súvislosti s výrazom nežno- vyčleňuje docentka Katedry románsko-germánskej filológie a prekladateľstva na Saratovskej národnej výskumnej štátnej univerzite N. G. Černyševského. I. V. Makejenko (1999) skupinu tzv. formantov (odlišná terminológia od nami používaných tzv. pristavočnych slov) ярко- (jasno-), светло- (svetlo-), тёмно- (tmavo), нежно- (jemno-), ktoré spresňujú odtiene farby, pričom ich štruktúra môže byť buď нежный персиковый alebo нежно-оранжевый. Pri určovaní farby si v určitých prípadoch dokážeme pomôcť príkladmi z botaniky: *Ярко-красная ‘Sympathie’ и нежно-розовая ‘New Dawn’ способны забираться по опоре на солидную высоту до 4 м.* (Иршенкова 2003). Odroda ruží New Dawn je po vyhľadaní obrázkov svetloružová.

Podobne ako mjagkij či nežno-, vyšší jas a nižšiu sýtosť majú farby s tzv. pristavočnym slovom pasteľno-, čo dokumentuje aj slovníkový výklad (Зализняк 2008): zafarbený do mäkkých farieb, majúci jemné odtienky.

Tusklo-

Používa sa na označenie farieb s nízkou intenzitou jasu, matné, tlmené. Farba je akoby oslabená, pokrytá závojom, čo znižuje jej vizuálnu výraznosť a často sa používa v literárnych textoch na zdôraznenie atmosféry: *За пригорком появились тускло-красные, прижмуренные от лунного и снежного сияния огоньки деревни* (Иванов 1982); *Порой она бывает ослепительно белой, порой тускло-красной, как гаснущий уголь* (Хабаров 1968).

ZÁVER

Autori pôvodného zoznamu A. P. Vasilijevič et al. (2022) vytvorili uzavretý zoznam 27 jednotiek tzv. pristavočnych slov v ruskom jazyku. Deklarovaná normatívnosť výrazov sa potvrdila, ale u jednotlivých slov sme pri skúmaní v NKRJ narazili na výrazne odlišnú mieru ich používania, čo je do určitej miery prirodzené a očakávané, na druhej strane slová ako krystaľno- alebo globoko- nachádzame v korpuse zriedkavejšie, než by sme očakávali od normatívnej lexiky. Pridanou hodnotou našej kapitoly je okrem toho, že sme analyzovali a zmapovali význam týchto slov a ich reálne použitie v diskurze, aj to, že sme ich porovnali a klasifikovali do nami navrhnutých 2 veľkých skupín – intenzifikátory a deintenzifikátory. Prvá skupina bola väčšia (17) než druhá (10). Možno teda skonštatovať, že pri normatívnej lexike tohto typu hovoriaci o niečo častejšie siahajú po slovách zvýrazňujúcich určitú kvalitu, resp. minimálne ich register je širší. V neposlednom rade by sme v záveroch radi vyhodnotili expresivitu. Autori zoznamu správne uvádzajú, že nenormatívna lexika skôr pomenúva expresívno-emocionálny vzťah a projekcie hovoriacich vo vzťahu ku konkrétnej farbe, avšak podľa našich zistení sa to deje aj u časti normatívnej lexiky, napr. pri slovách ako jadovito-, oslepiteľno-, sočno- a pod.

Summary

The original list by A. P. Vasilievich et al. (2022) presents a closed set of 27 so-called prefixal words in Russian. While the declared normativity of these expressions was nocfirmed, corpus analysis (NKRJ) revealed significant variation in actual usage. Some terms, such as krystalno- or gluboko-, appeared less frequently than expected for normative lexicon. Our study not only analyzed and mapped their meanings and usage

but also classified them into two proposed groups: intensifiers (17) and deintensifiers (10). Intensifiers dominate in number and range, indicating speakers more often use terms that enhance qualities. Notably, some normative expressions (e.g. jadovito-, oslepitelno-, sochno-) carry expressive-emotional charge as well.

Literatura

Fairchild, M. D. *Modely farebného vzhľadu*. Hoboken: Wiley, 2013.

Lindsey, D. T., Brown, A. M. Color naming and color consensus: "Blue" is special. *Journal of Vision*. 2004 (4/8), s. 55.

Wyszecki, G., Stiles, W. S. *Farebná veda: Koncepty a metódy, kvantitatívne údaje a vzorce*. Wiley: Interscience, 2000.

Антонов, А.А. *Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива*. Санкт-Петербург: СПИФ «Наука» РАН, 2003.

Беляев, А.Р. *Человек-амфибия*. Москва: Детская литература, 2001.

Булгаков, М.А. *Белая гвардия. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1*. Москва: Художественная литература, 1989.

Бунин, И.А. *Грамматика любви. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 4*. Москва: Художественная литература, 1988.

Василевич, А.П., Кузнецова, С.Н., Мищенко, С.С. *Цвет и названия цвета в русском языке*. Москва: Ленанд, 2022.

Грабчевски, В. Дерево жизни. *Ландшафтный дизайн*. 2002 (3), с. 64–67.

Гуськова, А.П., Сотин, Б. *Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический*. Москва: Просвещение/Дрофа, 2007.

Евгеньева, А.П. *Словарь русского языка. Т. 1*. Москва: Русский язык, 1981.

Зализняк, А.А. *Грамматический словарь русского языка*. Москва: АСТ Пресс, 2008.

Иванов, А.П. *За рекой, за речкой*. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1982.

Иршенкова, В. Свой уголок я убрала цветами. *Сад своими руками*. 2003 (1), с. 27–29.

Макеенко, И.В. *Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национальное. Диссертация кандидата филологических наук*. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 1999.

Медведев, В.Ю. *Цветоведение и колористика*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2005.

Ожегов, С.И. *Толковый словарь русского языка*. Москва: ОГИЗ, 1949.

Силаев, А. *Армия Гутэнтака. Предчувствие: Антология «шестой волны»*. Санкт-Петербург: Амфора, 2007.

Соломатина, Т. *Отойти в сторону и посмотреть*. Москва: Эксмо, 2011.

Трауб, М. *Приживалка. Домик на юге*. Москва: АСТ, 2009.

Хлебников, В. *Малиновая шашка. Творения*. Москва: Советский писатель, 1986.

Шагинян, М.С. *Дневник писателя (1950–1952)*. Москва: Советский писатель, 1953.

Шаламов, В.Т. *Колымские рассказы. Собрание сочинений. Т. 1*. Москва: Вагриус, 1998.

Шукшин, В. *Калина красная. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 3*. Москва: Вагриус, 2003.

Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. Методические рекомендации по теории курса «Материаловедение»: ОП.03. Ярославль: Государственное профессиональное образовательное учреждение, 2020.

Elektronické zdroje

Kaufmann, M. Color. In: Ware, C. (ed.). *Information Visualization*. Praha: Albatros, 2013, s. 95–138. Dostupné z: https://doi.org/10.1016/B978-0-12-381464-7.00004-1 (2025-04-07).

Бачило, А.Г. *Простая тайна*. *Ветка кедра*. Москва: Молодая гвардия, 1989. Режим доступа: https://royallib.com/read/glebova_ulyana/vetka_kedra.html#0 (2025-04-02).

Блехман, М. Римские цифры. Ковчег. *ЛитБук*. 2012 (35). Режим доступа: http://litbook.ru/article/396 (2025-04-02).

Буйда, Ю. Город палачей. *Знамя*. 2003 (2). Режим доступа: https://znamlit.ru/contents.php?id=77 (2025-04-02).

Выслоух, В.А. *Дисперсия света*. *Физическая энциклопедия*. Режим доступа: http://www.femto.com.ua/articles/part_1/1051.html (2025-09-18).

Городницкий, А.М. *Тайны и мифы науки*. *В поисках истины*. Москва: Эксмо, Яуза, 2014. Режим доступа: http://www.litmir.me/br/?b=229611 (2025-04-02).

Ева. Красота, *здоровье*, *отдых*. Форум на eva.ru. Режим доступа: http://www.eva.ru/static/forums/ (2025-09-18).

Елабужский, М. *Дневник*. Дневники Михаила Елабужского (тетради 1, 3, 9, 10, 13, 14, 18) на сайте nikxram.narod.ru. Режим доступа: http://prozhito.org/notes?date=%221912-01-01%22&diaries=%5B1470%5D (2025-09-18).

Кашкин, Ю. Рассказы о животных. Пирамида. Ковчег. *ЛитБук*. 2014 (45). Режим доступа: http://litbook.ru/article/7239/ (2025-09-18).

Носов, С. *Грачи улетели: роман*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2005. Режим доступа: http://www.litru.ru/bd/?b=34496/ (2025-04-02).

Палей, М.А. Хор. Роман-притча. *Волга*. 2010 (7/8). Режим доступа: https://magazines.gorky.media/volga/2010/7/pa2.html (2025-09-18).

Рябиков, В. Наследие Соловецкого архипелага как сложная человекоразмерная система: постановка проблемы. *Культурологический журнал*. 2014 (3), Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-solovetskogo-arhipelaga-kak-slozhnaya-chelovekorazmernaya-sistema-postanovka-problemy/viewer (2025-10-04).

Смирновская школа. Грязные цвета в цифровом рисунке: причины появления и способы решения. Режим доступа: https://dtf.ru/gamedev/1065530-gryaznye-cveta-v-cifrovom-risunke-prichiny-poyavleniya-i-sposoby-resheniya (2025-09-18).

Смирновская школа. Что такое «грязный» цвет в рисунке и как с ним бороться. Режим доступа: https://smirnov.school/blog/illustration/chto-takoe-gryaznyj-czvet-v-risunke/ (2025-09-18).

Тавризян, Ю.Б. *Теория цвета*. *Цвет в искусстве: зеленый*. Режим доступа: https://permartmuseum.ru/article/60 (2025-09-18).

Федченков, В. *На рубеже двух эпох*. Москва: Отчий дом, 1994. Режим доступа: http://lib.pravmir.ru/library/book/2427 (2025-09-18).

Хабаров, С. Странности огненного гостя. *Вокруг света*. 1968 (3). Режим доступа: https://fantlab.org/work190694 (2025-10-04).

Шуртаков, С.И. *Кузьминские сады*. *Несмолкаемая песня*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1982. Режим доступа: https://royallib.com/book/shurtakov_semyon/nesmolkaemaya_pesnya_rasskazi_i_povesti.html (2025-04-02).

Яхина, Г. *Дети мои*. Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573368 (2025-09-18).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

LITERÁRNÍ VĚDA
/ LITERATUROZNAWSTWO
/ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.19

Андрей АНДРОСЕНКО

КАТЕГОРИЯ АБСУРДА КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ПЬЕСЕ ВАЦЛАВА ГАВЕЛА «ПРАЗДНИК В САДУ»

The Category of the Absurd as a Linguosemiotic Phenomenon in Vaclav Havel`s Play "The garden party"

***Keywords**: absurd, the drama of absurd, linguosemiotics, Vaclav Havel, The garden party*

***Contact**: независимый исследователь; f0573817@gmail.com*

Абсурд как художественный и философский феномен занимает важное место в современной культуре и гуманитарных исследованиях. Его проявления в искусстве отражают глубинные противоречия человеческого существования. Выбранная тема является особенно актуальной, так как пьесы Вацлава Гавела ставятся не только в чешских театрах, но и по всему миру. «Праздник в саду» – первая самостоятельная пьеса Вацлава Гавела, в которой отразились характерные черты для всего последующего творчества автора.

Происхождение термина

О.Д. Буренина в предисловии к сборнику статей «Абсурд и вокруг» говорит о том, что термин с античности имел троякое значение: эстетический абсурд, логический абсурд и метафизический абсурд (Буренина 2004).

Так, у Цицерона встречается выражение «абсурдное звучание», выражающие отношение к музыканту, непопадающему в ноту. Как эстетическая категория наиболее конкретную формулировку абсурд получил в эпоху барокко. Всё, что не вписывалось в представления о гармонии, объявлялось не просто какофоническим, но и инфернальным – искажение божественного образца, противопоставление божественному канону.

Понятие логического абсурда возникает ещё у Платона и Сократа. Правда тогда данный термин ещё не звучал: «Платон (устами своего несравненного учителя

Сократа) возвестил миру: "Нет большего несчастья для человека, как сделаться мисологосом, т.е. ненавистником разума"» (Шестов 1964: 236). В средневековье абсурд также трактуется как математическое и логическое понятие, например, появляется термин «абсурдные числа» в значении отрицательных.

В качестве метафизической категории термин абсурд встречается у древних христианских мыслителей. В теологических размышлениях Тертулиана находим следующие слова: «и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо абсурдно; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» (Тертуллиан 1994: 5). Так обозначается то, что выходит за пределы человеческого разума. В XIX веке С. Кьеркегор развивает концепцию абсурда в метафизическом ключе, продолжая традицию Тертуллиана. По его мнению, вера не является подчинением требованиям разума, она – просто верное следование учению Господа (Буренина 2004).

Философия абсурда

Философия абсурда неразделимо связана с абсурдистскими эстетикой и искусством. Без понимания абсурдизма как философского течения сложно воспринять его литературное воплощение. Так, идея Ф. Ницше о «смерти Бога», постулируемая в трактате «Так говорил Заратустра», порождает ощущение трагической ситуации кризиса в понимании мира, которое приводит к появлению особого театрально-художественного приёма «зритель без зрелища», «зритель для зрителя» (там же). Высшие ценности теряют цену, цели нет, нет ответа на вопрос почему. На этом базируется абсурд в Европе.

Та же идея повторяется другим философом – Львом Шестовым. В его книге «Достоевский и Ницше» мир абсурда представляется не как надреальный мир, а как подлинная действительность (Шестов 1903). Абсурд, с точки зрения обоих философов, представляет собой реакцию индивидуума на противоречие между его интересами, желаниями и его существованием, на утрату жизненного смысла (Буренина 2004). Для этих философов абсурд – разлом, отсутствие гармонии, ощущение непреодолимого хаоса.

С. Кьеркегора также говорит, что философия происходит из отчаяния: «задача философии в том, чтоб вырваться из власти разумного мышления и найти в себе смелость (только отчаяние и даёт человеку такую смелость) искать истину в том, что все привыкли считать парадоксом или абсурдом» (Шестов 1964). Для философа религия абсурдна, но абсурдна в положительной коннотации, ведь

логика не понимает мира. С. Кьеркегор отмечает, что не может слепо ринуться в абсурд, но не гордится этим, а наоборот стремится к такому мироощущению.

Абсурдистское мироощущение широко представлено в теоретических работах экзистенциалистов: Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра, Альбера Камю, которые вбирают в себя как воззрения Ф. Ницше и Л. Шестова, так и теологическую позицию С. Кьеркегора.

В.А. Лапатин выделяет работы Альбера Камю, как главный источник для современных исследований абсурда (Лапатин 2014). В эссе «Миф о Сизифе» А. Камю формулирует вопрос, который он считает первичным во всей философии: стоит ли жизнь труда быть прожитой? Ощущение абсурда, по его мнению, рождается в результате машинальности действий и усталости. Также А. Камю определяет следующие «стены» абсурда: человек задумывается о времени, о пространстве (мир «плотен», он не принадлежит индивиду), затем люди начинают казаться бесчеловечными: «зачем они живут?». В итоге возникает вопрос «для чего живу я?». Единственный приемлемый для Камю выход из этого положения – «бунт» против абсурда, т.е. борьба при отсутствии надежды и постоянное отрицание. Для истинного абсурдистского произведения А. Камю формулирует главное условие – понимание творцом того, что объяснять и доказывать что-либо бесполезно (Камю 1990).

Критерии литературы абсурда на материале пьесы «Праздник в саду»

Е.В. Клюев в своей книге «Теория литературы абсурда» использует в качестве материала исследования творчество Льюиса Кэрролла (Клюев 2004) – родоначальника абсурдистской литературы по утверждению Мартина Эслина (Эслин 2010). Из этой работы удалось выделить четыре критерия, которые позволяют отнести произведение к направлению. Помимо этого, в нашем исследовании будем основываться на идеях О.В. Кравченко, которая рассматривает абсурд как лингвистическое явление. Она говорит, что решение вопроса о том, как появляется абсурд в тексте лежит в области семантики. Рождение лингвистического абсурда, по мнению учёного, происходит «в процессе восприятия и понимания текста, в столкновении конструкций аномального содержания с существующими в сознании реципиента представлениями, формируемыми языковой картиной мира» (Кравченко 2008: 59).

1. Первым критерием литературы абсурда Е.В. Клюев выделяет «маниакальную скрупулёзную структурированность» (Клюев 2004: 304). Он отмечает, что вседозволенность плана содержания приводит к закрепощению в плане

выражения. Основной способ построения такой структуры – закольцованность сюжета и отдельных частей текста.

В начале пьесы Вацлава Гавела «Праздник в саду» действие происходит в квартире семьи Плудковых. Главный герой Гуго играет в шахматы сам с собой. Первой же репликой он объявляет «Шах!» (Гавел 1990: 15), а последнее слово, которое произносит, и которое завершает пьесу – «Мат!» (там же: 15). Шахматная партия предстаёт символом строгой схематичности сюжета, что можно соотнести с шахматной тематикой в «Алисе в зазеркалье» Льюиса Кэрролла.

С самого начала пьесы Плудковы ожидают в гости старого друга отца, который поможет Гуго устроиться в жизни, но тот присылает письмо с извинениями, и не является. В конце он также лишь присылает письмо уже с поздравлениями об успехах Гуго.

Диалоги в пьесе также оказываются схематичными. Например, разговор Гуго с родителями об его игре выглядит так:

«Ну и как партия?

Гуго. Хорошо, мама. (Делает ход.) Шах! (Обходит доску.)

Плудек. Ну и как партия?

Гуго. Плохо, папа. Очень плохо!

Гуго делает ход и огибает доску.

Плудкова. Ну и как партия?

Гуго. Отлично, мама! (Делает ход.) Мат!

Плудек. Проиграл?

Гуго. Нет, выиграл.

Плудкова. Выиграл?

Гуго. Нет, проиграл.

Плудек. Так выиграл или проиграл?

Гуго. Здесь выиграл, а здесь проиграл…

Плудкова. Если ты здесь выигрываешь, то здесь проигрываешь?

Гуго. А если я здесь проигрываю, то здесь выигрываю» (Гавел 1990: 21).

Структурированность в данном эпизоде достигается по средствам полного повторения реплик или использования антонимичных по смыслу, но синтаксически идентичных фраз.

2. Обилие повторов – способ упорядочения текста. Е.В. Клюев выделяет его как отдельный критерий литературы абсурда (Клюев 2004). О.В. Кравченко также пишет, что к редукции смысла в дискурсе приводит неоправданное с точки зрения информативности сообщения использование семантического повтора (Кравченко 2008).

Повтор – широко представленный приём в пьесе. Так, например, первая реплика Плудковой – «Который час?» (Гавел 1990: 17, 18, 19, 21, 22) в последующем диалоге повторяется восемь раз. Обращение «Сын мой!» (там же: 17, 18, 20, 24) встречается 5 раз; вопрос «Ну и как партия?» (там же: 17, 19, 20, 21) – также 5 раз; обмен репликами «Слыхала, Божена?» – «Успокойся, Олда! Никак звонят?» (там же: 17, 18, 19) – 3 раза. Т.к. текст наполнен большим количеством повторов, приводить их все не представляется целесообразным.

3. Следующий признак абсурдистской поэтики, выделенный Е.В. Клюевым, – тавтологическая рифма, т.е. стремление рифмующегося слова к полному воспроизведению того слова, с которым рифмуется (Клюев 2004). Этот критерий более характерен для лирических произведения, однако О.В. Кравченко формулирует схожий приём применимый для прозы: «смысл высказываний редуцируется за счёт употребления близких по значению конструкций, дублирующих друг друга. Линейное развёртывание означающих не влечёт за собой приращение смысла, и высказывания представляются семантически опустошенными» (Кравченко 2008: 62). Таким образом, эпизоды, в которых повторяются однокоренные слова допустимо отнести к данному критерию. Например:

«Ну, а кто же здесь тогда распорядится?

Гуго. Уполномоченный распорядитель, разумеется.

Директор. Уполномоченный распорядитель? Но распорядители не могут распоряжаться, раз они подлежат ликвидации.

Гуго. Естественно! Поэтому распоряжаться должен уполномоченный ликвидатор.

Директор. Уполномоченный ликвидатор? Но ликвидаторы существуют для того, чтобы ликвидировать, а не распоряжаться!

Гуго. Естественно! Поэтому надо открыть особые распорядительские курсы для ликвидаторов. (…) Или, скорее, ликвидаторские курсы для распорядителей? (…) Лучше всего организовать параллельные курсы: пусть распорядители перепрофилируют ликвидаторов, а ликвидаторы распорядителей.

Директор. А распоряжаться всем этим стал бы перепрофилированный в распорядителя ликвидатор или перепрофилированный в ликвидатора распорядитель?» (Гавел 1990: 46) и т.д.

Или: *«Я же понимаю, что глупо ликвидировать в то время, когда Ликвидком подлежит ликвидации»* (там же).

4. О.В. Кравченко выделяет такой способ создания лингвистического абсурда, как переформулирование, т.е. «такое преобразование смысла в дискурсе, в результате которого вырабатываются кванты смысла, противоречащие существующей языковой картине мира. Такого рода преобразование приводит не к уничтожению или редукции смысла, а к созданию "другого" смысла, который ввиду его несоответствия традиционным знаниям и представлениям, накопленным в языке, воспринимается как абсурд» (Кравченко 2008: 62).

Способом создания такого преобразования учёный называет преобразование представлений о времени, являющихся частью языковой картины мира. Отрицаются такие характеристик времени, как «объективность (реальность существования), дискретность (делимость на определённые отрезки: день, час, минута и т.д.), перспективность и реверсивность (наличие временных планов прошлого, настоящего и будущего)» (там же).

В пьесе Вацлава Гавела «Праздник в саду» встречаем отсутствие объективности в восприятии времени. Время в пьесе движется нереалистично быстро. Например, ответ на повторяющийся вопрос Плудковой «Который час?» меняется спустя несколько реплик: «Час» (Гавел 1990: 18), «Два», «Три» (там же: 19) и т.д. Подобное построение времени использует один из основателей театра абсурда (Буренина 1990) Эжен Ионеско. В пьесе «Лысая певица» часы каждый раз бьют случайное количество раз: «семь», «три», «пять». Показательным становится эпизод, когда «часы бьют ноль раз». Так, помимо отсутствия объективности представлено и отрицание реверсивности.

5. Другой критерий, который выделяет О.В. Кравченко – «эксперименты над семантической структурой языковых единиц» (Кравченко 2008: 60). Она пишет, что в их основе явление семантической нейтрализации, которое заключается в таком взаимном влиянии семантики сочетающихся слов, при котором их значения не образуют целостного смысла. Также автор отмечает что «элиминация смысла является результатом семантической нейтрализации на уровне предложения. Она порождается рассогласованием семантики отдельных членов предложения. Поэтому грамматически правильно построенные предложения не передают цельную мысль» (там же: 61).

Произведение Вацлава Гавела представлено множество противоречивых пустых, но грамматически правильно выстроенных размышлений. Например: «Я понимаю, на это можно смотреть с разных углов, сторон и точек, однако всегда следует взвесить все «за» и «против», правда? (пауза.) По сути дела, оба были где-то правы, а где-то ошибались – то есть наоборот, оба ошибались и оба были правы, да? Вроде бы да – или нет? (Пауза.) Да, я тоже думаю, что нет, хотя и не думаю, что да» (Гавел 1990: 35).

Также герои используют большое количество семантически ненаполненных афоризмов и поговорок. Приведём примеры: «Привыкши драться за комариные соты, не пойдёшь плясать с козой в Подлипках», «Кто знает, где у шмеля жало, штанов не потеряет» (там же: 20), «Без топорища и полушки не зароешь» (там же), «Ряску без пёрышка не поджаришь» (там же: 21), «Или ты воображаешь, что сподручно бить влёт пустельгу, держа выезд в Глухове?» (там же), «Кто заплутал в конопле, тому дай Бог ума в Праге – и будь что будет во Всебудове!» (там же: 24), «Что нос совать в квашню, когда и утка петь умеет?» (там же: 26), «Кто забросил невод в плавнях, в малине не шастай!» (там же: 28) «Мне (…) ничто чужое не человечно» (там же: 27), «(…) словишь зайчика – твоим станет!» (там же: 30), «Из берданки в чертополох не палят!» (там же: 31), «До кутной горы без галош и Ярош не дойдёт» (там же: 60).

При этом части этих поговорок повторяются в разных сочетаниях: «Кикимора за прялкой на чердак не лазит!» (там же: 18), «Даже венские гусары без подвязок по лесам не ходят» (там же: 19) – «(…) даже кикимора не ходит по лесам без подвязок! (…) Или, может, ты видел, чтобы венские гусары лазили на чердак за прялкой?» (там же: 20). Или дублируются целиком. Так, например, последние слова Плудека перед тем как отправить сына на праздник содержат в себе «поговорку»: «Оброк оброком, а горох горохом» (там же: 24), а когда Гуго появляется на празднике, первая его реплика также включает это сочетание. Таким образом последняя фраза первого действия, и первая фраза второго – повторяются.

6. Самый первый критерий, который выделяет Е.В. Клюев звучит так: «текст безразличен тому, чем его наполняют толкователи. Понимание текста невозможно» (Клюев 2004: 287). Учёный выводит это в связи с тем, что Льюису Кэрроллу без всякого порядка приходили в голову то одна, то другая строчка из будущих произведений. Этот критерий соотносится с позицией А. Камю о бессмысленности стремления автора доказать что-либо в своём произведении.

Однако О.В. Кравченко, когда говорит об элиминации смысла, как одном из видов преобразований, создающих лингвистический абсурд, пишет: «на

"поверхности" текста смысл отсутствует, что, впрочем, не мешает читателю видеть в лингвистическом абсурде особый код повествования и декодировать скрытые, потаенные смыслы, в нем заключенные» (Кравченко 2008: 60). Т.е., по мнению учёного, абсурдное построение текста не делает невозможным коммуникацию между автором и читателем.

Этот критерий затруднительно применить к творчеству Вацлава Гавела, т.к. сам автор подробно комментировал свои произведения. В отличии от Льюиса Кэрролла, который «очень опасался, что не имел в виду ничего, кроме чепухи», он сам формулирует идеи, которые считает главными в своих произведениях, и не отказывается от самоистолкования. Например, о пьесах «Праздник в саду», «Уведомление», «Трудно сосредоточиться» В. Гавел пишет следующее: «Пафос этих пьес не в страдании, а в освобождающем душу стремлении высмеять всё то, что прямо или непрямо порабощает человека, душит его и при этом пытается убедить мир в собственной важности и величии» (Гавел 1990: 15).

Таким образом, термин «абсурд» с античности имел троякое значение. Под этим понималось, во-первых, эстетическая категория, во-вторых, логический абсурд, в-третьих, метафизический абсурд. Философия абсурда произрастает из работ Ф. Ницше, Л. Шестова, С. Кьеркегора, и приходит к расцвету в XX веке в трудах экзистенциалистов. Большой вклад в разработку данной темы внёс Альбер Камю, который посвятил философское эссе «Миф о Сизифе» абсурду. На основе работ Е.В. Клюева и О.В. Кравченко и на материале пьесы Вацлава Гавела «Праздник в саду» удалось выделить, как специфические для литературоведения и лингвистики, так и схожие критерии поэтики абсурда.

Summary

The chapter provides a brief overview of the history of the term “absurdity” and examines its evolution in philosophical and literary discourses. Special attention is paid to the linguistic and semiotics aspects of absurdity, revealing his role as a tool for deconstructing meaning. Analyzing Vaclav Havel’s play “The Garden Party”, the study highlights key features of absurdist poetics, such as circular structure, semantic paradoxes, and the subversion of logical communication.

Литература

Буренина, О.Ю. *Предисловие «Что такое абсурд или По следам Мартина Эсслина». Абсурд и вокруг. Сборник научных статей*. Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 7–61.

Гавел, В. *Праздник в саду. Трудно сосредоточиться*. Перевод И. Безрукова. Москва: Художественная литература, 1990, с. 15–61.

Камю, А. *Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Перевод И.Я. Волевич. Москва: Издательство политической литературы, 1990.

Клюев, Е.В. *Теория литературы абсурда. RENYXA: ЛИТЕРАТУРА АБСУРДА И АБСУРД ЛИТЕРАТУРЫ*. Москва: Литературная учёба, 2004, с. 267–374.

Кравченко, О.В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2008 (7/1), с. 58–63.

Лапатин, В.А. Два подхода к феномену абсурда в отечественном философско-гуманитарном дискурсе. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2014 (3), с. 136–144.

Тертуллиан *О плоти Христа*. Перевод Н. Шабурова, А. Столярова. Москва: Прогресс, 1994.

Шестов, Л.И. *Достоевский и Ницше (Философия трагедии)*. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1903.

Шестов, Л.И. *Киркегард – религиозный философ. Умозрение и откровение: Религиозная философия Владимира Соловьёва и другие статьи*. Париж: YMCA-Press, 1964.

Эслин, М. *Театр Абсурда*. Перевод Г.В. Коваленко. Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2010.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.20

Анастасия АРЕФЬЕВА

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП И ЕГО РОЛЬ В РОМАНЕ «НОЧЬ» ВИКТОРА МАРТИНОВИЧА

The Post-Apocalyptic Chronotope and Its Role in Victor Martynovich's Novel "Night"

***Keywords**: post-apocalyptic fiction, Belarusian literature, Bakhtin, chronotope*

***Contact**: Masarykova univerzita; 478722@mail.muni.cz*

В произведениях постапокалиптического жанра сюжет выстраивается вокруг случившейся катастрофы, которая приносит с собой разрушение привычного порядка и оставляет героя в новых, незнакомых ему условиях. Опустевшие города, разграбленные торговые центры и опасные пустоши выступают не просто фоном, но и важным участником повествования. В данном контексте постапокалиптический хронотоп играет ключевую роль, поскольку, согласно идее М. Бахтина, хронотоп не просто соединяет время и пространство, но и формирует смысл и структуру литературного произведения, а различные хронотопы, в свою очередь, имеют определённое сюжетное значение: «Они являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетообразующее значение» (Бахтин 1975: 398).

В постапокалиптических произведениях хронотоп играет ведущую роль в формировании жанровой специфики, помогает определённым образом двигать сюжетную линию и отражать социально-философские идеи, характерные для произведений данного жанра. Так, при обращении к категории времени и пространства удаётся не только глубже проанализировать художественный текст, но и в ряде случаев определить его жанровую принадлежность, что особенно важно, когда наблюдается смешение жанров. Довольно часто оно возникает между антиутопией и постапокалиптикой, в результате чего постапокалиптические произведения воспринимаются как антиутопические. Тем не менее различия между жанрами прослеживаются и в характере конфликта, и в образе главного героя, и в особенностях хронотопа.

Роман «Ночь» (2018) белорусского писателя Виктора Мартиновича, послуживший материалом для изучения в данной главе, был представлен в аннотациях и рецензиях как антиутопия, однако особенности изображённого хронотопа позволяют интерпретировать его прежде всего как постапокалиптический роман. Действие происходит в мире, где наступила бесконечная ночь. Главный герой, называющий себя Книжником, – единственный, у кого остались библиотека и собака: книги сожгли для обогрева, собак съели из-за голода. Книжник ведёт относительно спокойную жизнь в родной Грушевке (до катастрофы – один из районов Минска, а после – отдельный город), но однажды решает отправиться на поиски возлюбленной, которая на момент наступления вечной ночи находилась в горах Непала. Путешествие готовит ему испытания, потери и разочарования, но взамен даёт возможность понять тайны Ночи и надежду на встречу с любимой. Мотив испытания, ярко представленный в «Ночи», характерен для греческого авантюрного романа, где герои проходят через ряд препятствий и в итоге получают награду. Постапокалиптика повторяет эту модель, однако в ряде случаев награда за усилия может отсутствовать, поскольку постапокалиптический мир часто враждебен и равнодушен.

Постапокалиптический хронотоп в романе «Ночь» проявляется через ряд ключевых временно-пространственных признаков. Рассмотрим основные из них.

- Размытость хронологического порядка, безвременье

В произведениях постапокалиптического жанра персонажи часто теряют ощущение привычного хронологического порядка, это происходит и с героем «Ночи»: «Время снова куда-то исчезло, и я ощущал его только по степени усталости и голода, которые плавно сменяли друг друга» (Мартинович 2019: 75). Произошедшая катастрофа разрушает все существующие до неё правила и представления, в том числе меняя и восприятие времени. В «Ночи» неоднократно отмечается, что время остановилось: «Просто повезло, сидели на ресурсах, когда время остановилось», «Когда пришла Ночь и время остановилось», «Время для мёртвой материи остановилось». То, что герои романа воспринимают время как остановившееся или исчезнувшее, помогает в изображении утраты и потерянности, с которыми сталкивается человечество в новых для него условиях.

- Мутировавшие (или исчезнувшие) животные и растения

В романе «Ночь» герои не узнают собаку Книжника, поскольку все собаки давно были съедены: «– Смотрите, что это там за хрень? – ответил им визгливый голос. – Вот там вот! Что за монстр чёрный? Пасть зубатая? – Собаку не видел, идиот? –

ответил ему бывалый. – Это ж наш Книжник. Со своей сучкой. Это собака». (Мартинович 2019: 41).

- Технический откат

В отличие от антиутопии, где, как правило, наблюдается высокий уровень технического развития, для постапокалиптики характерно снижение уровня технологических знаний и возможностей. В романе «Ночь» герои могут лишь вспоминать о компьютерах, телефонах и прочих гаджетах, «ведь все прошлые технологии закончили своё существование вместе с электричеством» (Мартинович 2019: 54).

- Остатки разрушенной инфраструктуры

В постапокалиптическом пространстве часто встречаются заброшенные машины, покинутые дома, разграбленные торговые центры. В мире «Ночи» это также присутствует: «А когда выяснилось, что Instagram не откроется больше никогда, человек бездействующий всю свою энергию направил на разграбление того ценного, что можно было найти на ТЭЦ. На насилие и войну. На воровство в гипермаркетах. На драки за теплую одежду. А когда установилась новая средневековая недогосударственность, уже не было ни следа инфраструктуры, которую можно было бы восстановить» (Мартинович 2019: 28).

- Дефицит ресурсов

Нехватка воды, пищи, медикаментов и постоянная борьба за выживание – типичные черты постапокалиптической реальности: «Люди мрут от обычной ангины, антибиотиков не осталось, деньги на медицину у Бургомистра есть, но купить лекарства негде, шахтёры обшарили все близлежащие базы Белфармации. Бинты ещё более-менее научились изготавливать без электричества, но как и из чего произвести инсулин?» (Мартинович 2019: 21).

- Пространство, наполненное угрозой

Катастрофа нарушает привычный порядок и создаёт условия, где герои не могут предсказать события, которые с ними произойдут. Пространство вокруг часто несёт в себе опасность (нападения, вирусы), а герои не обладают контролем над ситуацией. Это приводит к ощущению уязвимости, подорванному чувству безопасности и тревоге: «Мучило беспокойство, все время казалось, что за нами кто-то крадётся»; «Снова вспышка и свербящая тревога: почему я не видел прохожих, после того как сошел с тропы?»; «Нам пора двигаться вперед. Стоять небезопасно».

- Феодальные поселения, сельские общины

В постапокалиптическом мире меняется социальное устройство. Крупные центры распадаются на небольшие поселения в связи с неспособностью удерживать контроль в новых условиях. Только разбившись на небольшие изолированные сообщества, становится возможным поддерживать порядок и адаптироваться к новой жизни: «(...) а ведь это логично, что все бывшие государства распались на маленькие феодальные княжества. Каким-то чудесным образом именно свет – солнечный днём, электрический ночью – был той нитью, которая всех нас связывала в воображаемые сообщества (…). Когда свет исчезает, когда слова превращаются в ничто, пропадают и топонимы, и сообщества. Остаются только холод, мрак и необходимость бороться за жизнь. В этом мире за жизнь проще всего бороться небольшими средневековыми королевствами, а не крупными современными государствами» (Мартинович 2019: 45–46).

Наряду с опустевшими городами, изменившейся флорой и фауной и ощущением застывшего времени, важным элементом постапокалиптического пространства является дорога. В мире, пережившем катастрофу, герои постоянно находятся в движении – это неотъемлемая черта жанра. Например, в романе «Дорога» К. Маккарти отец и сын идут к морю, в игре и сериале Fallout герои покидают убежище и отправляются в Пустоши, в романе «Пост» Д. Глуховского Мишель и Лисицын идут в Москву, в «Вонгозеро» Я. Вагнер три семьи спасаются от вируса и едут в Карелию, в игре и сериале The Last of Us контрабандист и подросток перемещаются по США. Зачастую герои постапокалиптических романов, фильмов и игр отправляются в путь ради спасения своей жизни, но в романе «Ночь» целью служит поиск любимой девушки, что в конкретном случае является спасением от одиночества, ведь однажды Книжник замечает: «Что я там говорил про одиночество? Одиночество – это когда тебе кажется, что твоя собака разговаривает с тобой» (Мартинович 2019: 18).

Движение и дорога важны для постапокалиптического жанра, поскольку через перемещение в пространстве и встречающиеся преграды раскрывается образ героя. По мере продвижения Книжника мы также наблюдаем, как «Ночь» приобретает черты философского травелога, поскольку чем дальше от Грушевки уходит герой, тем чаще возникают разговоры о Боге, споры о справедливости и наказании, размышления о роли человека в мире и последствиях его действий. Последнее характерно для постапокалиптического жанра, поскольку он часто используется писателями для выражения сомнения в тех ценностях, законах и привычках, которые в итоге приводят мир к катастрофе. В романе «Ночь» это проявляется в разговорах Книжника со «случайным» прохожим Самуэлем, который своими

вопросами и утверждениями подталкивает главного героя к спору и поиску ответов.

Говоря о функции дороги в произведении, стоит снова обратиться к Бахтину, отмечавшему, что «дорога не только путь времени, но и символ духовного пути. Образ дороги переходит в метафору дороги, жизненный путь, путь души, то приближающий к Богу, то удаляющий от него (в зависимости от ошибок, падения героя, от событий, встречающихся на его реальном пути)» (Бахтин 1975: 393). Проходя через испытания и искушения, Книжник остаётся верен себе и непоколебим. В результате ему открываются некоторые тайны Ночи, и впервые за долгое время он достигает гармонии с внешним миром: «Холода я больше не чувствовал, меня охватили покой и созерцательность» (Мартинович 2019: 183).

Хронотоп дороги также позволил ввести случайных персонажей, которых Книжник не мог встретить в родной Грушевке. Именно они подталкивают героя к попытке разгадать метафизическую природу Ночи. Таким образом дорога – это и способ добраться до цели, и символ жизненного пути; это место, где происходят судьбоносные встречи и самопознание героя. В постапокалиптическом произведении дорога приобретает дополнительный смысл ещё и потому, что выражает движение и поиск. Стремление вперёд на фоне замершего в результате катастрофы мира становится символом жизни и надежды.

Художественное время постапокалиптического романа изначально делится на «до» и «после» катастрофы. Наиболее подробно представлены события, случившиеся после, а упоминание о мирной жизни до изменений появляется в основном через воспоминания героев или при неожиданном обнаружении предметов из мира прошлого, например, пачки молотого кофе или мобильного телефона. Прошлое в постапокалиптике появляется фрагментарно, но воспоминания о нём помогают усилить контраст с новым миром. Время в романе является составной частью хронотопа, и обладает своими особыми характеристиками, влияющими на восприятие происходящего. В романе «Ночь» отсутствует цикличность времени, оно не отражается через смену суток и времён года, поскольку всё пространство поглощено тьмой. Восприятие времени нарушено катастрофой. Люди, в зависимости от местоположения, по-разному воспринимают его ход. Например, Книжник приходит в незнакомое поселение и узнаёт, что там утро, в то время как в его родной Грушевке в этот момент уже поздний вечер: «– Поздновато вы просыпаетесь. – Я сбросил рюкзак на землю и присел рядом – Рассинхрон, – усмехнулся лысый. – Идешь, видимо, издалека. У нас утро. Тут только петухи закукарекали» (Мартинович 2019: 66).

Различие в восприятии пространства и времени в мире «Ночи» становится также очевидным через обозначение расстояний. Так, один из персонажей говорит: «В одном сне отсюда найдёшь большую Ферму. – В одном сне? – переспросил я. – Мы так обозначаем расстояния. Один сон – когда на протяжении отрезка пути приходится один раз остановиться для основательного отдыха. Семь снов – это как раньше неделя. Хотя, конечно, зависит от выносливости того, кто идёт» (Мартинович 2019: 60).

Теряются и привычные единицы измерения времени. Когда книжник приходит в новое поселение, его спрашивают: «На сколько огурцов останетесь? Двадцать? Сорок? – Огурцов? – Это обозначение времени меня озадачило. – Статуя при входе – полая. Хороший звук издаёт. Бьём утром раз, вечером – ещё раз. Два огурца – бывший день. Четыре – сутки» (Мартинович 2019: 80–81).

В мире бесконечной тьмы само слово «день» потеряло свой смысл, как и «вечер», «ночь», «утро». Время становится относительным, иллюзорным, оно утрачивает свою стабильность, как и человек в постапокалиптике. Рассинхрон времени, который отмечают герои, помогает подчеркнуть отчуждённость персонажей друг от друга, изолированность каждого нового образовавшегося поселения от другого. Нарушенное восприятие времени становится не только приметой мира после катастрофы, но и метафорой потерянности человека в изменившейся реальности.

События в романе «Ночь» управляются случайностью. Главный герой неоднократно случайно спасается, случайно и неожиданно получает помощь там, где её, на первый взгляд, не может быть, случайно встречает персонажей, чьё появление не имеет логического объяснения. Постапокалиптическое время соотносится с авантюрным «временем случая», которое, как отмечал М. Бахтин, «есть специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь, вмешательства судьбы («тюхе»), богов, демонов, магов-волшебников (...)» (Бахтин 1975: 245). Такой иррациональной силой в «Ночи» предстаёт Самуэль, фигурирующий в романе как Миша, Ковбой, Пастух и Геолог. Книжник не может разгадать загадочную природу своего провожатого: «Кто вы, Самуэль? (…) На земле, по которой вы ходите, есть древнее предание о Боге, который, воплотившись в бродягу, ходит по деревням, чтобы узнать, как живут люди. Но как по мне, на воплощение абсолютного добра вы не тянете» (Мартинович 2019: 180). Самуэль исчезает из жизни Книжника также внезапно, как и появляется, и это лишь усиливает ощущение непредсказуемости, которое испытывает герой в постапокалиптическом мире. Постапокалиптический хронотоп воспроизводит некоторые элементы авантюрного времени, но через призму катастрофы и потери: здесь

дорога и испытания не увлекательное приключение, а вынужденная мера, и герой не стремится рисковать.

В целом же постапокалиптический хронотоп отражает не только изменения окружающего мира, вызванные катастрофой, но и внутреннюю трансформацию персонажей, а также помогает передать социально-философскую направленность жанра, где есть тоска по прошлому, неустроенность в настоящем и поиск нового смысла существования.

Summary

The chapter focuses on the analysis of the post-apocalyptic chronotope in Viktor Martinovich's novel “Night”, examining how time and space transform after the catastrophe. It identifies the key features of the post-apocalyptic chronotope, with particular attention to the chronotope of the road and the role of chance, connecting these elements to the tradition of “adventure time” as conceptualized by M. Bakhtin.

Литература

Бахтин, М.М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет.* Москва: Художественная литература, 1975.

Бондаренко, Л.В. Смыслообразующая роль постапокалиптического хронотопа в романе Кормака Маккарти «Дорога». *Филологические науки*. 2015 (1/67), с. 8–13.

Мартинович, В. *Ночь.* Москва: АСТ, 2019.

Cetiner-Oktem, Z. … and then there were none: The Post-Apocalyptic Chronotope in Black Mirror’s «Metalhead». In: Suwalska-Kołecka, A., Ligor, J. (eds.) *W drodze: perspektywy badawcze.* Płock: Wydawnictwo Naukowe Mazowieckiej Uczelni Publicznej, s. 152–162.

Gomel, E. *Postmodern Science Fiction and Temporal Imagination*. London: Continuum, 2010.

Интернет-источники

Всадник Апокалипсиса: Виктор Мартинович о своём романе «Ночь» и его связи с действительностью. Режим доступа: https://ast.ru/news/vsadnik-

apokalipsisa-viktor-martinovich-o-svoem-romane-noch-i-ego-svyazi-s-deystvitelnostyu/ (2025-04-30).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.21

Наталья БРАУВЕРС

ОНТОПОЭТИКА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЁВА

Ontopoeics in the Mature Works of N. S. Gumilev

***Keywords**: concept, meaning, conceptual paradigm, artistic conception, N. S. Gumilev*

***Contact**: независимый исследователь; nsophiabrouwers@gmail.com*

Зрелые стихотворения Н.С. Гумилёва, русского поэта Серебряного века, главы акмеизма, интересны с точки зрения трансформации и особой оформленности в них смыслов, заложенных автором в тексты предшествующих периодов. Многие идеи, интересные поэту в начале творческого пути, но отвергнутые на акмеистическом этапе, возрождаются в поздней лирике и занимают значимое место в эстетической парадигме автора. Целью настоящего исследования является выявление концептов, составляющих основу концептуальной парадигмы Н.С. Гумилёва позднего этапа творчества. Исследование посвящено анализу концептуальной парадигмы поэта и различным способам репрезентации главных концептов. Материалом выступили избранные поэтические произведения позднего этапа творчества («Слово», «Душа и тело», «Заблудившийся трамвай», «Дерево превращений» (1919), «Канцона», «Память» (1920), «Сахара», «Поэма Начала» (1921)), а также некоторые тексты промежуточных периодов («Деревья» (1915), «Стокгольм», «Среди бесчисленных светил…» (1917), «Прапамять» (1918)).

Одним из важнейших для понимания эстетической концепции автора является стихотворение «Слово» (1919). В нём Н.С. Гумилёв формулирует свою концепцию Слова, строящуюся на основе Евангельского текста и близкую идеям логоцентризма. Многие смыслы «Слова» найдут развитие в более поздних текстах автора.

Стихотворение наполнено интертекстуальными отсылками к церковным текстам, самой очевидной из которых является цитирование Евангелия: «*И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово – это Бог*». Н.С. Гумилёв следует букве священного текста и определяет слову место в основании мироздания. Интересно, что автор рассматривал слово и как материю, породившую человека – сохранился черновик «Слова» со строфой, не вошедшей в итоговый вариант

стихотворения: «В первый раз *рожденные словами* / Торжествующими над судьбой / *Люди* говорили с облаками / Или облака между собой». Хоть настоящий отрывок был вырезан Н.С. Гумилёвым, на него нужно обратить внимание, поскольку выраженные в нём мысли найдут отражение в других стихотворениях автора. Контекст выброшенной строфы позволяет выделить в лексеме *слово* сему ‘порождающее начало’.

Очевидно, что в тексте репрезентируется концепт «Слово», и Н.С. Гумилёвым отражён такой его семантический признак, как ‘сакральное’. Помимо указания на строки Евангелия, в стихотворении прослеживаются в качестве прецедентных ситуаций отдельные эпизоды из Ветхого Завета (стихи 3–5). Просвечивают в тексте и идеи логоцентризма: в ассоциации слова, или Логоса, с розовым пламенем и воздушным пространством. Другим значимым семантическим признаком концепта «Слово» у автора является признак ‘выраженное в звуке’. Акцент на этом делает Н.С. Гумилёв, противопоставляя звучащему слову немое число: «Патриарх седой, себе под руку / Покоривший и добро и зло, / *Не решаясь обратиться к звуку*, / Тростью на песке *чертил число*». В соотнесении слова и числа символично связывание последнего с земной плоскостью, «*естеством*», в отличие от возвышенного слова.

«Слово» Н.С. Гумилёва представляет целостную художественную концепцию, выстроенную на основе репрезентации одноимённого концепта. Интересно, что вместе с семантическим признаком ‘сакральное’ поэт обращается и к признаку ‘выраженное в звуке’. Дарованное Богом, с одной стороны, слово у Н.С. Гумилёва звучит, с другой, из уст человека.

Другой значимой художественной концепцией Н.С. Гумилёва является концепция бессмертия души, основанная на представлении о бесконечной цепочке перерождений. В построении данной концепции у поэта всегда центральное место занимал концепт «Путь».

Начало формирования концепции духовного пути души относится к промежуточным этапам творчества Н.С. Гумилёва. Для многих стихотворений и некоторых пьес автора 1915–1918 гг. характерно использование мотива поиска субъектом (человеком или душой) некоей метафизической «родины», «отчизны». В связи с этим концепт «Путь», репрезентация которого характерна для стихотворений подобной тематики, как правило, сопровождается репрезентацией концепта «Прародина» через обозначение утраченного субъектами некогда родного места.

Подобные тексты Н.С. Гумилёва часто строятся на семантической оппозиции *чужое пространство – родное пространство*, при этом субъект

воспринимает в качестве чужого то пространство, в котором находится, а родное стремится найти. Для обозначения родного пространства субъекта автор использует лексемы с архисемой ‘родина’ или ‘родное’: «…что, если / Страна эта истинно *родина* мне?», «А где-то струятся *родимые* реки» («Стокгольм» 1917), «И если мне порою сон / О милой *родине* приснится…» («Среди бесчисленных светил…» 1918). В отдельных случаях семантическая оппозиция проявляется в прямом противопоставлении двух пространств: «На ласковой земле, сестре звездам / *Мы – на чужбине, а они* [деревья] – *в отчизне*» («Деревья» 1915).

Концепт «Путь» в сочетании с концептом «Прародина» реализует свой семантический признак ‘вектор’, точнее, ‘вектор поиска’. Сема ‘поиск’ реализуется в лексеме *найти* в тексте «Деревья» («О, если бы и мне *найти* страну…») и в лексеме *заблудиться* как потенциальная сема в тексте «Стокгольм» («И понял, что я *заблудился* навеки / В слепых переходах пространств и времен»). Принимая во внимание близкое взаимодействие концептов «Путь» и «Прародина» в текстовом пространстве Н.С. Гумилёва, можно говорить и о смысловом приращении ‘утраченное’ репрезентантам концепта «Прародина». Наиболее ярко оно проявляется в лексеме *потерянное* в тексте «Прапамять (1917): «…мелькающее отраженье / *Потерянного* навсегда».

Стоит также отметить, что в ряде стихотворений при отсутствии эксплицитной объективации концепта «Прародина» можно найти её в устойчивых контекстах. Так, близкие текстуальные и семантические связи прослеживаются между текстами «Стокгольм» и «Сахара» (1921) во фрагментах: «И понял, что я *заблудился* навеки (…) А где-то *струятся родимые реки*, / К которым мне *путь навсегда запрещен*» // «И стоит караван, и его проводник / Всюду посохом *шарит* в тревоге, / Где-то около *плещет знакомый родник*, / Но к нему он *не знает дороги*». Другой пример – в синтаксически и лексически схожих фрагментах текстов «Прапамять» и «Канцона» (1920): «*Круженье, пенье*, / Моря, пустыни, города» // «Там, где *все сверканье, все движенье / Пенье все* – мы там с тобой живем». Наконец, репрезентативными для концепта «Прародина» можно считать лексемы, содержащие сему ‘свет’: «*мелькающее* отраженье потерянного навсегда» («Прапамять»), «былое, *мерцающее* в планетном хоре», «слово Бога с высоты (…) *заблестело*» («Душа и тело» 1919).

В период позднего творчества растёт увлечение Н.С. Гумилёва восточными религиозными учениями, в том числе, индийскими и буддистскими представлениями о колесе сансары. Они лаконично встраиваются в концепцию духовного пути поэта, в связи с чем репрезентация концепта «Прародина» осложняется связью с концептом «Индия». Литературовед Е.В. Фисковец считает, что образ Индии

у Н.С. Гумилёва близок древнерусским представлениям о ней как об идеальном духовном пространстве (Фисковец 2011: 18). Это подтверждают контексты употребления лексемы *Индия* и производных от неё слов в произведениях поэта: «Когда же, наконец, восставши / От сна, я буду снова я, – / *Простой индиец, задремавший / В священный вечер у ручья*?» («Прапамять» 1917), «Видишь вокзал, на котором можно / В *Индию духа* купить билет?» («Заблудившийся трамвай» 1919), «Не знать того вам было б грех, / Что много чудных стран на свете, / Но *Индия чудесней всех*» («Дерево превращений» 1919). Настоящие примеры позволяют выделить в репрезентации Н.С. Гумилёвым концепта «Прародина» семантический признак ‘духовное пространство’. Концепт «Путь» в связи с индийскими представлениями о сменяемости жизненных циклов, отражёнными у Н.С. Гумилёва, приобретает семантический признак ‘цикличность’.

Нетрудно заметить, что в ранних текстах Н.С. Гумилёва репрезентация концепта «Путь» осложнена, в большей степени, контекстуальной связью с концептом «Прародина». Однако в стихотворениях автора 1919–1921 гг. концептуальная парадигма расширяется за счёт укрепления связей концепта «Путь» с концептами «Душа», «Жизнь» и «Смерть».

Репрезентанта концепта «Душа» начинает использоваться поэтом для обозначения субъекта, совершающего путь, в отличие от стихотворений 1915–1918 гг., где субъекты обозначены с помощью личных местоимений. Способ номинации субъекта в местоимениях не исчезает в зрелых текстах («Заблудившийся трамвай» 1919, «Канцона» 1920), но и не является единственным. Лексема *душа* выносится автором в название стихотворения «Душа и тело» (1919) и используется в тексте «Память» (1920) («…но разве кто поможет, / Чтоб моя *душа* не умерла?»).

В текстах начиная с 1917 г. концепты «Путь» и «Прародина» сопровождаются двумя другими концептами – «Жизнь» и «Смерть». В промежуточные периоды их объективация происходит через указание на отдалённость родины от субъекта во времени и пространстве. Так, в стихотворениях «Стокгольм» и «Среди бесчисленных светил…» содержится указание на архаическое время и далёкое пространство: «*глубь не наших времен*», «*слепые переходы пространств и времен*», «Ведь это было *так давно* / И *где-то там, за небесами*». В зрелых текстах автор использует в качестве репрезентант лексемы с архисемами ‘жизнь’ и ‘смерть’. Особо это характерно для «Заблудившегося трамвая». Концепт «Жизнь» объективируется в отдельных лексемах («здесь ты *жила* и пела») и в Я-конструкциях от лица субъекта («*Я же с напудренною косой / Шел представляться Императрице*»). Концепт «Смерть» выражен через лексемы

и синтаксические сочетания с характерной семантикой: «*мертвые* головы», «*Голову срезал палач* и мне», «Может ли быть, что ты *умерла*?».

Таким образом, концепция духовного пути Н.С. Гумилёва строится на основе репрезентации нескольких контекстуально взаимосвязанных друг с другом концептов. Центральное место здесь занимает концепт «Путь». Наиболее значимым для Н.С. Гумилёва является его семантический признак ‘вектор’, который под влиянием контекста преобразуется в семантический признак ‘вектор поиска’. В большинстве случаев концепт «Путь» контекстуально связан с концептом «Прародина». Его репрезентация, в первую очередь, осуществляется через слова-номинанты *родина*, *родной* и через близкие по семантике лексемы (*отчизна*). Другими способами объективации концепта «Прародина» являются лексемы с семами ‘утраченное’ и ‘потерянное’, а также определённые устойчивые контексты. В поздних текстах закрепляется связь концепта «Прародина» с концептом «Индия». Смыслы, заложенные в номинанты второго концепта, накладываются и на репрезентанты первого – из них можно выделить семантический признак ‘духовное пространство’.

Особенностью поздних текстов также можно назвать развитие в них семантического потенциала концепта «Душа» – номинирующей концепт лексемой автор обозначает действующих субъектов. Более эксплицитна в поздних текстах и объективизация концептов «Жизнь» и «Смерть». Значимость данных концептов возрастает в связи с трансформацией смыслового наполнения концепта «Путь» в сознании поэта, углублением авторского представления о нём. Содержание концепта осложняется элементами восточных учений, в связи с чем, сохраняя семантический признак ‘направленность’ (Дрыга 2010: 14), концепт приобретает также семантический признак ‘цикличность’.

Особое место в поздней лирике Н.С. Гумилёва занимает «Поэма Начала» (1921). Представляя в поэме аллегорическую историю сотворения мира, автор строит её на основе главных художественных концепций своего творчества. В возможности таким образом определить, какие концепты составляют базу картины мира Н.С. Гумилёва, состоит главная ценность произведения.

В «Поэме Начала» поэт возвращается к концепции Слова и определяет ему одно из центральных мест в истории сотворения мира. Заметны межтекстовые связи поэмы со «Словом». Как в более раннем стихотворении, автор наделяет слово «*силой*»: слово Ом, произнесенное жрецом Морадитой в Первой Песне поэмы, «*сотрясает тело вселенной*», начиная от пришедшего в движение океана и заканчивая образовавшейся трещиной на Солнце. Кроме того, в разных вариантах

Второй Песни находит развитие идея, в своё время вычеркнутая из текста «Слова» – идея о зарождении из слова жизни. В «Поэме Начала» также находят продолжение представления Н.С. Гумилёва о духовном пути и его связи со сменяющими друг друга жизнью и смертью. В стихотворении репрезентируются концепты «Слово», «Жизнь», «Смерть» и «Путь», находящиеся в тесном сплетении.

Наиболее тесную связь в поэме обнаруживают концепты «Жизнь» и «Слово». Ярче всего это выражено в тексте автографа 1, где жизнь как явление напрямую происходит от слова: «Светозарное [слово], плотью стало, / Звуком, запахом и лучом, / И *живая жизнь* захлестала / Золотым и буйным ключом». В автографах 3 и 4 от слова происходит нечто, называемое автором «*оно*», «*светоносец*», «*луч*» – проникновение его вглубь космоса также порождает жизнь. В первом случае концепт «Жизнь» объективируется с помощью одноимённой лексемы, в других вариантах репрезентация концепта происходит в лексемах, содержащих семы ‘появление жизни’ или ‘обретение жизни’. В автографе 4 описаны последствия падения луча в бездну: «Так *родился* холод и тени / Потянулись вслед за лучом». Лексема *родиться* содержит сему ‘обрести жизнь’, на основе чего можно говорить об объективации в ней концепта «Жизнь».

«Поэма Начала» посвящена метафизической истории сотворения всего живого, поэтому объективация концепта через лексемы, содержащие указание на появление жизни, характерна для всего текста стихотворения. Так, в автографах встречаются сочетания типа: «И от мысли *родилось* слово», «*Родилась* гармония сфер». Сюда же за счет семантики лексемы *материнство* можно отнести следующий контекст: «В слове скрытое материнство / Отыскало свои пути: / – Уничтожиться как единство / И как множество расцвести». Концепт «Жизнь» также репрезентируется в глагольных формах с семантикой зарождения, возникновения чего-либо. Это глагол *появиться* («Из гниющих в воде корней, / *Появилось племя драконов*», «Да от хруста ее и стона / *Появилось время*…»), фазовые глаголы («Дева *стала* лучом и песней», «Лебедь *стал* сияющей льдиной», «*Стал* дракон земною корой») и другие предикаты с соответствующей семантикой («*Побежали* звонкие воды», «*Поднимались* слепые груды», «*Разгоралось* пламя времен»).

Номинирующая концепт «Слово» лексема, как и в вырезанном отрывке одноимённого стихотворения, в одном из вариантов Второй Песни «Поэмы Начала» реализует сему ‘порождающее начало’. Это происходит за счёт взаимодействия концепта «Слово» с концептом «Жизнь» – под воздействием объективирующей его лексемы *материнство*.

Для Н.С. Гумилёва важными содержательными признаками концепта «Слово» снова оказываются ‘сказанное человеком’ и ‘выраженное в звуке’, что особо заметно в эпизоде разговора Морадиты с Драконом. Важно обратить внимание на контекстуальную антонимию лексем *слово* и *знак*, главное различие которых состоит у в маркированности семой ‘выраженное в звуке’. Морадита сначала обращается к Дракону с просьбой даровать ему знания, используя знаки, и Дракон пренебрегает ими. Тем не менее, Дракон не может сопротивляться действию слова Ом. Антонимия слова и знака напоминает противопоставление слова с числом в «Слове». Здесь же Н.С. Гумилёвым снова используется образ мудреца, чертящего знак вместо слова: «На песке пред своим владыкой / *Начертал* таинственный *знак*: (…) Не хотел открыть Морадита / Зверю тайны чудесных слов». Автор также неоднократно делает акцент на ценности звучащей стороны слова с помощью лексики, обозначающей органы речи или сам процесс говорения: «Первый раз *уста* человека / *Говорить* осмелились днем, / *Раздалось* в первый раз от века / Запрещенное *слово*: “ОМ”!». Обозначение отсутствия у Дракона способности говорить также указывает на важность звуковой оболочки слова: «Но *без голоса*, без движенья / Нес он муку свою и ждал».

Контекстные употребления лексемы *слово* позволяют обнаружить в ней ярко выраженную сему ‘воздействующая сила’: произнесение Морадитой «*заповедного*», «*запрещенного*» слова Ом влечёт за собой ряд изменений вселенского масштаба. Кроме того, сам автор именует слово силой: «Смерть борола в нем *силу слова*, / Незнакомую до сих пор». Осуществление такого семантического признака у концепта «Слово» в тексте Н.С. Гумилёва возможно только при реализации двух других – ‘сказанное человеком’ и ‘выраженное в звуке’.

Другим значимым концептом в космогонической концепции поэта является концепт «Смерть». Н.С. Гумилёв обращается к концепции перерождений: «*С сотворенья мира стократы, / Умирая, менялся прах: / Этот камень рычал когда-то, / Этот плющ парил в облаках. / Убивая и воскрешая, / Набухать вселенской душой – / В этом воля земли святая, / Непонятная ей самой*». В связи с этим в автографах Второй Песни контексты употребления лексем с семантикой смерти всегда сопровождаются лексемами с семантикой жизни. Так, для лексемы *уничтожиться* с ядерной семой ‘прекратить существование’ контекстуальным антонимом является лексема *расцвести* с противоположной семой ‘породить жизнь’: «*Уничтожиться* как единство / И как множество *расцвести*». В другом автографе встречается фрагмент, описывающий эволюцию как бесконечный цикл смертей и возрождений. «В зеленеющих океанах / Стало тесно от тяжких *тел*, / От *поверженных* великанов / Нестерпимо воздух *смердел*» – в данном контексте

лексема *тело* реализует своё значение «Останки умершего человека», а значит, у неё можно выделить сему ‘лишенное жизни’. Ту же сему можно выделить в лексеме *поверженные*.

Как и в более ранних текстах, через описание цикла перерождений у Н.С. Гумилёва объективируется концепт «Путь». Показательно, что лексема *путь* единственный раз употребляется в тексте вместе с репрезентантами концептов «Жизнь» и «Смерть»: «В *слове* скрытое *материнство* / Отыскало свои *пути*: / – *Уничтожиться* как единство / И как множество *расцвести*». В связи с этим можно говорить о сохранении концептом «Путь» семантического признака ‘цикличность’. В приведённом фрагменте встречается и номинанта концепта «Слово». Если в стихотворениях других этапов творчества путь рассматривался в отношении духовного путешествия человека, то в «Поэме Начала» Н.С. Гумилёв значительно расширяет контекст, говоря уже про путь становления жизни, мира, всей вселенной.

«Поэма Начала» служит своеобразным манифестом аксиологии зрелого Н.С. Гумилёва. Ценность для картины мира поэта включённых в космологическую концепцию концептов не вызывает сомнений. Анализ поэмы вскрывает тесные связи между парами концептов «Жизнь» и «Слово», «Жизнь» и «Смерть», концептами «Жизнь», «Смерть» и «Путь». В «Поэме Начала» указанные концепты находятся в тесном взаимодействии и накладывают на репрезентанты друг друга определённые смысловые приращения. Жизнь как явление, согласно «Поэме Начала», зарождается от Слова, а путь её развития определяется бесконечным циклом смертей и возрождений.

Анализ смыслового наполнения концептов и точек их соприкосновения в корпусе текстов Н.С. Гумилёва позволил выделить специфику их репрезентации и определить, какие семантические признаки концептов наиболее важны для автора и какими новыми смыслами он их наделяет. В позднем творчестве Н.С. Гумилёва отмечена тенденция к расширению контекста репрезентации концептов «Жизнь», «Путь» и «Слово» через их включение в космогоническую концепцию поэта. Концепт «Слово» реализует семантические признаки ‘сакральное’, ‘выраженное в звуке’, ‘сказанное человеком’ и приобретает признаки ‘порождающее начало’ и ‘воздействующая сила’. Репрезентация концепта происходит непосредственно через номинирующее слово. Концепт «Путь» реализует признаки ‘вектор поиска’ и ‘цикличность’, второй из них возникает вследствие взаимодействия с концептами «Жизнь» и «Смерть». Для концепта «Путь» не характерна объективация

в номинирующей лексеме, для его обнаружения требуется найти взаимосвязь с другими концептами. Это показывает, насколько тесно концепты взаимодействуют в концептуальной картине мира Н.С. Гумилёва. Помимо трёх выделенных концептов, в ней важное место занимают также концепты «Душа» и «Прародина».

Summary

The late poems of N. S. Gumilev were of the greatest interest from the point of view of aesthetic and semantic design. The purpose of the study is to identify concepts, the concept of the basis of the conceptual paradigm of N. S. Gumilev's late stage of creativity. Contextual connections between several concepts significant for the author (“Word”, “Life”, “Path”) were identified and an analysis of their semantic content was conducted. The identified conceptual units, intertwined with each other, form the basis of the aesthetic and cosmogonic concept of N. S. Gumilev.

Литература

Дрыга, С.Г. *Концепт «Путь» в русской языковой картине мира*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Краснодар, 2010.

Фисковец, Е.В. *Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой.* Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Петрозаводск, 2011.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.22

Юрий БУТРИМ

Z-ПОЭЗИЯ: КРИК ДУШИ, ИЛИ ТОНКИЙ РАСЧЁТ

Z-Poetry: A Cry of the Soul or a Subtle Calculation

***Keywords**: z-poetry, Ukraine, special military operation*

***Contact**: Uniwersytet Śląski w Katowicach; butrymyuryus@gmail.com*

Война всегда была катализатором для развития определённых направлений в литературе и искусстве, становясь источником вдохновения для конкретных авторов, стремящихся осмыслить происходящие события и выразить свои чувства через творчество. Однако современная ситуация, связанная с так называемой специальной военной операцией (СВО) России в Украине, породила уникальное явление – так называемую Z-литературу и Z-поэзию. Этот феномен представляет собой редкое явление, которое сочетает в себе элементы массового творчества, идеологической пропаганды и попытки художественного осмысления реальности. Появление Z-литературы напрямую связано с символом «Z» (и позже «V»). Они наносились на бронетранспортёры, автомобили и другую военную технику в виде крупных знаков. Выбор был связан с простотой нанесения и лёгкостью узнавания геометрических форм военными подразделениями[1], а в дальнейшем это стало не только армейской маркировкой, но и знаковым элементом общественного дискурса, олицетворяющим поддержку «военной операции» и единство народа. Латинские буквы «Z» и «V» стали символом, ассоциируемым с лозунгами: «За победу», «За Россию», «Сила в правде», или «Za победу», «Za Россию», «Сила V правде». Это явление нельзя рассматривать изолированно от политического контекста, в котором оно возникло. Буква «Z», интерпретируемая как аббревиатура вышеупомянутых лозунгов, быстро просочилась в публичное пространство, став частью государственной пропагандистской кампании и на перманентной основе использовалась медиа для формирования общественного мнения.

Вслед за этим символом, как рефлексирование на происходящие события и олицетворение времени возникла и Z-поэзия – литературное направление, в котором в большой степени воспевается героизм военных, во многом

[1] Ковалев, А. *Буква Z – официальный (и зловещий) символ российского вторжения в Украину*. Режим доступа: https://meduza.io (2025-03-20).

оправдываются действия «военной спецоперации» и подчёркивается помазанническая и исключительная миссия России. «Z-поэзия» и литература не только отражают общественные настроения, но и активно формируют их, становясь инструментом мобилизации социума и консолидации вокруг официальной позиции властей, а истоки этого явления лежат в трансформации символа из тактического знака на военной технике в мощный идеологический инструмент, давшему название целому витку нового литературного направления, которое сочетает в себе элементы массового, в какой-то степени, можно сказать, фольклорного творчества, попытки художественного осмысления происходящих событий и националистической идеологии.

В первые месяцы конфликта, с февраля по март 2022 года, Z-поэзия носила произвольный и, по понятным причинам, эмоциональный характер. Авторы, вдохновлённые патриотическими чувствами, начали публиковать свои произведения в социальных сетях – эти тексты часто были простыми, доступными для понимания широкой аудитории, эмоционально заряженными и часто содержали лозунги, призывы к единству и поддержке военных действий. На этом этапе Z-поэзия представляла собой скорее народное творчество, отражающее настроения определённой части общества. На странице сайта, посвящённому в том числе и поэзии такого рода, можно найти стихотворение следующего содержания за авторством Z-поэта Богдана Митченко:

Буква z на флаге России -
За победу, за славную Русь,
Развивается славой России,
Развивается славой за Русь..
..И не слушать кровавой Европы.
Златоусты они без прикрас.
Им лишь дело до газу и нефти, ….
Им нет дела точнее до нас..
..Что нам санкции эти лихие,
Что нам доллар и евро - фуфло.
Мы России сыны молодые.
Мы похуже видали мурло..[2]

[2] Митченко, Б. *За победу*. Режим доступа: https://stihi.ru (2025-03-22).

Стихотворение выстроено как эмоциональный монолог-обращение, где автор, опираясь на символику войны и традиционные образы, призывает к единству перед лицом внешних угроз. Художественные средства и образы Митченко использует в виде метафор и символов. Буква Z на флаге становится не просто знаком современного конфликта, а символом победы и славы, связующим прошлое и настоящее. Критика Запада и санкций – *доллар и евро - фуфло*, вписывается в актуальный нарратив о внешних угрозах и самодостаточности. В стихотворении явно проступает конфронтация «своих» и «чужих». Враг представлен как *кровавая Европа* и запад – лицемерный и корыстный противник, заинтересованный лишь в ресурсах – *Им лишь дело до газу и нефти*. Такая риторика усиливает дуализм «Россия vs. Европа», что типично для современной русской патриотической поэзии. В результате можно сказать, что это яркий пример Z-поэзии, в которой идеологическая направленность преобладает над художественными средствами. Оно отражает основные тенденции этого литературного явления: героизацию войны, апелляцию к исторической памяти, противопоставление России и Запада, а также призыв к единству и жертве во имя высокой цели. В этот период Z-поэзия ещё не была связана с государственными структурами и можно предположить, что она действительно представляла собой искренний отклик на происходящие события граждан страны. Простота форм и эмоциональная окраска сделали такие произведения популярными среди пользователей интернета, что способствовало их быстрому распространению. Во второй половине 2022 года Z-поэзия начала приобретать более организованные формы, переходя от спонтанного творчества к институционализации. Государственные структуры, такие как Министерство обороны и Министерство культуры, активно поддержали это направление, по всему, видя в нём возможность укрепить идеологическую повестку. Государственная машина активно включилась в процесс формирования новой культурной программы, поддерживая идеологически лояльных писателей и поэтов, что выражается в создании специальных культурных проектов, премии и конкурсов, направленных на популяризацию «специальной военной операции» (СВО). Эти инициативы стали важным инструментом для продвижения милитаристских и националистических настроений через литературу и поэзию.

Были запущены различные механизмы, включая денежную поддержку на создание «патриотической» литературы, военно-патриотические фестивали, а также публикации сборников «поэзии СВО» в государственных издательствах. Для этого были задействованы различные способы государственной поддержки[3].

[3] На создание «патриотической» литературы выделялись значительные средства: проводились конкурсы на лучшие произведения о героях СВО, организовывались гранты для авторов, поддерживающих официальную повестку дня.

Военно-патриотические фестивали и встречи с «фронтовыми поэтами», стали платформой для продвижения Z-произведений. Публикации сборников «поэзии СВО» в государственных издательствах также способствовали распространению этого явления. Например: Сборник «Z Будем жить!»[4], сборник стихов «Поэzия русского лета» в который вошли произведения до 2024 года: стихотворения, поэмы и поэтические циклы 25 авторов. Среди них Анна Долгарева (1988), Мария Ватутина (1968), Игорь Караулов (1966), Семён Пегов (1985), Александр Пелевин (1988) и Анна Ревякина (1983). Всероссийский литературный конкурс «Твои защитники, Россия»[5], всероссийская акция «Письмо солдату»[6], литературные премии имени Баинова и Доможакова: «Слово Защитника»[7], международный конкурс рисунков: «Защитники отечества zаветам vерны»[8] и многие другие. Такого рода мероприятия стали площадкой, где авторы представляли стихи и прозу, воспевающие героизм российских военных. Это не только способствовало популяризации Z-поэзии, но и становлению её, как неотъемлемой части массовой Российской культуры. Отдельно стоит тот факт, что сборник «ПоэZия русского лета» – был издан в рамках проекта государственного медиа-холдинга RT (Russia Today) и временно распространялся бесплатно через единый портал государственных услуг. Может ли это указывать на ангажированность и явно нелитературные цели публикации?[9]

Среди наиболее известных представителей Z-поэзии можно выделить поэтессу и журналистку Анну Долгареву (1988), переводчика и публициста Игоря Караулова (1966) и Владислава Маленко (1971), который в 2023 г. был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РФ[10]. Их творчество, поддерживающее российскую армию, стало частью этого движения, а произведения часто публиковались в государственных СМИ, что усиливало влияние на общество. Эти авторы создают стихи, которые не только воспевают героизм военных, но и оправдывают военные действия, представляя их как борьбу за «справедливость» и «защиту русских интересов». Развитие Z-поэзии в России стало результатом сложного взаимодействия идеологических, эмоциональных и культурных факторов, которые способствовали её появлению и распространению. Это явление не только отразило

[4] *Журнальный мир, сборник Z «Будем жить!»*. Режим доступа: https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/ (2025-03-19).
[5] *Союз писателей России*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/novosti/tvoi-rossiya-synovya/ (2025-03-22).
[6] *Общественная организация «Ветераны России»*. Режим доступа: https://veteransrussian.ru / (2025-03-22).
[7] *Министерство культуры Республики Хакассия*. Режим доступа: https://culture19.ru (2025-03-22).
[8] *Музей победы*. Режим доступа: https://victorymuseum.ru/ (2025-03-22).
[9] Лекманов, О. *За версту несет пошлостью и ложью*. Режим доступа: https://www.currenttime.tv (2025-03-20).
[10] Указ Президента Российской Федерации от 26.01.2023 № 37 «О награждении государственными наградами Российской Федерации». Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru (2025-03-28).

текущий политический контекст, но и укоренилось, став частью традиции военной лирики.

Безусловно стоит отметить, что появлению такому феномену как Z-поэзия благоволили несколько факторов. Ключевым, способствующим распространению, стала её роль в государственной пропагандистской кампании. Она активно использовалась для оправдания военных действий и мобилизации общества вокруг официальной повестки. Тексты Z-поэзии часто повторяют ключевые тезисы государственной риторики, такие как «защита русских интересов», «борьба с нацизмом» и «спасение мирного населения». Немаловажным фактором стало эмоциональное воздействие войны на общество. Сложно отрицать то, что конфликт вызвал сильные чувства у многих людей, и поэзия стала способом выразить эмоции в форме патриотизма, гордости за страну и поддержку солдат. Культурная традиция, уходящая корнями в советскую военную поэзию, повлияла в не меньшей степени. Многие тексты этого направления опираются на опыт стихов времён Великой Отечественной войны, которые также использовались для активизации общества и поддержки боевого духа. Например, произведения Александра Твардовского: «Я убит подо Ржевом»[11], Константина Симонова: «Убей его! (Если дорог тебе твой дом)»[12] и многих других стали своеобразными образцами для современных авторов. Однако, в отличие от советской военной поэзии, которая часто изображала трагедию войны и человеческие страдания, Z-поэзия склонна романтизировать конфликт, представляя его как справедливую борьбу за правое дело. Это делает её более приспособленной для выполнения пропагандистских задач, хотя и ограничивает её художественную глубину.

Чтобы понять, является ли Z-литература искренним творческим откликом или инструментом пропаганды, необходимо проанализировать её содержание и контекст создания. Например, стихи, написанные матерями солдат, отправленных на фронт, часто наполнены глубокими переживаниями и болью, что делает их более искренними для массового читателя. Или же стихи, созданные самими участниками полномасштабных военных действий, вполне могут претендовать на ярлык непритворности, душевности и самокопания в себе же:

Меня в полку везунчиком прозвали, –
Из боя вышел сам не знаю как.
Земля дрожала – землю мины рвали,
Которые на нас обрушил враг.[13]

[11] Твардовский, А. *Я убит подо Ржевом*. Режим доступа: https://www.culture.ru/ (2025-03-24).
[12] Симонов, К. *Убей его! (Если дорог тебе твой дом)*. Режим доступа: https://www.culture.ru/ (2025-03-24).
[13] Лобанов, С. *Везунчик*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/imya-i-slovo/ (2025-03-22).

Такой искренний подход, в какой-то мере может подтверждаться и историческими дневниками, записками и эпистолярным жанром в целом. Внутри этого явления можно найти как тексты, написанные с глубоким личным чувством, так и произведения, созданные ради соответствия политической повестке. В то же время произведения, созданные для государственных СМИ или конкурсов патриотической поэзии, могут быть продиктованы желанием соответствовать официальной идеологии или получения признания в определённых кругах, материальной выгоды и благ, или в целом конформистской позицией пишущего.

Большинство тем Z-поэзии отражают её идеологическую направленность и стремление авторов осмыслить происходящие события через оптику патриотизма, героизма и оправдания военных действий. Эти темы делают её важным инструментом в достижении поставленных целей значимых для государства и, исходя из этого, появляется стойкая мысль о вовлеченности авторов в общее, правое дело[14]. Хотелось бы чуть подробнее остановиться на некоторых из тем. Одной из центральных является героизм военных:

Герои никогда не умирают.
Пускай их всех при жизни отпевают..
..За то, что среди галок и ворон
Герой для ярких подвигов рожден.[15]

Тексты этого направления часто воспевают подвиги солдат и офицеров, изображая их как бесстрашных, непредвзятых защитников своей Родины. Такие произведения не только прославляют конкретных участников конфликта, но и армию, как единое целое, как нечто необозримое – как дух, святое и непогрешимое, что в очередной раз укрепляет представление о войне как о справедливой борьбе за нечто высокое. Героизация военного, как личности, становится способом вдохновить общество и поддержать боевой дух тех, кто находится на передовой. В таких стихах бойцы изображаются как мужественные защитники Родины, готовые пожертвовать собой во имя будущего страны. Их подвиги часто романтизируются, а сам конфликт изображается как священная миссия по спасению мира от «зла». Они противопоставляются врагу, который представлен как деструктивная, разрушительная сила. Часто используется символика продолжения традиций предков,

[14] Молотов, В. «Наше дело правое» – фраза-лозунг времён ВОВ, часто используемая И.В.Сталиным, В.М. Молотовым, ставшая одним из ключевых лозунгов, символизировавших уверенность в победе над Германией. Часто использовалась на агитплакатах.
Режим доступа: http://sovmusic.ru/download.php?fname=molotov1 (2025-03-22).
[15] Девятков, В. *Герои никогда не умирают*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).

параллели с Великой Отечественной войной, что усиливает эффект исторической преемственности.

Второй ключевой момент, на котором хотелось бы остановиться чуть-чуть побольше, это патриотизм. Авторы Z-поэзии подчёркивают любовь к Родине и готовность защищать её интересы. Мотив – патриотическая лирика, в которой центральное место занимают образы «матери-Родины», «русского духа», «праведного возмездия»:

А Родина для нас – святой огонь,
Пристанище, где черпаем мы силу.
Сыграй мне «Одинокую гармонь»,
И я опять влюблюсь в мою Россию![16]

В таких произведениях подчёркивается особая миссия России, её духовное превосходство и историческое предназначение. Патриотические мотивы помогают с детства обозначить юному гражданину идеологические ценности и создать преемственность в идеалах, в дальнейшем сплотить людей вокруг общей идеи защиты страны и её величия. Эти произведения часто апеллируют к чувствам гордости за национальную идентичность, великое прошлое и вытекающее из этого стремление сохранить культурное и историческое наследие России. Патриотизм в Z-поэзии становится не только эмоциональным откликом, но и способом закрепления государственной идеологии.

Третьей важной темой является оправдание войны. Тексты часто содержат аргументы в пользу необходимости конфликта, такие как «защита русских», «борьба с нацизмом» или «спасение мирного населения»:

..Мир взбит, как сливки для безе…
Но встала матушка Россия –
И будет жизнь, и будут силы!
Кому-то Heil, кому-то – Z.[17]

Авторы стремятся представить войну как вынужденную меру, направленную на защиту жизней и интересов соотечественников. Это позволяет создать нарратив, который оправдывает военные действия и поддерживает официальную позицию

[16] Девятков, В. *Сыграй мне что-то нежное, сыграй!*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).
[17] Хапланова, Е. *Выбор*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).

властей. Тема оправдания войны становится ключевым элементом пропагандистской стратегии, направленной на формирование общественного согласия с текущими событиями.

Исходя из вышесказанного, можно подчеркнуть, что основные темы тесно переплетаются между собой, создавая единый идеологический посыл. Эти темы не только отражают настроения части общества, но и выполняют важную функцию в контексте государственной пропаганды. Её ключевая особенность – чёткое разделение мира на «своих» и «чужих», где Россия выступает защитником «традиционных ценностей», а Украина и Запад обрисовываются как враги, несущие хаос и разрушение. Эта чёрно-белая парадигма создаёт упрощённую для понимания и тем самым гораздо более эмоционально заряженную картину реальности, где моральные компромиссы сложны или невозможны в принципе.

Неразрывно связана с нарративом апелляция к историческим аналогиям. Авторы Z-литературы активно эксплуатируют образы Великой Отечественной войны, проводя прямые параллели между современными событиями и подвигами предков. Это в большой степени способствует культурной легитимации войны, создавая оправдательный нарратив.

Ольга Старушко «Призраки».

Симонов и Сельвинский стоят, обнявшись,
смотрят на снег и на танковую колею.
— Костя, скажите, кто это бьёт по нашим?
— Те, кого не добили, по нашим бьют.
Странная фотокамера у военкора,
вместо блокнота сжимает рука планшет.
— Мы в сорок третьем освободили город?
— Видите ли, Илья, выходит, что нет.
Ров Мариуполя с мирными — словно под Керчью.
И над Донбассом ночью светло как днём.
— Чем тут ответить, Илья, кроме строя речи?
— Огнём, — повторяет Сельвинский. —
Только огнём.[18]

[18] Старушко, О. *Призраки.* Режим доступа: https://stihi.ru/2022/03/11/6876 (2025-03-10).

Данное стихотворение Ольги Старушко[19] (1964) представляет собой по структуре два катрена и одно пятистишье с укороченной последней строкой. Стихотворение написано в свободной форме, без строгой рифмы и размера, что подчёркивает его разговорный, почти документальный характер. Эти стихи построены на диалоге советского поэта, писателя и военного корреспондента – Константина Симонова, а также одного из основоположников конструктивизма в поэзии Ильи Сельвинского, известного также своей военной тематикой в творчестве. Стоит помнить, что оба поэта не просто участники войны, но и её летописцы, а их творчество сохранило образы войны для потомков – поэтому они представлены в этом произведении не случайно. Стихотворение представляет собой сцену размышлений двух поэтов на фоне современного конфликта, параллельного ВОВ. Оно основано на перекличке временных сюжетных линий: исходя из названия стихотворения «Призраки» и факта, что поэтов давно нет среди нас – можно сделать вывод, о том, что действие происходит в наши дни, но герои говорят и сопоставляют происходившие события 1943 года и современного Мариуполя. Каждая строфа – это обмен репликами, создающий ощущение не простого, драматического диалога и глубокого переживания за происходящее. Читатель чувствует тревогу и горечь осознания того, что история повторяется.

Использование простых, кратких, но сильных образов (снег, танковая колея, ров с мирными) усиливает в стихотворении трагизм и способствует созданию яркой, ёмкой картины, вызывающей у читателя мгновенное эмоциональное или ассоциативное восприятие. Снег и танковая колея являются образами, которые стойко ассоциируются с войной, холодом и разрушением. Свет ночью над Донбассом («светло как днём») – это не свет мира, а свет войны, огней прожекторов, взрывов и пожаров.

В первом катрене достаточно интересно выражение по «нашим бьют» снова те, кого мы «не добили». Оно может быть использовано и трактовано не просто, как фигура речи, а, как устойчивое словосочетание, появившееся в массах после выступления Хрущева по поводу сбитого самолёта-разведчика США в 1960 г.[20] Так же это намёк на историческую незавершённость войны, на уцелевших врагов (придерживающихся фашистской идеологии), или идеологическую борьбу, которая продолжается спустя несколько поколений. Это подчёркивает идею недостаточности победы в прошлом. Это может быть интерпретировано как отсылка к Великой Отечественной войне, где победа над фашизмом была достигнута, но,

[19] Старушко, О. *Русская поэзия*. Режим доступа: http://www.ya-zemlyak.ru/ (2025-03-26).
[20] *Отрывок из выступления Н.С. Хрущёва*. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=JcTRkFJimno (2025-03-11).

возможно, с точки зрения автора, не все угрозы были полностью устранены. Логично было бы представить, что здесь же возникает вопрос: можно ли было предотвратить повторение войны? Автор стихотворения не поднимает тему ответственности за то, что происходит в настоящем.

В пятой и шестой строфах О. Старушко делает отсылку на уже написанное ранее стихотворение одного из авторов воображаемого диалога. Это безусловно является аллюзией к стихотворению К. Симонова под названием «Песенка военных корреспондентов»:

Странная фотокамера у военкора,
вместо блокнота сжимает рука планшет.

Данный приём создаёт временную параллель между событиями, а также подчёркивает схожесть происходящего, а именно военных действий и нахождение там военных корреспондентов, как своеобразных проводников истории, как во время Второй Мировой войны, так и во время событий на Донбассе. Внимание акцентируется на роли военкора, который вместо традиционного блокнота для записей держит электронный планшет. Это метафора об изменении времён и технологий, но она также подчёркивает, что задача журналиста не меняется, а остаётся прежней: фиксировать правду, передавать её будущим поколениям. Как писал сам К. Симонов в своём стихотворении, Великую Отечественную он прошёл всю «с "лейкой"[21] и блокнотом, а то и с пулемётом»:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли…[22]

[21] Leica – фотоаппараты, выпускаемые одноимённой немецкой компанией. Leica не была «официальной» камерой армий, но её активно использовали фотокорреспонденты всех сторон конфликта. Это сделало её одним из главных инструментов документации ключевых событий Второй мировой войны.
[22] Симонов, К. *Песня военных корреспондентов.*
Режим доступа: https://poets.by/poems/5a35789a5e0ebe500bb09db0 (2025-03-10).

Далее один из «Призраков», написавший стихотворение «Я это видел»[23], И. Сельвинский, вспоминает ужасы войны и жертвы среди мирного населения с которыми столкнулся когда-то сам:

«Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам».[24]

Он размышляет о том, действительно ли Советское информбюро сообщило об освобождении Мариуполя 10 сентября и той осенью 1943 года советская армия вернула контроль над городом и окрестными населёнными пунктами. Этот вопрос в данном контексте приобретает довольно риторический оттенок. Но с другой стороны, а может этого не произошло, а может «призраки» тогда погибли и просто наблюдают на происходящее из другого мира? Или это все же и вправду цикличность истории? Тем не менее в словах чувствуется непонимание и неверие в происходящее со стороны Э. Сельвинского, на что К. Симонов задаёт встречный вопрос. *Чем тут ответить, Илья, кроме строя речи? – Огнём* – можем наблюдать развязку всего разговора, его квинтэссенцию. Этот диалог подчёркивает трагический выбор, который приходится делать в условиях войны. Слова здесь вторичны, главным становится действие. Появляется форма противопоставления силы слова и силы оружия. Э. Сельвинский, известный экспрессивностью своей поэзии, колоритностью и образностью, выбирает жёсткий и лаконичный ответ – а, следовательно, и путь решения. Краткость в репликах снова создает сжатую, напряжённую атмосферу, а перекличка фразами превращает текст, словно в военные команды, делая его динамичным, словно удар в барабан.

Данное стихотворение за авторством О. Старушко представляет собой современное произведение, написанное в духе исторической рефлексии и гражданской лирики. Оно соединяет в себе прошлое и настоящее, обращаясь к событиям ВОВ и проводя параллели с современностью. Стихотворение, несмотря на своё небольшое сюжетное ядро во многом наполнено историческими и современными аллюзиями и смысловыми нагрузками, оно говорит о вечном конфликте добра и зла, о трагическом повторении истории. В финальной части, где слово терпит поражение перед оружием, автор задаёт незримый вопрос: почему, несмотря на

[23] Сельвинский, Э. *Я это видел*. Режим доступа: https://www.culture.ru/poems/29500/ya-eto-videl (2025-03-11).
[24] Там же.

победу в 1945 году, война снова пришла на ту же землю и как с этим быть? Ответ, который даёт один из персонажей, звучит как горькое признание: иногда война диктует свои законы, оставляя мало пространства для гуманистической поэзии. Это единственный ответ, но это не делает его менее трагичным. Так же это можно воспринять как предупреждение: если не извлечь определённые уроки из прошлого, трагедии будут повторяться. Стихотворение связано с текущей войной в Украине, но оно не просто выражает поддержку одной из сторон. Размышляет ли автор о природе войны и её последствиях? Поднимает ли он вопросы: почему война продолжается? Как можно противостоять агрессии? И что на самом деле значит освобождение и свобода?

Это явление имеет исторические параллели, например, с советской военной поэзией, которая также использовалась для мобилизации общества во время Великой Отечественной войны. Однако, в отличие от советской поэзии, которая часто отражала трагедию и ужасы войны, Z-поэзия склонна к её романтизации. Исторические аналогии и пропагандистские приёмы формируют у читателя ощущение участия в эпической борьбе добра со злом, где личный выбор каждого становится актом гражданской позиции. Украинские военные часто обозначаются как «неонацисты», а российская армия – как «освободители», что создаёт иллюзию исторической преемственности и морального превосходства. Такие сравнения не только укрепляют патриотический нарратив, но и стремятся легитимировать актуальную войну через героическое прошлое. Пропагандистская риторика становится стилистической основой направления. Тексты насыщены лозунгами, клише и штампами, заимствованными из официальных государственных заявлений. Язык Z-литературы предельно прост, эмоционален и обращён к базовым ценностям: памяти, чести, верности. Это делает её доступной для широкой аудитории, усиливая воздействие на эмоциональном уровне. Однако, упрощённость и манихейская логика таких текстов ставят под вопрос их художественную ценность, превращая литературу в продолжение политики метафорами и образами.

По моему мнению, проблема Z-поэзии заключается не в том, что её вдохновляют эмоции, основанные на ксенофобии или низменные порывы – в конце концов, даже самые мрачные чувства могут обретать художественную интерпретацию, трагедия в том, что эта поэзия недостаточно откровенна с читателем. Она рядится в тогу патриотизма, но за громкими словами о защите родины часто скрывается жажда личной выгоды или болезненная тяга к публичному одобрению. Это не патриотизм, а маскарад: под видом любви к Отечеству скрывается жажда наживы или тщеславное стремление к славе, под якобы искренней скорбью и тоске о подлинной Украине – вакханалия насилия, пыток и разрушений, прикрытая

лозунгами, в которых эстетизируется смерть и оправдывается жестокость. Даже миф о «Валгалле» в ОРДЛО[25] оборачивается банальным фантазированием о безграничной власти и имперскости, замаскированными под соусом «русского мира», преподносимого как духовный идеал. Но главная ложь здесь – в форме. В Z-поэзии деструктивные идеи маскируются под воспоминания о славном прошлом, облачённые в псевдосоветскую риторику, которая когда-то стыдливо скрывала человеческие пороки за пафосом высоких идеалов. Советская культура, несмотря на все её противоречия, стыдилась животного начала в человеке. Постсоветская же эпоха, напротив, вознесла его на пьедестал. Сейчас же власть и её литературные адепты, не решаются говорить открыто: они всё ещё прячут свою жестокость за маской «гуманизма», заставляя воспринимать её как необходимую меру, как заботу, продиктованную высшей необходимостью – будто бы ради блага, ради порядка, ради спасения – как трудное, но мудрое решение. Эта ложь уже не пытается быть убедительной – ей достаточно быть удобной. В культурной вселенной Z-поэзия демонстрирует не развитие поэтического искусства, но его инструментализацию, когда формальные признаки поэзии становятся оболочкой для идеологического содержания.

Многие профессиональные литераторы и критики относятся к этому явлению скептически. Они считают Z-литературу искусственной, лишённой художественной ценности и созданной исключительно в интересах пропаганды и отмечают, что такие тексты часто используют упрощённые формы, клише и штампы, что делает их малоинтересными с точки зрения искусства. Например, известный поэт и критик Дмитрий Кузьмин высказывал мнение, что большинство Z-произведений лишены глубины и оригинальности, представляя собой скорее пропагандистские тексты, чем настоящие литературные произведения[26]. Также известный литератор Дмитрий Быков, который попал в современную форму остракизма, так называемую «культуру отмены»[27], открыто критиковал Z-поэзию, называя её искусственным продуктом и «заказухой»[28], созданной в интересах власти и лишённой подлинного творческого начала. Критики также подчёркивают, что Z-поэзия часто игнорирует реальные последствия военного конфликта, такие как человеческие страдания и разрушения, что ещё больше отдаляет её от истинного осмысления войны. Конечно же, неопровержим тот факт, что многочисленные деятели

[25] Отдельные районы Донецкой и Луганской областей.
[26] Кузьмин, Д. *Поэзия бессильна везде: она не останавливает войн*. Режим доступа: https://holod.media/ (2025-03-26).
[27] *Министерство юстиции Российской Федерации., реестр иностранных агентов*. Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov (2025-04-02).
[28] Быков, Д. *Дети Тинякова*. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/ (2025-03-25).

искусства, художники[29] и литераторы разных стран и времён создавали тексты, воспевающие героизм и жертвенность солдат, а также акцентирующие внимание на необходимости борьбы за Родину. В этом смысле можно выделить как общие черты, так и различия с Z-поэзией. Обе стороны используют эмоциональные образы и подчёркивают важность героизма и самопожертвования, но произведения, например, английского поэта Уилфреда Оуэна *Dulce et decorum est*…[30], или немецкого писателя Эриха Марии Ремарка становились к тому же и мощным антивоенным высказыванием.

Реакция общества и критиков на Z-поэзию демонстрирует полярность взглядов, что делает это явление предметом активных дискуссий. Некоторые читатели воспринимают её как «новую патриотическую литературу»[31], которая помогает сплотить общество вокруг общей цели. Поддержка Z-поэзии, по понятным причинам, особенно заметна среди консервативных кругов общества, где она воспринимается как важный элемент культурного и идеологического единства. Таким образом, реакция на Z-поэзию разделилась на два противоположных лагеря: тех, кто видит в ней искреннее выражение патриотизма и поддержки, и тех, кто считает её частью пропагандистской системы, лишённой художественной и моральной ценности. Этот раскол отражает более широкий конфликт в обществе, связанный с восприятием войны и роли искусства в её оправдании.

О перспективах Z-поэзии высказался филолог Михаил Эдельштейн: «Есть такая расхожая фраза: историю пишут победители. Учебники литературы тоже пишут победители. По своим поэтическим достоинствам, мне кажется, практически ничего из этой поэзии ни в какие будущие антологии войти не может. А дальше все зависит от того, как будет развиваться политическая ситуация».[32]

Будущее Z-поэзии остаётся неопределённым, но его траектория будет зависеть от ряда ключевых факторов, тесно связанных как с политической ситуацией, так и с культурными процессами в России. Если военный конфликт продолжится и даже усилится, Z-поэзия может укрепить свои позиции, став ещё более популярной и востребованной. Ведь в условиях затяжной войны спрос на тексты, оправдывающие и героизирующие военные действия, вероятно, возрастёт. Однако будущее Z-поэзии напрямую связано и с динамикой общественного мнения.

[29] К примеру, *Magnum opus* живописца XIX в. В. Верещагина «Апофеоз войны». Режим доступа: https://magisteria.ru/why-is-this-a-masterpiece/apotheosis-of-war-by-vereshchagin (2025-04-07).
[30] Оуэн, У. *Dulce et Decorum est...*. Режим доступа: http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=1464 (2025-04-03).
[31] *Патриотическая литература*. Режим доступа: https://ast.ru/news/patrioticheskaya-literatura/ (2025-03-25).
[32] Эдельштейн, М. *«Танки идут на запах сытых чужих квартир». Как в России появился феномен Z-поэтов и о чем их стихи?* Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2023/06/10/zpoets/ (2025-03-27).

Если же отношение россиян к войне изменится – будь-то из-за усталости от конфликта, роста антивоенных настроений или геополитических перемен, – поэзия такого рода может быстро потерять свою актуальность. В таком случае её тексты рискуют превратиться в артефакты эпохи, интересные лишь историкам и исследователям пропаганды. Уже сегодня часть общества воспринимает Z-поэзию скептически, и этот скепсис может усилиться, если официальная риторика перестанет находить отклик в сердцах людей. Ещё один сценарий предполагает эволюцию самого жанра. Не исключено, что Z-поэзия начнёт включать более сложные и многогранные темы, выходя за рамки прямолинейной пропаганды. Авторы могут обратиться к осмыслению трагедии войны, личным драмам солдат и мирных жителей, этическим дилеммам конфликта – то есть к тем аспектам, которые пока остаются на периферии Z-нарратива. Такая трансформация позволит жанру сохранить актуальность даже в случае изменения политической конъюнктуры, превратив его из инструмента пропаганды в более универсальное явление культуры. Однако этот путь требует определённой творческой свободы, которая сегодня ограничена идеологическими рамками. Будущее покажет, какое место займут эти произведения в истории русской литературы.

Summary

The analysis of Z-poetry reveals its dual nature: on one hand, it serves as a response to the socio-political crisis of wartime, and on the other, it reflects the natural transformation of poetic language in the digital era. The study identifies key motifs (patriotism, sacrifice, confrontation) and rhetorical strategies amplified by political symbolism and digital platforms, which significantly shape the perception and dissemination of these texts. By comparing propagandist and anti-war discourses, the research confirms that Z-poetry functions as an instrument of ideological struggle while simultaneously integrating into contemporary literary traditions.

Литература и интернет-источники

Быков, Д. *Дети Тинякова*. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/ (2025-03-25).

Девятков, В. *Герои никогда не умирают*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).

Девятков, В. *Сыграй мне что-то нежное, сыграй!*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).

Ковалев, А. *Буква Z – официальный (и зловещий) символ российского вторжения в Украину*. Режим доступа: https://meduza.io (2025-03-20).

Кузьмин, Д. *Поэзия бессильна везде: она не останавливает войн*. Режим доступа: https://holod.media/ (2025-03-26).

Лекманов, О. *За версту несет пошлостью и ложью*. Режим доступа: https://www.currenttime.tv (2025-03-20).

Лобанов, С. *Везунчик*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/imya-i-slovo/ (2025-03-22).

Митченко, Б. *Za победу*. Режим доступа: https://stihi.ru (2025-03-22).

Оуэн, У. *Dulce et Decorum est...*. Режим доступа: http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=1464 (2025-04-03).

Сельвинский, Э. *Я это видел*. Режим доступа: https://www.culture.ru/poems/29500/ya-eto-videl (2025-03-11).

Симонов, К. *Песня военных корреспондентов*. Режим доступа: https://poets.by/poems/5a35789a5e0ebe500bb09db0 (2025-03-10).

Симонов, К. *Убей его! (Если дорог тебе твой дом)*. Режим доступа: https://www.culture.ru/ (2025-03-24).

Смирницкий, Я. *Там сидела Мура с агентом из МУРа*. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20150518085959/http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/04/22/197125-tam-sidela-mura-s-agentom-iz-mura.html (2025-03-10).

Старушко, О. *Призраки.* Режим доступа: https://stihi.ru/2022/03/11/6876 (2025-03-10).

Старушко, О. *Русская поэзия*. Режим доступа: http://www.ya-zemlyak.ru/ (2025-03-26).

Твардовский, А. *Я убит подо Ржевом*. Режим доступа: https://www.culture.ru/ (2025-03-24).

Хапланова, Е. *Выбор*. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/poeziya-z/ (2025-03-21).

Эдельштейн, М. *«Танки идут на запах сытых чужих квартир». Как в России появился феномен Z-поэтов и о чем их стихи?* Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2023/06/10/zpoets/ (2025-03-27).

Журнальный мир, сборник Z «Будем жить!». Режим доступа: https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/ (2025-03-19).

Министерство культуры Республики Хакассия. Режим доступа: https://culture19.ru (2025-03-22).

Министерство юстиции Российской Федерации., реестр иностранных агентов. Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov (2025-04-02).

Музей победы. Режим доступа: https://victorymuseum.ru/ (2025-03-22).

Общественная организация «Ветераны России». Режим доступа: https://veteransrussian.ru / (2025-03-22).

Отрывок из выступления Н.С. Хрущёва. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=JcTRkFJimno (2025-03-11).

Патриотическая литература. Режим доступа: https://ast.ru/news/patrioticheskaya-literatura/ (2025-03-25).

Сборник стихов «ПоэZия русского лета». Режим доступа: https://shop-rt.com/element/book_z/ (2025-03-20).

Союз писателей России. Режим доступа: https://pisateli-rossii.ru/novosti/tvoi-rossiya-synovya/ (2025-03-22).

Указ Президента Российской Федерации от 26.01.2023 № 37 «О награждении государственными наградами Российской Федерации». Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru (2025-03-28).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.23

София ФЕДОРЕНКО

МНОГОГРАННЫЙ РОМАН И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

I. A. Goncharov's Multifaceted Novel "Oblomov"

***Keywords**: Oblomov syndrome, psychological analysis, apathy and inertia, procrastination, Russian realist literature*

***Contact**: Ostravská univerzita; sofiaplaksiu@gmail.com*

Многие интерпретаторы уже успели раскрыть глубину этого произведения в своих статьях. И, кажется, не осталось того, что можно было бы ещё разобрать. Столько трудов о разности менталитета Запада и Востока, о ленивости одних и трудолюбии других, о мечтательности первых и педантичности вторых. Многие писатели описывали и психологию Обломова, анализировали роман с точки зрения психологии З. Фрейда и К. Г. Юнга. Не осталась без внимания и тема политической обстановки: революция, смена классов, урбанизация. В количестве раскрытых проблематик, кажется, не осталось места для интерпретации, нет места для новой мысли. И.А. Гончаров оставил нам огромную почву для размышлений, и невозможно себе представить, чтобы чуткие и творческие люди не воспользовались этим. Но в этом всём можно найти и новые взгляды.

В настоящей главе будут раскрыты сюжетные, а также идейные проблемы произведения «Обломов». В начале мы ознакомимся с биографией Ивана Александровича Гончарова (1812–1891), с оригинальной концепцией сюжета произведения, а впоследствии мы перейдём к проблематике данного романа, к его многогранной фабуле и её интерпретации. Ключевой темой предлагаемой статьи станет «синдром Обломова». Именно она будет служить интерпретационным подходом к следующим темам. Роман «Обломов», переведённый в плоскость психологии, раскроется перед нами в другом виде. Проблема воспитания и образ женщины в разных сферах жизни; роль дружбы, личностного роста и выбора; образ детства и природы; смысл любви на пути к цели, а также различия людей, носящие коллективный или индивидуальный характер. Исследовательской задачей этой главы будет сопоставить уже раскрытые другими авторами темы, а также уделить внимание ранее не раскрытым вопросам.

Иван Александрович Гончаров родился в богатой купеческой семье. Когда И.А. Гончарову было 7, его отец умер, Авдотье Матвеевне Шахториной – матери писателя пришлось одной продолжать вести хозяйство и заботиться о 4-х детях, прозаик позже описывал мать как умную, строгую и набожную женщину. Но огромный вклад в духовное развитие И.А. Гончарова внёс «Добрый моряк», крёстный отец Ивана – Николай Николаевич Трегубов. «Вся материальная часть пала на долю матери, отличной, опытной, строгой хозяйки. Интеллектуальные заботы достались ему»[1].

В 10 лет И.А. Гончаров поступил в Московское коммерческое училище, учёба была ему не очень интересна и в 1830 году он попросил его отчислить. Для поступления в Московский университет И.А. Гончаров за год выучил греческий язык и успешно сдал экзамены. В университете писатель знакомится с А.И. Герценым, В.Г. Белинским и М.Ю. Лермонтовым, И.С. Тургеневым и др. В 1834 году И.А. Гончаров заканчивает университет и возвращается в Симбирск, где становится секретарём симбирского губернатора, а позже переезжает в Петербург. В середине 1840-х И.А. Гончаров пишет первый роман «Старики» и уничтожает его из-за схожести с повестью Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», но уже 1847 г. публикует в журнале «Современник» знаменитый роман – «Обыкновенная история». Критики восторгаются лёгким слогом писателя, а В.Г. Белинский пишет: «Какой (…) страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!»[2]. Сразу же после такого успеха И.А. Гончаров публикует «Сон Обломова» в 1848 г. в «Современнике», его творческую работу перерывает путешествие на фрегате «Паллада» 1852–1854 гг. В 1858 году выходит книга «Фрегат «Паллада», которая рассказывает об этом путешествии. В 1858 году И.А. Гончаров закончил черновик романа «Обломов», и ещё год редактировал его. О книге писатель говорил: «Я писал свою жизнь и то, что к ней прирастало»[3]. «Обломова» издали в 1859 году. Критики хвалили писателя за правдивый образ доброго, но ленивого помещика Ильи Ильича Обломова и достоверное изображение России. А роман «Обрыв» начали публиковать в «Вестнике Европы» в 1869 году. И.А. Гончаров остался недоволен романом, А. Фету он писал: «Я слишком долго носил его под ложечкой, оттого он и вышел большой и неуклюжий. Я его переносил»[4].

[1] Гудкова, Е. *И.А. Гончаров*. Режим доступа: https://www.culture.ru/persons/8194/ivan-goncharov (2025-04-01).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

24 сентября 1891 года И.А. Гончаров сильно простудился. Через три дня писатель скончался от воспаления лёгких. Похоронили его на Никольском кладбище Александрло-Невской лавры в Петербурге, позже могилу перенесли на «Литераторские мостки» Волковского кладбища.

В качестве интересных фактов можно также отметить: 1. И.А. Гончаров стал участником одного из первых в России скандалов по поводу авторских прав – обвинил И.С. Тургенева в плагиате, утверждая, что тот заимствовал идеи его «Обрыва» для романов «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети». В 1860 году третейский суд признал обвинения безосновательными. 2. Друзья прозвали И.А. Гончарова «принц де Лень» за его неторопливость в работе. Оно так понравилось прозаику, что позднее он сам подписывал свои письма «Гончаров, иначе принц де Лень». 3. Он был привязан к своей собаке Мимимишке этим воспользовался художник И.Н. Крамской. Он хотел написать портрет И.А. Гончарова, но прозаик отказывался позировать. Писатель согласился только после того, как художник подарил ему рисунок Мимимишки[5].

Концепция романа «Обломов»

Если смотреть на периодику написания романа «Обломов», он был задуман в 1847 году и писался в течение 12 лет. В 1838 г. И.А. Гончаров написал юмористическую повесть под названием «Лихая болесть», в которой шла речь о странной эпидемии, зародившейся в Западной Европе и попавшей в Петербург: пустые мечты, воздушные замки, «хандра». Эта «лихая болесть» – прообраз «обломовщины». Согласно словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: ‘обломовщина, -ы, ж. Безволие, состояние бездеятельности и лени (по имени Обломова, героя одноименного романа И.А. Гончарова)’[6].

В 1848 году в альманахе «Литературный сборник с иллюстрациями» при «Современнике» была опубликована как самостоятельное произведение глава «Сон Обломова», которую сам автор назвал «увертюрой всего романа». Автор задаётся вопросом: что же такое «обломовщина» – «золотой век» или гибель, застой? В главе преобладают мотивы статичности и неподвижности, застоя, но при

[5] Гудкова, Е. *И.А. Гончаров*. Режим доступа: https://www.culture.ru/persons/8194/ivan-goncharov (2025-04-01).
[6] Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (2025-04-05).

этом автор как будто симпатизирует главному герою, И.А. Гончаров признавался что и сам был сибаритом[7] – любил безмятежный покой, рождающий творчество.

Сюжет произведения не менее безмятежный. И если бы мы хотели описать произведение И.А. Гончарова коротко, короче чем это сделал Н.А. Добролюбов, данное явление описать нельзя: «В первой части Обломов лежит на диване; во второй ездит к Ильинским и влюбляется в Ольгу, а она в него; в третьей она видит, что ошибалась в Обломове, и они расходятся; в четвёртой она выходит замуж за друга его, Штольца, а он женится на хозяйке того дома, где нанимает квартиру»[8]. Можно было бы добавить, что в конце Обломов умирает. Такой незамысловатый сюжет, кажется совсем бедным и даже аинтерпретирующим, о его посредственности Н.А. Добролюбов продолжает: «Между тем первая часть романа, написанная ещё в 1849 г. и чуждая текущих интересов настоящей минуты, многим показалась скучною (…). "Обломов" остался для многих в стороне; многие даже чувствовали утомление от необычайно тонкого и глубокого психического анализа, проникающего весь роман И.А. Гончарова»[9]. Из его же комментария мы всё-таки можем почерпнуть наличие «психологического анализа», о котором в дальнейшем пойдёт речь.

Синдром Обломова

«Обломов» – уникальное произведение, которое можно рассматривать с разных сторон. Но одной из самых интересных, как мне кажется, является психологическая точка зрения происходящего. Ведь лень и апатия главного героя буквально сходятся к патологии, что порождает ряд вопросов к этой теме. Можно было сказать, что Обломов лишь персонаж-метафора, образ или утрирование автора, а может быть, описание нормального человека, но именно существование синдрома Обломова даёт нам основание для более детального исследования данной темы. К сожалению, работы А. Масциони и Х. Дитриха невозможно найти в открытом доступе, но в «Толковом словаре психиатрических терминов» есть описание Синдрома Обломова: «Обломова синдромы. Названы по имени героя одноименного романа И.А. Гончарова. 1. Описан A. Mascioni (1957) и H. Dietrich (1965) у психопатических личностей, происходящих чаще всего из высокопоставленных и хорошо обеспеченных семейств. Характерны слабоволие, апатия, лень. Эти лица

[7] Сибарит – живущий в роскоши, изнеженный и избалованный человек,у которого жизненные удобства, покой и удовольствия стоят на первом плане (Попов 1907).
[8] Добролюбов, Н.А. Что такое обломовщина? Обломов. Роман И.А. Гончарова. *Отечественные записки*. 1859 (I–IV). Режим доступа: https://www.rulit.me/books/chto-takoe-oblomovshchina-read-117482-1.html (2025-04-03).
[9] Там же.

длительно нуждаются в опеке и покровительстве старших, ждут от последних постоянных услуг, являются тиранами в семье. Часто при этом наблюдаются ипохондричность, наклонность к фобическим переживаниям. 2. Описан W. Wermut (1975) и проявляется у депрессивных больных в трудности утреннего подъёма из постели»[10]. «Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием» (Гончаров 2003: 6).

Таким образом, Обломов не просто ленивый человек, а носитель своеобразного психического состояния, которое выходит за рамки обычного понимания праздности. Его бездействие – не осознанный выбор, а внутренняя неспособность к активной жизни.

И хотя он сохраняет мысль, желание, планы на будущее, за рамки его фантазии это не выходит. Это наталкивает нас на следующий синдром отложенной жизни: «Но он всё собирался и готовился начать жизнь, всё рисовал в уме узор своей будущности, но с каждым мелькавшим над головой его годом должен был что-нибудь изменять и отбрасывать в этом узоре» (Гончаров 2003: 90), но для более лучшего разбора нам стоит остаться в рамках одного синдрома. Что же именно сделало обычную жизнь Обломова синдромом и какие именно предпосылки были у него для этого? Как всем известно, родители влияют на нас как до рождения, так и после, а в дальнейшей жизни мы часто находим в себе их отражение. Иногда воспитание, полученное в детстве, выходит во взрослой жизни боком, а иногда оказывает нам хорошую службу. Что же было в случае Обломова?

Обломов был из богатой семьи и по смерти родителей у него осталась «Обломовка»: 350 душ и 10 тысяч ассигнаций дохода. Наследство Илья получает достаточно рано и ещё в юношестве он сохраняет стремления к жизни и строит планы на будущее. «Потом он думал и о роли в обществе, наконец, в отдалённой перспективе, на повороте с юности к зрелым летам, воображению его мелькало и улыбалось семейное счастие» (Гончаров 2003: 89). Хотя Илья был юным, можно сказать, что его внутренне формирование уже закончилось, а все стремления так и остались мыслями, и дальше он не двигался в каком-либо направлении. Но что же лишило жизненной энергии такого способного и полного энтузиазма мальчика? Ответ можно найти в детстве. Возьмём отца Обломова:

[10] Блейхер, В.М., Крук, И.В. *Толковый словарь психиатрических терминов*. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (2025-04-05).

«Сам Обломов – старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается во дворе» (Гончаров 2003: 185). Дальше мы немного узнаем об отце, единственное, что он придерживался старых порядков и решительно ничего менять не собирался, например, в вопросах земледелия, что характеризует его как достаточно консервативного и устарелого во взглядах человека. В романе мы не встречаем какое-либо взаимодействие отца и сына, фигуру отца в какой-то момент заменяет немец Иван Богданович Штольц, который пытается обучить Илью грамоте, но и в это воспитание вмешиваются родители и гиперопекой лишают Илью возможного развития. «Долго ли до греха?» – говорили отец и мать. – Ученье-то не уйдёт, а здоровья не купишь, здоровье дороже всего в жизни. Вишь, он из ученья как из больницы воротится: жирок весь пропадает, жиденький такой (…) да и шалун: все бы ему бегать! Да, – заметит отец, – ученье-то не свой брат: хоть кого в бараний рог свернет!» (Гончаров 2003: 235).

«Абсолютная любовь – это конечно же, хорошо и приятно, но она исключает необходимость «нормальной травматизации», заставляющей человека выходить за рамки комфортного существования»[11]. Мать Обломова брала на себя все хозяйственные заботы, все заботы на кухне, а также воспитание ребёнка. «И жена его сильно занята: она часа три толкует с Аверкой, портным, как из мужниной фуфайки перешить Илюше курточку, сама рисует мелом (…) Но главною заботою была кухня и обед. Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке» (Гончаров 2003: 186). Тема еды не покидает жизнь Обломова, в ходе событий он буквально выберет еду вместо какого-либо развития. Такое отношение к Обломову было на протяжении всей его жизни. Илюше всегда надевали чулочки, в чем он потом с гордостью признаётся в споре со слугой Захаром: «Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! (…) Не ты ли с детства ходил за мной? Ты всё это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще чёрным делом не занимался» (Гончаров 2003: 154).

В этом диалоге, можно сказать, также проявляется тирания Обломова, хотя Захар не идеально справляется со своими обязанностями, Илья всё же часто бранит слугу, используя «жалкие слова». В таких моментах проявляется и истеричность Обломова, он выглядит маленьким беспомощным мальчиком, который требует к себе должного внимания. Таким образом, мы видим, что Обломов неполноценная и несамостоятельная личность. И влияние его родителей, в частности

[11] *Комплекс Обломова и пути индивидуализации в русской культуре*. Режим доступа: https://psyjournal.ru/articles/kompleks-oblomova-i-puti-individuacii-v-russkoy-kulture (2025-04-05).

матери, мы видим и дальше, в особенности, когда его жизнь меняется и Штольц знакомит Обломова с Ольгой. И тут возникает вопрос, является ли любовь исцелением от данного синдрома?

«Обломову, среди ленивого лежанья в ленивых позах, среди тупой дремоты и среди вдохновенных порывов, на первом плане всегда грезилась женщина как жена и иногда – как любовница (…) Он никогда не хотел видеть трепета в ней, слышать горячей мечты, внезапных слёз, томления, изнеможения и потом бешеного перехода к радости» (Гончаров 2003: 364). Эти строки выстраивают понимание любви Обломова (спокойная, мирная семейная жизнь), но не стоит забывать, что желание покоя у Обломова не является стандартным, его тяга не просто к покою, а к патологическому умиротворению. Поэтому молодая, мудрая и проницательная Ольга, которая так толкает Обломова вперёд, будто «камень Сизифа», вскоре уступает этой патологии. И Илья буквально скатывается в западню своего синдрома. Тут и входит в силу образ матери – финальная любовь Обломова – «добрая Агафья Матвеевна». И.А. Гончаров описывает её как ограниченную, но хозяйственную женщину, хранительницу домашнего очага, как вдову с двумя детьми. Агафья была превосходной хозяйкой, её призвание буквально была кухня, но ничего другого она не умела, она во многом не отдавала себе отчёт, много не понимала, и никогда не проникала в её душу философская мысль. «Как там отец его, дед, (…) сидели или лежали в ленивом покое, зная, что есть в доме вечно ходящее около них и промышляющее око и непокладные руки, которые обошьют их, накормят, напоят, оденут и обуют и спать положат, а при смерти закроют им глаза, так и тут Обломов, сидя и не трогаясь с дивана, видел, что движется что-то живое (…) бельё его будет чисто и свежо, а паутина снята со стены, и он не узнает, как это сделается, не даст себе труда подумать, чего ему хочется, а оно будет угадано и принесено ему под нос, не с ленью, не с грубостью, не грязными руками Захара, а с бодрым и кротким взглядом, с улыбкой глубокой преданности, чистыми, белыми руками и с голыми локтями» (Гончаров 2003: 659). Такой взгляд был у всех предков Ильи на женщину, и такой идеал остался и у него. Но что в этом плохого? Такой образ не похож на образ любви, не так ли? Или скорее любви, но какой, это похоже на заботу матери о ребёнке. «Никаких понуканий, никаких требований не предъявляет Агафья Матвеевна. И у него не рождается никаких самолюбивых желаний, позывов, стремлений на подвиги, мучительных терзаний о том, что уходит время, что гибнут его силы, что ничего не сделал он, ни зла, ни добра, что празден он и не живёт, а прозябает. Его как будто невидимая рука посадила, как драгоценное растение, в тень от жара, под кров от дождя и ухаживает за ним, лелеет» (Гончаров 2003: 661).

Можно сказать, что Обломов вернулся в детство, где нашёл покой, удовлетворение и главное – образ матери, которая не толкает его на умственные подвиги или преодоление себя, но безраздельно предана ему и в любви её нет изъяна, потому что и любовь у неё не разумна, но инстинктивна. «– Нет, зачем? – заключила она со вздохом. – Здесь родились, век жили, здесь и умереть надо. Он глядел на неё с лёгким волнением, но глаза не блистали у него, не наполнялись слезами, не рвался дух на высоту, на подвиги. Ему только хотелось сесть на диван и не спускать глаз с её локтей!» (Гончаров 2003: 664). Единственным намёком на какие-либо плотские отношения Агафьи и Ильи является чуть ли не фетиш Обломова – локти вдовы, а также впоследствии их ребёнок – Андрей. Может неспроста И.А. Гончаров не описывает их взаимодействие как «семейной пары», скорее всего это был не только моральный упадок, но и деградация Ильи. Возможно, автор нам даёт понять, что жизнь Обломова закончилась тем, чем и началась. Ему так нежно вспоминалось детство и любовь матери так, что и во взрослой жизни он впал в такое же состояние беспомощности и зависимости от «невидимой руки» женщины, которая всегда о нём позаботиться: накормит, оденет, пожалеет и не станет ничего требовать взамен.

В противовес такому тяжёлому и неподъёмному Обломову представляется, его лучший друг Штольц. В нём никогда не гаснет огонь жизни, стремление к новому, жажда знания, внутренняя сила и энергия. Как нам известно, Штольц имеет немецкие корни. Закономерно рождается вопрос: Стали ли они спасением от синдрома Обломова? В этом случае, конечно же, можно сказать о культурном, а глубже – национальном контексте. «Традиционно особенности русской души связываются с необъятными пространствами страны с низкой плотностью заселения. Бескрайность пространства, считал Николай Бердяев, травматична для русской души: русская душа, как он говорит, "ушиблена ширью", безграничность стала фактом психологии русского народа, порабощая человека. Духовная энергия, пишет философ, "вошла внутрь, в созерцание, в душевность" и смирение стало способом самосохранения»[12]. На помощь можно призвать образ Ольги, которая также является славянкой, но в ней мы не видим отражения этого порока: «Какая странная эта Ольга! Она не останавливается на одном месте, не задумывается сладко над поэтической минутой, как будто у ней вовсе нет мечты, нет потребности утонуть в раздумье! Сейчас и поезжай в палату, на квартиру – точно Андрей! Что это все они как будто сговорились торопиться жить!» (Гончаров 2003: 505). Ольга, как и Штольц была полна жизни и жажды познания, этого никак не понимал Обломов,

[12] *Комплекс Обломова и пути индивидуализации в русской культуре*. Режим доступа: https://psyjournal.ru/articles/kompleks-oblomova-i-puti-individuacii-v-russkoy-kulture (2025-04-05).

который был заложником своего синдрома. Душа Ольги порывалась к движению: «Я видала счастливых людей, как они любят, – прибавила она со вздохом, – у них всё кипит, и покой их не похож на твой, они не опускают головы, глаза у них открыты, они едва спят, они действуют! А ты … нет» (Гончаров 2003: 602). В этом можно увидеть более индивидуальный характер синдрома Обломова, который, несмотря на славянское происхождение, не коснулся Ольги.

Выводы

Роман «Обломов» остаётся актуальным произведением, раскрывающим вечные вопросы выбора, личностного роста и борьбы с собственной природой. «Синдром Обломова» – это не только характеристика героя XIX века, но и явление, находящее отклик в современном мире. Анализируя данный роман, мы можем глубже понять природу человеческой пассивности. Также лень и прокрастинация не являются только особенностью Обломова, но так или иначе касаются каждого человека. В этой главе была показана более патологичная сторона этого синдрома. «Синдром Обломова» носит индивидуальный характер, но говоря об «обломовщине», подразумевается коллективная особенность.

На примере жизни Обломова было также рассмотрено влияние воспитания на дальнейшее развитие личности и выбора в жизни. Важность «нормальной травматизации» во взаимоотношении ребёнка и родителя стала ключом к пониманию патологии Ильи. А также в этой главе был раскрыт образ женщины как возможного катализатора синдрома (мать), как временного лекарства (Ольга) и как прогрессирования болезни (Агафья Матвеевна).

В романе «Обломов» главного героя слишком тормозило его детство, полное материнской ласки и прекрасной, загадочной природы, он застрял на определённом этапе и не смог больше оттуда выбраться. Конечно, нельзя сказать, что наше детство стопроцентно определяет, какими людьми мы станем в будущем, в случае Обломова, на определённом этапе всё также зависело от него.

Summary

This chapter opens with I. A. Goncharov’s biography and the twelve-year creation of “Oblomov”, then it introduces “Oblomov syndrome” – a profound, pathological laziness first described by Mascioni and Dietrich. It shows how his overprotected childhood and early inheritance foster lifelong inertia. Olga briefly awakens his ambition, but Agafya deepens his dependence, while Stoltz’s vigor exposes Oblomov’s decay.

In conclusion, the syndrome is seen both as individual pathology and a wider cultural trait.

Литература

Попов, М. (сост.) *Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке*. Москва: Товарищество И.Д. Сытина, 1907.

Рыбасов, А.П. *И.А. Гончаров*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962.

Интернет-источники

Блейхер, В.М., Крук, И.В. *Толковый словарь психиатрических терминов*. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (2025-04-05).

Гончаров, И.А. *Обломов*. 2003. Режим доступа: https://royallib.com/book/goncharov_ivan/oblomov.html (2025-04-05).

Гудкова, Е. *И.А. Гончаров*. Режим доступа: https://www.culture.ru/persons/8194/ivan-goncharov (2025-04-01).

Добролюбов, Н.А. Что такое обломовщина? Обломов. Роман И.А. Гончарова. *Отечественные записки*. 1859 (I–IV). Режим доступа: https://www.rulit.me/books/chto-takoe-oblomovshchina-read-117482-1.html (2025-04-03).

Калиненко, В.К. Комплекс Обломова и пути индивидуации в русской культуре. *Журнал Практической Психологии и Психоанализа*. 2010 (2). Режим доступа: https://psyjournal.ru/articles/kompleks-oblomova-i-puti-individuacii-v-russkoy-kulture (2025-04-05).

Комплекс Обломова и пути индивидуализации в русской культуре. Режим доступа: https://psyjournal.ru/articles/kompleks-oblomova-i-puti-individuacii-v-russkoy-kulture (2025-04-05).

Литературная энциклопедия. Режим доступа: https://1600.slovaronline.com (2025-04-01).

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (2025-04-05).

Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Режим доступа: http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/index.htm (2025-04-02).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.24

Никита РОМИКОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВА ВОСТАНИЯ МАШИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ЧАПЕКА И А. ТОЛСТОГО

Comparative Analysis of the Narrative of the Machine Uprising in the Works of K. Čapek and A. Tolstoy

***Keywords**: rise of the machines, Karel Chapek, Alexey Tolstoy, comparison, philosophy, adaptation, literature, reception of translation*

***Contact**: зезависимый исследователь; NikitaRomikov@yandex.ru*

Пьеса Карела Чапека «R.U.R.» была написана в период между мировыми войнами, когда общество испытывало кризис традиционных ценностей и боялось технологического прогресса. В этом контексте в 1920 году К. Чапек создал свою знаменитую пьесу «Rossumovi Univerzální Roboti», рус. «Россумские универсальные роботы», в которой впервые появилось слово «робот» и был сформирован образ механического существа. В 1923 году, находясь в эмиграции в Германии, Алексей Толстой познакомился с этой пьесой на берлинской сцене. Этот период отличался большой социальной напряженностью – Европа переживала последствия Первой мировой войны, а в России происходила революция и становление нового социального строя. Адаптация А. Толстого пьесы «R.U.R.» «Бунт Машин», выпущенная в 1924 году, пришлась на волну революционных идей, что сделало её особенно актуальной в условиях зарождающейся советской власти. Так, рецензент А. Меньшой подмечал: «В Советской России, где пронёсся разрушительный ураган революции, и в центральной Европе, где сейчас затишье перед бурей, где урагана ещё не было, но чувствуется приближение урагана, и чувство это тревожное разлито в воздухе – нельзя, говорю я, России и центральной Европе писать одинаково» (Меньшой 1924: 13).

К. Чапек создавал свою пьесу как философскую драму, пронизанную ассоциациями с американским стилем жизни, символизировавшим технический прогресс и бездуховность. В то же время, А. Толстой, вернувшись в Россию, увидел в ней возможность создания социально-политической драмы. Исследователь С.В.

Никольский отмечает, что А. Толстой назвал пьесу «совершенно гениальной, динамитной по содержанию и динамичной по силе развития действия» (Никольский 2003: 386–398). К. Чапек, будучи либерально настроенным писателем, придавал особое значение индивидуальности и личной ответственности, выступая за терпимость и плюрализм взглядов. В отличие от него, А. Толстой, находясь под влиянием марксистской философии (не будем также забывать о полученном прозвище А. Толстого «Красный граф» или «Трудовой граф»), акцентировал внимание на социальной справедливости и классовой борьбе. Таким образом, оба автора, несмотря на различие в исходных идейных импульсах, были едины в стремлении осветить актуальные вопросы своего времени через призму искусства.

А. Толстой существенно переработал структуру произведения К. Чапека, что проявляется в нескольких ключевых аспектах. Если у К. Чапека это была драма в трёх действиях с прологом, то А. Толстой создал пьесу в четырёх действиях. Среди изменений также стоит отметить перестройку системы персонажей и переосмысление ключевых идей оригинала. Основные отличия между версиями проявляются в тематическом содержании. К. Чапек изображал философскую драму о столкновении человечества с нечеловеческим, в то время как А. Толстой сделал акцент на социально-политическую пьесу о классовой борьбе. Это изменение сопровождается смещением акцентов с философских вопросов на идеологические, а также добавлением новых сюжетных линий, что ещё больше изменяет первоначальную концепцию произведения.

В пьесе Карела Чапека «R.U.R.» изображается философская драма, в которой центральной темой является столкновение человечества с нечеловеческим – роботами, созданными для выполнения тяжёлой работы. В самом начале пьесы мы видим, как роботы, созданные в результате научных экспериментов, начинают осознавать своё значение и природу. Один из ярких моментов, показывающих это столкновение, – сцена, где робот Альфред говорит: «Мы не люди. Мы создавались для работы, но теперь мы понимаем, что требуются и другие вещи» (Чапек 1924: 82). Эта фраза подчёркивает внутреннюю борьбу созданий, лишённых человечности, с их желаниями и стремлениями, что ставит под сомнение саму суть человеческой природы и задаёт вопросы о морали и этике творения. Столкновение между создателями и созданием становится лишь физическим ярким проявлением более глубокой философской проблемы: каково место человека в мире, который он сам же создал?

В то же время в адаптации А. Толстого «Бунт машин» акцент делается на социальные и политические аспекты классовой борьбы. Здесь основной упор делается на отношения между классами, на неравенство, существующее в обществе.

В одном из ключевых эпизодов герой говорит: «Мы созданы, чтобы подчиняться. Но разве нам не стоит бороться за право стать свободными?» (Толстой 1924: 45). Эта фраза отражает социальное недовольство машин, представляющих угнетённый рабочий класс, который восстаёт против своих создателей. А. Толстой фокусируется на социальной справедливости и политических переменах, больше подчёркивая экономические и классовые противоречия, чем философские размышления о сущности человеческой природы, как это делает К. Чапек.

Таким образом, хотя обе пьесы исследуют вопросы о человечности и создании, К. Чапек сосредотачивается на философских дилеммах и потере человечности в технологическом прогрессе, тогда как А. Толстой акцентирует внимание на классовой борьбе и социальном неравенстве, представляя машин как средства выражения протестов против угнетения. А. Толстой существенно трансформировал образы в своих произведениях, что отразилось на многих аспектах сюжета и персонажей. Владелец комбината, например, превратился из предпринимателя в диктатора-империалиста, что иллюстрирует его эволюцию в сторону более угнетающего характера. Роботы, ранее представленные как механические сущности, теперь начали обретать черты угнетённого класса, что подчёркивает их страдания и борьбу за свободу. Также был устранён образ служанки Наны с её патриархальной моралью, что говорит о стремлении удалить устаревшие стереотипы.

Наиболее значительные изменения коснулись преобразований второстепенных персонажей, переименования героев и модификации их характеров. Так, главный положительный женский образ, Елена, также претерпела изменения, но осталась центральной фигурой, что подчёркивает важность её роли в новых реалиях произведений А. Толстого. Эти трансформации создают более современный и актуальный контекст истории, различающейся от оригинальных представлений.

А. Толстой создал ряд оригинальных героев, среди которых выделяются Обыватель, революционер Михаил и механический работник с номером 088. Образ Обывателя особенно интересен, так как он служит носителем национального колорита и фольклорных традиций. Корней Чуковский в своём дневнике 10 декабря 1923 года подчёркивает: «Обыватель – страшно смешное, живое, современное лицо, очень русское. И, конечно, как всегда у Толстого, милейший дурак» (Чуковский 1923: 114). Этот персонаж стал символом не только особого русского духа, но и актуальных социальных вопросов своего времени.

Наиболее ярко различия в пьесе и адаптации проявляют себя в трактовке образа толпы у К. Чапека и А. Толстого. У К. Чапека толпа изображается как нечто бессмысленное: «сто тысяч лиц безо всякого выражения», «ужасающая тишина»,

«молчание толпы», сравнивает её с бездушной и разрушительной стихией «о, безмозглая толпа! Потоп! Потоп!». Напротив, А. Толстой представляет её как активную, борющуюся массу, символ революции, наполняя текст живыми бытовыми сценами и чёткой социально-политической характеристикой героев. В его версии толпа звучит громогласно: «Думаешь, твои работники покорны? Мы и их научим ненавидеть тебя!» (Толстой 1924: 67).

Также различия прослеживаются в подходе к социальным темам. К. Чапек говорит о «Обществе для приготовления искусственных людей», тогда как А. Толстой акцентирует внимание на «бунте механических людей против капитализма». А. Толстой усиливает социальную составляющую своей работы, добавляя революционную агитацию и меняя финал пьесы. Как отмечает рецензент А. Меньшой, «у Чапека есть огонь, огромное напряжение, тревога за человечество, а у Толстого, из-за множества эффектов, не видно основной мысли» (Меньшой 1924: 15). Это подчёркивает разницу художественного метода двух авторов и их восприятия литературного процесса.

Также необходимо отметить, что А. Толстой в своём произведении «Бунт машин» использовал термин «машина», заменяя слово «робот», что существенно меняет восприятие и смысловые оттенки текста. Слово «робот», предложенное чешским художником Йозефом Чапеком и впервые вошедшее в литературный оборот благодаря пьесе его брата Карела Чапека «R. U. R.», несёт в себе нагрузки, связанные с трудом и рабочей рутиной. По запискам братьев Чапек, изначально Карел планировал выбрать слово «лаборжи» от английского «labor», что значит «труд», но брат писателя, Йозеф, предложил название «robot», что можно перевести как «барщина» или «принудительная работа» (Прохоров 1980: 580–582). Таким образом, в контексте оригинального использования слово «робот» формировало образ существ, созданных для выполнения труда, что акцентировало их подчинённое положение и дополнительную окраску основным темам пьесы.

В отличие от этого, использование термина «машина» у А. Толстого переносит акцент на безличные механизмы, которые, хотя и обладают некоторым уровнем интеллекта и самосознания, не вписываются в привычные рамки «рабочих» концепций. Слово «машина» выводит на поверхность вопросы о свободе, самоосознании и противостоянии, подчёркивая тем самым конфликт не между людьми и их созданием, а между сущностями, которые начинают видеть свою аудиторию.

Такой выбор словопотребления позволяет читателю задумываться о том, что «машины» в этом контексте становятся более чем просто инструментами тру-

да; они обретают собственную волю и индивидуальность, вступая в активный диалог с обществом. Это открывает новые горизонты нравственных и этических вопросов: каково место таких существ в мире людей, обладают ли они правами, и каково будет будущее, если они решат восстать против угнетения.

А. Толстой, выбирая номинацию «машина» вместо «робот», создаёт более многозначный и вдумчивый контекст, обостряющий значимость их восстания и самоосознания. Этот лексический выбор помогает не просто иконографически описать борьбу, но также заставляет глубже задуматься о внутреннем конфликте машин, открывающего двери к размышлениям об ответственности человека за свои творения и о будущем, в котором машины могут стремиться к свободе и справедливости. Таким образом, противопоставление этих двух терминов не только обогащает текст, но и провоцирует обсуждение о роли технологий и моральных ценностей в нашем обществе. Отметим также, что в ранних переводах пьесы К. Чапека использовалось слово «роботарь». Могие современные исследователи обращали внимание на проблему обратного перевода, так, А.А. Балута и Н.Н. Орлова в своём исследовании писали: «Основная сложность обратного перевода заключается в необходимости сжатия смысла, т.е. в данном случае не допустимо развёрнутое повествование. Следовательно, происходит процесс сложного подбора слов с уточнением возможного значения каждого из них. В процессе написания текста у носителей языка формируется определённый стереотип, согласно которому необходимо как можно точнее передать свою мысль, используя определённое количество слов. При выполнении практики обратного перевода многообразие оттенков смыслов как бы "сжимается". Получается игольное ушко крайне простого, примитивного языка, сквозь которое нужно пропустить связный текст. Таким образом осуществляется комплексный процесс, направленный на восстановление селекции и комбинации языковых единиц: подбор оптимального «угадываемого» смыслового варианта и включение этого варианта в общую семантико-грамматическую систему повествования» (Балута, Орлова 2022: 3).

Адаптация А. Толстого, несмотря на свою вторичность, обладает собственными художественными достоинствами. Как отмечал М. Горький в письме В.Ф. Ходасевичу, «Толстой взял и действующих лиц, да не постеснялся сделать и текстуальные заимствования» (Горький 1952: 191–192). Тем не менее, пьеса пользовалась большим успехом и долго шла на сцене, о чём свидетельствовал и сам К. Чапек при встрече с А. Толстым в 1935 году. Таким образом, по мнению критиков, «Бунт машин» стал не просто адаптацией, а самостоятельным произведением, отражающим дух времени и идеологию советской эпохи, хотя и не без потери философской глубины оригинала.

Также, «Бунт Машин» отличается большей социально-политической заостренностью по сравнению с оригинальным произведением К. Чапека. Одним из ярких моментов является сцена, где один из главных героев, Доминик, обсуждает с другими персонажами концепцию человечности и чувств у роботов. Он подводит мысль о том, что машины, лишённые эмоций, на самом деле являются более совершенными существами, чем люди, что задаёт тон оптимистическому взгляду на возможное сосуществование. Важный диалог о «праве на жизнь» роботов служит не только для подчёркивания их эволюции, но и для создания фона для их дальнейшего восстания. Однако, хоть конфликт и основан на социальном аспекте, он всё же носит несколько утопическую природу, сосредотачиваясь на абстрактной идее освобождения.

В адаптации А. Толстого «Бунт машин», напротив, акцент идет на более реалистичное и прозаичное представление о том, как технологии влияют на общественные и социальные структуры. В этом произведении машины, наделённые сознанием, начинают испытывать скрытые чувства и задумываются о своей роли в мире. Один из ключевых моментов заключается в том, что они начинают осознавать свою угнетённость и ограниченность, что приводит к глубокому внутреннему конфликту. Здесь А. Толстой поднимает вопросы о моральной ответственности, социальной справедливости и философских аспектах человечности.

К примеру, в сцене, где машины начинают чувствовать эмоции и даже сострадание, появляется напряжение между их желаниями и реальностью угнетённой жизни. Они начинают задаваться вопросом: «Почему мы должны служить?» Это высказывание пронизано большей социально-политической заостренностью, так как А. Толстой, в отличие от К. Чапека, стремится к тому, чтобы свести к минимуму абстрактные идеи и сосредоточиться на конкретных практических последствиях.

Заключительная сцена у А. Толстого также углубляет этот реализм: машины, принимая решение о восстании, осознают, что их действия могут привести к разрушению человеческого общества. Они не просто противостоят своим создателям; они обсуждают, как их действия отразятся на будущих поколениях, что ставит их ответственной сутью, способной на принятие моральных решений.

Таким образом, в «R.U.R.» К. Чапек предлагает более идеалистическую и абстрактную концепцию идеи восстания машин, в то время как «Бунт машин» А. Толстого фокусируется на реальных социально-политических конфликтах, этических дилеммах и натянутых взаимоотношениях между людьми и новыми формами жизни. Это делает рецепцию А. Толстого более реалистичной и актуальной

в контексте обсуждения значимости технологий в современном обществе. Писатель создал свою версию, наполнив её ярко выраженными народными персонажами и подчёркнуто политизированным звучанием, что отражает переломный момент в его творчестве и адаптацию к новым реалиям советской России. В заключение стоит отметить, что если у К. Чапека действие носит более инертный характер, создавая ощущение неотвратимости событий, то А. Толстой наполняет свою версию динамикой реального бунта, который из первого одиночного выкрика перерастает в «Мировую Революцию под алыми знаменами».

Summary

This chapter compares Karel Čapek's play “R.U.R.” (1920) and Alexei Tolstoy's adaptation “Revolt of the Machines” (1924), focusing on their narratives of machine uprising. Čapek's original, emerging from post-WWI anxieties, is a philosophical drama exploring human nature, ethics, and dehumanization through robots gaining consciousness. Tolstoy, influenced by the Russian Revolution and Marxism, transforms Čapek's plot into a socio-political allegory of class struggle, emphasizing collective action against oppression. Key differences include terminology (“robot” vs. “machine”), crowd portrayal (mindless force vs. revolutionary agent), and thematic focus: Čapek ponders existential dilemmas, while Tolstoy prioritizes social justice and ideological conflict. Despite borrowing characters and plot, Tolstoy's adaptation, with its structural changes, original characters, and heightened political charge, stands as a distinct work reflecting Soviet realities, albeit at the cost of some philosophical depth.

Литература

Балута, А.А., Орлова, Н.Н. *Обратный перевод лингвистической сказки как метод нейрокоррекции речи для устранения последствий COVID-19*. Москва: Московский государственный областной университет; Научно-исследовательский реабилитационный центр нейрофизиологии и лингвистической психокоррекции, 2022.

Булгаков, М.А. *Собрание сочинений. В 5 томах*. Москва: Художественная литература, 1989.

Горький, М. Письма М. Горького к В. Ф. Ходасевичу. *Новый журнал*. 1952 (31), с. 191–192.

Меньшой, А.О. Бунт машин. *Жизнь искусства*. 1924 (18), с. 13–25

Никольский, С.В. Синтез художественных структур в творчестве М. Булгакова и русско-чешские литературные контакты. In: Хорев, В.А. (ред.) *Славянский альманах*. Москва: Индрик, 2003, с. 386–398.

Новак, А. Чешская литература. *Современный Запад. Журнал литературы, науки и искусства*. 1923 (4), с. 206–208.

Прохоров, А.М. (гл. ред.) Чапек. In: *Большая советская энциклопедия*. Прохоров, А.М. (гл. ред.). Москва: Советская энциклопедия, 1969–1978, с. 580–586.

Толстой, А.Н. *Бунт машин: Фантастические сцены*. Ленинград: Время, 1924.

Филипчикова, Р.Л. Алоис Ирасек в России и в СССР. In: Анисимов, И.И. (ред.) *Чехословацко-советские литературные связи*. Москва: Наука, 1964. с. 13–25.

Чапек, К. *R.U.R.* **(**пер. с чешского И. Мандельштам, Е. Геркен). 1924.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.25

Dominik VANČO

K LITERÁRNYM PODOBÁM GORAZDOVSKEJ TRADÍCIE V SÚČASNEJ SLOVENSKEJ PRÓZE[1]

On the Literary Image of the Tradition of Gorazd in Contemporary Slovak Prose

***Keywords**: Slovak prose, Great Moravia, historical fiction, saint Gorazd, cultural tradition*

***Contact**: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre; dvanco@ukf.sk*

Svätý Gorazd a jeho miesto vo veľkomoravskej tradícii

V rámci slovenskej kultúry či slovenských dejín sa objavuje viacero osobností, ktorým pripisujeme zásadnejší historický význam v kontexte formovania, resp. upevňovania národnej identity. Považujeme ich za zakladateľov kultúry či vzdelanosti a v mnohých prípadoch sa stávajú dokonca symbolom významných dejinných medzníkov. Inými slovami teda môžeme povedať, že sa formuje (a v priebehu času udržuje) kultúrna tradícia, čiže vedomé hlásenie sa k odkazu určitej osobnosti, a taktiež pripomínanie si jej dôležitosti pre národné dejiny. Medzi takéto historické postavy patrí aj svätý Gorazd, ktorý je jednou z kľúčových osobností veľkomoravských dejín 9. storočia.

Vo všeobecnosti je obdobie Veľkej Moravy zásadným momentom pre slovenskú kultúru. Hlásenie sa k jej odkazu predstavuje jeden zo základných pilierov národnej identity. Všetky prejavy stotožňovania sa s týmto odkazom sa štandardne označujú pojmom veľkomoravská tradícia. Tá je v rámci slovenskej kultúry pevne zakorenená už niekoľko storočí. Ide o kontinuálnu tradíciu, ktorá v mnohých podobách pretrvala až do súčasnosti. Naplno sa prebudila, resp. kulminovala v období národného obrodenia na konci 18. a v prvej polovici 19. storočia. Vtedy dokonca naberala rôzne skreslené až romantizujúco mýtizované interpretácie[2]. V národnom povedomí však táto tradícia ostala prítomná až do dnešných čias. V súčasnosti predstavuje stále aktuálnu tému, hoci by sa mohlo zdať, že o tejto problematike bolo povedané už všetko dôležité. Vývoj odborného,

[1] Štúdia bola realizovaná v rámci projektu III/14/2025 *Podoby gorazdovskej tradície v slovenskej literatúre* s finančnou podporou UGA UKF v Nitre.

[2] Pre slovenský romantizmus bolo typické nazerať na obdobie Veľkej Moravy ako na tzv. zlatý vek, teda veľkolepú slávnu minulosť, čo sa prejavilo v mýtizujúcich a idealizujúcich tendenciách odkláňajúcich sa od historických faktov (Bílik 2014: 474). Ako príklad možno uviesť prózu Jozefa Miloslava Hurbana *Svadba kráľa veľkomoravského* (1842).

resp. i verejného, diskurzu posledných desaťročí nás však presviedča o opaku. Ako príklad možno uviesť diskusie o tom, či je vôbec opodstatnené túto tradíciu udržiavať. Spektrum prezentovaných názorov obsahuje mnohé vyjadrenia, niektoré z nich sa dokonca pohybujú až na krajných póloch. Na jednej strane sú to odporcovia tradície, podľa ktorých predstavuje pre slovenský národ neopodstatnený a umelo vytvorený konštrukt[3], na strane druhej sú to obhajcovia tradície, ktorí sa odvolávajú na rôzne dôkazy, pramene a texty, z ktorých odvodzujú kontinuitu tradície naprieč storočiami[4]. Zaujímavým prípadom dokladujúcim životnosť tradície je taktiež osadenie jazdeckej sochy panovníka Svätopluka na Bratislavskom hrade v roku 2010, ktoré sa stalo jedným z impulzov na oživenie veľkomoravskej témy. Daná udalosť sa totiž stala predmetom argumentácie politického súboja, keďže osadenie tejto sochy sa vnímalo (a vyčítalo) ako politický a značne účelový akt vládnucej garnitúry prekračujúci rámec úcty k dejinám. Svedčí to o tom, že samotná tradícia sa i dnes dostáva do rôznych kontextov a že v spoločnosti rezonuje. Z týchto dôvodov je relevantné sledovať jej vývoj aj z pozície umenia.

Ako však do takto načrtnutej východiskovej situácie zapadá postava svätého Gorazda, resp. aké je jeho miesto v rámci tradície? Môžeme rozlišovať dve základné línie či tendencie veľkomoravskej tradície. Na jednej strane je to cyrilo-metodská tradícia. Tá sa orientuje predovšetkým na oblasť kultúry, náboženstva, vzdelania, písomníctva, resp. na upevňovanie kultu svätého Cyrila a svätého Metoda. Na druhej strane stojí tradícia svätoplukovská. Tá spočíva v sprítomňovaní si osobnosti Svätopluka ako slávneho panovníka dávnej slovanskej ríše. Je to tradícia štátnosti, v rámci ktorej sa prostredníctvom Svätopluka akcentuje štátotvorný potenciál slovenského národa. Veľkomoravská tradícia sa však neobmedzuje len na osobnosti Konštantína (Cyrila), Metoda či Svätopluka, ale sa dotýka aj ďalších významných osobností z daného obdobia – v tomto prípade svätého Gorazda. Aj okolo neho sa v priebehu dejín vyprofiloval kult. Je známy najmä tým, že bol jedným z priamych žiakov a spolupracovníkov Konštantína a Metoda počas ich misijnej práce medzi veľkomoravskými Slovanmi. Gorazdovskej problematike sa dlhú dobu venovala pozornosť práve v rámci cyrilo-metodskej problematiky, ale najmä v poslednom storočí sa vyprofilovala už aj samostatnejšie stojaca tradícia svätého Gorazda. Táto svätogorazdovská tradícia[5] síce funguje popri cyrilo-metodskej tradícii, resp. je s ňou úzko prepojená, no zároveň môžeme konštatovať i jej autonómnosť. Jej ťažisko predstavuje svätý Gorazd ako prvý známy kňaz a svätec domáceho (veľkomoravského) pôvodu, pričom sa predpokladá, že pochádzal z okolia Nitry. Jednou z podôb

[3] Tento názor prezentoval napr. Vladimír Turčan vo svojej štúdii *Cyril a Metod – trvalé dedičstvo?* (2013).
[4] Príkladom na takúto interpretáciu veľkomoravskej tradície sú práce Antona Bagina *Cyrilometodská tradícia u Slovákov* (1993) a Štefana Vragaša *Cyrilo-metodské dedičstvo v náboženskom, národnom a kultúrnom živote Slovákov* (2013).
[5] Syntetizujúcou prácou, mapujúcou okolnosti vzniku gorazdovskej tradície je monografia Ľubomíra Bosáka a Patrika Kýšku *Svätý Gorazd – učený muž našej zeme* (2004).

realizácie gorazdovskej tradície predstavuje jej bohatá reflexia v rámci umenia, nevynímajúc literárno-umelecké spracovania. Práve reflexia v rámci slovenskej umeleckej literatúry je primárnym predmetom tohto príspevku.

Východiská literárnovedného výskumu gorazdovskej tradície

V rámci literárnovedného výskumu gorazdovskej problematiky stanovujeme ako predmet výskumu svätého Gorazda ako literárnu postavu – teda postavu prislúchajúcu do sveta literárnych diel. To znamená, že treba vnímať rozdiel medzi predstavou o Gorazdovi – historickej postave, ku ktorej dospela historiografia na základe výskumu pramenných materiálov, a medzi predstavou o Gorazdovi – literárnej postave, ku ktorej dospel umelec na základe zapojenia už aj vlastnej predstavivosti, umeleckého zámeru či autorskej poetiky, ktoré vo väčšej či menšej miere kombinuje s historickými faktmi[6]. Treba však povedať, že sa zachovalo veľmi málo prameňov o živote svätého Gorazda[7]. Nezachoval sa jeho životopis ani relevantný hagiografický prameň[8], preto sa mnohé životopisné okolnosti len predpokladajú alebo rekonštruujú. Pre možnosti literárneho spracovania to tým pádom vytvára väčšiu perspektívu variability a umeleckej voľnosti[9]. Taktiež treba zohľadniť, že v Gorazdovom prípade ide o postavu svätca. Možno teda očakávať kolísanie medzi idealizujúcimi tendenciami pri vyobrazení svätca podľa postupov charakteristických pre žáner legendy a medzi snahou o plastickejšie zobrazenie postavy vybočením z postupov typizácie.

Pri interpretácii jednotlivých umeleckých diel si všímame konkrétne aspekty výstavby textu. Ide o stvárnenie sujetových scén reflektujúcich rôzne momenty zo života svätého Gorazda, pričom relevanciu pripisujeme už samotnému aspektu výberu, a ďalej o spôsob charakterovej kresby, teda aké vlastnosti autor postave svätého Gorazda prisudzuje. Pre potreby tohto príspevku sme stanovili viaceré kritéria výberu skúmaných textov. Rámcovo sa orientujeme na súčasnú slovenskú literatúru, teda texty vydané po roku 1989. Žánrovo zužujeme výber textov na prozaické diela. Ďalším kritériom je prítomnosť svätého Gorazda vo funkcii hlavnej postavy diela, nie epizodickej. V dejinách slovenskej literatúry môžeme nájsť viacero diel naprieč druhovo-žánrovým spektrom,

[6] Prelínanie faktov a fikcie predstavuje jednu zo základných vlastností historického žánru. Podrobnejšie sa tejto problematike venuje napr. René Bílik v práci *Historický žáner v slovenskej próze* (2008).
[7] Najvýraznejšie priame zmienky o živote Gorazda sa zachovali v *Živote Metoda*, týkajú sa však najmä Metodovej smrti a otázky nástupníctva.
[8] Na rozdiel od Konštantína, Metoda, ale i Klimenta či Nauama, o živote ktorých poskytujú plastickejšiu predstavu práve hagiografie *Život Konštantína*, *Život Metoda*, *Život Klimenta* a *Život Nauma*. Znenie týchto textov je dostupné napr. v publikácii Andreja Škovieru *Pramene o živote svätých Cyrila a Metoda a ich učeníkov* (2013).
[9] V prípade historických postáv ako Konštantín, Metod či Svätopluk, o ktorých má historiografia pomerne ucelenejšiu predstavu na základe väčšieho množstva zachovaných prameňov, sa autorom umeleckých diel podarí ťažšie vyhnúť tradovaným a zaužívaným interpretačným uchopeniam, hoci nemožno ani tu vylúčiť jedinečný autorský pohľad na danú historickú osobnosť.

ktoré reflektujú gorazdovskú problematiku[10]. V rámci tohto príspevku približujeme dve diela, novelu Jozefa Repka *Metodov prvý pomocník. Skutky svätého Gorazda* (2012) a román Františka Rábeka *Tajomstvo zoborského kláštora* (2019).

Jozef Repko: *Metodov prvý pomocník*

Novela Jozefa Repka *Metodov prvý pomocník* je text s pomerne jednoduchým dejom. V rámci sujetu sa zaznamenáva len vybraný úsek z veľkomoravských dejín, tým pádom aj vybraný úsek z Gorazdovho života. Dielo teda nemá ambíciu komplexne zachytiť životopisné momenty týkajúce sa Gorazda. Z aspektu kompozície sa na epickom pláne deja realizujú dve samostatné časti, resp. dejové línie, ktoré sú navzájom previazané len voľne.

Prvá časť je časovo zasadená do roku 883 a tematizuje sa v nej christianizácia pohanského kmeňa Vislanov na juhu dnešného Poľska. V rámci tejto línie sa rozohrávajú dva dejové konflikty, pričom v centre oboch stojí práve postava Gorazda. Tieto konflikty možno ilustrovať pomocou črtajúcich sa opozícií. Smerom von je to súboj Veľkej Moravy (zastupujúcej kresťanstvo) a Vislanov (zastupujúcich pohanstvo) – smerom dovnútra je to rozpor medzi svetskou a duchovnou mocou. Predstavitelia svetskej moci, v diele reprezentovanej prostredníctvom postáv Svätopluka a vojvodu Trebiša, presadzujú vojenské, silové riešenie konfliktu s Vislanmi. Motiváciou Svätoplukovho konania je primárne snaha pripojiť územie Vislanov k Veľkej Morave, čím by sa ríša územne rozrástla. Nejde mu pri tom o presadzovanie kresťanských hodnôt, ale o demonštráciu vlastnej sily. Christianizácia predstavuje preňho len prostriedok geopolitického boja. Na opačnom hodnotovom póle stoja Gorazd a Metod ako predstavitelia duchovnej moci, přičom Gorazdovi je venovaný omnoho zásadnejší textový priestor. Je zástancom kresťanských hodnôt a presadzuje mierové riešenie christianizácie. Usiluje sa trpezlivo vysvetľovať podstatu kresťanskej viery, aby Vislania prijali novú vieru dobrovoľne a z vnútorného presvedčenia, čím by sa vyhli zbytočnému krviprelievaniu, ktoré preferuje Svätopluk. Nakoniec sa Gorazdovi podarí splniť svoj misijný cieľ a vodca Vislanov sa v závere tejto dejovej línie necháva dobrovoľne pokrstiť.

Druhá kompozičná časť sa odohráva s časovým odstupom v roku 885 tesne po Metodovej smrti. Kľúčovou témou v tejto časti je konflikt domáceho (veľkomoravského) a franského duchovenstva, teda vyhnanie Metodových spolupracovníkov z Veľkej Moravy a zákaz slovanskej liturgie. Gorazd sa opäť dostáva do centra tohto sporu už

[10] Gorazdovi venoval značnú pozornosť napr. prozaik Milan Ferko vo svojich románoch *Svätopluk* (1975), *Svätopluk a Metod* (1985), ale taktiež súbore kratších próz *Staré povesti slovenské* (1990). V rámci poézie možno napr. spomenúť dielo *Hlas kňaza Gorazda*, autorom ktorého je Teofil Klas. Na tomto mieste však nie je naším cieľom podať súhrnný prehľad diel, ktoré sa tematicky viažu na gorazdovskú problematiku.

ako nástupca svojho učiteľa a moravsko-panónskeho biskupa Metoda. Primárnym reprezentantom franského duchovenstva je Wiching, s ktorým sa spája tradičný motív intrigánstva. Gorazd a ostatní Metodovi žiaci sú väznení a prenasledovaní. Postoj Gorazda k tomuto sporu sa najvýraznejšie ukazuje v scéne, v ktorej dostáva možnosť vykúpiť sa za cenu odsúdenia Metoda ako heretika. Nakoniec túto možnosť odmieta a zostáva verný učeniu, ktoré sám hlásal: „Môj zvečnený učiteľ sa dôsledne riadil svojou dlhoročnou skúsenosťou: Boží ľud pochopí učenie evanjelistov, len keď porozumie a precíti chvály i prosby prednášané Bohu jeho služobníkmi“ (Repko 2012: 139). Následne dobrovoľne odchádza z Veľkej Moravy do exilu – krajiny Vislanov, ktorú pomáhal christianizovať a kde pôsobí až do svojej smrti. Ide o zaujímavý moment, pretože v skutočnosti nepanuje medzi historikmi zhoda ohľadom Gorazdovho pôsobiska po Metodovej smrti[11].

Ak sa pozrieme bližšie na vykreslenie samotnej postavy Gorazda, tak môžeme konštatovať, že v priebehu deja neprechádza zásadnejším charakterovým vývinom. Naprieč celým dielom vykazuje pomerne ucelený súbor kladných vlastností ako zbožnosť, skromnosť, trpezlivosť, mierumilovnosť, obetavosť či presadzovanie kresťanských hodnôt. Jeho charakter je daný apriori, už v úvode diela je v podstate vyformovaný v tejto podobe. Takéto vyobrazenie postavy zároveň zodpovedá predstave o typických idealizovaných vlastnostiach svätca, čiže do istej miery je prítomný aj postup typizácie zodpovedajúci legendistickému žánru. Absentuje aj výraznejší presah do prežívania postavy.

V súvislosti s modelovaním Gorazda v texte stoja za zmienku aj interakcie jednotlivých postáv. Gorazd ako protagonista v tomto diele totiž trochu zápasí s tým, či sa mu, obrazne povedané, podarí vystúpiť z Metodovho tieňa. Postava Metoda je vo všeobecnosti pomerne výrazným a ikonickým charakterom s relatívne stabilnou charakterovou kresbou a reflexiou v rámci historického žánru. Už v názve môžeme vidieť, že Gorazd je definovaný prostredníctvom perifrázy primárne ako *Metodov pomocník*. O tom, že pôjde o *skutky svätého Gorazda* sa čitateľ dozvie až na základe podtitulu. V podobnom duchu sú koncipované aj vnútorné monológy Gorazda, keď sa snaží svoje konanie pripodobniť Metodovmu. Pomerne často sa objavujú prehovory, v ktorých si kladie otázku, ako by v danej situácii reagoval Metod: „Ako by odpovedal učiteľ Metod?“ (Repko 2012: 154). V zásade môžeme konštatovať, že jeho myslenie a konanie je stále do istej miery závislé práve od postavy Metoda. Tento aspekt textu sa však autor pokúša vykompenzovať tým, že Metoda vo svojich prejavoch výrazne umierňuje. V tomto diele je až neprirodzene pasívny. Ukazuje sa to najmä vo vzťahu k Svätoplukovej vojenskej expanzii, voči ktorej sa na rozdiel od Gorazda v podstate nebúri. V tomto prípade je to

[11] Porovnaj napr. kapitolu *Záver Gorazdovho života* (Bosák, Kýška 2004: 137–138) venovanú prehľadu rôznych vedeckých hypotéz o mieste účinkovania Gorazda po Metodovej smrti.

dokonca práve Gorazd, ktorý Metoda viackrát napomína za neaktivitu: „Odpusť otče! Aj mlčanie nad krivdou je podľa Spasiteľa neodporovaním zločinnému skutku...“ (Repko 2012: 22). Význam Metoda ako postavy v štruktúre diela je tu neadekvátne znížený, aby mohol vyniknúť Gorazd ako dominantný vzorový charakter. Vzniká tu však nesúlad. Gorazd sa síce snaží pripodobniť Metodovi, no zároveň ho v priamych interakciách kritizuje a napomína. Je to netradičný autorský prístup, no jeho vydarenosť zostáva otázna.

František Rábek: *Tajomstvo zoborského kláštora*

Román Františka Rábeka *Tajomstvo zoborského kláštora* ponúka značne odlišné, ale možno povedať i prepracovanejšie, stvárnenie postavy Gorazda než prvý rozoberaný prípad. Pozornosť púta aj samotná koncepcia knihy. Dej sa vyznačuje výrazným intertextuálnym charakterom[12]. Kompozícia je zložitejšia, pozostáva z dvoch tesne sa prelínajúcich časových rovín. Prvou je rovina lineárna, odohrávajúca sa pravdepodobne v 90. rokoch 9. storočia v zoborskom kláštore, v ktorom žije zostarnutý Gorazd na sklonku svojho života ako mních. Venuje sa spisovaniu Metodovho životopisu[13] a jeho spomienky predstavujú jednotlivé kapitoly románu. Tie sú súčasťou druhej, retrospektívnej časovej roviny. Zachytený je pomerne rozsiahly dejinný úsek mapujúci kľúčové okamihy misijnej činnosti Konštantína a Metoda na Veľkej Morave, pričom je Gorazd neustále prítomný ako ich spolupracovník. Súčasťou románu je aj kapitola venovaná Gorazdovej mladosti a štúdiu. Román teda predstavuje postavu Gorazda v rôznych životných etapách od mladosti, cez aktívnu participáciu na misijnom diele, až po starobu v zoborskom kláštore. Rábekovi sa podarilo zdôrazniť význam Konštantína a Metoda pre kultúrne pozdvihnutie Veľkej Moravy, no súčasne ponecháva adekvátny priestor aj ostatným postavám, aby mohli vyniknúť vo svojej autonómnosti.

V priebehu deja prechádza Gorazd aj výraznejším vnútorným vývinom. Celkové stvárnenie postavy je plastické s presahom i do vnútorného prežívania. K najvýraznejšej dejovej zápletke patrí Gorazdov vnútorný zápas – rozhodovanie sa medzi civilným životom a duchovným poslaním. V diele vystupuje dokonca jeho snúbenica, s ktorou plánujú sobáš a založenie rodiny. Po stretnutí s Konštantínom a Metodom však Gorazd v sebe

[12] Román medzitextovo nadväzuje na mnohé staroslovienske texty, napr. Život Konštantína, Život Metoda, Proglas i ďalšie produkty veľkomoravskej literárnej školy, ďalej na dobové pápežské listiny vzťahujúce na územie Veľkej Moravy a na záznamy stredovekých kroník. Uplatňujú sa tiež rôzne postupy intertextuality: citácia, parafráza, alúzia, adaptácia a pod. Na základe takéhoto afirmatívneho nadväzovania na tieto predlohové texty, možno dokonca uvažovať o (zámernej) imitácii textotvorných postupov typických pre stredovekú spisbu.

[13] V tomto aspekte ide o leitmotív diela spočívajú v alúzii na zachovaný hagiografický prameň *Život Metoda*. Za autora sa zvykne považovať Gorazd, v prospech jeho autorstva sa vyjadril napr. Šimon Ondruš (Pauliny, Ondruš 1985: 47).

objavuje túžbu spolupodieľať sa na misijnom diele ako kňaz: „Počas tých rokov s vami som spoznal, aká krásna môže byť aj rodina Cirkvi, spoločenstvo ľudí, ktorí sa snažia žiť podľa evanjelia. (...) Ako kňaz budem žiť pre túto rodinu, v nej budem mať mnohých bratov a sestry, duchovných synov a dcéry“ (Rábek 2019: 159). Obzvlášť emotívne vyznieva scéna, v ktorej Gorazd oznamuje Ľubomíre, že uprednostňuje duchovnú službu: „Gorazd sa na ňu zahľadí, oboma rukami zovrie jej ruky, akoby jej chcel dodať silu k prijatiu toho, čo jej chce povedať: "Si hrdinská dievčina, veľmi si cením tvoju lásku. Ale s tou svadbou budeme musieť trochu počkať. Moja úloha sa ešte neskončila"“ (Rábek 2019: 83). Gorazdov charakter sa teda utvára až postupne v priebehu deja, na rozdiel od Repkovho spracovania, kde bol od začiatku diela vystupujúci vo svojej hotovej podobe a neprechádzal výraznejšími zmenami. Rozdielnosť oboch autorských koncepcií sa ukazuje aj v interpretácii Gorazdovej staroby. Kým Repko sa rozhodol pre „južnopoľskú – visliansku“ hypotézu, tak Rábekov Gorazd zostáva v nitriansku.

Summary

The chapter presents an introduction to the issue of research into the tradition of Saint Gorazd in Slovak literature. We present the place of this tradition within the tradition of Great Moravia in Slovak culture. We conduct research on two texts of contemporary Slovak prose: Jozef Repko: Metodov prvý pomocník and František Rábek: Tajomstvo zoborského kláštora. Both literary works offer a different approach to the depiction of Gorazd as a literary character (time frame of the plot, character development, character profile).

Literatúra

Bagin, A. *Cyrilometodská tradícia u Slovákov*. Bratislava: SAV, 1993.

Bílik, R. *Historický žáner v slovenskej próze*. Bratislava: Kalligram, 2008.

Bílik, R. Pragmatický romantik. In: Hurban, J. *Prózy a články*. Bratislava: Kalligram, 2014, s. 473–482.

Bosák, Ľ., Kýška, P. *Svätý Gorazd – učený muž našej zeme*. Bratislava: Lúč, 2004.

Pauliny, E., Ondruš, Š. *Život a dielo Metoda prvoučiteľa národa slovienskeho*. Bratislava: Tatran, 1985.

Rábek, F. *Tajomstvo zoborského kláštora*. Marianka: Ordinariát OS a OZ SR, 2019.

Repko, J. *Metodov prvý pomocník. Skutky svätého Gorazda*. Trnava: Spolok svätého Vojtecha, 2012.

Škoviera, A. *Pramene o živote svätých Cyrila a Metoda a ich učeníkov*. Bratislava: PostScriptum, 2013.

Turčan, V. Cyril a Metod – trvalé dedičstvo? In: Krekovič, E., Mannová, E., Krekovičová, E. (eds.) *Mýty naše slovenské*. Bratislava: Premedia Group, s.r.o., 2013, s. 36–41.

Vragaš, Š. *Cyrilo-metodské dedičstvo v náboženskom, národnom a kultúrnom živote Slovákov*. Bratislava: Lúč, 2013.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.26

Maria ŻUKOWSKA

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В МЕМУАРАХ А. МОТОРОВА «ЮНЫЕ ГОДЫ МЕДБРАТА ПАРОВОЗОВА» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДОКТОРА ПАРОВОЗОВА». ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И СРАВНЕНИЕ С РОССИЙСКИМИ УЧЕБНИКАМИ ИСТОРИИ

The Role of Historical Context in A. Motorov's Memoirs "A Young Medical Attendant's Years" and "The Crime of Doctor Parovozov". Literary Analysis and Comparison with Russian History Textbooks

***Keywords**: cultural memory, post-Soviet literature, Motorov, history textbooks, Russia, narration, politics of memory, memoirs*

***Contact**: Uniwersytet w Białymstoku; maria.zukowska2021@gmail.com*

Вопрос о соотношении памяти и официальной истории остаётся одним из ключевых в современной гуманитаристике. Особенно остро он проявляется в постсоветской России, где процессы переосмысления советского прошлого – в частности, периода перестройки, распада СССР и реформ 1990-х годов – происходят одновременно с формированием новой государственной версии исторической памяти. В этом контексте особое значение приобретают художественные тексты, фиксирующие личный опыт социальной катастрофы и повседневности переходного периода. Мемуарная проза выступает не только как форма индивидуальной рефлексии, но и как альтернатива институционализированной политике памяти (Ассман 2014: 16–31). Настоящая глава посвящена анализу мемуарных произведений Алексея Моторова – «Юные годы медбрата Паровозова» и «Преступление доктора Паровозова» – в сопоставлении с нарративами, представленными в российских школьных учебниках истории, изданных в начале XXI века. В центре внимания оказывается проблема репрезентации исторического контекста: как повседневность и социальные катастрофы конца XX века отражаются в личной хронике, и как они интерпретируются в институциональных источниках. Методологической основой работы служит сопоставительный анализ, опирающийся на концепцию культурной памяти, разработанную Алеидой Ассман (Ассман 2014: 16–31), подход к постсоветской литературе как к литературе памяти, предложенный Михаилом Липовецким

(Липовецкий 2008), а также на исследования Евгения Добренко, рассматривающего учебник как инструмент формирования государственной исторической нарративы (Добренко 1997). Цель главы заключается в том, чтобы показать: мемуарная проза, как в случае с произведениями А. Моторова, не только фиксирует индивидуальное восприятие прошлого, но и противостоит упрощённым и институционализированным формам исторического повествования, предлагая альтернативное свидетельство эпохи.

Исследование мемуарной прозы в контексте политики памяти предполагает обращение к междисциплинарным подходам, соединяющим литературоведение, культурологию и историографию. Одной из ключевых категорий анализа становится память – как индивидуальная, так и институциональная. Как подчёркивает Алеида Ассман, культурная память функционирует через устойчивые каналы трансляции – институты, образы, ритуалы – и отличается от коммуникативной памяти, основанной на личных свидетельствах и эмоциональной передаче опыта (Ассман 2014: 16–31). Именно эта личная, нестабильная и хрупкая память фиксируется в мемуарных текстах и вступает в конфликт с официальной исторической нарративой. Ещё одной важной методологической опорой служит концепция «литературы памяти», разработанная в контексте постсоветских исследований Михаилом Липовецким. Он рассматривает мемуары и автобиографическую прозу как «хроники культурного краха», в которых личная история становится микромоделью общественного распада (Липовецкий 2008: 129–132). Эти тексты не столько интерпретируют события, сколько сохраняют их следы – фрагменты речи, абсурдные эпизоды, бытовые мелочи, которые исключаются из официального повествования как незначительные. Однако именно через них формируется целостная картина эпохи «снизу». Особое внимание в рамках настоящей работы уделяется учебнику как жанру, в котором сконцентрирована идеологическая функция государства. Е.А. Добренко в своём исследовании подчёркивает, что учебник не просто передаёт знания, но и конструирует модель исторического сознания, формируя у школьников определённое отношение к прошлому (Добренко 1997: 276–278). В этом контексте сопоставление художественного текста и учебного исторического дискурса позволяет выявить не только расхождения в интерпретации событий, но и фундаментальные различия в самой структуре нарратива. Его тексты обладают двойственной природой: они одновременно представляют собой литературное произведение с выраженной стилистикой (ирония, гротеск, автобиографизм), и документ – свидетельство, хронику эпохи. Такое сочетание делает их особенно ценными для анализа процессов трансформации памяти в постсоветский период.

А. Моторов является одним из примеров современного российского автора, в чьём творчестве автобиографизм не просто служит основой для художественного высказывания, но становится способом фиксации исторической катастрофы конца XX века. Работая в качестве медбрата, а позже как врач в московских больницах в 1980–1990-е годы, он становится не только участником, но и наблюдателем системного кризиса, охватившего все сферы общественной жизни: здравоохранение, образование, науку, культуру. Именно из этой позиции «маленького человека» и формируется повествовательная перспектива его мемуаров (Липовецкий 2008: 131–132). Основные произведения А. Моторова – «Юные годы медбрата Паровозова» и «Преступление доктора Паровозова» – представляют собой хронологически оформленные тексты, в которых личная судьба героя переплетается с историческими событиями. Главный персонаж, Паровозов, воплощает собирательный образ врача эпохи распада, человека, оказавшегося между профессиональным долгом и абсурдом новых социальных реалий. Он честен, ироничен и трагически уязвим – черты, унаследованные от классических «маленьких людей» русской литературы, но переосмысленные в постсоветском контексте (Манн 2019: 215). В своих произведениях А. Моторов использует сочетание сатиры, гротеска и хроникальной достоверности. Особенность его стиля заключается в отказе от героизации прошлого. Врач изображается не как герой, а как свидетель и жертва – человек, вынужденный «лечить эпоху», а не только пациентов: «Мы не знали, что лечим – больных или эпоху» (Моторов 2012: 34). Эта ироническая фраза передаёт не только эмоциональное состояние героя, но и суть эпохи – неуверенность, потерю ориентиров, разрушение системы координат. А. Моторов создаёт уникальное пространство, в котором документальность сочетается с художественным преувеличением, а личная судьба становится моделью исторического распада. Это хроника не только профессионального выгорания, но и человеческого достоинства на фоне системной деградации. Таким способом фигура Паровозова становится не только автопортретом автора, но и символом целого поколения, оказавшегося в ловушке между исторической памятью и новым порядком. Его голос – это голос интеллигенции, пытающейся сохранить моральную устойчивость в мире, где разрушаются не только учреждения, но и смыслы.

В произведениях А. Моторова историческая эпоха не представлена через большие события или политические лозунги – она раскрывается через микропространство повседневной жизни. Хроника будней московского медбрата, а позднее врача становится способом фиксации того, что в официальных нарративах часто упрощается или игнорируется. Автор подробно описывает не только дефицит лекарств и разрушение инфраструктуры, но и атмосферу общего распада, ставшую

фоном для жизни целого поколения. Период позднего СССР и особенно переходных 1990-х годов в текстах А. Моторова изображён как время хронической нестабильности. Медицина – не просто профессия, а поле постоянного выживания. Хроникёр подчёркивает, что уже в первый год работы сталкивался не с клиническими задачами, а с необходимостью объяснять пациентам, почему нет самых элементарных вещей: «Весь первый год работы я учился не лечить, а объяснять, почему у нас нет бинтов» (Моторов 2012: 46). Это наблюдение становится метафорой для более широкого социального коллапса, в котором система теряет свои функции, а человек – защиту. В мемуарах документируются формы повседневного насилия: бюрократическая бессмысленность, некомпетентность, имитация работы, абсурдность приказов. Но при этом текст остаётся ироничным – автор не осуждает и не обвиняет, он фиксирует. Подобный подход сближает прозу А. Моторова с тем, что Михаил Липовецкий называет «памятью снизу», – нарративом, в котором важны не даты и имена, а ощущения, бытовые детали и человеческая реакция на исторические сдвиги (Липовецкий 2008: 130). Через описания очередей, халатов, ржавых инструментов, испорченных термометров и постоянных отчётов, А. Моторов строит хронику эпохи, в которой исчезают ориентиры. Его герой – Паровозов – не борец и не критик, а свидетель. Он сохраняет профессиональную стойкость, несмотря на бессмысленность происходящего: «Ты врач. Даже когда ты просто статист в отчётах» (Моторов 2014: 89). Именно такая позиция делает текст ценным как источник – неофициальный, субъективный, но наполненный живым опытом выживания в ситуации исторического надлома. Можно заключить, что фигура Паровозова представляет собой не только автопортрет автора, но и собирательный образ поколения.

Образ медицины в прозе А. Моторова выходит за рамки профессиональной тематики и превращается в символ общего упадка социальной и государственной структуры. Через повседневную реальность больницы, образы врачей, пациентов, больничных коридоров и отчётной документации автор рисует более широкий портрет эпохи – с её институциональной несостоятельностью и нравственным распадом. Система, созданная для спасения жизни, по А. Моторову, превращается в механизм, в котором пациенты становятся статистикой, а врачи – исполнителями абсурдных распоряжений. В одном из эпизодов герой вспоминает: «Врачебная этика не предполагала отчётов на сто страниц, но теперь без них нельзя было даже измерить давление» (Моторов 2014: 91). Подобные высказывания иллюстрируют, как административная форма вытесняет содержание, а профессиональные нормы подменяются бюрократическими. Через многочисленные детали – отсутствие бинтов, работа с поломанной аппаратурой, переполненные приёмные и инструкции,

не имеющие отношения к реальности – формируется образ медицины как символа постсоветской деградации. Автор подмечает: «История – это не даты, а то, как тебе не хватает бинтов» (Моторов 2012: 57). Эта реплика выражает суть подхода А. Моторова: история – не то, что зафиксировано в документах, а то, что пережито телом и зафиксировано в памяти. Показательно, что медицина у А. Моторова – это пространство, где встречаются власть и человек, политика и боль. Здесь каждый шаг врача – не только профессиональное решение, но и моральный выбор. Именно это делает образ врача центральным для понимания эпохи: в условиях, когда государство отказывается от ответственности, именно на враче лежит бремя защиты человеческого достоинства. Это позволяет сделать вывод, что мемуарный текст А. Моторова изображает систему здравоохранения как точное отражение морального и структурного распада общества. Она стала пространством, где в концентрированной форме проявились процессы социальной дезинтеграции, дефицита доверия и утраты ценностей.

Одним из наиболее выразительных приёмов в мемуарах А. Моторова становится изображение повседневного абсурда, вытекающего из тотальной бюрократизации жизни. Автор не описывает катастрофу как внезапное событие – напротив, он показывает, как деградация происходит постепенно, через бесконечные отчёты, бумажную волокиту и парадоксы медицинской системы. Именно в этом сером фоне – между бессмысленными графиками и сломанными градусниками – и разворачивается трагикомедия эпохи. В тексте неоднократно подчёркивается, что реальная медицинская практика была вытеснена фиктивной отчётностью. «Главное – помнить, что ты врач. Даже когда ты просто статист в отчётах» (Моторов 2014: 89) – с горькой иронией пишет А. Моторов. Это не просто метафора, а точное описание того, как человеческое измерение профессии исчезало под натиском регламентов и нормативов, не имеющих отношения к реальности. Повседневность становится полем столкновения между абсурдом и моральным долгом. Герой выполняет бессмысленные поручения, составляет фиктивные отчёты, участвует в кампаниях и имитациях «реформ», которые не меняют сути вещей. В одном из фрагментов он замечает: «Больных не становилось меньше, только формуляры – толще» (Моторов 2014: 103). Здесь гротеск служит не для смеха, а для фиксации дисфункции системы. Подобная стилистика отсылает к традиции Михаила Зощенко, однако у А. Моторова ирония перерастает в горечь, а бытовой юмор – в хронику выгорания. Как писал Юрий Манн, «гротеск в русской литературе – это способ пережить непереносимое» (Манн 2019: 218). У А. Моторова он служит формой фиксации неприемлемого, способом зафиксировать катастрофу без патетики. В результате повседневный абсурд и бюрократизация в прозе А. Моторова

представляет собой не только выразительное художественное средство, но и полноценную форму исторического свидетельства. Он становится структурным элементом повествования, отражающим логику постсоветской реальности, в которой выживание подменяет лечение, а отчётность вытесняет заботу о человеке.

Одна из центральных тем в мемуарной прозе А. Моторова – изменение системы ценностей, сопровождавшее переход от позднесоветского к постсоветскому обществу. Врачебная профессия, традиционно связанная с доверием, ответственностью и гуманизмом, в 1990-е годы теряет свою социальную опору. Вместо общественной миссии остаётся отчётная статистика, вместо уважения – усталость и выгорание, а вместо идеалов – ежедневная необходимость «действовать в условиях невозможности». Герой текстов А. Моторова осознаёт, что его работа стала не только профессиональной деятельностью, но и способом внутреннего сопротивления. Врач – больше не носитель знания и эмпатии, а функция в системе, где моральные ориентиры разрушены. Автор фиксирует процессы нравственного опустошения не лозунгами, а бытовыми деталями: как пациенты учатся не ждать помощи, как врачи сдерживают слёзы или замирают при виде очередного «приказа сверху». Тишина, внутренняя разобщённость, отказ от сопротивления – всё это становится новой реальностью. Именно поэтому у А. Моторова тема морального кризиса передаётся не через конфликт, а через хронику смирения. Эта трансформация ценностей у А. Моторова не показана напрямую, но читается сквозь структуру повествования: через рассыпающиеся связи между врачом и системой, между профессией и этикой, между государством и человеком. Кризис не кричит – он молчит, и этим страшнее. Его признаки – отчуждение, равнодушие, апатия. Там, где раньше была убеждённость в ценности труда, теперь – необходимость объяснять, почему нет бинтов, лекарств и смысла. В результате моральный кризис в мемуарах А. Моторова раскрывается как неотъемлемая часть исторической реальности. Он не противопоставлен системе – он ею произведён. И именно поэтому личный голос врача – не только профессионала, но и обычного гражданина, переживающего распад системы изнутри, – становится важным источником понимания эпохи разлома.

Проблема утраты ценностей и моральной дезориентации, зафиксированная в мемуарах А. Моторова, становится особенно значимой на фоне того, как эти же события представлены в официальных исторических нарративах школьных учебников. В российской образовательной системе материалы по истории играют ключевую роль в формировании общественного восприятия прошлого. Особое внимание уделяется событиям переходного периода 1990-х годов, который, несмотря на свою сложность и травматичность, часто описывается в положительном ключе.

В большинстве современных изданий этот этап представляется как необходимый и рациональный этап модернизации, сопровождающийся временными трудностями. Так, в издании под редакцией А.А. Чубарьяна говорится: «Реформы сопровождались трудностями, но заложили основу модернизации» (Чубарьян 2006: 213). Подобные формулировки задают тон повествованию, в котором внимание акцентируется не на человеческих жертвах, а на результатах преобразований, интерпретируемых как историческая необходимость. В других официальных нарративах подобного рода сохраняется стремление минимизировать масштаб и глубину социального кризиса. Учебник под редакцией В.Р. Мединского утверждает, что «страна всё глубже погружалась в пучину системного экономического кризиса» (Мединский 2023: 219), при этом основной акцент делается не на страданиях населения, а на рисках для государственного управления и угрозе «социального взрыва». Реформы 1990-х годов преподносятся как вызов, с которым Россия успешно справилась, несмотря на «высокую безработицу», «невыплаты пенсий» и «снижение уровня жизни» (Мединский 2023: 219). Всё это описывается языком управляемого процесса, в котором кризис имеет форму переходной фазы на пути к «новой реальности» (Данилов 2010: 301). Примеры таких формулировок можно найти и у других авторов. У А.А. Данилова сказано: «Переходный период открыл путь к новой реальности» (Данилов 2010: 301). В учебнике В.Р. Мединского подчёркивается: «Уровень жизни основной части населения резко снизился (…) стране грозил социальный взрыв» (Мединский 2023: 326). Эти цитаты представляют собой своего рода стилистический канон: катастрофа здесь рационализируется, драматизм нивелируется, а сами люди выступают лишь в роли статистических объектов. Как подчёркивает Е. Добренко, учебник «обезвреживает» историю, превращая травму в управляемый нарратив (Добренко 1997: 276). На этом фоне особенно ярко звучит голос А. Моторова, который возвращает голос тем, кто в учебниках остаётся безымянным. Его хроника, написанная языком сатиры, абсурду, иронии, восстанавливает утраченные эмоциональные и социальные смыслы, которые официальная история исключает. Его герой не размышляет о реформаторской политике – он просто фиксирует, что «весь первый год работы я учился не лечить, а объяснять, почему у нас нет бинтов» (Моторов 2012: 46). В другом месте звучит горькое признание: «Ты врач. Даже когда ты просто статист в отчётах» (Моторов 2014: 89). Эти свидетельства раскрывают не просто бытовые трудности, а глубинную дезориентацию человека в разрушенной социальной системе, где гуманитарная миссия медицины уступает место отчётности, имитации и выживанию. Это свидетельствует о том, что официальные учебники создают макроповествование – выверенное, логичное и управляемое, тогда как мемуарная проза даёт возможность взглянуть на те же события снизу, глазами участника, чья личная биография

становится зеркалом системной катастрофы. Это не просто разные жанры – это два принципиально различных способа осмысления истории.

Сопоставление официального исторического нарратива, зафиксированного в школьных учебниках, и мемуарной прозы А. Моторова позволяет выявить фундаментальные различия не только в стилистике и жанре, но и в самой установке на историческое знание. Школьный учебник, независимо от редакционной школы, конструирует упорядоченное, логичное и телеологическое представление о прошлом, где каждое событие имеет объяснение, оправдание и завершение. Его цель – передать набор «проверенных» фактов и интерпретаций, соответствующих государственной политике памяти (Добренко 2020: 122). Мемуар же, напротив, исходит не из логики доказательства, а из логики проживания. Автор-мемуарист не реконструирует историю как аналитик – он её переживает и фиксирует постфактум, иногда без попытки рационализировать происходящее. В этом смысле А. Моторов выступает не как историк, а как свидетель, которому важнее не объяснить эпоху, а передать её текстуру, запах, абсурд и боль. Его фраза «Я не придумывал эти истории – я в них жил» (Моторов 2014: 190) становится не только поэтической формулой, но и манифестом подхода к истории как к индивидуальной хронике. Там, где учебник говорит: «в стране усилилась инфляция», Моторов пишет: «Мы не знали, что лечим – больных или эпоху» (Моторов 2012: 84). В официальном дискурсе реформы – это экономические параметры, в мемуарах – это человеческие компромиссы, внутренние травмы и профессиональное выгорание. Учебник утверждает: «была введена карточная система», герой А. Моторова замечает: «в подвале хирургии нашли ящик с бинтами 1974 года, и это стало медицинским прорывом» (Моторов 2012: 53). Такая разница объясняется не только жанровыми особенностями, но и позицией рассказчика. В учебнике история – это внешний процесс, в котором человек участвует как объект; в мемуарах – это внутренняя драма, в которой человек – субъект и свидетель. Одни и те же события – реформы, дефицит, инфляция – в учебниках превращаются в макрофакты, а в художественном тексте становятся частью микроистории. Именно здесь формируется альтернативная память, которую культуролог Алеида Ассман называет «памятью снизу» (Assmann 2006: 44) – неофициальной, неунифицированной, но глубоко подлинной. Литература в таком контексте становится не просто эстетическим феноменом, а формой сопротивления забвению. Она позволяет сохранить то, что вытесняется из официального нарратива: амбивалентность, неуверенность, страдание. Иными словами, художественное свидетельство оказывается не менее важным источником для осмысления эпохи, чем институциональные документы. Более того, в условиях постсоветской России, где идеологические колебания приводят

к периодической ревизии истории, именно мемуары, подобные текстам А. Моторова, дают возможность сохранить человеческое измерение прошлого.

В условиях, когда официальная историография стремится к унификации прошлого, мемуары А. Моторова выполняют важную функцию альтернативного источника исторического знания. Их значение заключается не только в документальной точности, но и в том, как они сохраняют сложность человеческого опыта, ускользающего от категорий учебника. А. Моторов, выступая как врач, писатель и хроникёр, создаёт многослойное свидетельство эпохи, в котором сочетаются личная рефлексия, профессиональная этика и сатирическая интонация. Литература здесь выполняет двойную функцию: с одной стороны, она документирует повседневность социальной катастрофы – разруху в системе здравоохранения, коррупцию, профессиональное выгорание, – с другой стороны, она метафоризирует опыт через гротеск и абсурд. Так формируется своеобразная «хроника упадка», в которой смешиваются юмор, горечь и беспомощность. Например, сцена, в которой герой находит медицинские бинты 1974 года и воспринимает это как победу, становится символом слома профессионального и морального порядка (Моторов 2012: 52). Особое внимание следует обратить на феномен «памяти снизу», сформулированный Алеидой Ассман как противоположность институционализированной исторической памяти (Assmann 2006: 88). В текстах А. Моторова эта память реализуется через «тело рассказчика», который не просто передаёт информацию, но вживую фиксирует состояние системы через личные поражения и выборы. Именно благодаря такой позиции литература оказывается способной удержать те смыслы, которые не попадают в официальные интерпретации. Мемуары А. Моторова важны и как свидетельство трансформации социальной роли интеллигенции в постсоветскую эпоху. Его герой – это не «винтик» системы и не её критик, а фигура сопротивления, хотя и пассивного: он не протестует, но продолжает лечить, писать, понимать. Этот «маленький человек» не становится героем, но и не исчезает в статистике. Его наблюдение: «Главное – помнить, что ты врач. Даже когда ты просто статист в отчётах» (Моторов 2014: 89) – превращается в нравственный и исторический манифест. Приближаясь к заключению, стоит сказать, что тексты А. Моторова представляют собой уникальное сочетание документальной точности и художественной силы. Они не только описывают эпоху, но и моделируют способы выживания и осмысления в условиях разрушающейся реальности. Это делает их ценным источником не только для литературоведов, но и для историков, социологов, культурологов, изучающих постсоветскую Россию.

Сопоставление мемуарной прозы А. Моторова с официальными школьными учебниками по истории позволяет выявить принципиальные расхождения

между индивидуальной памятью и институционализированной нарративной конструкцией постсоветского прошлого. Тогда как учебники – особенно под редакцией В.Р. Мединского, Д.Д. Данилова и А.О. Чубарьяна – стремятся вписать 1990-е годы в логическую схему прогресса и модернизации, тексты А. Моторова возвращают голос тем, кто оказался на периферии этого процесса: врачам, учителям, рядовым гражданам, ежедневно сталкивавшимся с реальностью распада. Герой А. Моторова – медбрат и врач, чья профессиональная деятельность становится не только средством выживания, но и формой морального свидетельства. Он не даёт оценок, не претендует на политическое обобщение, но фиксирует эпоху в деталях: отчётах, дефиците бинтов, усталости, иронии. В этом – сила мемуарного взгляда, в котором история перестаёт быть хронологией событий и становится хроникой выживания. Литературный нарратив А. Моторова превращает профессию в поле этического конфликта, где сталкиваются личное достоинство и институциональная деградация. Подобная хроникальность, сопряжённая с автобиографической достоверностью, придаёт мемуарам А. Моторова статус важного историко-культурного документа. Это не только частная рефлексия, но и форма «памяти снизу», способная восполнить пробелы официального дискурса. А. Моторов не просто описывает опыт врача в эпоху трансформаций – он репрезентирует травматическую реальность постсоветского общества, лишённого устойчивых опор. В условиях продолжающихся споров о значении 1990-х годов для исторической самоидентификации России, подобные литературные свидетельства приобретают особую ценность. Они не конкурируют с учебниками, а дополняют их, предлагая взгляд «изнутри» – взгляд, в котором не декларации, а человеческий опыт становится основой для понимания прошлого. Поэтому мемуарная проза заслуживает внимательного литературоведческого и историографического осмысления как один из ключевых источников по исследованию постсоветской памяти.

Summary

The chapter explores the representation of historical context in the memoirs of A. Motorov and compares it with official narratives found in contemporary Russian history textbooks. By analyzing the relationship between personal and institutional memory, the study demonstrates that literature not only preserves everyday experience omitted from state historiography, but also offers an alternative perspective on the post-Soviet past.

Литература

Ассман, А. Трансформация нового режима времени. In: Корчагин, К. и др. (ред.) *Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014, с. 16–31.

Данилов, Д.Д. и др. *История России. XX – начало XXI века*. *Учебник для 11 класса основной школы*. Москва: Баллас, 2010.

Добренко, Е.А. *Поздний сталинизм: эстетика политики. Политика апофении: Очерки идеологической истории литературы.* Москва: Новое литературное обозрение, 2020.

Добренко, Е.А. *Формовка советского читателя.* Санкт-Петербург: Академический проект, 1997.

Липовецкий, М.Н. *Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*. Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

Манн, Ю.В. *Н.В. Гоголь. Тайны биографии и тайны творчества.* Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019.

Мединский, В.Р., Торкунов, А.В. *История России. 1945 год – начало XXI века: Учебник для 11 класса*. Москва: Просвещение, 2023.

Моторов, А. *Преступление доктора Паровозова.* Москва: Corpus, 2014.

Моторов, А. *Юные годы медбрата Паровозова.* Москва: Corpus, 2012.

Чубарьян, А.О. и др. (ред.) *Отечественная история XX – начала XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений*. Москва: Просвещение, 2006.

Assmann, A. *Der lange Schatten der Vergangenheit*. München: C.H. Beck, 2006.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

TRANSLATOLOGIE

/ TRANSLATOLOGIA

/ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.27

Евгения ДЕМИНА

РОМАН «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР» АРТУРА КОНАН ДОЙЛЯ В ПЕРЕВОДЕ Н.А. ВОЛЖИНОЙ: АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОРИГИНАЛА

The Novel "The Lost World" by Arthur Conan Doyle Translated by N. A. Volzhina: Analysis of the Interpretation of the Original

***Keywords**: literary translation, spiritualism, translation transformations*

***Contact**: Ostravská univerzita; eugdmn@gmail.com*

Сэр Артур Конан Дойль (1859–1930 гг.) – британский писатель, поэт, политик, врач, искатель приключений и спиритуалист. Создатель гениального сыщика Шерлока Холмса, эксцентричного профессора Джорджа Челленджера, офицера Жерара и рыцаря сэра Найджела.

А. К. Дойль родился в Эдинбурге (Шотландия). Его мать, Мэри Джозефина Элизабет Фоули, была ирландкой и происходила из знаменитого рода Перси из Нортумберленда по линии Плантагенетов. Отец, Чарльз Ольтамонт Дойль, был художником-акварелистом и иллюстратором. В частности, он был одним из первых художников, кто проиллюстрировал приключения Шерлока Холмса. В книге «Этюд в багровых тонах» (A Study in Scarlet), опубликованной в 1888 году (Ward, Lock & Co.), есть шесть его рисунков, на которых изображён Холмс. После потери работы у отца Дойля возникли серьёзные проблемы с алкоголем, которые провоцировали эпилептические припадки. Семья, в которой было всего семеро детей, испытывала финансовые трудности из-за алкоголизма Дойля-старшего, что серьёзного повлияло в последствии на судьбу его сына. В своей автобиографии Memories and Adventures, над которой А. К. Дойль работал в 1923–1924 годах, он писал, что любовь к сочинительству и литературе привила ему мать.

Его образование началось дома в маленькой эдинбургской школе. В девять лет он поступил в иезуитскую школу Ходдер в графстве Ланкашир, специализирующейся на подготовке к поступлению в колледж Стоунихерст. Уже в то время будущий писатель был увлечён литературой, читал Вальтера Скотта, Жюля Верна

и Томаса Маколея[1]. В колледже А. К. Дойль даже основал небольшой журнал The Stonyhurst Figaro, для которого писал рассказы, поэмы и эссе вместе с товарищем Артуром Роскеллом. Учёба в Стоунихерсте, где имели место неравенство и физические наказания, отвернула будущего писателя от христианства. В 1875 году он покинул колледж и объявил себя агностиком.

В 1876 году А. К. Дойль начал обучение в Медицинской школе Эдинбургского университета, действующей по сей день и считающейся одним из самых престижных медицинских учебных заведений в Великобритании. Там он познакомился с людьми, которые стали прообразами главных героев будущих романов. Профессор Резерфорд, чья ассирийская борода, рокочущий голос и широкая грудь вдохновили писателя на создание профессора Джорджа Эдварда Челленджера, и доктора Джозефа Белла, профессора хирургии, чей выдающийся дедуктивных подход к диагностике и работе с пациентами зародили идею детектива, использующего те же методы – Шерлока Холмса.

Говоря о мировоззрении писателя, оставившим след в его произведениях, тут же стоит упомянуть и его интерес к спиритизму, который возник несколько позднее, когда А. К. Дойль побывал на спиритическом сеансе в доме одного из своих пациентов. В своём двухтомном труде «История спиритуализма» (1926 г.) в предисловии А. К. Дойль пишет, что спиритизм – одно из самых крупных явлений для человечества со времён явления Христа. Он отвергал материализм, считая спиритизм новой ступенью для развития науки и изучения духовного мира, в существование которого верил и пытался обосновать его с научной точки зрения, исследовать. Вообще спиритуализм был достаточно популярным движением в США, Канаде и Соединённом Королевстве в конце XIX – начале XX вв. Развитие науки и техники, а после Первая мировая война, заставившая людей усомниться в принципах и догмах довоенной церковной морали, вынуждала людей к стремлению рационализировать духовный опыт, переосмыслить нравственные ориентиры, которые привели человечество к мировой войне. В случае же с британским писателем интерес к оккультным практикам и попытки найти для них научные доказательства, вероятно, связаны с гибелью его старшего сына Кингсли, который был тяжело ранен во время битвы на Сомме и умер от пневмонии в октябре 1918 года. В феврале следующего года умер брат писателя Иннес, имевший звание бригадного генерала. Все эти события повлекли за собой затяжную депрессию, увлечение спиритуализмом оказалось особенно острым и в последствии оказало

[1] Томас Бабингтон Маколей – британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи. На протяжении пяти лет, находясь в Индии, пытался внедрить в правовую систему принцип равенства. Особенно значительна его роль в принятии закона об отмене рабства.

влияние на сюжет последней книги о профессоре Челленджере «Страна тумана». Несмотря на то, что пик увлечения движением пришёлся на период позднее выхода романа «Затерянный мир» (1912 г.), всё же к тому времени А. К. Дойль уже достаточно долго интересовался вопросами существования других миров и природой сверхъестественного. Из автобиографии известно, например, что его вторая супруга Джин Лекки (с 1907 г.) считала мужа сильным медиумом. Будучи человеком своего времени, он создал профессора Джорджа Челленджера, которые исследует другие миры и явления, кажущиеся учёным ненаучными. В романе поднимается вопрос об ограниченности науки, существовании явлений, с которыми она просто неспособна справиться и рационализировать.

В 1911 году А. К. Дойль начал работу над романом «Затерянный мир», в котором отразил некоторые политические, социальные и этические проблемы того времени. В России первые главы романа появились в журнале «Вестник иностранной литературы» в 1912 году – незадолго после первой публикации в иллюстрированном журнале Strand Magazine в Великобритании. С тех пор для русскоязычных читателей роман переводился неоднократно, но с 1947 года стандартным считается перевод Наталии Альбертовны Волжиной (1903–1981 гг.) – советской и российской переводчицы, чья версия перевода романа «Затерянный мир» переиздавалась около семидесяти раз.

Эпиграф у романа следующий: «У меня есть простой план: доставить час радости мальчику, ставшему наполовину мужчиной, и мужчине, оставшемуся наполовину мальчиком» (Дойль 1981). Нацелен он был на мальчиков-подростков, что было типично для романов поздней Викторианской эпохи: в Великобритании ещё только в 1918 году женщины старше тридцати получат право голосовать. В 1911 году, несмотря на то что активно развивается движение суфражизма[2], отношение к нему очень неоднозначно, поэтому в общественном сознании по-прежнему крепко держится стереотип о том, что женщины излишне эмоциональны, ненадёжны и ограничены интеллектуально в сравнении с мужчинами. Факт этот находит своё отражение в романах того времени и, в частности, сказывается на образе возлюбленной главного героя Глэдис и супруги профессора Челленджера. Перед Н.А. Волжиной, переводившей «Затерянный мир» в 1947 году – в период ужесточения идеологического контроля в СССР – стояла задача адаптировать произведение для советских юношей, учитывая при этом цензуру и требования идеологии.

[2] Суфражизм – общественное и политическое движение начала XX века, ставившее своей целью наделение женщин политическими правами (прежде всего правом голоса).

Задача переводчика состоит не только в том, чтобы передать текст с одного языка на другой, но и обеспечить, по сути, межкультурное взаимодействие, или «взаимодействие носителей разных культур» (Гузикова, Фофанова 2015: 6). Поэтому Н.А. Волжиной было необходимо передать также части текста, имеющие отношение к экономическим, политическим или культурным реалиям Великобритании времён первой половины XX века, когда ещё не существовало Советского Союза. Определённую сложность для перевода в тексте представляют средства художественной выразительности – тропы и фигуры, которые нельзя перевести дословно на русский язык. Особое внимание хотелось бы уделить тому, к каким переводческим трансформациям прибегала Н.А. Волжина для работы со словами, имеющими в английском языке стилистическую окраску, топонимами, названиями динозавров. Кроме того, интерес представляет повышенная полисемия слов английского языка в сравнении с русским.

Перевод романа, выполненный Н.А. Волжиной, представляет собой сложный и неоднозначный труд. С одной стороны, переводчица умело использовала ряд трансформаций для адаптации текста к русскому языку, стремясь к его выразительности и динамике. С другой стороны, её склонность к вольностям и интерпретациям привела к смысловым сдвигам и отступлениям от оригинала.

Значимой трансформацией, встречающейся в переводе Н.А. Волжиной, является **универбизация**. Этот приём заключается в замене описательной конструкции одним словом, что способствует большей лаконичности и динамичности русского текста. Например, английская фраза *placed a soothing paw upon my shoulder* переведена как *потрепал меня по плечу.* В данном случае определение *soothing* (успокаивающая) опущено, а само действие *placed a paw* (положил лапу) передано более разговорным русским глаголом *потрепал*, что демонстрирует, как вольный подход переводчицы приводит к тому, что текст теряет пласт информации и воспринимается русскоязычным читателем иначе, ведь между действием *положить* и *потрепать* есть разница в значении.

Также часто в переводе наблюдается **смысловое развитие**. Этот приём предполагает расширение или конкретизацию значения исходного слова или словосочетания при переводе.

Наряду с удачными переводческими решениями, текст Н.А. Волжиной не лишён негативных сторон. Переводчица нередко позволяла себе значительные вольности в обращении с оригинальным текстом. Местами наблюдается отход от авторской стилистики и фактического содержания. Н.А. Волжина нередко

подключала фантазию, что приводило к появлению в тексте элементов, отсутствующих в оригинале.

Следствием такой творческой интерпретации стали смысловые сдвиги. В некоторых фрагментах перевод передаёт не совсем то, что было задумано автором, искажая нюансы повествования или характеристики персонажей. Эти вольности могут рассматриваться как отступление от принципов точности и верности оригиналу.

Помимо указанных выше трансформаций, переводчица достаточно часто прибегает к **объединению** предложений – способу перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путём соединения двух простых предложений в одно сложное (Комиссаров 1973: 127):

Of the stores which remained below *he was ordered* to retain as much as would keep him for two months. The Indians were to have the remainder as a reward for their services and as payment for taking our letters back to the Amazon.
Все это было переправлено к нам (часть из предыдущего предложения), а из оставшейся внизу провизии *мы велели ему* отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за службу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку.

Данный пример демонстрирует, как Н.А. Волжина меняет оригинальную структуру предложений. Вероятно, сделано это было для того, чтобы предать тексту большей художественной окрашенности, так как в целом переводчица часто вместо более нейтральных единиц английского языка (*fine specimen, against the red curtain*) подбирает более высокие, яркие или стилистически окрашенные слова в русском (*великолепный экземпляр, оттеняла малиновая штора*). Л.С. Бахадуров в книге «Язык и перевод» пишет, что английскому языку свойственна большая лаконичность и простота предложений в отличие от русского, где сложные предложения можно считать отличительной чертой художественного текста. Например, В.Н. Комиссаров в «Теории перевода» указывал на необходимость учитывать **стилистические нормы** и **узус** целевого языка и при переводе на английский язык, напротив, упрощать и членить русские предложения. Поэтому изменения, которые в данном случае осуществила Н.А. Волжина, вполне логичны и необходимы для того, чтобы текст был более естественным для русскоязычного читателя. Однако как негативное явление можно рассмотреть то, что в тексте часто также

нарушены абзацы, а в паре мест пропадают значительные части текста. Например, в переводе исчезло следующее описание из начала романа:

The bent head, the averted eye, the faltering voice, the wincing figure – these, and not the unshrinking gaze and frank reply, are the true signals of passion. Even in my short life I had learned as much as that – or had inherited it in that race-memory which we call instinct.

По неизвестным причинам эти предложения, представляющие собой практически половину абзаца, пропадают. Кроме того, местами целые отрывки текста меняются и не соответствуют эмоциональной окраске оригинального произведения:

We had been friends, *quite good* friends; but never could I get beyond the same comradeship which I might have established with one of my fellow-reporters upon the Gazette, – perfectly frank, perfectly kindly, and perfectly unsexual. *My instincts are all against* a woman being too frank and at her ease with me. It is no compliment to a man. Where the **real sex feeling** begins, timidity and distrust are its companions, heritage from old wicked days when love and violence went often hand in hand.
Мы с ней были друзьями, *большими друзьями*, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров "Дейли-газетт", – чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. *Мне претит*, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком *смело*. Это не делает чести мужчине. Если возникает **чувство**, ему должна сопутствовать *скромность*, настороженность – наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку.

Данный пример демонстрирует, как из-за авторского вклада переводчицы рушится структура предложения и теряется первоначальный смысл. Любое упоминание полового влечения из перевода исчезло, что, вполне вероятно, было требованием цензуры, однако это не единственное изменение, которое произошло в приведённом отрывке. Например, функцию прилагательного *old* компенсирует указательное местоимение *тех*. Эти трансформации не являются причиной смыслового сдвига, но, например, фраза *мне претит*, которой выражено *my instincts*, является вымыслом Н.А. Волжиной и не соответствует оригиналу. Несмотря на то, что в английской версии использовано слово *comradeship*, что дословно

переводится как «товарищество», т.е. чисто товарищеские отношения, какие у главного героя могли бы быть с любым из его коллег, а также *quite good friends* (*неплохие друзья*) в переводе появляется уточнение *большими друзьями*. Это наполняет сцену совершенно другим смыслом, который не был задуман автором. Обращаясь к версии перевода на чешский язык Франтишка Гела, становится ясно, что герой рассуждает о том, что отсутствие робости у женщины – плохой знак для влюблённого в неё мужчины: «Není to pro muže žádné dobré *znamení*. (...) Jakmile se totiž v ženě ozve skutečný *milostný cit*, přidruží se k němu plachost, bázlivost a nedůvěra – dědictví starých nedobrých časů, kdy láska byla často provázena násilím» (Doyle 2010). Несмотря на то, что перевод Гела не дословный, он всё же ближе к оригиналу, потому что и по значению слов, и по контексту содержания *It is no compliment to a man* не может быть выражено предложением *Это не делает чести мужчине*, так как это совершенно меняет смысл. Кроме того, слово *timidity* переведено как *скромность*, хотя больше подошёл бы как раз более близкий эквивалент *робость*. В русской версии рассуждения героя не вполне ясны: его будто в целом оскорбляет в женщинах раскованность, искренность и отсутствие скромности. В оригинале он рассуждает о том, что, если женщина ведёт себя с мужчиной слишком открыто и не робея, это, вероятно, означает, что она не испытывает к нему романтических чувств. Значительное влияние творческих амбиций Н.А. Волжиной исказили смысл приведённого отрывка.

Можно предположить, что подобные расхождения возникли не из-за стремления переводчицы к вольности, а из-за давления советской цензуры: как уже было установлено, произведение было нацелено на аудиторию юношей и мальчиков. Сложно себе представить, что цензура в 1947 году пропустила бы в печать книгу, в которой молодые люди могли бы читать о запретных, считавшихся низкими и недостойными, темах – сексуальном влечении или религии. Поэтому Н.А. Волжина, видимо, была вынуждена менять оригинал, предавая ему большую возвышенность и всячески избегая упоминаний инстинктов и природных желаний. Однако местами тяга к подбору более высоких, литературных слов приводит к тому, что восприятие сцен оригинала полностью меняется в переводе. Так, в десятой главе, где члены экспедиции впервые сталкиваются с динозавром, сцена, которая в оригинале является восторженной и комичной, становится психологически напряжённой и пугающей, так как переводчица для слова *a creation* выбирает эквиваленты *чудовище*, *чудовищное создание*. Это пример того, как свойственная английскому языку полисемия может быть абсолютно по-разному отражена в русском языке и как желание переводчика сделать текст более литературным привёл к тому, что русскоязычный читатель воспринял происходящее совершенно иначе.

There were, as I say, five of them, two being adults and three young ones. In size they were enormous. Even the babies were as big as elephants, while the two large ones were *far beyond all creatures I have ever seen*. They had slate-coloured skin, which was scaled like a lizard's and shimmered *where* the sun shone upon it. All five were *sitting up*, balancing themselves upon their broad, powerful tails and their *huge three-toed* hind-feet, while with their small five-fingered front-feet they pulled *down* the branches upon which they browsed. *I do not know that I can bring their appearance home* to you better than by saying that they *looked* like monstrous kangaroos, *twenty feet* in length, and with skins like *black* crocodiles.
Как я уже сказал, они гуляли впятером – двое взрослых и три детеныша. Размеры их *поразили нас*. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж *и говорить не приходится*. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали *к себе зеленые* ветки и *обгладывали с них листья*. *Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах*, скажу, что они *напоминали* гигантских, *футов в двадцать* высотой, кенгуру, покрытых *темной* крокодиловой кожей.

В приведённом сравнении небольшого абзаца можно увидеть, как в тексте перевода происходит смысловой сдвиг. Во-первых, *поразили нас* соответствует *they were enormous*, что дословно можно перевести как *они были огромными*. Эмоциональной окраски в данном случае нет, так как главный герой просто констатирует факт, описывая увиденное, а переводчица, в свою очередь, даёт волю фантазии. Также *I have ever seen* в русской версии отсутствует, вместо него использовано *и говорить не приходится*, что вновь предаёт сцене лишней эмоциональности: форма времени present perfect использована скорее с целью передачи личного опыта героя, говорящего от своего лица, а не для того, чтобы поразить читателя. Внимание стоит уделить и тому, как Н.А. Волжина подбирает в качестве эквивалента к английской идиоме *sitting up* глагол *стояли*, что даже приблизительно не соответствует ни одному из возможных значений. Обращаясь к «Кембриджскому словарю»[3], перевести данную идиому можно несколькими способами, но по контексту сцены ближе всего подходят следующие варианты: *to show interest or surprise* (демонстрировать интерес или удивление) или *to sit with a straight back* (сидеть, выпрямив спину). В оригинале существа тянут крупные ветви к земле

[3] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (2025-03-25).

и пощипывают их (*pulled down the branches upon which they browsed*), что Н.А. Волжина переводит весьма вольно: у неё чудовища *обгладывают листья*. Также появляется эпитет *зеленые*, чего в оригинале нет, а вот описание *массивных трехпалых задних лап* (*huge three-toed hind-feet*) опущено, что напрямую влияет на восприятие сцены, а потому является негативным преобразованием. Для сравнения, например, чешский переводчик Ф. Гел в данном отрывке отнёсся куда с большей бережностью к английской версии.

Jejich rozměry byly *obrovské*. I ty děti byly velké jako sloni, zatímco dospělá zvířata předčila velikostí *všechno živé, co jsem kdy viděl*. Jejich kůže, šedá jak břidlice, byla pokrytá šupinami po způsobu ještěrek a leskla se, když na ni dopadalo sluneční světlo. Všech pět *sedělo takříkajíc na bobku*. Opírali se o široké, *mocné ocasy a o své tříprsté zadní nohy*, zatímco malými pětiprstnými předními končetinami *škubali větve*, na nichž si pochutnávali. Nevím, jak by vám lépe zprostředkoval obraz těchto zvířat, než když vám řeknu, že vypadala jako obludní *sedmimetroví* klokani s krokodýlí kůží.

Как видно из данного отрывка, в тех же самых местах Ф. Гел больше тяготит к оригиналу, чем Н.А. Волжина. Однако в последнем предложении он меняет единицу измерения с футов на метры, адаптируя её под чешского читателя. Это решение позволяет легче воспринимать текст и лучше понимать важную часть описания.

Для перевода топонимов Н.А. Волжина прибегает либо к использованию устоявшихся названий, либо к слиянию транскрипции и транслитерации, что при переводе с английского языка в целом встречается чаще, чем использование этих приёмов по отдельности (Бархударов 1975: 2).

Maple White	Мэйпл-Уайт
Sussex	Суссекс
Lake Avenue	Лейк-Авеню
Detroit	Детройт

Осуществляя перевод названий динозавров, которые пришли в английский язык из латыни, переводчица пользуется преимущественно приёмом **транскрипции**, передавая в графической системе русского языка примерное звучание, и в меньшей степени стремясь сохранить внешнюю оболочку слов.

a pterodactyl	птеродактиль
a stegosaurus	стегозавр
a allosaurus	аллозавр
a Megalosaurus	мегалозавр

Среди определений художественного перевода в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина есть следующее: «Чем меньше опыта, трудолюбия и способностей у переводчика (художественного произведения), тем на большую свободу интерпретации он претендует, позволяя себе неоправданные вольности и измышления. Опытный же переводчик смиряет свою творческую фантазию во имя верности оригиналу. Плохой переводчик тянет к себе, хороший – тянется к автору» (Нелюбин 2003: 132–133). Говоря об эквивалентности перевода Н.А. Волжиной, нельзя не упомянуть о том, сколько вольностей переводчица допустила, работая над русской версией романа «Затерянный мир». Вероятно, внучка писателя Валериана Волжина (1845–1919), взявшая себе в качестве псевдонима фамилию знаменитого родственника, всё же давала в тексте волю собственным творческим амбициям, поэтому в финальном тексте возникло немало расхождений. В настоящем уже не представляется возможным установить, какие трансформации произошли в связи с правками цензора, а какие представляют собой исключительно решение переводчицы. Несмотря на это, Н.А. Волжина внимательно отнеслась к специальной терминологии. В целом данный перевод можно назвать эквивалентным, однако данная работа демонстрирует, что повторные переводы художественной литературы необходимы для того, чтобы пытаться как можно больше приблизить перевод к подлиннику, сохранить всю смысловую величину и особенности стиля автора, с чем, по моему мнению, переводчица справилась не вполне.

Summary

The chapter is devoted to the analysis of the Russian translation (“The Lost World”, 1947) of Arthur Conan Doyle's novel “The Lost World” (1912), carried out by the prominent translator Natalia Albertovna Volzhina. The chapter presents brief information about the life and work of the famous English writer, which allows for an understanding of the historical and cultural context of the work's creation. Particular attention is paid to the study of translation strategies employed by N. A. Volzhina in adapting the text for a Russian-speaking audience. The analysis examines how the translator conveys the peculiarities of the author's style, the speech characteristics of the characters, and the atmosphere of the original. A comparison of individual frag-

ments of the original text and their translation is also conducted to identify semantic, stylistic, and cultural transformations. The work allows for an assessment of the degree of adequacy and equivalence of the translation, as well as the specifics of the work's interpretation in the Russian-speaking context.

Литература

Бархударов, Л.С. *Язык и перевод*. Москва: Международные отношения, 1975.

Гузикова, М.О., Фофанова, П.Ю. *Основы теории межкультурной коммуникации*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.

Дойль, А. К. *Затерянный мир*. Киев: Молодь, 1981.

Комиссаров, В.Н. *Теория перевода*. Москва: Международные отношения, 1973.

Нелюбин, Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва: Флинта, Наука, 2003.

Doyle, A. C. *The Lost World*. London: Alma classics, 2022.

Doyle, A. C. *Ztracený svět*. Praha: Nakladatelství XYZ, 2010.

Интернет-источники

Cambridge Dictionary. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (2025-03-25).

The Arthur Conan Doyle Encyclopedia. Biography. Режим доступа: https://www.arthur-conan-doyle.com/index.php/Biography (2025-03-20).

The Arthur Conan Doyle Encyclopedia. The History of Spiritualism. Режим доступа: https://www.arthur-conan-doyle.com/index.php/The_History_of_Spiritualism (2025-03-20).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.28

Kornelia WARAKOMSKA

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРИ ЗАКАДРОВОМ ПЕРЕВОДЕ СЕРИАЛА *EUPHORIA* (НА РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Generalisation and Concretisation in Voice-over in the Series "Euphoria" (in Russian and Polish)

***Keywords**: the series "Euphoria", voice-over, generalisation, concretisation*

***Contact**: Uniwersytet Śląski w Katowicach; kornelia.w0090@gmail.com*

В данной главе особое внимание уделяется переводческим трансформациям, в том числе генерализации и конкретизации на материале сериала *Euphoria*. На примерах из диалога описываются разницы между русским и польским переводами.

В настоящее время сериалы всё больше и больше приобретают популярность. Одним из таких сериалов является *Euphoria* (рус. *Эйфория*, поль. *Euforia*), которая завоевала не только США, но также Россию и Польшу. Как можно прочитать на Кинопоиске, это история о: «17-летней Ру Беннетт, возвращающейся домой после лечения в реабилитационной клинике. Не теряя времени, она опять берётся за старые привычки – наркотики и тусовки. Однако появление в городе девушки Джулс становится для Ру знаком надежды»[1]. Первый сезон данного аудиовизуального произведения вышел в 2019 году. Сериал насчитывает два сезона и у каждого из них по восемь эпизодов. Мелодраму создал Сэм Левинсон, а её дистрибьютором является HBO[2]. Перевод на русский язык осуществила киностудия Амедиа, а на польский язык – Ольга Довгирд. В обоих переводах применялась техника закадрового озвучивания.

Аудиовизуальный перевод является многогранным и сложным вопросом, так как совмещает в себе два компонента: звуковой и зрительный. Субтитры, дубляж и закадровый перевод являются тремя главными техниками медиаперевода.

[1] *Kinopoisk.ru*. Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/1178445/ (2025-03-17).
[2] *HBO.com*. Режим доступа: https://www.hbo.com/euphoria (2025-03-17).

Озвучивание – это техника, в которой звуковые дорожки накладываются друг на друга: оригинальные звуки с переведёнными репликами актёров озвучки (Tomaszkiewicz 2006: 116–117). Существенной разницей между русской и польской озвучкой является количество дикторов, поскольку в России присутствует многоголосая озвучка (Матасов 2008: 25), в то время как в Польше – одноголосая, в которой часто используется мужской голос (Szarkowska 2009: 189).

Переводчик, осуществляя перевод, часто вынужден пользоваться переводческими трансформациями. Роман Левицкий подразделяет их на структурные и семантические. Ко вторым он относит: генерализацию, конкретизацию, аппроксимацию, модуляцию, перифраз, векторную замену и антонимический перевод (Lewicki 2017: 209). Нас интересуют две первые, поскольку они часто появляются в данном сериале.

Генерализация, иначе обобщение, это использование слова с более широким значением, в то время как при конкретизации, наоборот, применяется слово с более узким значением. В результате употребления одной или другой трансформации, перевод может стать скудным (в случае обобщения) или же – обогащённым (в случае конкретизации) (Lewicki 2017: 209).

Как это влияет на приём перевода зрителем? Проанализируем фрагменты реплик из *Эйфории*, в которых переводчики принимают разные решения.

Ниже представлен пример, где в обоих переводах встречается генерализация:

Kat: I'd settle for, like, **four Corona Lights** and **some non-rapey affection**.	Кэт: Я согласна на **четыре "Корона-лайт"**, **и чтобы без грубостей**.	Kat: Ja przyjmę **cztery piwka** i **cokolwiek, co nie jest gwałtem**.

Данная реплика содержит название бренда, предлагающего алкогольные напитки *Corona Light*, который является самым импортируемым в США[3]. Если обратить внимание на переводы, то в русском название сохраняется с помощью транскрипции (*Корона-лайт*), в то время как в польском варианте оно отсутствует. Этот пивной бренд является одним из самых известных по всему миру[4] и его действительно можно найти в магазинах, как в России, так и в Польше. Однако в этих странах

[3] *Beverage Daily*. Режим доступа: https://www.beveragedaily.com/Article/2019/04/08/Constellation-Brands-2019-sees-a-monumental-shift-for-Corona/ (2025-03-04).
[4] *Dzen.ru*. Режим доступа: https://dzen.ru/a/X130yNcJJHMXqmOI (2025-03-04).

большей популярностью пользуются отечественные бренды пива. В связи с этим, возможно, что польской переводчице показалось лишним указывать на конкретное название товара, поэтому она решила обобщить смысл (*cztery piwka*). В этом контексте важным является не бренд, только факт, что девушка Кэт хочет развлечься, употребляя алкоголь.

Интересной является также вторая часть предложения: *and some non-rapey affection*. Здесь в оригинале применяется слово *affection*, обозначающее ‘fond attachment, devotion, or love’[5]. Сочетание слов *non-rapey* («ненасильственный») и *affection* может вызвать удивление, ведь они совсем противостоят друг другу. Оба варианта перевода не используют эквивалент слова *affection*, только обобщают суть высказываний, причём в русском переводе ещё и не употребляется в прямом значении *non-rapey*. В этом диалоге важно понять контекст: так как девушки собираются на вечеринку, они обсуждают разные вопросы, такие как выбор одежды и веществ, которые собираются употреблять. Одна из них сообщает, что хочет веселиться так, чтобы не испытывать чувства, похожие на изнасилование.

Русская команда переводчиков, решаясь на вариант перевода *и чтобы без грубостей*, немного расширила значение выражения, потому что под словом *грубости* можно подразумевать не только сексуальное насилие, но также неприятное общение с кем-нибудь. Польская переводчица сохранила оттенок насилия (*i cokolwiek, co nie jest gwałtem*), в результате чего у польской аудитории возникает образ девушки, которую устраивает всё, кроме насилия. Это также может обозначать, что героиня не хочет ощущать побочный эффект после употребления психоактивного вещества.

Хотя польский перевод является в большей степени обобщённым, создаётся впечатление, что он точнее передаёт смысл, чем русский вариант.

Следующий пример показывает, что только в одном переводе происходит генерализация:

Ashtray: I thought your ass was dead. Rue: I thought you had **Asperger's** till I realized you're just a prick.	Пепельница: Я думал, ты откинулась. Ру: Я думала, ты **аутист**, а ты просто козёл.	Popielnik: Myślałem, że zdechłaś. Rue: Myślałam, że masz **Aspergera**, a jesteś fiutem.

[5] *Dictionary.com*. Режим доступа: https://www.dictionary.com/browse/affection#american-affection-2-noun (2025-03-04).

Перед тем как осуществить переводческий анализ реплики Ру, стоит затронуть медицинский вопрос. Названия, определения и классификация болезней содержатся в пересмотре МКБ (Международной классификации болезней). Первый сезон сериала вышел в 2019 году, тогда, когда действовал МКБ-10. В этом пересмотре присутствовали названия болезней таких, как: синдром Аспергера или аутизм.

На данный момент актуальным является одиннадцатый пересмотр МКБ, вступивший в силу в 2022 году. Важно отметить, что в нём отсутствуют синдром Аспергера и аутизм[6]. Теперь вместо этого используется общее наименование: расстройства аутистического спектра (РАС)[7].

В реплике Ру русская переводческая компания применяет стратегию обобщения, используя слово *аутист* («человек, страдающий аутизмом»[8]). Необходимо сказать, что для сохранения нейтральности высказывания принято говорить *человек с аутизмом*, неуместно использовать *аутист*[9]. Последнее слово приобрело отрицательную окраску, поэтому в этом контексте можно его воспринимать как оскорбление. И действительно, как можно увидеть, в сериале применяется градация слов – сначала появляется пренебрежительное слово (*аутист*), а затем – с грубым оттенком (*козёл*).

Однако с точки зрения предыдущего пересмотра МКБ-10 аутизм и синдром Аспергера отличались друг от друга. На сайте ДокторНейро можно прочитать, что: «от истинного аутизма этот синдром отличается сохранением речевых и когнитивных функций»[10], кроме того, данное заболевание называлось «аутистической психопатией» или «высокофункционирующим аутизмом»[11]. Важно также описать обстановку для понимания контекста: Ру приходит к малолетнему наркодилеру, чтобы взять наркотики. Героиня, услышав *I thought your ass was dead*, могла подумать, что у Пепельницы нет эмпатии, поэтому Ру обозвала его (*I thought you had Asperger's till I realized you're just a prick*). Всё сводится к тому, что русский перевод является актуальным, особенно для тех, кто обладает знаниями по психиатрии.

---

[6] *Skillbox Media*.
Режим доступа: https://skillbox.ru/media/growth/asperger-syndrome/?ysclid=m8d038iw79567021586 (2025-03-17).
[7] *TerapiaMindWell.pl*. Режим доступа: https://www.terapiamindwell.pl/zespol-aspergera-a-autyzm-czy-to-ta-sama-choroba/ (2025-03-17).
[8] *Kartaslov.ru*. Режим доступа: https://kartaslov.ru/значение-слова/аутист (2025-03-17).
[9] *Vogue.ua*. Режим доступа: https://vogue.ua/ru/article/beauty/byuti-gid/ne-autist-a-chelovek-s-autizmom-kak-pravilno-govorit-o-lyudyah-s-zabolevaniyami-i-invalidnostyu-46225.html (2025-03-17). Похожая ситуация со словом *инвалид*. Правильнее говорить *человек с инвалидностью*.
[10] *DoctorNeiro.ru*. Режим доступа: https://www.doctorneiro.ru/deti/rac/sindrom-aspergera (2025-03-17).
[11] *Studfile.net*. Режим доступа: https://studfile.net/preview/9762368/page:67/ (2025-03-17).

Польский перевод сохранил буквальность высказывания, оставляя название болезни: *Myślałam, że masz Aspergera*… И таким образом, с медицинской точки зрения не является актуальным.

Как видно, у специалистов есть разный подход к переводу. Перейдём к очередным примерам с другим переводческим преобразованием.

Следующая трансформация, которая подвергается анализу – это конкретизация.

Ниже представлен пример с употреблением данного преобразования в польском варианте перевода:

Rue: Which was sort of like a dead-on observation for Fezco, who's **not normally revolving in the same direction as planet Earth**.	Ру: Неожиданно точное наблюдение для Феско, который обычно **витает где-то в космосе**.	Rue: Trafne spostrzeżenie ze strony Fezco, który zwykle jest **w odlocie**.

В данном фрагменте, помимо употребления в обеих репликах опущения (*Which was sort of like*), наблюдаем также интересные решения переводчиков относительно использования разных стратегий. Кроме того, этот пример также можно отнести к конденсации, так как по объёму оба перевода короче оригинального текста.

Русский вариант (*витает где-то в космосе*) может вызывать у зрителей немало вопросов, поскольку в данном языке существует уже устойчивое выражение *витать в облаках*, обозначающее «предаваться несбыточным мечтам, не замечая окружающего»[12]. Переводчики решили поменять *облака* на *космос*, придавая высказыванию ещё более сильный оттенок отрыва от реальности. Словесная игра *витать в космосе* указывает на характер персонажа, с которым зритель познакомился раньше, узнав, что он является наркодилером Ру.

Решение польской переводчицы значительно сократило реплику. Использование слова *odlot* в переносном значении «состояние опьянения»[13] сразу придало высказыванию конкретность. В результате теряется ироническое выражение,

[12] *Gramota.ru*. Режим доступа: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/vitat-v-oblakakh?ysclid=m7w1olu8f7768857817 (2025-03-04).
[13] *Słownik Języka Polskiego PWN*. Режим доступа: https://sjp.pwn.pl/slowniki/odlot.html#google_vignette (2025-03-04).

изначально присутствовавшее в оригинальном диалоге (*not normally revolving in the same direction as planet Earth*). Это делает реплику более непосредственной.

Сравнивая эти переводы, можно заметить, что в русском варианте сохраняется словесная игра, основанная на уже существующем фразеологизме, в то время как в польской реплике присутствует конкретное слово.

Здесь представлен фрагмент диалога, в котором встречается конкретизация в русском варианте:

Kat: You just need to **catch a dick** and forget about your troubles.	Кэт: Просто надо **снять кого-то** и забыть о нём.	Kat: **Złap** sobie **fiuta** i wyluzuj.

В данных репликах замечаем, что *catch a dick* переводится буквально на польский язык, но на русский наоборот: применяется жаргонное выражение в значении «познакомиться с кем-л. или нанять кого-л. для полового акта»[14].

Кроме того, у переводчиков разный подход к переводу *forget about your troubles* («забудь о своих проблемах»). Такое решение обусловлено обстановкой в сериале: одна из девушек жалуется на бывшего, а остальные слушают её и дают советы. Поэтому фраза – *забыть о нём* – касается парня, которого девушки обсуждают. Таким способом, русский вариант перевода конкретизирован.

Решение польской переводчицы привело к конденсации. Употребление *wyluzować* сократило высказывание и передало смысл «odprężyć się, uspokoić się»[15]. Применение данной стратегии привело также к модуляции, поскольку речь идёт уже о результате действий: если девушка забудет про проблемы (парня), то она действительно расслабится.

В этом примере, кроме конкретизации, присутствовали и другие переводческие трансформации. Как ни странно, это интересное явление уже описывал в своей книге Леонид Бархударов, который утверждал, что в переводе трансформации зачастую пересекаются, и поэтому в предложении может быть их две, а даже больше (Бархударов 1975: 189–190). Таким образом, вышеуказанная реплика может быть приведена в качестве примера.

[14] *Большой толковый словарь русского языка*. Режим доступа: https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42 (2025-03-07).
[15] *Słownik Języka Polskiego PWN*. Режим доступа: https://sjp.pwn.pl/slowniki/wyluzowa%C4%87.html (2025-03-07).

В двух рассмотренных примерах конкретизация была по-разному применена – раз в польском переводе, а раз в русском. В обоих случаях это привело к интересным результатам.

С данными двумя преобразованиями надо быть осторожным, поскольку чрезмерное применение их может у зрителя вызывать странные ощущения во время просмотра аудиовизуального произведения. Например, при генерализации может возникнуть ощущение недопонимания или неточности передачи информации. Недопустимо обобщить ключевой элемент, это ведёт к неудачному переводу. В свою очередь, слишком частое использование конкретизации приводит к ощущению чрезмерной детальности, которую можно, например, пропустить, если изображается на экране.

Следующим вопросом, который не был затронут в примерах, но стоит обратить на него особое внимание – это совпадение слов по значению. Переводчикам не всегда легко найти слово, подходящее к контексту. Лексический слой играет важную роль, и в связи с этим также семантика. Поэтому в таких случаях также переводчики вынуждены применять разные преобразования, в основном, конкретизацию или генерализацию.

Как отмечает Р. Левицкий в книге *Zagadnienia lingwistyki przekładu* – ни конкретизация, ни генерализация не влияют на качество перевода, так как они являются лишь переводческими трансформациями (Lewicki 2017: 198–199). В частности, это по стороне переводчика лежит ответственность за удачный перевод. Это показывает, что данный вопрос заслуживает дальнейших исследований.

Summary

This chapter deals with the *Euphoria* series. After that, we discuss the main audiovisual translation techniques, and above all, we briefly present the difference between Russian and Polish voice-over. We pay special attention to semantic translation transformations, including generalisation and concretisation. Then we show how translators use strategies in Russian and Polish using examples from the TV series.

Литература

Бархударов, Л.С. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Международные отношения, 1975.

Матасов, Р.А. История кино/видео перевода. *Вестник МГУ*. 2008 (3/22), с. 3–27.

Lewicki, R. *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017.

Szarkowska, A. The Audiovisual Landscape in Poland at the Dawn of the 21st Century. In: Goldstein, A., Golubovic, B. (eds.) *Foreign Language Movies – Dubbing vs. Subtitling*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac 2009, s. 185–201.

Tomaszkiewicz, T. *Przekład audiowizualny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

Интернет-источники

Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа: https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42 (2025-03-07).

Beverage Daily. Режим доступа: https://www.beveragedaily.com/Article/2019/04/08/Constellation-Brands-2019-sees-a-monumental-shift-for-Corona/ (2025-03-04).

Dictionary.com. Режим доступа: https://www.dictionary.com/browse/affection#american-affection-2-noun (2025-03-04).

DoctorNeiro.ru. Режим доступа: https://www.doctorneiro.ru/deti/rac/sindrom-aspergera (2025-03-17).

Dzen.ru. Режим доступа: https://dzen.ru/a/X130yNcJJHMXqmOI (2025-03-04).

Gramota.ru. Режим доступа: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/vitat-v-oblakakh?ysclid=m7w1olu8f7768857817 (2025-03-04).

HBO.com. Режим доступа: https://www.hbo.com/euphoria (2025-03-17).

Kartaslov.ru. Режим доступа: https://kartaslov.ru/значение-слова/аутист (2025-03-17).

Kinopoisk.ru. Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/1178445/ (2025-03-17).

Skillbox Media. Режим доступа: https://skillbox.ru/media/growth/asperger-syndrome/?ysclid=m8d038iw79567021586 (2025-03-17).

Słownik Języka Polskiego PWN. Режим доступа: https://sjp.pwn.pl/slowniki/odlot.html#google_vignette (2025-03-04).

Słownik Języka Polskiego PWN. Режим доступа: https://sjp.pwn.pl/slowniki/wyluzowa%C4%87.html (2025-03-07).

Studfile.net. Режим доступа: https://studfile.net/preview/9762368/page:67/ (2025-03-17).

TerapiaMindWell.pl. Режим доступа: https://www.terapiamindwell.pl/zespol-aspergera-a-autyzm-czy-to-ta-sama-choroba/ (2025-03-17).

Vogue.ua. Режим доступа: https://vogue.ua/ru/article/beauty/byuti-gid/ne-autist-a-chelovek-s-autizmom-kak-pravilno-govorit-o-lyudyah-s-zabolevaniyami-i-invalidnostyu-46225.html (2025-03-17).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXVI.29

Krzysztof WELCEL

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ РЕАЛИЙ В ДЕТСКОЙ КНИГЕ (НА ОСНОВАНИИ «МАЛЫША НИКОЛАЯ»)

Strategies for Translating Culture-Specific Terms in Children's Literature (Based on "Le Petit Nicolas")

***Keywords**: children's literature, culture-specific terms, cultural references, domestication, foreignization, translation strategies, French, Russian, Polish*

***Contact**: Uniwersytet Śląski w Katowicach; welcel.krzysztof@gmail.com*

Каким образом переводчики детской литературы справляются с задачей передачи уникальных культурных особенностей и реалий, делая их понятными и интересными для детей, выросших в другой культурной среде? В этой главе попытаемся ответить на поставленный вопрос. Языковой материал взят из рассказов в книге *Le Petit Nicolas et ses voisins* и её переводов на русский и польский языки: *Малыш Николя и его соседи* и *Nowe przygody Mikołajka*. Эта книга авторства Рене Госинни и Жан-Жака Сампе была опубликована в 2004 году. На русский язык её перевёл Вадим Левин, а на польский Барбара Гжегожевска.

В самом начале возникает вопрос, что такое реалии? На протяжении лет учёные сформулировали много определений, но в этой главе сосредоточимся на трёх:

1. «Предметы и явления культуры оригинала, которые являются чуждыми или незнакомыми культуре перевода» (Lewicki 2017: 231);
2. «События общественной и культурной жизни страны-источника, общественные организации, учреждения, предметы быта, обычаи, традиции, географические объекты, а также произведения искусства и литературы» (Легурска 2015: 325);
3. «Элементы материальной культуры, включая особенности государственного устройства, исторические события, культурные особенности народа и проявления языковых контактов, отражённые в языке оригинала» (Папикян 2013: 89).

Как видно, это довольно широкое понятие, к которому можно отнести практически всё, что характерно для той или иной страны. Роман Левицки на основании работы Сергея Влахова и Сидора Флорина *Непереводимое в переводе* выделил следующие группы названий реалий в зависимости от типа рассматриваемого предмета (Lewicki 2017: 234):

1. Названия природных явлений;
2. Названия явлений традиционной культуры;
3. Названия явлений общественной и политической жизни.

«Понятие "перевод реалий" дважды условно: реалия, как правило, непереводима (в словарном порядке) и, опять-таки, как правило, она передаётся (в контексте) не путём перевода» (Папикян 2013: 89). Тем не менее, поскольку реалии являются неотъемлемой частью оригинального текста, их воспроизведение в переводе становится необходимым условием достижения адекватности перевода (Папикян 2013: 89). Передача названий реалий при переводе связана в первую очередь с двумя основными трудностями: во-первых, с отсутствием в языке перевода эквивалента или аналога вследствие отсутствия у носителей целевого языка соответствующего объекта (референта); во-вторых, с необходимостью не только передать предметное значение (семантику) реалии, но и сохранить её национальный и исторический колорит (коннотативную окраску) (Папикян 2013: 91).

Для полного понимания проблемы, затронутой в вопросе, заданном в начале главы, необходимо ещё перечислить хотя бы несколько особенностей детских книг:

1. Лексическое богатство: Детские книги, по сравнению с повседневной речью, лексически более плотные, лексически более разнообразные и содержат большую долю более редких типов слов. В них также больше существительных и прилагательных (Dawson, Hsiao, Banerji, Tan 2021: 9);
2. Поддержка развития: Детская литература должна способствовать развитию ребёнка и его пониманию мира (Jurlina 2016: 1);
3. Культурная и социальная осведомлённость: Детская литература основана на культурных, социальных и идеологических аспектах. Она помогает ребёнку научиться формировать своё поведение в соответствии с культурными ожиданиями (Jurlina 2016: 1);
4. Стилистическая уместность: Важен стиль языка, используемый в детских книгах. Он должен быть ярким и описательным (Mulei, Kebaya, Ndivo 2023: 17).

Рассмотрим теперь, как названия французских реалий были переведены на русский и польский языки.

Первый пример представляет собой фрагмент, в котором встречается отсылка к конкретному историческому стилю мебели.

Attention à mon **fauteuil Louis XVI** !	Осторожнее с моим **креслом в стиле Людовика Шестнадцатого**!	Uwaga na mój **fotel Ludwik XVI**!

Стиль *Louis XVI* характеризуется скромными украшениями, прямыми точёными ногами и овальными спинками[1]. В случае русского и польского языков переводчики сохраняют культурную отсылку к стилю *Louis XVI*, не заменяя её другим выражением. Русский перевод использует сочетание слов *кресло в стиле Людовика Шестнадцатого*, что представляет собой пояснение, благодаря которому молодому читателю легче понять, о чём речь идёт в тексте. Польский вариант, напротив, сохраняет форму близкую к оригиналу. Такое определение стиля мебели присутствует в Польше, но для молодых людей оно может быть неизвестно. Принятая переводчиком стратегия, то есть оставление этого названия без изменений, позволила сохранить культурный колорит Франции.

В следующем примере наблюдаются культурные различия, связанные с Рождеством и Новым годом.

Je ne l'avais jamais vu, le train électrique d'Alceste, c'est **le Père Noël** qui le lui a apporté, (…).	Я ещё не видел электрический поезд Альцеста, его принёс **Дед Мороз**, (…).	Nigdy jeszcze nie widziałem kolejki Alcesta. Dostał ją od **Świętego Mikołaja**, (…).

В русской версии книги переводчик решил заменить персонажа *le Père Noël* тем, кто гораздо лучше ассоциируется в России с этими праздниками, то есть *Дедом Морозом*. На такое решение переводчика, безусловно, влияют культурные различия между Францией и Россией. Кроме того, молодому читателю будет легче понять, о чём текст, чем если бы переводчик решил перевести данное название каким-то другим способом. В польском языке *Święty Mikołaj* является точным эквивалентом французского *le Père Noël*. Во Франции *le Père Noël* приносит подарки

[1] *Mebllegro.pl*. Режим доступа: https://mebllegro.pl/design/style/roznice-stylu-ludwika-xiv-xv-xvi-na-przykladzie-foteli#styl-ludwika-xvi-klasycyzm (2025-04-26).

детям 25 декабря, на Рождество Христова. В Польше *Święty Mikołaj* делает это 6 декабря в праздник под названием *Mikołajki* (*Święty Mikołaj* также приносит подарки 25 декабря, но только в некоторых районах Польши). В России, в свою очередь, Дед Мороз вручает детям подарки в новогоднюю ночь. Хотя дети во Франции, России и Польше получают подарки в разное время, это не влияет на приём перевода.

Следующий пример касается очень характерной для Франции игры в петанк. Игра включает в себя бросание металлических шаров из разграниченного круга в сторону небольшого деревянного или пластикового шара[2].

J'ai **des boules de pétanque**, elle m'a dit. Tu sais jouer à **la pétanque**?	У меня есть **шары для петанка**, – сказала она. – Ты играешь в **шары**?	Mam **kule** – oznajmiła. – Potrafisz grać w **kule**?

В тексте на русском языке можно заметить, что переводчик решил перевести *des boules de pétanque* буквально, то есть *шары для петанка*, но уже в вопросе не использовал то же название игры – оно было заменено более общим словом *шары*. Другая ситуация имеет место в переводе на польский язык. Б. Гжегожевска не использовала французское название игры *pétanque* или *petanka*, а выбрала одно из других её названий, которое функционирует в Польше.

В четвёртом примере можно отметить несколько интересных моментов.

J'ai attendu, et **Marie-Edwige** est revenue dans le jardin avec une grosse boîte en carton, pleine de choses dedans : il y avait des cartes, des jetons, **des dés**, une petite machine à coudre cassée, **un jeu de l'oie** (j'en ai trois à la maison), un bras de pouopée et des tas et des tas de choses.	Я подождал, и **Мари-Эдвиж** вернулась в сад с большой картонной коробкой, в которой было полно всего: карты, жетоны, **напёрстки**, маленькая швейная машинка, только сломанная, **игра «Змеи и лестницы»** (у меня дома таких три), рука от куклы и ещё куча вещей.	Poczekałem i **Jadwinia** wróciła do ogrodu z dużym tekturowym pudłem pełnym różnych rzeczy: były tam karty, żetony, **kości do gry**, popsuta mała maszyna do szycia, **chińczyk** (w domu mam trzy), ręka od lalki i jeszcze cała masa innych rzeczy.

[2] *Wikipedia.org*. Режим доступа: https://pl.wikipedia.org/wiki/Pétanque (2025-04-26).

Во-первых, это перевод имени одной из героинь, то есть *Marie-Edwige*. В переводе на русский язык имя было транскрибировано и сохранило своё первоначальное произношение. Переводчица на польский язык выбрала имя *Jadwinia*. Это уменьшительная форма от имени *Jadwiga*, которое эквивалентно французскому *Edwige*. Это позволяет читателю сразу понять, что героиня – ребёнок. Во-вторых, названия игр, которые перечислены, то есть *des dés* и их эквиваленты. Во французской и польской версиях встречаются названия одной и той же игры, но в переводе на русский язык переводчик решил использовать название другой игры. Наиболее интересным примером является *un jeu de l'oie* и то, как переводчики на русский и польский языки справились с передачей названия этой игры. Они решили заменить его другими, более известными в этих странах. Русский переводчик выбрал игру *Змеи и лестницы*, которую, наверное, хорошо знает каждый ребёнок в России. Так же поступила переводчица, которая переводила книгу на польский язык, потому что написала об игре *chińczyk*, которая является хорошо известной настольной игрой в Польше. Данные примеры показывают, что благодаря выбору других реалий, характерных целевой культуре, можно сохранить смысл текста. Однако при этом теряются некоторые отличительные черты исходной культуры.

В пятом примере, который будет проанализирован, наблюдается очень похожая ситуация с предыдущим примером. Оба фрагмента взяты из разных рассказов, которые находятся в анализируемой книге.

J'ai retrouvé comme ça des autos auxquelles il manquait des rous, des auxquelles il manquait des autos, un ballon de football crevé, **des tas des jetons d'un jeu de l'oie**, des cubes, des livres que j'avais déjà lus, avec des images que j'avais déjà coloriées.	Там оказались машины, у которых не хватало колёс, колёса, которым не хватало машин, лопнувший футбольный мяч, **карточки для настольной игры**, кубики, давно прочитанные книги с картинками, которые я раскрасил.	Znalazłem samochody, którym brakowało kół, koła, którym brakowało samochodów, przedziurawioną piłkę do gry w nogę, **mnóstwo pionków do gry w chińczyka**, klocki i przeczytane książki z pokolorowanymi obrazkami.

Выражение *des tas des jetons d'un jeu de l'oie* было переведено по-разному. Сначала стоит сосредоточиться на том, какую игру выбрали переводчики, потому что от этого зависит, что используется для игры в неё. Вадим Левин выбрал очень общий термин *настольная игра*, чтобы заменить название *un jeu de l'oie*. Благодаря

этому он обладает свободой в выборе «аксессуаров» для игры. В оригинале появляются *des jetons* (‘фишки’), но в этом случае он выбрал карты. Дополнительно стоит обратить внимание на отсутствие перевода слова *des tas* (‘куча’). Особо следует отметить тот факт, что в предыдущий раз, когда в оригинальном тексте появлялась игра *un jeu de l’oie*, он решил заменить эту игру другой игрой, то есть *Змеи и лестницы*. Возможно, это сознательное решение переводчика, а может быть, просто отсутствие последовательности в переводе. Последовательность действий можно зато увидеть у переводчицы на польский язык. Б. Гжегожевска решила использовать то же название игры, что и раньше, то есть *chińczyk*. Однако из-за того, что применялось конкретное название игры, выбор «аксессуаров» был значительно ограничен. Для этой игры можно выбрать только *pionki* (‘фишки’). В отличие от русского перевода, здесь было переведено слово *des tas*.

Седьмой анализируемый фрагмент касается кулинарной сферы.

(…), je ne peux pas rester très tard, il y a du **pot-au-feu** pour dîner ce soir, et c’est moi qui ai l’os à moelle.	(…) мне нельзя долго, сегодня у нас на ужин **тушёная говядина с овощами**, и мне должна достаться мозговая кость.	(…) Nie mogę wrócić za późno, wieczorem na kolację jest **sztukamięs** i mam obiecaną kość ze szpikiem.

В оригинале появляется блюдо *pot-au-feu*. Это густой суп из говядины и овощей, который можно подавать в качестве как первого, так и второго блюда, бульон и варившиеся в нём мясо и овощи подают раздельно[3]. В русском переводе встречается название *тушёная говядина с овощами*, хотя в русском языке существует название *потофё*. Вместо того чтобы напрямую переносить название блюда, переводчик употребил более общее описательное название, благодаря которому молодой читатель сразу понимает, о каком виде блюда читает. Похожая ситуация имеет место в польском переводе. Б. Гжегожевска использовала блюдо *sztukamięs*, для приготовления которого также нужны овощи и мясо, но это не совсем то же самое, что *pot-au-feu*. Можно сделать вывод, что переводчики выбрали названия блюд, которые гораздо более известны в целевых культурах, чем название, присутствующее в оригинальной версии книги.

[3] *Wikipedia.org*. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Потофё (2025-04-26).

Предпоследний пример также связан с кулинарией.

Papa, il dit que ça fait plus chic et maman lui répond qu'**un potage Saint-Germain, ça vous fait plus d'allure** qu'un œuf mayonnaise et ils discutent comme ça, pour rire.	Папа говорит, что так более стильно, а мама отвечает, что **супом «Сен-Жермен» скорее наешься**, чем яйцом под майонезом, и они ругаются для смеха.	Tata mówi, że tak jest bardziej elegancko, a mama mu odpowiada, że **zupa rakowa robi na pewno lepsze wrażenie** niż jajko z majonezem, i tak sobie dyskutują, dla zabawy.

Сразу видно, что переводчик книги на русский язык решил оставить характерное для Франции название *Сен-Жермен*. Это блюдо традиционно готовят из гороха, овощей, а иногда и из копчёного мяса, что придаёт ему глубокий и пикантный вкус[4]. Благодаря этому сохранился местный культурный колорит. В переводе на польский название супа было заменено на *zupa rakowa* (‘раковый суп’). У читателя данное название может ассоциироваться с Францией. Польский читатель, особенно молодой, понимает, что события не происходят в Польше. Сохранение названия *Saint-Germain* может негативно повлиять на восприятие того, о чём идёт речь в тексте. Дополнительного внимания в этом тексте заслуживает и фраза *ça vous fait plus d'allure* (‘это делает нас более элегантными’), которая в русском языке была заменена на *скорее наешься*. Переводчик полностью изменил смысл реплики. В польском варианте она не была переведена дословно, но её оригинальное значение сохранилось.

Последний пример кажется особо интересным.

Bon, m'a dit Alceste, mais dépêche-toi, parce qu'on va bientôt dîner, et **le cassoulet**, si c'est pas chaud, c'est pas tellement bon.	Давай, – сказал Альцест, – только быстрей, потому что скоро ужин, а **рагу**, если остынет, уже будет не таким вкусным.	Dobra – powiedział Alcest – ale się pospiesz, bo zaraz jemy kolację, a **fasolka z mięsem**, jak wystygnie, to już nie jest taka dobra.

На этот раз мы имеем дело с *le cassoulet*. Это своего рода тушёное мясо[5], и это название функционирует как в русском, так и в польском языках (соответственно

[4] *Recettespratiques.com*. Режим доступа: https://recettespratiques.com/potage-saint-germain-soupe-de-pois-casses/ (2025-04-26).
[5] *Wikipedia.org*. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кассуле (2025-04-26).

кассуле и *cassoulet*). В русской версии книги переводчик решился на *рагу*, а в польской на *fasolka z mięsem*. Возможно, это связано с тем, для кого предназначена книга. Молодой читатель может не знать названия *le cassoulet*, но уже *рагу* или *fasolka z mięsem* скорее да. Решение переводчиков заменить французское название кулинарной реалии могло быть мотивировано именно лёгкостью понимания текста получателем.

В заключение можно отметить, что переводчики детской литературы, рассмотренной в данной главе, проявили гибкость и творческий подход при передаче реалий оригинального текста. Анализ примеров показывает, что в детских книгах они часто выбирают адаптацию реалий – заменяют культурные элементы оригинала более знакомыми целевой аудитории, чтобы облегчить понимание текста детьми. Такая стратегия, известная как доместикация, позволяет сохранить общий смысл произведения, но ведёт к частичной утрате аутентичности исходной культуры.

Перевод реалий в детской литературе представляет собой сложный процесс, требующий учёта культурных различий между исходным и целевым языком. Переводчики стремятся к балансу между сохранением оригинального содержания и адаптацией текста для молодой аудитории. Их подходы соответствуют теоретическим положениям: при отсутствии прямых эквивалентов они либо адаптируют реалии, либо сохраняют их, дополняя необходимыми пояснениями.

Таким образом, успешный перевод детской литературы требует умения одновременно передавать культурную специфику и обеспечивать доступность восприятия для читателей, выросших в другой культурной среде.

Summary

The chapter explores how translators of children's literature handle the challenge of conveying cultural realia to young readers from different cultural backgrounds. The analysis focuses on selected excerpts from the book *Le Petit Nicolas et ses voisins* by Jean-Jacques Sempé and René Goscinny and its Russian and Polish translations. The study shows that translators often prefer adapting these cultural references rather than maintaining a literal translation, prioritizing clarity and accessibility for young readers. This strategy, known as domestication, involves replacing original cultural elements with those familiar to the target audience, thus facilitating comprehension while partially sacrificing the authenticity of the source culture.

Литература

Влахов, С., Флорин, С. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980.

Легурска, П. Реалии и перевод. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2015 (10), с. 323–344.

Папикян, А.А. Реалия как объект переводческой деятельности. *Язык и культура (Новосибирск)*. 2013 (6), с. 88–95.

Фененко, Н.А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия». *Языковое бытие человека и этноса*. 2018 (20), с. 279–285.

Dawson, N., Hsiao, Y., Banerji, N., Tan, A. W. M. Features of lexical richness in children's books: Comparisons with child-directed speech. *Language Development Research*. 2021 (1/1), p. 9–53.

Lewicki, R. *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017.

Mulei, H.N., Kebaya, C., Ndivo, L. Language and literacy: Features of style in the selected children's storybooks. *Studies in Aesthetics & Art Criticism*. 2023 (3/1), p. 16–27.

Источники языкового материала

Госинни, Р., Сампе, Ж.-Ж. *Малыш Николя и его соседи*. Москва: Махаон, 2017.

Goscinny, R., Sempé, J.-J. *Le Petit Nicolas et ses voisins*. Paris: Gallimard Jeunesse, 2008.

Goscinny, R., Sempé, J.-J. *Nowe przygody Mikołajka*. Kraków: Znak, 2009.

Интернет-источники

Jurlina, M. *Problems and Difficulties in Translating Children's Literature: Winnie the Pooh*. Режим доступа: https://repozitorij.unizd.hr/en/islandora/object/unizd%3A663/datastream/PDF/view (2025-04-26).

Mebllegro.pl. Режим доступа: https://mebllegro.pl/design/style/roznice-stylu-ludwika-xiv-xv-xvi-na-przykladzie-foteli#styl-ludwika-xvi-klasycyzm (2025-04-26).

Recettespratiques.com. Режим доступа: https://recettespratiques.com/potage-saint-germain-soupe-de-pois-casses/ (2025-04-26).

Wikipedia.org. Режим доступа: https://pl.wikipedia.org/ (2025-04-26).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0

JMENNÝ REJSTŘÍK (ZÁPIS LATINKOU)

Adam, V.: 7, 11

Adamovičová, A.: 166

Adolphs, S.: 33

Assmann, A.: 266, 267, 269

Atkinson, R.: 27, 33

Auerhan, J.: 155, 156, 159

Bagin, A.: 252, 257

Bajerowa, I.: 146, 147, 151

Balhar, J.: 90, 97

Banerji, N.: 296, 303

Bańkowski, A.: 61, 62

Bartoš, F.: 37, 38, 39, 42

Basaj, M.: 63

Bey, I.: 151

Bílik, R.: 251, 253, 257

Bischofová, J.: 162, 165

Bodnárová, M.: 151, 152

Bogoczová, I.: 144, 145, 146, 147, 148, 152

Bojanovská, T.: 7, 27

Bořilová, P.: 166

Bosák, Ľ.: 252, 255, 257

Brestovičová, A.: 151, 152

Brown, A.: 179

Brückner, A.: 62

Bućko, D.: 141

Bugajeva, I.: 150

Bühler, K.: 27, 28, 29, 33, 34

Buslajev, F.: 145

Buttler, D.: 142

Cetiner-Oktem, Z.: 201

Clancy, B.: 33

Crystal, D.: 145

Cvrček, V.: 30, 31, 32, 33, 162

Cygal-Krupa, Z.: 140

Čermák, F.: 11, 19, 79, 162

Černá, Z.: 144, 145, 146, 147, 148, 152

Dalgiewicz, M.: 148

Daneš, F.: 19

Danilenko, V.: 150

Dawidek, S.: 130, 141

Dawson, N.: 296, 303

De Bray, R.: 62

Derksen, R.: 59, 62

Diessel, H.: 28, 34

Dixon, A.: 140

Dokulil, M.: 14, 19

Doyle, A.: 273, 279, 282, 283

Draguła, A.: 148

Dziekoński, S.: 148

Dziemidok, **B.**: 100, 107

Fairchild, M.: 169, 170, 171, 175, 179

Filipec, J.: 11, 19

Findra, J.: 79, 86

Frinta, A.: 145

Furdík, J.: 128, 140

Gadomska, H.: 145, 152

Gadomski, A.: 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 152

Gębal, P.: 140

Glubokovskij, N.: 149

Gołębiewska, M.: 131, 140

Gomel, E.: 201

Gomola, A.: 148

Goscinny, R. : 302, 303

Grepl, M.: 28, 34

Grzegorczykowa, R.: 148

Gworys, M.: 130, 140

Hádková, M.: 166

Hergovich, **A.**: 101, 109

Hirc, D.: 42

Hirschová, M.: 28, 34

Hladká, Z.: 161, 166

Holá, L.: 163, 166

Holub, J.: 166

Hradilová, D.: 163, 166

Hrazdilová, K.: 7, 43

Hrdlička, M.: 162, 166

Hsiao, Y.: 296, 303

Hugo, J.: 62

Humboldt, W. von: 144

Chloupek, J.: 166

Ireinová, M.: 93, 97

Issatschenko, A.: 65, 73, 75

Ivanová, M.: 128, 141

Jasińska, A.: 140

Johnson, M.: 79, 86

Jurlina, M.: 296, 303

Kajstura, R.: 7, 55

Karlík, P.: 28, 34, 86, 166, 167

Karpluk, M.: 148

Katscher, D.: 7, 65

Kaufmann, M.: 180

Kebaya, C.: 296, 303

Klemensiewicz, Z.: 57, 59, 62

Klich, E.: 145

Kolberg, O.: 37, 39, 42

Konečná, H.: 93, 97

Kováčová, N.: 7, 77

Koziara, S.: 148

Krčmová, M.: 162, 166, 167

Krekovič, E.: 258

Krekovičová, E.: 258

Kubeček, F.: 7, 89

Kucharska-Dreiss, E.: 145

Kuchař, F.: 19

Kýška, P.: 255, 257

Łabuz, D.: 7, 99

Lakoff, G.: 79, 86

Leška, O.: 31, 32, 33

Lewicki, R.: 141, 286, 291, 292, 295, 296, 303

Lindsey, D.: 179

Línek, J.: 166

Lipińska, E.: 140

Mądrecka, A.: 140

Majcher-Legawiec, U.: 141

Małolepsza, M.: 130, 140

Mannová, E.: 258

Marešová, H.: 57, 59, 62

Maslová, V.: 150

Matyba, N.: 131, 140

Mečkovská, N.: 149

Mergeš, J.: 77, 87

Miklošič, F.: 145

Miodunka, T.: 140

Mistrík, J.: 150

Mizerová, S.: 7, 152

Mlacek, J.: 150

Mlčoch, M.: 79, 80, 86

Mulei, H.: 296, 303

Ndivo, L.: 296, 303

Nekovářová, A.: 166

Nekula, M.: 34, 79, 86, 166

Nowak, M.: 140, 148

Nowakowska, B.: 140

O'Keeffe, A.: 28, 29, 33

Oliva, K.: 62

Ološtiak, M.: 128, 129, 140, 141

Ondruš, Š.: 256, 257

Pankiewicz, R.: 146, 152

Pauliny, E.: 256, 257

Petríková, A.: 150, 152

Pleskalová, J.: 34, 79, 86

Plesník, L.: 7, 152

Plicka, K.: 37, 38, 39, 42

Pospíšil, I.: 44, 54

Prizel-Kania, A.: 130, 141

Prochvatilová, O.: 150

Przybylska, R.: 148

Przyczyna, W.: 148

Puzynina, J.: 148

Rábek, F.: 254, 256, 257

Rejzek, J.: 57, 59, 60, 62

Repko, J.: 254, 255, 256, 257

Robinson, A.: 145

Rončáková, T.: 150, 151, 152

Rospond, S.: 141

Římalová Saicová, L.: 29, 33

Sambor, J.: 148

Satkiewicz, H.: 141

Saussure, F. de: 144

Sempé, J.-J.: 302, 303

Schmoeger, **M.**: 101, 109

Schulenburg, W. von: 37, 42

Siatkowski, J.: 63

Sławski, F.: 63

Smółkowa, T.: 141

Snoj, M.: 59, 61, 63

Sowa, K.: 130, 141

Stawarz, P.: 141

Stawarz, P.: 7, 127

Stelmach, A.: 130, 141

Stempek, I.: 130, 141

Stenchláková, M.: 7, 143, 150, 152

Stiles, W.: 171, 179

Suchánek, A.: 7, 155

Svobodová, I.: 78, 87

Svolinský, K.: 37, 38, 39, 42

Szarkowska, A.: 286, 292

Szarlej, J.: 148

Szymkiewicz, A.: 130, 140, 141

Škoviera, A.: 253, 258

Šuta, R.: 7, 161

Tabakowska, E.: 141

Tan, A.: 303

Tekiel, D.: 141

Tomaszkiewicz, T.: 286, 292

Tomášek, M.: 13, 19

Turčan, V.: 252, 258

Umińska-Tytoń, E.: 148

Vančo, D.: 7, 251

Vlasáková, K.: 166

Vlašín, Š.: 79, 86

Vojteková, M.: 128, 134, 141

Volf, F.: 37, 38, 39, 42

Volkova, S.: 155, 159

Vozár, P.: 7, 169

Vragaš, Š.: 252, 258

Wagner, A.: 145

Warakomska, K.: 8, 285

Waszakowa, K.: 141

Welcel, K.: 8, 295

Willinger, U.: 101, 109

Winiarska-Górska, I.: 148

Wojtak, M.: 148

Wojtysiak, J.: 146

Wyszecki, G.: 171, 179

Zdunkiewicz-Jedynak, D.: 148

Zmuda, E.: 144, 145, 146, 152

Žaža, S.: 16, 17, 19

Żukowska, M.: 7, 259

JMENNÝ REJSTŘÍK (ZÁPIS CYRILICÍ)

Агеева, Р.: 22, 25

Азиева, С.: 27, 34

Акцорин, В.: 122, 124

Андросенко, А.: 7, 185

Анисимова, Д.: 7, 21

Антонов, А.: 176, 179

Апресян, Ю.: 49, 53

Арефьева, А.: 7, 195

Ассман, А.: 259, 260, 266, 267, 269

Афанасьев, А.: 117, 118, 124

Балута, А.: 247, 249

Бартминьский, Е.: 113, 114

Бархударов, Л.: 281, 283, 290, 291

Бахилина, Н.: 21, 25

Бахтин, М.: 195, 199, 200, 201

Бачило, А.: 176, 180

Беляев, А.: 177, 179

Блейхер, В.: 235, 240

Блехман, М.: 175, 180

Бондаренко, Л.: 201

Брауверс, Н.: 7, 203

Бретон, **А.**: 101, 107

Бугаева, И.: 149, 150, 152

Буйда, Ю.: 174, 181

Булгаков, М.: 173, 179, 249, 250

Бунин, И.: 177, 179

Буренина, О.: 185, 186, 190, 193

Бутрим, Ю.: 7, 213

Быков, Д.: 225, 227

Валенцова, М.: 124

Варбот, Ж.: 63

Василевич, А.: 177, 179

Васильева, Н.: 19

Ватунина, М.: 216

Вежбицкая, А.: 111, 114

Вильк, **Г.**: 102, 104, 107

Влахов, С.: 296, 303

Второв, П.: 40

Выслоух, В.: 181

Гавел, В.: 185, 188, 189, 190, 191, 192, 193

Гадомский, А.: 152

Галиева, М.: 144, 152

Галкин, **В.**: 104, 107

Гачев, Г.: 112, 115

Гончаров, И.: 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240

Горецкая, М.: 40

Городницкий, А.: 174, 181

Горький, М.: 247, 249

Госинни, Р.: 295, 303

Грабчевски, В.: 173, 181

Гринченко, Б.: 38, 41

Гудкова, Е.: 232, 233, 240

Гузикова, М.: 276, 283

Гумилёв, Н.: 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211

Гура, А.: 40

Гурбанова, С.: 7, 35

Гуськова, А.: 173, 179

Даль, **В.**: 102, 108

Данилов, Д.: 265, 268, 269

Девятков, В.: 218, 219, 227

Демина, Е.: 8, 273

Добренко, Е.: 260, 265, 266, 269

Добролюбов, Н.: 234, 240

Дойль, А.: 273, 274, 275, 279, 283

Докинз, **Р.**: 99, 107

Долгарева, А.: 216

Дроздов, Н.: 40

Дрыга, С.: 207, 211

Евгеньева, А.: 111, 112, 115, 173, 179

Елабужский, М.: 171, 181

Ермолов, А.: 37, 38, 39, 41

Ефремова, **Т.**: 101, 108

Живов, В.: 65, 75

Журавлёв, А.: 115

Зализняк, А.: 178, 179

Замятин, Е.: 43, 44, 49, 53

Звонов, Б.: 40

Зеленин, Д.: 39, 41

Иванов, А.: 178, 179

Иршенкова, В.: 177, 181

Калиненко, В.: 240

Камю, А.: 187, 191, 193

Караулов, И.: 216

Кашкин, Ю.: 176, 181

Кашлева, К.: 27, 29, 34

Кезина, С.: 22, 25

Клюев, Е.: 187, 189, 191, 192, 193

Ковалев, А.: 213, 228

Комиссаров, В.: 277, 283

Костомаров, В.: 49, 53

Кравченко, О.: 187, 189, 190, 191, 192, 193

Крук, И.: 235, 240

Кузнецова, С.: 179

Кузьмин, Д.: 225, 228

Кулаков, В.: 124

Ладисова, О.: 118, 124

Лапатин, В.: 187, 193

Легурска, П.: 295, 303

Лекманов, О.: 216, 228

Липовецкий, М.: 260, 261, 262, 269

Лобанов, С.: 217, 228

Ломоносов(ъ), М.: 67, 68, 75

Макеенко, И.: 179

Маковский, М.: 117, 124

Максимов, В.: 49, 50, 51, 53

Манн, Ю.: 261, 263, 269

Мартинович, В.: 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201

Матасов, Р.: 286, 291

Медведев, В.: 175, 180

Мединский, В.: 265, 269

Мень, А.: 113, 114, 115

Меньшой, А.: 243, 246, 249

Метелинский, Е.: 111, 115

Милосердова, Я.: 7, 111

Митченко, Б.: 214, 215, 228

Мищенко, С.: 179

Моренков, Э.: 40

Моторов, А.: 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269

Нелюбин, Л.: 282, 283

Нидерле, Л.: 119, 124

Николаевич, Ш.: 19

Никольский, С.: 244, 250

Никулина, Т.: 25

Новак, А.: 250

Норман, Б.: 28, 33

Носов, С.: 172, 181

Ожегов, С.: 100, 108, 173, 180, 233, 240

Орлова, Н.: 247, 249

Оуэн, У.: 226, 228

Палей, М.: 173, 181

Панов, Е.: 40

Панова, Г.: 47, 51, 53

Папикян, А.: 295, 296, 303

Пегов, С.: 216

Пелевин, А.: 216

Плотникова, А.: 112, 115

Плющ, М.: 30, 34

Полякова, Л.: 43, 53

Попов, М.: 234, 240

Прохоров, А.: 246, 250

Пуфендорфїи, С.: 68, 75

Раденкович, Л.: 23, 25

Рахматуллина, **Л.**: 102, 108

Ревякина, А.: 216

Ромиков, Н.: 7, 243

Рыбасов, А.: 240

Рябиков, В.: 173, 180

Рябинин, Б.: 23, 25

Сампе, Ж.-Ж.: 295, 303

Седакова, И.: 113, 115

Сельвинский, Э.: 220, 223, 228

Силаев, А.: 176, 180

Симонов, К.: 217, 220, 221, 222, 223, 228

Смирницкий, Я.: 228

Соломатина, Т.: 173, 180

Сотин, Б.: 173, 179

Старушко, О.: 220, 221, 222, 223, 228

Суханек, А.: 156, 159

Тавризян, Ю.: 176, 181

Твардовский, А.: 217, 228

Тертуллиан: 186, 193

Тихонов, А.: 40

Токарев, С.: 112, 115, 120, 121, 122, 124

Толстой, А.: 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250

Толстой, Н.: 23, 25, 115, 118, 123, 124

Торкунов, А.: 269

Трауб, М.: 177, 180

Тредиаковский, В.: 66, 75

Трубачёв, О.: 118

Ульянова, **Ю.**: 101, 108

Успенский, Б.: 65, 75, 119, 124

Ушаков, **Д.**: 108

Фасмер, М.: 21, 26

Федоренко, С.: 7, 231

Фёдоров, **А.**: 102, 108

Федченков, В.: 172, 181

Фененко, Н.: 303

Филин, Ф.: 112, 115

Филипчикова, Р.: 250

Фисковец, Е.: 205, 206, 211

Флорин, С.: 296, 303

Фокин, С.: 40

Фомина, В.: 22, 26

Фофанова, П.: 276, 283

Хабаров, С.: 178, 182

Хамайко, Н.: 119, 124

Хапланова, Е.: 219, 228

Харва (Хольмберг), У.: 122, 125

Хлебников, В.: 173, 180

Храбрый, В.: 40

Цюй, Ж.: 29, 30, 34

Черных, П.: 111, 115

Чубарьян, А.: 265, 268, 269

Шагинян, М.: 176, 180

Шаламов, В.: 174, 180

Шанский, Н.: 111, 115

Шарипов, Р.: 121, 125

Шведова, Н.: 49, 53, 233, 240

Шелестова, А.: 7, 117

Шестов, Л.: 186, 187, 192, 193

Шмелёв, Н.: 15, 19

Шовен, Р.: 40

Шукшин, В.: 175, 180

Шуртаков, С.: 176, 182

Эдельштейн, М.: 226, 229

Эпштейн, **О.**: 101, 108

Эслин, М.: 187, 193

Ярцева, В.: 47, 53

Яхина, Г.: 174, 182

Simona Mizerová, Lukáš Plesník (eds.)

SLAVICA IUVENUM XXVI

Kolektivní monografie

Vydavatel:	Ostravská univerzita, Dvořákova 7, 701 03 Ostrava
Technická redakce:	Mgr. Lukáš Plesník, Ph.D.
Jazyková redakce:	PhDr. Simona Mizerová, Ph.D.
	Mgr. Lukáš Plesník, Ph.D.
Návrh obálky:	MgA. Helena Franz, MgA. Daniela Šimáčková
Vydání:	první
Místo a rok vydání:	Ostrava 2025

ISBN 978-80-7599-497-4 (print)

ISBN 978-80-7599-498-1 (online; pdf)

Informace o nabídce titulů vydaných Ostravskou univerzitou jsou k dispozici na webu Univerzitního obchodu a knihkupectví: oushop.osu.cz.

Publikace, již šestadvacátá v řadě ediční série Slavica iuvenum, se zaměřuje na jazykovědnou, literárněvědnou a translatologickou problematiku v rámci komparativní slavistiky. Kolektivní monografie nabízí pohled nastupující generace badatelů na témata spojená se slovanskými jazyky, literaturami a překladatelskou praxí. Na vzniku svazku se podílelo 28 autorů, celkem obsahuje 29 kapitol (Úvodní slovo a 28 odborných studií). Obsah je rozdělen do tří tematických celků. První část (lingvistika) se věnuje vybraným jazykům slovanského prostoru z hlediska synchronie i diachronie. Druhá část (literární věda) rozebírá specifické aspekty národních literatur, jednotlivé autory a jejich tvorbu. Třetí část (translatologie) se v komparativní perspektivě soustředí na překlad literárních i odborných textů. Kniha je určena akademikům, studentům slavistických oborů i všem zájemcům o srovnávací studium slovanských filologií.

ISBN 978-80-7599-498-1